

**ВЕСТНИК РОССИЙСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ДРУЖБЫ НАРОДОВ**

**СЕРИЯ:
ЛИНГВИСТИКА**

2019 Том 23 № 2

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Приглашенный редактор **В.В. СДОБНИКОВ**

**Научный журнал
Издается с 1997 г.**

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) **Свидетельство о регистрации** ПИ № ФС 77-61212 от 30.03.2015 г.
Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

**RUSSIAN JOURNAL
OF LINGUISTICS**

2019 Volume 23 No. 2

TRANSLATION STUDIES TODAY AND TOMORROW

Guest Editor **Vadim V. Sdobnikov**

**Founded in 1997
by the Peoples' Friendship University of Russia**

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2

4 выпуска в год.

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ.

Включен в каталог периодических изданий Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ульрих (Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>).

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Российской научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Подписной индекс издания в каталоге агентства Роспечать: 36436.

Цели и тематика

Журнал Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика — периодическое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных лингвистических исследований. Журнал является международным как по составу редакционной коллегии и экспертного совета, так и по авторам и тематике публикаций.

Цели журнала:

- ◆ способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными лингвистами, а также специалистами смежных областей;
- ◆ знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области лингвистических исследований, разрабатываемых как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- ◆ публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных лингвистических проблем междисциплинарного характера, касающихся языка, культуры, сознания и коммуникации;
- ◆ освещать научную деятельность как российского, так и международного научного сообщества.

Будучи международным по своей направленности, журнал нацелен на обсуждение теоретических и практических вопросов, касающихся взаимодействия культуры, языка и коммуникации. Особый акцент делается на междисциплинарные исследования. Основные рубрики журнала: *язык и культура, сопоставительное языкознание, социолингвистика, психолингвистика, когнитивная лингвистика, прагматика, анализ дискурса, межкультурная коммуникация, теория и практика перевода*. Кроме научных статей публикуется хроника научной жизни, включающая рецензии, научные обзоры, информацию о конференциях, научных проектах.

Перечень отраслей науки и групп специальностей научных работников в соответствии с номенклатурой ВАК РФ: Отрасль науки: 10.00.00 — филологические науки; Специальности научных работников: 10.02.01 — русский язык, 10.02.04 — германские языки, 10.02.05 — романские языки, 10.02.19 — теория языка, 10.02.20 — сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание.

Журнал строго придерживается международных стандартов публикационной этики, сформулированных в документе *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

Электронный адрес: lingj@rudn.university.

4 issues per year

Languages: Russian, English.

Indexed/abstracted in Scopus, Web of Science Core Collection (ESCI), DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory: <http://www.ulrichsweb.com>, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, WorldCat.

Aims and Scope

The Russian Journal of Linguistics is a peer-reviewed international academic journal publishing research in Linguistics and related fields. It is international with regard to its editorial board, contributing authors and thematic foci of the publications.

The aims of the journal:

- ◆ to promote scholarly exchange and cooperation among Russian and international linguists and specialists in related areas of investigation;
- ◆ to disseminate theoretically grounded research and advance knowledge pertaining to the field of Linguistics developed both in Russia and abroad;
- ◆ to publish results of original research on a broad range of interdisciplinary issues relating to language, culture, cognition and communication;
- ◆ to cover scholarly activities of the Russian and international academia.

As a Russian journal with international character, it aims at discussing relevant intercultural/linguistic themes and exploring general implications of intercultural issues in human interaction in an interdisciplinary perspective. The most common topics include *language and culture, comparative linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics, cognitive linguistics, pragmatics, discourse analysis, intercultural communication, and theory and practice of translation*. In addition to research articles, the journal welcomes book reviews, literature overviews, conference reports and research project announcements.

The Journal is published in accordance with the policies of *COPE (Committee on Publication Ethics)* <http://publicationethics.org>.

The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors.

Further information regarding notes for contributors, subscription, open access and back volumes is available at <http://journals.rudn.ru/linguistics>.

E-mail: lingj@rudn.university.

Подписано в печать 06.05.2019. Выход в свет 20.05.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 35,81. Тираж 500 экз. Заказ № 634. Цена свободная.

Отпечатано в типографии ИПК РУДН: 115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, 3

Printed at the RUDN Publishing House: 3, Ordzhonikidze str., 115419 Moscow, Russia,

+7 (495) 952-04-41; E-mail: ipk@rudn.university

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Т.В. Ларина, РУДН, Россия. E-mail: larina_tv@rudn.university

ПОЧЕТНЫЙ РЕДАКТОР

Иштван Кечкеш, Университет Штата Нью-Йорк, Олбани, США. E-mail: ikecskes@albany.edu

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А.С. Борисова, РУДН, Россия. E-mail: borisova_as@rudn.university

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Альба-Хуэс Лаура, Национальный университет дистанционного образования UNED (Мадрид, Испания)

Бибби Стивен А., Университет штата Техас (Сан Маркос, США)

Богданова Людмила Ивановна, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Гусман Тирадо Рафаэль, Гранадаский университет (Гранада, Испания)

Деваеле Жан-Марк, Лондонский университет (Лондон, Великобритания)

Дементьев Вадим Викторович, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов, Россия)

Еленевская Мария, Технион — Израильский политехнический институт (Хайфа, Израиль)

Еслами Зохранэ, Техасский университет А&М в Катаре (Доха, Катар / Техас, США)

Жельвис Владимир Ильич, Ярославский государственный педагогический университет (Ярославль, Россия)

Зализняк Анна Андреевна, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Иванова Светлана Викторовна, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург, Россия)

Кадар Дэниел, Исследовательский центр института лингвистики Венгерской академии наук (Будапешт, Венгрия)

Ирисханова Ольга Камалудиновна, Московский государственный лингвистический университет, Институт языкознания РАН (Москва, Россия)

Карасик Владимир Ильич, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина (Москва, Россия)

Карбо Донал, Массачусетский университет (Амхерст, США)

Лассан Элеонора, Вильнюсский университет (Вильнюс, Литва)

Леонтович Ольга Аркадьевна, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия)

Миллс Сара, Университет Шеффилд Холлэм (Шеффилд, Великобритания)

Музолф Андреас, Университет Восточной Англии (Норвич, Великобритания)

Ойши Етсуко, Токийский исследовательский университет (Токио, Япония)

Павленко Анета, Университет Осло (Осло, Норвегия)

Понтон Дуглас Марк, Университет Катании (Катания, Италия)

Путиц Мартин, Университет Кобленц-Ландау (Ландау, Германия)

Сифьяну Мария, Афинский национальный университет им. Каподистрии (Афины, Греция)

Сунь Юйхуа, Даляньский университет иностранных языков (Далянь, КНР)

Сурьянараян Нилакши, доктор, профессор, Делийский университет (Дели, Индия)

Шнайдер Клаус, Боннский университет (Бонн, Германия)

Эбзеева Юлия Николаевна, РУДН (Москва, Россия)

Литературный редактор *К.В. Зенкин*
Компьютерная верстка *Е.П. Довголевская*
Адрес редакции:

115419, Москва, Россия, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Почтовый адрес редакции:

117198, Москва, Россия, ул. Миклухо-Маклая, д. 10/2
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: lingj@rudn.university

EDITOR-IN-CHIEF

Tatiana Larina, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: larina_tv@rudn.university

HONORARY EDITOR

Istvan Kecskes, State University of New York at Albany, USA. E-mail: ikecskes@albany.edu

EXECUTIVE SECRETARY

Anna Borisova, RUDN University, Moscow, Russia. E-mail: borisova_as@rudn.university

EDITORIAL BOARD

Laura Alba-Juez, National Distance Education University (Madrid, Spain)

Steven A. Beebe, Texas State University (San Marcos, USA)

Liudmila Bogdanova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Donal Carbaugh, University of Massachusetts (Amherst, USA)

Vadim Dementyev, Saratov State University (Saratov, Russia)

Jean-Marc Dewaele, Birkbeck, University of London (London, UK)

Julia Ebzeeva, RUDN University (Moscow, Russia)

Zohreh Eslami, Texas A&M University at Qatar (Doha, Qatar / Texas, USA)

Rafael Guzman Tirado, University of Granada (Granada, Spain)

Olga Iriskhanova, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)

Daniel Kadar, Research Institute for Linguistics, Hungarian Academy of Sciences (Budapest, Hungary)

Svetlana Ivanova, Pushkin Leningrad State University (St. Petersburg, Russia)

Vladimir Karasik, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia)

Eleonora Lissan, Vilnius University (Vilnius, Lithuania)

Olga Leontovich, Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Sara Mills, Sheffield Hallam University (Sheffield, UK)

Andreas Musolff, University of East Anglia (Norwich, UK)

Etsuko Oishi, Tokyo University of Science (Tokyo, Japan)

Aneta Pavlenko, University of Oslo (Oslo, Norway)

Douglas Mark Ponton, University of Catania (Catania, Italy)

Martin Pütz, University of Koblenz-Landau (Landau, Germany)

Klaus Schneider, University of Bonn (Bonn, Germany)

Maria Sifianou, National and Kapodistrian University of Athens (Athens, Greece)

Sun Yuhua, Dalian University of Foreign Languages (Dalian, China)

Neelakshi Suryanarayan, Delhi University (New Delhi, India)

Maria Yelenevskaya, Technion — Israel Institute of Technology (Haifa, Israel)

Anna Zalizniak, the Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Review Editor *Konstantin V. Zenkin*
Computer Design *Ekaterina P. Dovgolevskaya*

Editorial office:

10/2 Miklukho-Maklaya str., 117198 Moscow, Russia

Tel.: +7 (495) 434-20-12;

e-mail: lingj@rudn.university

TRANSLATION STUDIES TODAY AND TOMORROW

CONTENTS

Vadim Sdobnikov (Nizhny Novgorod, Russia) Translation Studies Today: Old Problems and New Challenges	295
Christiane Nord (Bloemfontein, South Africa) Paving the way to the text: Forms and Functions of Book Titles in Translation	328
Yves Gambier (Turku, Finland / Kaliningrad, Russia) Impact of Technology on Translation and Translation Studies	344
Marta Kaźmierczak (Warsaw, Poland) Intertextuality as Translation Problem: Explicitness, Recognisability and the Case of “Literatures of Smaller Nations” ...	362
Natalia Yarkina (Aberdeen, United Kingdom), Liudmila Yarkina, Ivan Pougachev (Moscow, Russia) Translating Ideology: Intergroup Mediation Perspective	383
Olga Leontovich (Volgograd, Russia / Tianjin, China) “A Sensible Image of the Infinite”: Intersemiotic Translation of Russian Classics for Foreign Audiences	399
Natalia Shchurik, Vera Gorshkova (Irkutsk, Russia) Magic Folk Tales in Intersemiotic Translation	415
Vladislav Anisimov, Anna Borissova, Grigoriy Konson (Moscow, Russia) Linguocultural Localization of Movie Titles	435
Natalia Nesterova, Evgenia Naugolnykh (Perm, Russia) The Deformation of Language in James Joyce’s Literary Works: Interpretation and Translation Challenges	460
Rafael Guzmán Tirado (Granada, Spain) Translation of Words with a Cultural Component (Based on the Spanish Translation of the Novel by Eugene Vodolazkin “The Aviator”)	473
Georgy Khukhuni, Irina Valuitseva, Anna Osipova (Moscow, Russia) Cultural Words in Sacral Text and their Translation: Linguistic and Extra-Linguistic Factors	487
Ibrahim Najjar, Soh Bee Kwee, Thabet Abu al-haj (Kuala Lumpur, Malaysia) Mode in Arabic-English Translation: With Reference to the Quran ...	509

Konstantin Sharov (Moscow, Russia) Gender-Neutral Linguistic Transformations of Messianic Scriptures in the Modern Anglican Homiletic Literature 523

Irina Ovchinnikova (Haifa, Israel / Moscow, Russia) Working on Computer-Assisted Translation Platforms: New Advantages and New Mistakes 544

BOOK REVIEWS

Marina Novikova (Moscow, Russia) New Trends in Modern Translation Studies. Review of Mishkurov E.N., 2018. *“Hermeneutics of Translation” (Theoretical and Methodological Standard)*. Moscow, 299 p. 562

Olga Petrova (Nizhny Novgorod, Russia) Review of Shlepnyev D.N., 2019. *General Theory of Translation: Beginnings. Job Introduction. Part II*. Nizhny Novgorod: NGLU, 354 p. 569

INTERVIEWS WITH TRANSLATORS AND INTERPRETERS

Henry Liu 575

Victor Lanchikov 581

Boris Naimushin 584

Irina Zubanova 591

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

СОДЕРЖАНИЕ

Сдобников В.В. (Нижний Новгород, Россия) Переводоведение сегодня: вечные проблемы и новые вызовы	295
Christiane Nord (Блумфонтейн, Южная Африка) Paving the way to the text: Forms and Functions of Book Titles in Translation (Путь к тексту: лингвистические и функциональные особенности заглавий книг и способы их перевода)	328
Yves Gambier (Турку, Финляндия / Калининград, Россия) Impact of Technology on Translation and Translation Studies (Влияние инновационных технологий на перевод и переводоведение)	344
Marta Kaźmierczak (Варшава, Польша) Intertextuality as Translation Problem: Explicitness, Recognisability and the Case of “Literatures of Smaller Nations” (Интертекстуальность как переводческая проблема: эксплицитность и узнаваемость при переводе из «литератур меньших народов»)	362
Natalia Yarkina (Абердин, Великобритания), Liudmila Yarkina, Ivan Rougachev (Москва, Россия) Translating Ideology: Intergroup Mediation Perspective (Перевод идеологии в ракурсе межгруппового посредничества) ...	383
Olga Leontovich (Волгоград, Россия / Тяньцзинь, Китай) “A Sensible Image of the Infinite”: Intersemiotic Translation of Russian Classics for Foreign Audiences («Чувственный образ бесконечности»: интерсемиотический перевод русской классики для зарубежной аудитории)	399
Щурик Н.В., Горшкова В.Е. (Иркутск, Россия) Волшебные сказки в свете интерсемиотического перевода	415
Анисимов В.Е., Борисова А.С., Консон Г.Р. (Москва, Россия) Лингвокультурная локализация кинозаголовков	435
Нестерова Н.М., Наугольных Е.А. (Пермь, Россия) Деформация языка в произведениях Дж. Джойса: проблема интерпретации и перевода	460
Рафаэль Гусман Тирадо (Гранада, Испания) Особенности перевода художественного текста с русского языка на испанский (на материале перевода романа Евгения Водолазкина «Авиатор»)	473
Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А. (Москва, Россия) Интерпретация реалий при переводе сакрального текста: языковой и экстралингвистический аспекты	487
Ibrahim I.I. Najjar, Soh Bee Kwee, Thabet Abu al-haj (Куала-Лумпур, Малазия) Mode in Arabic-English Translation: With Reference to the Quran (Модальность высказывания в переводе Корана на английский язык)	509
	293

Шаров К.С. (Москва, Россия) Гендерно-нейтральные лингвистические трансформации мессианских священных текстов в современной англиканской гомилетической литературе 523

Овчинникова И.Г. (Хайфа, Израиль / Москва, Россия) Использование компьютерных переводческих инструментов: новые возможности, новые ошибки 544

РЕЦЕНЗИИ

Новикова М.Г. (Москва, Россия) Новые тенденции в современном переводе. Рецензия на монографию: Мишкурин Э.Н. *«Герменевтика перевода» (теоретико-методологический стандарт)*. Москва: Военный институт, 2018. 299 с. 562

Петрова О.В. (Нижний Новгород, Россия) Рецензия на учебное пособие: Шлепнев Д.Н. *Общая теория перевода: начала. Введение в ремесло: Учебное пособие*. 2-е изд., перераб. и доп. Н. Новгород: НГЛУ, 2019. 354 с. 569

ИНТЕРВЬЮ С ПЕРЕВОДЧИКАМИ

Генри Лью 575

В.К. Ланчиков 581

Б.А. Наймушин 584

И.В. Зубанова 591

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-295-327

Translation Studies Today: Old Problems and New Challenges

Vadim V. Sdobnikov

Linguistic University of Nizhny Novgorod
31-a, Minina Str., Nizhny Novgorod, 603155, Russia

Abstract

The article presents a review of the key trends in modern Translation Studies (TS) made after thorough analysis of the most fundamental works written in various fields of TS. The review proves that not only the range of problems within TS is now more diversified, which is related to many changes in the nature of translation activity, but Translation Studies are an interdisciplinary science now and uses data from neighboring disciplines. Specific “turns” have occurred in Translation Studies, and new paradigms of translation investigation have emerged. The most important phenomena in Translation Studies include “cultural turn” and the so called “anthropocentric turn” that has given birth to communicative-functional approach to translation. This approach implies “plunging” into the communicative situation of translation, and its analysis aimed at realizing the goal of translation by the translator/interpreter. It allows a more precise formulation of tasks solved by translators in both traditional types of translation (literary translation, religious translation, interpreting) and relatively new kinds of translation activity (audiovisual translation, localization). The article proves that translation proper is the main element of any activity performed by translators while any translation activity implies cultural adaptation of the text to the perception of the source text audience. The principal feature of Translation Studies is being practice-oriented, and their focus on the study of objective laws of translation activity. It enables translation scholars to understand peculiarities of various types of translation and to realize the essence of translation as a human activity.

Keywords: *Translation Studies, cultural turn, communicative-functional approach, audiovisual translation, localization*

For citation:

Sdobnikov, Vadim (2019). Translation Studies Today: Old Problems and New Challenges. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 295—327. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-295-327.

Переводоведение сегодня: вечные проблемы и новые вызовы

В.В. Сдобников

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 31-А, Нижний Новгород, 603155, Россия

Аннотация

В данной статье представлен обзор основных тенденций в современном переводоведении, предпринятый на основе изучения наиболее значимых работ, созданных в разных областях науки о переводе. Обзор свидетельствует о том, что не только проблематика переводоведения стала более разнообраз-

ной, что связано с определенными изменениями в характере самой переводческой деятельности, но и само переводоведение приобрело междисциплинарный характер, вовлекло данные смежных дисциплин. В рамках переводоведения произошли определенные «повороты» и возникли новые парадигмы исследования перевода. К числу наиболее важных явлений в области переводоведения относятся «культурный поворот», а также «поворот», который можно назвать антропоцентрическим, послуживший основанием для развития коммуникативно-функционального подхода к осуществлению и изучению перевода. Он предполагает «погружение» переводчика в коммуникативную ситуацию, в которой осуществляется перевод, ее анализ с целью уяснения цели перевода. Данный подход позволяет более точно сформулировать задачи, решаемые переводчиками в рамках осуществления как традиционных видов перевода (художественный перевод, религиозный перевод, устный перевод), так и относительно новых видов переводческой деятельности (аудиовизуальный перевод, локализация). В статье обосновывается утверждение, что собственно перевод является главным элементом любой деятельности, осуществляемой переводчиком, и всякая переводческая деятельность предполагает культурную адаптацию текста к восприятию получателей перевода. Основная особенность переводоведения сегодня — его ориентированность на практику, на изучение закономерностей переводческой деятельности, что дает возможность постижения как особенностей различных видов перевода, так и сути перевода как вида человеческой деятельности.

Ключевые слова: *переводоведение, культурный поворот, коммуникативно-функциональный подход, аудиовизуальный перевод, локализация*

Для цитирования:

Сдобников В.В. Переводоведение сегодня: вечные проблемы и новые вызовы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 2. С. 295—327. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-295-327.

1. INTRODUCTION

It is well known that translation studies acquired the status of a science in the second half of the 20th century. It was quite a natural phenomenon preconditioned, first and foremost, by the need to interpret the objectivity and peculiarities of translation activity that had changed dramatically and expanded its boundaries. It seems to be quite natural that the new science was created not from scratch but used a number of concepts that had appeared in previous epochs. Ideas that had emerged in translators' minds in various countries and in various times paved the way to formulation and formalization of isolated views on translation in the form of an entity that eventually became a science. It is obvious that in previous periods the translators' thinking was concerned with only two types of translation activity that had been dominant over centuries, specifically, religious translation, i.e. translation of sacred texts, and literary translation. It is not accidental that it was the literary approach to translation that became the first and the most dominant one in translation studies, if the term “translation studies” is applicable to translation investigations in the pre-scientific period, so to speak. It was only in 1930s when researchers paid their attention to problems of specialized, non-literary translation, which was preconditioned by the extended international cooperation in the scientific and technical, military and diplomatic fields as well as by the need to train translators for the fields (Sdobnikov, Petrova 2006: 54—55). Linguists' interest in the comparative synchronic study of languages contributed much to the emergence of the linguistic approach to translation. Edwin Gentzler argues that “...a more systematic approach to translation was needed, and the discipline with the theoretical and language tools necessary to address the problem was first provided by linguistics” (Gentzler 1990: 67).

Translation scholars of the time were mostly interested in types of the correlation between the languages that clashed in the process of translation and that influenced the translation process and its results. It was a kind of a “turn” from literary studies to linguistics resulting in a confrontation of and even hostilities between the two approaches, at least in Russia. The fight ended with the general recognition of the fact that even in literary translation linguistic factors play significant role at the both stages of the translation process, i.e. in the source text interpretation and the target text production (Larin 1962: 3). Thus, a reconciliation took place. But it was just the initial period of the development of the science of translating. Further I shall consider the main events in the history of translation studies and in the history of translation activity to which TS is linked and which let the science acquire its present form and status.

2. TURNS IN TRANSLATION STUDIES

2.1. Cultural Turn

Further development of Translation Studies was marked by some important shifts, as Western scholars termed them (Snell-Hornby 2006). I shall mention only the most significant events that have predetermined the present state of Translation Studies, referring to more extensive literature on the matter (Gentzler 1990; Prunč 2007; Прунч 2015) for those who need more detailed information about the TS development

Proceeding from the premise that any turn implies a change of direction, of a motion vector, I, first, shall note the approach that served as the start point of the further development of the science of translating. Based on the logic of how things unfold, it is quite natural to presume that it was the linguistic approach that appeared at the early state of the TS formation. Briefly speaking, the main task set according to this approach was seen as finding conditions of establishing equivalence of the two texts as well as factors that contribute to or prevent it. It is not accidental that what is called linguistic approach in Russian Translation Studies is termed equivalence-oriented approach or equivalence paradigm (Gambier 2016a) in the West. With time, the limitations of this approach got to be realized. Ives Gambier argues that this approach “does not allow one to consider, describe, and explain the translation decisions and the translated output. The distinction between what is manifest (literal, direct, surface level) and what is latent (implicit, connotative, underlying) misreads the process of translation and relegates the translator’s act of interpreting the content to a task of relative obscurity” (Gambier 2016b: 889).

TS could not stay in the grip of the linguistic approach for a long time, especially when the nature of translation activity itself was forcing scholars to consider the issues related to the impact of cultural factors on translation. Translation Studies dramatically changed when it was realized that in translation not only languages clash but cultures do as well. Alexander Shveizer claimed that in translation the clash of cultures happens both at the communicative level and at the level of the text (Shveizer 1988: 52). Talking about cultures scholars, at the same time, meant representatives of different cultures, i.e. people for whom translation is a means to ensure communication. Thus, the term “cross-cultural communication” became wide-spread. And in theoretical studies of

translation a place that had used to be vacant got opened up — a place for humans. It was both a cultural and anthropocentric turn in translation.

Extensive literature was devoted to the influence of culture on translation and the influence of translation on culture since 1980s (Bassnett, Lefevere 1998; Bassnett 2005; Cranmer 2015; Gentzler 2001; Hatim, Mason 2005; Katan 2009; Koskinen 2015; Nida 1973; 1993; 1996; Toury 1984). It is obvious that the notion of cultural turn is a very complex and multidimensional one, and in this respect is similar to the notion of culture itself. It could not but influenced the character of the science of translating which started to investigate various aspects of cultural manifestations and differences between cultures apparent in various types of translation. The fact is confirmed by the topics of the articles of the present issue of the journal discussing mechanisms of cross-cultural communication that must be taken into account by translators and studied by translation scholars.

2.2. Functionalist Approach to Translation: a Way to Future

I believe that functionalist approach to translation (I call it communicative-functional approach) traces its origin to the works by Eugene Nida (Nida 1964; Nida, Taber 1969), authors of scopos theory Katharina Reiss and Hans Vermeer (Reiß, Vermeer 1984; 2013) and scholars of Leipzig school of translation (Jäger 1975; Kade 1981; Neubert 1973). However, if we take into account that the communicative-functional approach is based on the assumption that the translator's task is to perceive the global meaning of the ST and to reproduce it in the target text, we can say that the list of precursors of this approach includes Cicero, St. Jerome and even Peter the Great (see, e.g., Fedorov 1983: 41). Among Russian translation scholars we should mention Zinaida Lvovskaya (Lvovskaya 2008) who paid special attention to rendering meaning for a definite audience (Sdobnikov 2017).

Nowadays the communicative-functional approach dictates that any translation event must be viewed in the context of a certain communicative situation with due account of the translation goal, needs and expectations of real or probable TT recipients (consumers), and the way the TT will be used by the text consumers in their substantive activity. In some cases it is important to take into account the communicative intention of the ST sender and the communicative effect produced by the ST on its recipients. I say "in some cases" because the equality of communicative effects produced by the ST and the TT is not always necessary and often is utterly impossible. For example, a translation of a speech initially addressed to the ST audience can hardly have the same effect on another audience. This statement contradicts the traditional views according to which translation is a process with the objective to reproduce the communicative effect of the source text (Shveizer 1988: 75).

Since the analysis of the communicative situation in which translation is made is an indispensable condition of realizing translation brief by the translator (Nord 2005: 9—10), it is required to classify such communicative situations. The classification I have developed includes two types of communicative situations: those in which translation is planned initially, i.e. at the time the ST is created, and those in which translation is not initially planned. Each of these types is further subdivided on the basis of different

criteria: in the first case it is the form of interaction of interlocutors (a presentation, a round table, an interview, a guided tour, etc.), in the second case it is the personality of the translation commissioner (Sdobnikov 2011; Sdobnikov 2015). I state that the parameters of a communicative situation determine the translation goal and are instrumental in choosing the translation strategy that conforms to the situation; translation strategy is defined as a general program of performing translation activity with due account of the parameters of the communicative situation (Sdobnikov 2011: 1450).

Thus, the communicative-functional approach implies plunging — both in theory and practice — into a certain communicative situation, realizing the parameters of this situation and the tasks that must be solved by the translator. This approach is of special importance for professional training of translators and interpreters because it allows to get rid of the false vision of translation as a transformation of one text into another, as a philological game, and to implant the idea in would-be translators' minds that translation is an activity aimed at satisfying the needs of people by producing a text in the target language on the basis of the source text. This conviction will be typical of future generations of translators if the communicative-functional approach becomes their ruling ideology.

2.3. Eternal Problems of Translation Studies

Translation Studies continue to pay special attention to problems discussion of which began many centuries ago. The list of these problems includes issues of literary translation and religious translation covered, by the way, in some articles published in this issue. It might seem that everything that can be said about these problems has already been said, and there is nothing to add. But it is not the case. The thing is that the development of Translation Studies must be viewed as spiral movement: at each new cycle translation scholars embrace new aspects of eternal problems, their approaches to solving translation problems change, they approach the problems with a fresh perspective. Undoubtedly, it is the communicative-functional approach that is the basic and most promising approach to translation, which seems to be a very innovative fact, especially in relation to translating sacred texts. In particular, this approach is congruent to the task of ensuring a specific communicative effect on the recipients of a translated version of the Bible and taking into account the mission that must be performed by translations of the Holy Scripture in the target culture in a certain epoch (see, for example, the article by G. Khukhuni, I. Valuitseva and A. Osipova). I am happy with the fact that the communicative-functional approach is used as the theoretical framework that allows to make investigation of eternal (and new) problems of Translation Studies closer to the reality of the translation activity performed in the interests of specific ST recipients in specific situations.

2.4. Translation Studies Today: New Trends

The brief overview of Translation Studies today will be completed with consideration of new fields, trends and topics that became topical over the last two or three decades. Certainly, it is hard to list all specific issues that are of great interest to translation scholars within the limited space of this review. The most important thing is that

Translation Studies have already proved that it is practice-oriented; all innovations in Translation Theory are predetermined by changes in the translation activity's character. A sketchily overview of the most significant changes and their role in diversifying Translation Studies agenda is given below.

2.4.1. Development of Interpretation Theory

It seems that the development of Interpretation Theory is not a recent achievement. But we should take into consideration that the initial stage of the development of science of translating only left us with some landmark books that laid the foundations of Interpretation Theory and mapped out the ways of investigating interpretation as an activity (Minyar-Beloruhev 1969; 1980; Chernov 1987; Shiryaev 1979). The research used the purely linguistic (or text-oriented) approach that was dominant that time. Now translation scholars focus not only on describing the mechanisms of consecutive and simultaneous interpreting but on investigating psycholinguistic and neurophysiological processes that underpin the mechanisms (Moser-Mercer 1978; Moser-Mercer et al. 1998). The most innovative, even striking trend in simultaneous interpreting is the so called "solo" simultaneous made individually, i.e. without a partner. Some empirical research is carried out in field, though no fundamental works on the issue have been written so far.

2.4.2. Investigation of Audiovisual Translation

The wider use of audiovisual translation (AVT), i.e. translation of movies, cartoons, video presentations, computer games, applications to smartphones, etc., could not but attracted attention of translation scholars (Gorshkova 2006; 2017; Matasov 2009; Malyonova 2017; Chaume 2016; Díaz Cintas 2009; Gambier 2008). Many of them treat AVT as an independent activity distinct from interpreting and translation (Kozulyaev 2013). This field embraces two spheres of research. First, it is investigation of specific peculiarities of AVT as a translation activity and its technologies, such as overvoice, dubbing, subtitling (Gottlieb 2009; Pettit 2009). Second, it is investigation of particular problems faced by translators in the AVT process, mostly, in film translation (translation of movie titles, puns, metaphors, etc.). It is encouraging that scholars decline the text-oriented approach in investigating the specific translation problems (Malyonova 2017: 40—41) and use the communicative-functional approach, or polydisciplinary approach, to be more exact (Malyonova 2017). The fact is confirmed by the articles of Olga Leontovich, N. Shchurik and V. Gorshkova published in the present issue. The vision of AVT as an individual translation activity is based on taking into account its polysemiotic character (Kozulyaev 2013; Malyonova 2017; Díaz Cintas 2009), which implies that AVT must be studied both as a type of intersemiotic translation and as a method of producing a specific communicative effect on a specific audience.

2.4.3. Translation vs Localization?

Obvious "technologizing" of the translation process, the usage of translation in creating such products as computer games, mobile applications, interfaces of websites, etc., have resulted in the differentiation of translation proper and the so called localization in practical activities and in emergence of new paradigms in translation theory (Gam-

bier 2016a; 2016b). For example, Anthony Pym argues that IT are not just additional tools but systems that “...are altering the very nature of the translator’s cognitive activity, social relations, and professional standing” (Pym 2011). Localization must satisfy the need to modify the functions and features of the applications in such a way that they would fulfill the requirements and demands of local consumers (Gambier 2016b: 890). It is defined as “the process of modifying products or services to account for differences in distinct markets” (LISA 2003: 13). Localization of a product for another cultural environment implies addressing three types of issues — linguistic, cultural and technical. Adaptation of accounting software to comply with local generally accepted accounting principles in the target culture is just one example of cultural issues (Ibid.). Redesign and re-engineering of software to support local languages and content is a technical issue. Thus, localization is closely related to translation but is more extensive, and implies some technical operations necessary to adapt the text to the needs of consumers in another culture.

I do not think that opposing localization to translation proper is fully justified. Unfortunately, it is a trend both in the translation theory and translation business. Some managers of translation agencies view translation as transformation of one text into another, replacement of signs (words) of one language by signs of another. At the same time, localization is presented as a process in which significant cultural (pragmatic) adaptation of the text to the reality of the target culture is made (Fridge). It is stated that no cultural adaptation is performed in the process of translation proper (Ibid.). Certainly, it is not the case. We know pretty well that any translation implies cultural adaptation (Komissarov 1990: 211—215), especially translation of publicistic, literary, advertising materials and even specialized texts. Therefore, localization is distinct from translation proper in the use of certain technical tools needed to create a product in conformity with the requirements of a local market. Moreover, I can conclude that Translation Studies are expected to define precisely the place and role of translation in the localization process and the place of localization in the general structure of translation activities.

3. THE ARTICLES OF THIS ISSUE

In her article **Christiane Nord** considers peculiar features of book titles and possible paradigms of their translation from one language to another. At the first glance, the issues seem to be purely technical, and do not require any theoretical insight into the matter. Yet, the fact that the author discusses these specific issues from the functionalist perspective proves that *any* translation problem can be viewed in a broader context, on the basis of some theoretical approach. It is well-known that Christiane Nord is a faithful disciple of Hans Vermeer and Katharina Reiss, founders of the scopos theory (Reiss, Vermeer 1984), and has contributed a lot to the development of the functionalist approach to translation (Nord, 1991). One of the most outstanding premises of the scopos theory is that translation activity should be always audience-oriented and performed in accordance with the translation brief. This approach is evident in the consideration of all aspects of the issue. E.g., talking about such standards of textuality as cohesion, coherence, intentionality, acceptability, informativity, situationality, and intertextuality,

Nord argues that recipients need an experience of titles in order to be able to recognize the title as a signal for an offer of communication about a text, and to make sense of the information given in the title. Intentionality means that authors or senders who produce a text usually have some communicative intentions in mind. Acceptability implies that recipients must be willing to make sense of a text. Informativity of the title should therefore spark the reader's interest in the co-text. We may conclude, therefore, that behind or, to be more exact, *within* any act of translation we see figures of the ST sender and the TT recipients. The result of the translation act is dependent on the Sender's communicative intention, the needs of the TT recipients, thus, on the translation goal. Nord concludes that since a title is a text "about" another text, it can be regarded as "metatext", and, at the same time, it has a specific relationship with its object text, without which it cannot fulfil its function as a title. Being communication tools, titles perform the following functions specified in the article: distinctive, referential, expressive, phatic, appellative functions. The mere composition of the article is a hint at the need to render all these communicative functions in translation. In doing this, a translator is expected to grasp the situationality of a title, which is determined by such extratextual factors as medium, time, place or motive of production and reception. For a title, audience and function orientation is extremely important because a translated title must be appropriate to achieve the desired functions in the title corpus of the target culture and fidelity or faithfulness with regard to the source-text title. Thus, the author comes to the conclusion that the methodology used for the analysis of title translation can serve as a paradigm for a functional translation of other texts or text types.

The article of **Ives Gambier** presents an overview of the changes in attitudes toward translation as activity and profession as well as toward its roles and the need in it in the past and present. The author argues that translation and interpreting are but one possible solution among many implemented in multilingual communications (people can learn foreign languages and, thus, do without translation; languages can co-exist with speakers practicing bilingualism; a lingua franca can be used). Further, the author considers denial of translation as a need, an effort and profession. It is noteworthy that those who deny translation as effort stick to the naïve and simplified opinion according to which translation comes down to replacement of words of a language with words of another language, and this replacement can be done by any person lacking special training. Those who deny translation as profession view the translator as a hardworking hermit or an impostor, instead of a mediator or an expert. Gambier also claims that denial has long been present with regard to translation as an autonomous discipline; as a result, many translator training programs are still reluctant to give Translation Studies a place they deserve.

The author considers thoroughly many changes in the activity of translation caused by the use of information technologies; he argues that due to the wide use of various technical tools translation users adopt an illusory view of translation as an instantaneous activity performed without any effort. It can also be noted that cloud technologies and real-time data exchange facilitate the activity of translators and managers and help cut costs. The author notes that in real life there is a differentiation between professional translation in the process of which translators can build teams and exchange data using

CAT systems, and amateur translation (translation by fans, volunteer networked translation and the like). The topic relates to the author's considerations of the peculiarities of the global, regional and local translation markets.

Gambier notes a multiplication of labels created nowadays for "translation". Alongside with the term "translation" the translation discourse is abundant with such new terms as localization, adaptation, multilingual documentation, editing, trans-editing, multilingual technical writing, language mediation, versioning, revision, co-writing. Not infrequently translation is opposed to these kinds of activities and sometimes is denied as a need. The opposition is based upon incorrect vision of translation as replacement of words of one languages with words of another language, though the notion of translation as a creative activity has been returning to Translation Studies recently. The author notes that the diversity of labels for translation ruins the stability of Translation Studies since the object of investigation becomes vague and defused.

Ives Gambier concludes that two paradigms are evolving in Translation Studies: on the one hand, the more conventional paradigm of equivalence has evolved into the one more oriented toward the audience, i.e. the paradigm of the 'cultural turn'; on the other hand, the paradigm oriented toward the digital culture has emerged. A question arises: can Translation Studies become a trans-discipline or shall we witness emergence of many disciplines (Adaptations Studies, Intercultural Studies, Transfer Studies, Knowledge Management, Internet Studies, etc.)? The author claims that instead of absorbing neighboring disciplines Translation Studies must recognize the complexity of communications and behaviours.

Marta Kaźmierczak addresses the problem of rendering intertextual markers in translation of poetry. Though the problem is not new, and has been widely discussed in the Translation Studies literature, the article published in this issue must be treated as innovative for, first, the author's approach toward the solution of many problems faced in rendition of intertextuality and, second, for the observations made by the author. The peculiar character of the approach lies in the consideration of the problems arising during translation among languages and cultures the distance between which is noticeably large (in our case it is English and Polish cultures). Thus, the article explores source-culture references in the literatures less known internationally which, as Kaźmierczak puts it, is a sphere of especial cultural resistance to translation. The author focuses on the importance of the level of explicitness of intertextual links for the task of a translator and on the degree of recognisability of intertextual markers.

Undoubtedly, the author's approach can be termed a functionalist one: it is evident from the text that since intertextual markers perform certain functions in a source text it is necessary to render them in a way that allows to trigger a certain reaction on the part of the target text recipient. Kaźmierczak analyses the crucial factors that can hinder the TT recipient's perception of intertextuality, with low recognisability of the source-culture referent being the most important one. The author argues that this is due to the "imbalance of power" between the cultures from which and into which translators are working. Among interesting observations concerning rendition of intertextuality I would mention the following ones. First, the author insists that even an illegible (not readily decipherable) marker would be a signal of intertextuality for the TT recipients.

For example, a transferred foreign name would have been a stronger (a more explicit) intertextual marker than a naturalised, semantically transparent one while footnotes is a means of explicitation of limited applicability and not suitable for poetry. The most important conclusion made by the author is as follows: it is the projection of the reader, of his/her cultural competence and needs that shapes the translation strategy, even more so with respect to intertextual elements. In other words, a successful translation of intertexts is possible if the translator construes his role as levelling the differences in erudition between the primary and the secondary recipients.

The paper of **Natalia Yarkina, Liudmila Yarkina and Ivan Pougachev** is remarkable for its attempt to deal with situations where the ideologies of the ST audience and the TT audience clash. Ideology is defined in the paper as a set of beliefs and values shared by a social group. It affects all the parties involved in the translation process and influences the work of the translator in various ways. The authors claim that the goal of the intergroup mediation approach to translation of ideology is to find an adequate way to convey the author's message under the conditions of an ideological conflict. The paper attempts to answer the questions regarding the conditions under which ideology-related interventions may be desirable and deemed acceptable and what factors influence the translator's decisions, in particular, ideological shifts in translation. By “ideology shift” the authors mean a situation where an ideology-motivated element or feature of the source text is transformed in the target text in such a way that it does not express the source ideology any more, or, vice versa, an ideological element or feature is introduced in the target text, thus adding an ideology that was not present in the source text. Therefore, the paper discusses problems which relate to situations when ST expresses an ideology that contradicts the ideology of the text commissioner and/or TT audience. Ideology can be expressed in the text in the foreground or in the background, and it is essential that even if the ideology in the text was expressed in the background by the author, it will be received in the foreground by the reader if the latter belongs to a different ideological context. What is observed in this case is not a shift in the ideology itself but a shift in its role in the text.

It is somewhat surprising that translation scholars dwell extensively now on the notion of intersemiotic translation introduced by Roman Jakobson sixty years ago. Strange as it might seem, the fact can be easily explained by, first, the greater role of visual audio perception nowadays and, second, by the expansion of screening or staging literary works, which implies interpretation of verbal signs by means of non-verbal ones. The paper by **Olga Leontovich** may serve as an example of the keen interest of translation scholars to the problems of intersemiotic translation and to the mechanisms used in it. Based upon in-depth analysis of many examples of screening Russian classics for foreign audiences (English, Chinese, Indian, etc.), the article testifies to the fact that what is traditionally called audiovisual translation becomes a very important activity together with audio description as a more marginal translation activity. The author proceeds from the premise that every translation is primarily a form of interpretation of the macro-meanings of the source text with the aim of rendering them in another text. She demonstrates that in the process of intersemiotic translation transformations inevitably occur,

and the text components building up the macromeaning are redistributed in the screened or staged version of the work. This can be conditioned by extralinguistic factors mentioned in the article as commercial, creative and ideological goals of directors. And here I would like to note a flaw in the author's reasoning. She argues that a research of intersemiotic translation should show its impact on social reality. At the same time, the analysis made demonstrates that the social reality influences intersemiotic translation and its mechanisms dramatically. Suffice it to recall that all forms of resignifying mentioned in the article are conditioned by the directors' desire to make a movie as understandable to the target audience as possible or to express creativity of their own. The mere choice of such translation strategies as foreignization, domestication and universalization is predetermined by extralinguistic factors. Yet, the final conclusion of the author is unquestioned: an adaptation is good when it manages to express the macromeaning and to preserve the spirit, values and essence of the original.

The article by **Natalia V. Shchurik and Vera E. Gorshkova** also confirms that scholars are very much concerned with problems of intersemiotic translation. At the same time it testifies to the fact that interdisciplinary approach can be applied to the investigation of the peculiarities of intersemiotic translation. In particular, the research shows that the notions of the surface structure and the deep structure the content of which is inverted in the paper are applicable. Similar to the previous article, this paper proves that screening of folk fairy-tales is a variety of intersemiotic translation, "interpretation of interpreted" (Garbovsky 2008, 34). The authors argue that elementary plots of the surface structure build up the fairy-tale narrative and are developed in plans, scenarios and frames of the deep structure that are different in British and Russian fairy-tales. It is concluded that national peculiarities that determine the appurtenance of a fairy-tale to a certain culture are encoded in the deep structures of the fairy-tale discourse.

Two previous articles convince us that problems of audiovisual translation are most topical in modern Translation Studies. These problems are also discussed in the article by **Vladislav Anisimov, Anna Borisova and Grigoriy Konson** that highlights various strategies of localization of titles of French movies translated for the Russian audience as well as the degree of the localization adequacy. The authors argue that localization of a movie implies both translation of the text and its adaptation to the target culture, i.e. transfer from one language code to another. It is concluded that regardless of a translation strategy, the translated title must conform to the plot, theme and content of a movie while the movie itself must be interesting and attractive for the foreign audience.

Traditional problems of reproducing characteristic features of literary texts in translation, although they seem to be purely technical, still are of great interest for translation scholars and linguists, and always will be. Because reproduction of the source text in its entirety, creation of the functional analogue of the ST is next to impossible if the said problems are not solved in each act of translation. The idea is illustrated by the article of **Natalia Nesterova and Evgenia Naugolnykh** that discusses deformations of language in James Joyce's works and probable methods of their rendition into Russia. The conducted survey proves that multilingualism that is so typical of Joyce's texts and that is manifested in the use of alien material to coin occasional compound units

is the main challenge for translators. So far, the problem has not been solved successfully. Its complexity is due to plurality of interpretations of the functions performed by deformed English units and nonce words in a text as well as their meanings.

The article of **Rafael Guzmán Tirado** highlights translation problems posed by linguistic and speech units with a cultural component, i.e. the units closely related to the source culture (realia, idioms, metaphors, comparisons, etc.). For Translation Studies these problems are not novel, at least since the moment that has been defined by Snell-Hornby as the “cultural turn” (Snell-Hornby 2006). Still it is very fruitful and expedient to consider the dependence of the translator’s decision on the peculiarities of the target culture and the distance between the two cultures clashing in the translation process, both in Translation Studies and in translators’ practical activity, regardless of how we treat the notion of *culture*. Tirado’s article is of both theoretical and practical importance: using the material of his translation of Evgeny Vodolazkin’s novel “Aviator” from Russian into Spanish, he demonstrates that the emotional effect felt by the source text readers can be lost in translation to some extent, and concludes that a translator needs to make drastic interventions in the text to ensure some kind of similarity between the communicative effects produced by the ST and the TT. The author does not confine himself to consideration of instances when realia is used in the ST (those problems have been discussed in Translation Studies abundantly and in detail; moreover, they are solved quite successfully in translation). He argues that the cultural component of the meaning or, to be more exact, of the sense rendered by the text segment being translated is conditioned by the peculiar world outlook and world perception of representatives of the source culture, by their peculiar mentality and ethnic identity.

I have already noted the diversity of fields within Translation Studies which still includes investigation of characteristic features of religious translation. The persistent interest of scholars to this type of translation which once used to be the main translation activity is substantiated by two articles published in this issue. The first article written by **Georgy Khukhuni, Irina Valuitseva and Anna Osipova** discusses the peculiar features of cultural words (realia) in the Old and New Testaments and peculiarities of their translation. Analysis of a large number of sources enables the authors to make conclusions that disclose both peculiarities of realia and their functioning in the Bible and specifics of their rendition conditioned by extra-linguistic factors. These factors include the choice of the original, the influence of the tradition of translating the Bible in the given culture, the orientation of the translated text to a specific audience (missionary translation), the goal of translation and the impact of certain translation theories on those who are engaged in translation. It implies that religious translation, similar to other types of translation, is always made in accordance with the so called conventional norm (Komissarov 1990: 231—232), i.e. the society’s views concerning the tasks of translation activity prevailing in the given epoch.

The second paper on religious translation published by **Ibrahim I.I. Najjar, Soh Bee Kwee, Thabet Abu al-haj** addresses another specific problem, namely, the issue of preserving the mode of an utterance in English translations of the Quran. The authors investigate what roles are played by rhetorical questions in the text of the Quran and

what translation shifts occur in its two English translations. The investigation is based on Larson's (Larson 1974: 14) premise that the communicative situation and the attitude of the speaker relate to the grammatical forms used as well as on Wilss's (Wilss 1982: 71) premise that if the context of situation changes, "changes will inevitably take place in the linguistic texture. Conversely, if a shift is carried out on the linguistic level, this context of situation will also change." Accordingly, the mode of an utterance also changes. Analysis of many examples of the use of rhetorical questions in Quran and in its two English translations convince the authors that translation shift, i.e. changes in grammatical forms of rendering rhetorical questions, do occur, although to different extents, and distort the mode of the ST rhetorical questions. Specific as it might be, the issue discussed is relevant to the global problem of the translator's being loyal to the ST sender: the message contained in the ST must be communicated correctly to the readership of the TT, especially in religious translation.

Perhaps, one of the most striking signs of our times manifested in Translation Studies is evolving of the feminist movement (see Prunč 2015), representatives of which insist on political correctness even when it is not intended by the ST Sender. Attempts of some theologians to replace gender-specific linguistic forms by gender-neutral ones in the texts of messianic Scriptures seem to be the most "outstanding" manifestation of political correctness in translation. The article by **Konstantin Sharov** that uses the material of modern English translations of the Bible discusses such attempts and their consequences. In this case we can speak only about intralingual translation, as it was termed by Roman Jakobson (Jakobson 1957; Jakobson 1975). The author concludes that gender-neutral language introduces new feminist meanings into Messianic sacred texts, which were not previously contained there, and gender-neutral English translations of the Bible cannot be treated as canonical since the original meanings of the Bible can be distorted completely. Thus, from the perspective of the traditional theology the attempts to affirm the social equality of genders in translation of the Holy Scripture can hardly be justified. At the same time the author argues that investigation of gender-neutral strategies allows tracing the evolution of Christian homiletic genre.

New trends in translation generated by the wide use of information technologies (see article by Ives Gambier in the present issue) are discussed in detail in the article by **Irina Ovchinnikova**. The paper focuses on translation errors that result from the use of computer-assisted translation (CAT) systems, in particular, SmartCat platform. The article does not confine itself to the analysis of types of errors, the more so they turn to be the same as in translation without CAT systems. What matters here is the combination of usual translation errors with incorrect versions suggested by the MT system, which seems to be a specific feature of computer-aided translation. The article also aims at disclosing the causes of translation errors related to the use of SmartCat platform. Based on a thorough analysis of translation errors made in a translation project and their causes, the author concludes that application of CAT systems and machine translation requires a translator to have some additional competences to be able to control the whole text of translation. Moreover, investigation of translation errors will enable CAT systems developers to improve these tools together with their interface.

4. CONCLUDING REMARKS

The presented review testifies to the fact that Translation Studies today are practice-oriented and are more focused on understanding the objective laws of translation activity than in the past. Translation Studies as a science is of inter-disciplinary character, which is predetermined by the complex nature of all types of translation, of the translation activity as a whole. At the same time modern Translation Studies can serve as a basis for didactics of translation, the need of which is extremely urgent now.

A new section is introduced in the present issue to give the floor to experienced translators and interpreters reputed internationally for their achievements in the profession. The interviewees represent different fields of translation activity, which is evident from their responses. **Henry Liu** is the man who has contributed much to acquiring a higher social standing by the translators' profession. He *was very instrumental in the adoption of the UN General Assembly Resolution 71/288 in recognition of 30th September as the International Translation Day (ITD). He is the 13th President of the International Federation of Translators (FIT) and presently Honorary Advisor to the Federation.* **Boris Naimushin** is an experience interpreter, since 2009 an interpreter for the Presidency of Bulgaria. He is actively engaged in the education activity in Bulgaria, Russia and other countries. **Victor Lanchikov**, professor of School of Translation and Interpreting of Moscow State Linguistic University, is a well-known translator of English literature and initiator of many translation projects. As Editor-in-Chief of the Bridges journal (R.Valent Publishers, Moscow), he does a lot to disseminate professional knowledge about translation in Russia. **Irina Zubanova**, Associate Professor of Moscow State Linguistic University, is an experienced simultaneous interpreter, a member of the Union of Translators of Russia (UTR) and National Translators League. She has written very interesting works on problems of interpreting, and does a lot to improve training of translators/interpreters in Russia actively participating in Summer and Winter Schools of translation and other events held by UTR. The interviews published in the issue illustrate vividly the problems and issues faced by translators/interpreters in their everyday activity and conceptualized by translation scholars.

Ru

1. ВВЕДЕНИЕ

Известно, что переводоведение утвердилось в статусе научной дисциплины во второй половине XX века. Это был вполне закономерное явление, обусловленное, прежде всего, потребностями осмысления особенностей и закономерностей переводческой деятельности, существенно изменившейся к тому времени и расширившей свои границы. Понятно, что эта научная дисциплина создавалась не с чистого листа, а на основе концепций, возникших в предшествующие эпохи. Сама переводческая мысль, бившаяся в сознании переводчиков в разных странах и в разные временные периоды, подготовила формирование, в определенном смысле — оформление разрозненных взглядов на перевод в нечто единое, обретшее со временем форму научного направления. Очевидно, что в предшествующие

периоды переводческие идеи касались преимущественно двух основных разновидностей переводческой деятельности, доминировавших на протяжении столетий, а именно перевода сакральных текстов, то есть религиозного перевода, и перевода художественного. Не случайно первым и основным направлением переводоведческих исследований, если определение «переводоведческий» вообще применимо к исследованиям перевода в, так сказать, донаучную эпоху, было направление литературоведческое. И только начиная с 30-х годов XX века исследователи обратились к изучению проблем специального, то есть нехудожественного и нерелигиозного перевода, что было связано с расширением международного сотрудничества в научно-технической, военной и дипломатической сферах и, соответственно, с потребностями подготовки переводчиков для данных сфер (Сдобников, Петрова 2006: 54—55). Интерес лингвистов того времени к сопоставительному изучению языков в синхронии способствовал появлению лингвистического направления в исследовании перевода. Как пишет Э. Гентцлер, именно лингвистика способствовала появлению дисциплины, располагавшей теоретическими и языковыми инструментами, необходимыми для создания системного подхода к переводу (Gentzler 1990: 67). Ученых-лингвистов интересовали особенности соотношения разных языков, сталкивающихся в процессе перевода, влияющие на ход и результат переводческого процесса. Это был своего рода «поворот» от литературоведения к лингвистике, приведший в результате к противостоянию и даже ожесточенной борьбе двух направлений, по крайней мере, в России. Результатом этой борьбы стало признание того, что даже в области художественного перевода лингвистические факторы играют существенную роль на обоих основных этапах переводческого процесса, то есть в процессе интерпретации оригинала и в процессе порождения перевода (Ларин 1962: 3). Таким образом, примирение двух подходов к переводу состоялось. Но это был лишь начальный период становления и развития переводоведения как науки. Далее мы рассмотрим основные события в его истории и в истории переводческой деятельности, с которой переводоведение непосредственно связано, приведшие к обретению им его нынешнего состояния.

2. ПОВОРОТЫ В ПЕРЕВОДОВЕДЕНИИ

2.1. Культурный поворот

Дальнейшая история переводоведения отмечена несколькими важными «поворотами» (shifts), как они были названы западными учеными (Snell-Hornby 2006). Мы отметим лишь отдельные, наиболее важные моменты, определившие состояние переводоведения на современном этапе. Тех, кто нуждается в более подробной информации о путях развития переводоведения, мы можем отослать к работам, специально посвященным этому вопросу (Gentzler 1990; Prunč 2007; Прунч 2015).

Исходя из того, что всякий поворот предполагает изменение направления, вектора движения, следует отметить то направление, которое послужило начальной точкой отсчета для последующего развития науки о переводе. Вполне естественно предположить, что таким направлением, в соответствии с логикой развития событий, было именно лингвистическое, зародившееся на этапе становления теории перевода как науки. Если обозначить его суть кратко, то можно сказать,

что в его рамках в качестве основной задачи рассматривалось изучение условий установления отношений эквивалентности между двумя текстами на разных языках, а также факторов, способствующих или препятствующих этому. Не случайно то, что мы в российском переводе называем лингвистическим подходом к переводу или просто лингвистическим переводоведением, на Западе именуют подходом, ориентированным на эквивалентность, или парадигмой эквивалентности (Гамбье 2016б). С течением времени пришло осознание ограниченности этого подхода. Как пишет Ив Гамбье, он «...не позволяет рассмотреть, описать и объяснить процесс принятия переводческих решений и результат перевода. Различие между тем, что явно (буквально, непосредственно, лежит на поверхности), и тем, что скрыто (имплицитно, сопряжено с коннотациями, подразумевается), ведет к неверному восприятию процесса перевода, а интерпретация переводчиком содержания оказывается делом весьма непонятным» (Гамбье 2016а: 58—59).

Переводоведение не могло оставаться долго в тисках лингвистического подхода, тем более что сама природа переводческой деятельности подталкивала ученых к включению в круг исследований вопросов, связанных с воздействием на перевод факторов культуры. Осознание того, что перевод — это не только столкновение языков, но и столкновение культур (фраза, сегодня звучащая как аксиома), кардинально изменило сам характер переводоведческих исследований. Как писал А.Д. Швейцер, «столкновение двух культур при переводе происходит и на коммуникативном уровне, и на уровне текста» (Швейцер 1988: 52). Поскольку речь уже шла о культурах, то значит и о носителях разных культур, то есть о людях, для которых перевод есть средство обеспечения коммуникации. Таким образом, стало распространенным терминосочетание «межкультурная коммуникация», а в рассмотрении перевода учеными обнаружилось место — до тех пор вакантное — для человека. Произошел «культурный поворот» и «антропоцентрический поворот» в переводоведении.

С 1980-х годов рассмотрению влияния культуры на перевод и влиянию перевода на культуру было посвящено много работ (Bassnett, Lefevere 1998; Bassnett 2005; Cranmer 2015, Gentzler 2001; Hatim, Mason 2005; Katan 2009; Koskinen 2015, Nida 1993; 1996; Toury 1995). Очевидно, что понятие «культурный поворот» чрезвычайно сложно, многомерно и комплексно, так же как и собственно понятие «культура». Это не могло не повлиять на саму направленность переводоведческих исследований, в которых рассматриваются различные аспекты проявления культур и межкультурных различий в разных видах перевода. Подтверждением этому служат опубликованные в данном выпуске статьи, в которых раскрываются механизмы межкультурного взаимодействия посредством перевода, обязательные для учета практиками и изучения теоретиками.

2.2. Функциональный подход к переводу: путь в будущее

По нашему мнению, функциональный подход к переводу (в нашей терминологии — коммуникативно-функциональный) восходит к работам Ю. Найды (Nida 1964; Nida, Taber 1969), основателей скопос-теории К. Райс и Х. Фермеера

(Reiß, Vermeer 1984; 2013) и ученых Лейпцигской школы (Jäger 1975; Kade 1981; Neubert 1973). Впрочем, если исходить из того, что в основе коммуникативно-функционального подхода — обеспечение восприятия смысла оригинального текста его получателями и переводчиком, а также его воспроизведение в тексте перевода, то к числу предтеч данного подхода можно отнести Цицерона, св. Иеронима и даже Петра I (Федоров 1983: 41). В российском переводоведении можно выделить работы З.Д. Львовской (Львовская 1985; 2008), обратившей особое внимание на передачу смысла в интересах определенной аудитории (Sdobnikov 2017).

В настоящее время коммуникативно-функциональный подход к переводу предполагает рассмотрение переводческого события в рамках определенной коммуникативной ситуации с учетом цели осуществления перевода, потребностей и ожиданий реальных или предполагаемых получателей ПТ (потребителей), способа использования переводного текста в рамках предметной деятельности потребителей перевода. В некоторых случаях важен и учет коммуникативной интенции отправителя исходного сообщения и коммуникативного эффекта, производимого оригиналом на соответствующих получателей. Мы говорим «в некоторых случаях», поскольку обеспечение равенства коммуникативных эффектов, производимых ИТ и ПТ, иногда не представляется необходимым и часто вовсе невозможно. Например, перевод выступления, адресованного аудитории исходного языка, в принципе не может оказать аналогичного воздействия на аудиторию перевода. Подобное утверждение противоречит традиционным взглядам на перевод как на процесс, характеризующийся установкой на передачу коммуникативного эффекта первичного текста (Швейцер 1988: 75).

Поскольку учет особенностей коммуникативной ситуации, в которой осуществляется перевод, является необходимым условием постижения переводчиком цели перевода и того, что К. Норд, вслед за своими учителями, называет *translation brief* (переводческое задание) (Nord 2005: 9—10), возникает потребность в классификации возможных коммуникативных ситуаций с использованием перевода (КСП). Разработанная нами классификация коммуникативных ситуаций включает два типа КСП — ситуации, в которых перевод изначально (то есть в момент создания ИТ) предполагается, и ситуации, в которых перевод изначально не предполагается. Каждый из этих типов включает виды КСП, выделяемые на основе разных критериев: в первом случае — на основе формы взаимодействия разноязычных коммуникантов (презентация, круглый стол, интервью, экскурсия и т.п.), во втором случае — на основе личности инициатора перевода (Сдобников 2015: 73—93; Sdobnikov 2011). Мы утверждаем, что сам характер коммуникативной ситуации определяет цель перевода и позволяет переводчику выбрать соответствующую этой цели стратегию перевода, понимаемую как общая программа осуществления переводческой деятельности с учетом параметров коммуникативной ситуации (Sdobnikov 2011: 1450).

Таким образом, коммуникативно-функциональный подход к переводу предполагает своего рода погружение — как в теории, так и на практике — в определенную коммуникативную ситуацию, осознание переводчиком параметров этой

ситуации и тех задач, которые должны быть им решены именно в рамках и применительно к данной ситуации. Особую важность он представляет для профессиональной подготовки переводчиков, поскольку позволяет избавиться (и избавить будущих переводчиков!) от ложного представления о переводе как о трансформации одного текста в другой, как о некоей филологической игре с двумя текстами, и внушить будущим специалистам убежденность в том, что перевод — это деятельность, направленная на удовлетворение потребностей людей путем создания текста на переводящем языке с ориентацией на текст оригинала. Именно такой убежденностью будут характеризоваться будущие поколения переводчиков, если коммуникативно-функциональный подход станет для них своего рода господствующей идеологией.

2.3. Вечные проблемы переводоведения

В переводоведении по-прежнему уделяется много внимания проблемам, рассмотрение которых началось много веков назад. К их числу относятся, прежде всего, проблемы художественного перевода и проблемы перевода религиозных текстов, о чем свидетельствует, в частности, и тематика некоторых статей, представленных к этому выпуску журнала. Казалось бы, все, что можно было сказать по этому поводу, уже сказано, и добавить больше нечего. Однако это не так. Все дело в том, что само развитие переводоведения следует рассматривать как спиральное движение: на каждом новом витке в сферу внимания переводоведов включаются новые аспекты ранее рассматриваемых проблем и, что более важно, меняются сами подходы к изучению переводческих проблем, меняется угол зрения, под которым это изучение осуществляется. Несомненно, основным и наиболее перспективным подходом к изучению перевода, включая такие его виды, как художественный перевод, является коммуникативно-функциональный подход, что выглядит очень инновационно, особенно по отношению к переводу сакральных текстов. В частности, с данным подходом вполне согласуется задача обеспечения определенного коммуникативного воздействия на читателей переводных версий Библии, учет самого назначения переводов Священного Писания в данной культурной среде и в данную эпоху (см., например, статьи Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцевой, А.А. Осиповой в этом выпуске). Следует с удовлетворением отметить, что коммуникативно-функциональный подход используется теперь в качестве той теоретической основы, которая позволяет приблизить само изучение вечных (и новых) проблем переводоведения к реалиям практической переводческой деятельности, осуществляемой в интересах конкретных (в определенной ситуации) получателей перевода.

2.4. Переводоведение сегодня: новые тенденции

Наш краткий анализ современного состояния переводоведения мы завершим рассмотрением новых направлений, тенденций и тем, появившихся в науке о переводе в последние два десятилетия. Разумеется, перечислить все частные вопросы, интересующие переводоведов, вряд ли представляется возможным в рамках

статьи. Самое главное — это то, что переводоведение уже доказало свою практическую направленность; по сути, все то новое, что появилось в теории перевода, так или иначе связано с изменениями в характере переводческой деятельности как таковой. Ниже мы отметим пунктирно наиболее значимые изменения и их роль в обогащении проблематики переводоведения.

2.4.1. Развитие теории устного перевода

Казалось бы, развитие теории устного перевода не является достижением последнего времени. Но следует учитывать, что предыдущий этап развития науки о переводе подарил нам лишь ряд фундаментальных работ, в которых были заложены основы теории устного перевода и намечены дальнейшие направления исследований в этой области (Миньяр-Белоручев 1969; 1980; Чернов 1987; Ширяев 1979). Эти исследования были в значительной степени связаны с господствовавшим тогда сугубо лингвистическим подходом к переводу. В настоящее время в центре внимания ученых — не только вопросы описания самих механизмов осуществления последовательного или синхронного перевода на основе сопоставления разноязычных продуктов устной речевой деятельности, но и изучение лежащих в основе этих механизмов психолингвистических и нейрофизиологических процессов (Moser-Mercer 1978; Moser-Mercer et al. 1998). К числу абсолютно новых тенденций на переводческом рынке относится осуществление «сольного» синхронного перевода, то есть перевода, осуществляемого синхронистом без напарника. В этом направлении ведутся определенные эмпирические исследования, хотя основательных теоретических работ, посвященных этому вопросу, пока не написано.

2.4.2. Изучение аудиовизуального перевода

Расширение сферы использования аудиовизуального перевода (АВП), то есть перевода кинофильмов, видеопрезентаций, компьютерных игр, приложений к смартфонам и т.п., не могло не привлечь внимания переводоведов (Горшкова 2006; 2017; Матасов 2009; Малёнова 2017; Chaume 2016; Díaz Cintas 2009; Gambier 2008). Многими авторами АВП рассматривается как особый вид переводческой деятельности, отличный от устного перевода и письменного перевода (Козуляев 2013). В рамках этого направления исследований можно выделить две сферы. Первая — изучение характерных особенностей АВП и отдельных технологий АВП, таких как овервойс, дублирование, субтитрирование (Gottlieb 2009; Pettit 2009). Вторая — изучение частных переводческих проблем, возникающих в процессе аудиовизуального перевода, прежде всего, кино- видеоперевода (передача названий фильмов, каламбуров, метафор и т.п.). Радует то, что при рассмотрении этих частных проблем исследователи отказываются от текстоцентрического подхода (Малёнова 2017: 40—41) и обращаются к коммуникативно-функциональному, а по сути, полидисциплинарному подходу (Там же), подтверждением чему, в частности, являются опубликованные в данном выпуске статьи О.А. Леонтович, а также Н.В. Щурик и В.Е. Горшковой. Представление об особом характере аудиовизуального перевода как вида переводческой деятельности основано на учете его полисемиотического

характера (Козуляев 2013; Малёнова 2017; Díaz Cintas 2009), что предполагает изучение АВП и как разновидности интерсемиотического (межсемиотического) перевода, и как способа оказания определенного воздействия на не менее определенную аудиторию.

2.4.3. Перевод и локализация

Очевидная технологизация переводческого процесса, использование перевода при создании таких продуктов, как компьютерные игры, приложения к смартфонам, интерфейсов сайтов и т.п., привели к разграничению собственно перевода и так называемой локализации на практике и к появлению новых парадигм изучения перевода в теории (Гамбье 2016а; Gambier 2016б). Например, Энтони Пим утверждает, что новые информационные технологии — это не просто дополнительные инструменты, а системы, «меняющие саму природу когнитивной деятельности переводчика, социальные отношения и профессиональный статус переводчика (перевод мой. — В.С.)» (Pym 2011). Использование локализации вызвано потребностью «изменять функции и характеристики приложений таким образом, чтобы они отвечали требованиям местных потребителей» (Gambier 2016б). Локализация определяется как «процесс модификации продуктов и услуг с целью учета различий на разных рынках (перевод мой. — В.С.)» (LISA 2003: 13). Локализация продукта для иной культурной среды предполагает решение проблем трех типов: лингвистических, культурологических и технических. Примером культурологической проблемы является приведение содержания программного обеспечения для бухгалтерского учета в соответствие с принципами бухгалтерского учета, принятыми в стране использования этого программного продукта. К техническим проблемам можно отнести использование особых технических функций, необходимых для поддержки языков, на которые осуществляется перевод. Таким образом, локализация непосредственно связана с переводом, но шире перевода и предполагает осуществление особых действий технического характера, необходимых для адаптации текста к потребностям носителей иной культуры.

Вместе с тем мы считаем необоснованным противопоставление локализации собственно переводу. К сожалению, подобная тенденция имеет место, по крайней мере, в теории и в переводческом бизнесе. Перевод рассматривается некоторыми менеджерами переводческих компаний как простое преобразование одного текста в другой, замена знаков одного языка знаками другого. Под локализацией подразумевается процесс, в ходе которого осуществляется существенная культурная (прагматическая) адаптация текста к реалиям принимающей культуры (Fridge). При этом дело представляется так, будто в процессе перевода никакая культурная адаптация не осуществляется (Там же). Это, разумеется, не так. Мы прекрасно знаем, что практически *всякий* перевод предполагает культурную адаптацию текста, осуществление прагматической адаптации (Комиссаров 1990: 211—215), особенно перевод публицистических, художественных, рекламных текстов и даже текстов специальных. Следовательно, локализация отличается от собственно перевода прежде всего использованием определенных технических средств, необходимых для создания продукта в соответствии с требованиями местного рынка.

Из вышеизложенного также следует, что переводоведение должно более четко определить место и роль перевода в процессе локализации и место локализации в структуре переводческой деятельности.

3. КРАТКИЙ ОБЗОР СТАТЕЙ ВЫПУСКА

В своей статье **Кристиане Норд** рассматривает лингвистические особенности заглавий книг и возможные способы их перевода. На первый взгляд, эти вопросы относятся к числу сугубо технических и не нуждаются в каком-либо теоретическом обосновании. Однако то, что автор обсуждает эти конкретные проблемы с точки зрения функционального подхода к переводу, доказывает, что всякая переводческая проблема может рассматриваться в широком контексте, на основе определенного теоретического подхода. Известно, что Кристиане Норд — преданный ученик Ганса Фермеера и Катарины Райс, основоположников скопос-теории (Reiss, Vermeer 1984); кроме того, она внесла значительный вклад в развитие функционального подхода к переводу (Nord, 1991). Одно из наиболее существенных положений скопос-теории заключается в том, что переводческая деятельность должна быть ориентирована на аудиторию принимающей культуры и должна осуществляться в соответствии с переводческим заданием. Данный подход усматривается в рассуждениях автора обо всех аспектах указанной проблемы. Например, говоря о таких параметрах текстуальности, как когезия, когерентность, интенциональность, приемлемость, информативность, ситуационность и интертекстуальность, К. Норд утверждает, что читатели произведений должны иметь определенный опыт ознакомления с заглавиями книг, чтобы воспринять заглавие как некое приглашение к коммуникации по поводу данного текста и понять содержащуюся в заглавии информацию. Интенциональность означает, что авторы текста обычно имеют определенную коммуникативную интенцию. Приемлемость подразумевает готовность получателей текста воспринять его смысл. Информативность заглавия подразумевает его способность вызвать у читателей интерес к тексту. Можно сделать вывод, что за каждым переводческим актом, а точнее, внутри каждого переводческого акта просматриваются фигуры создателя оригинала и получателей перевода. Результат переводческого акта определяется коммуникативной интенцией автора оригинала, потребностями получателей перевода и, в конечном итоге, целью перевода. К. Норд делает вывод, что поскольку заглавие — это текст о другом тексте, оно должно рассматриваться в качестве метатекста. Но в то же время оно связано определенными отношениями с основным текстом, без которого не может выполнять свою функцию заглавия. Будучи инструментом коммуникации, заглавие выполняет следующие функции, указанные в статье: отличительную (мы могли бы, вслед за Р. Якобсоном, назвать ее денотативной), референциальную, экспрессивную, фатическую, апеллятивную. Сама композиция соответствующего раздела статьи содержит намек на то, что все эти коммуникативные функции заглавий должны быть воспроизведены в переводе. Для этого переводчик должен осознать ситуационность заглавия, определяемую такими экстралингвистическими факторами, как способ, время, место и мотив создания и восприятия заглавия. При переводе заглавий ориентация на аудиторию и на функции чрезвычайно

важны, поскольку перевод заглавия должен выполнять необходимые функции в общем корпусе заглавий в принимающей культуре и одновременно сохранять верность по отношению к оригинальному названию. В итоге автор приходит к выводу, что методика, использованная для анализа проблем перевода заглавий, может служить определенной парадигмой при осуществлении перевода текстов иных типов.

В статье **Ива Гамбье** представлена широкая картина изменений как во взглядах на сущность перевода как деятельности и профессии, так и на роль перевода и потребность в нем в прошлом и в современную эпоху. Прежде всего, автор утверждает, что перевод не является единственной формой межкультурного взаимодействия, а сосуществует наряду с другими формами взаимодействия (люди могут изучать иностранные языки и, соответственно, обходиться без перевода; языки могут сосуществовать в виде билингвизма; в разные эпохи и в настоящее время существуют так называемые *lingua franca*). Далее, интерес представляют рассуждения автора об отрицании потребности в переводе, об отрицании перевода как деятельности, требующей определенных усилий и умений, и об отрицании перевода как профессии. Важно отметить, что те, кто отрицает перевод как деятельность, требующую определенных усилий, придерживаются наивного взгляда на перевод, согласно которому перевод — это всего лишь замена слов одного языка словами другого языка, замена, которая может быть осуществлена любым субъектом, даже не имеющим специальной подготовки. Отрицание перевода как профессии предполагает взгляд на переводчика как на некоего отшельника либо обманщика, а не как на посредника. По мнению автора, до сих пор весьма распространенным является и отрицание перевода как учебной и научной дисциплины, в результате чего в рамках многих университетских образовательных программ теория перевода до сих пор не обрела достойного ее места.

Ив Гамбье уделяет значительное внимание изменениям в переводческой деятельности, вызванным распространением новых информационных технологий, и показывает, что широкое применение различных технологических инструментов создает у пользователей переводом иллюзию, что перевод — это деятельность, осуществляемая практически мгновенно, без каких-либо усилий. Здесь важно отметить и то, что появление, скажем, облачных технологий, а также обмен данными в режиме реального времени значительно упрощают работу переводчиков и менеджеров и сокращают расходы. При этом отмечается, что в реальной жизни обозначилось разделение между профессиональным переводом, в процессе которого переводчики могут объединяться в команды и обмениваться данными, используя системы автоматизированного перевода, и непрофессиональным переводом (фанатский перевод, перевод, осуществляемый волонтерами). С этой же темой связаны и рассуждения автора об особенностях глобального, региональных и национальных рынков переводов.

Говоря об особенностях переводческой деятельности вообще, Ив Гамбье отмечает, что в последнее время в употребление вошло большое количество обозначений видов перевода, появившихся сравнительно недавно. Наряду с термином

«перевод» в переводческом дискурсе употребляются термины «локализация», «адаптация», «транскреация» и другие. Причем перевод часто противопоставляется указанным видам переводческой деятельности, а иногда и отрицается как нечто необходимое. Это противопоставление основано на ложном представлении о «переводе», который мыслится как последовательная замена знаков одного языка знаками другого языка, хотя в последнее время представление о творческом характере перевода возвращается в переводоведение. Это многообразие обозначений (labels) для видов перевода нарушает стабильность самой теории перевода, ибо объект изучения оказывается весьма неопределенным.

В своей статье Ив Гамбье делает вывод, что в настоящее время в рамках переводоведения наблюдаются две парадигмы: первая основана на традиционных теориях эквивалентности, постепенно модифицирующихся под влиянием «культурного поворота»; вторая отражает особенности цифровой культуры. Неизбежно возникает вопрос: превратится ли переводоведение в по-настоящему междисциплинарную науку или мы станем свидетелями появления множества разных дисциплин (теория адаптации, теория трансфера, управление знаниями, теория посреднической деятельности)? Автор утверждает, что вместо того, чтобы поглощать смежные дисциплины, теория перевода должна признать сложный характер коммуникации и поведения людей.

Марта Казьмерчак обращается к проблеме передачи маркеров интертекстуальности в переводе поэтических текстов. Хотя эта проблема вряд ли может считаться новой и к тому же получила широкое освещение в переводоведческой литературе, статья может считаться в определенной степени инновационной, во-первых, благодаря подходу, который использует автор при рассмотрении проблем передачи интертекстуальности, а во-вторых, благодаря сделанным наблюдениям и выводам. Особенность используемого подхода состоит в рассмотрении проблем, возникающих при переводе маркеров интертекстуальности, применительно к языкам и культурам, находящимся друг от друга на значительном расстоянии (в данном случае речь идет об английской и польской культурах). В статье рассматриваются референты исходной культуры, плохо известные в мире, что представляет собой, по мнению автора, сферу особого противодействия осуществлению перевода. В статье делается акцент на важности степени эксплицированности интертекстуальных связей с точки зрения переводчика и на степени узнаваемости маркеров интертекстуальности. Несомненно, Марта Казьмерчак придерживается функционального подхода к переводу: поскольку маркеры интертекстуальности выполняют в исходном тексте определенные функции, они должны быть воспроизведены в переводе так, чтобы вызвать определенную реакцию со стороны получателей перевода. Автор анализирует основные факторы, которые могут воспрепятствовать узнаванию получателями интертекстуальных связей, при этом одним из самых главных является низкая узнаваемость референтов исходной культуры. Автор утверждает, что в основе такой низкой узнаваемости лежит «дисбаланс» влияния разных культур, с которых и на которые осуществляется перевод. Отметим следующие наблюдения, касающиеся передачи интертексту-

альности в переводе. Прежде всего, автор указывает на то, что даже сложно воспринимаемый получателями перевода маркер может служить сигналом наличия интертекстуальности. Например, воспроизведенное в переводе иностранное имя может быть более сильным маркером интертекстуальности, чем привычное для получателей перевода, семантически прозрачное имя. А постраничные сноски имеют ограниченную применимость, особенно в области поэтического перевода. Самый же главный вывод автора заключается в следующем: четкое представление о получателе, его культурной компетентности и потребностях определяют стратегию перевода, особенно в процессе воспроизведения интертекстуальности. Другими словами, успешный перевод интертекстов возможен, если переводчик видит свою задачу в выравнивании уровней знаний получателей оригинала и получателей перевода.

Статья **Н.В. Яркиной, Л.П. Яркиной и И.А. Пугачева** замечательна тем, что в ней предпринимается попытка рассмотреть ситуации, в которых перевод осуществляется в условиях столкновения идеологий аудитории ИТ и аудитории ПТ. Авторы определяют идеологию как совокупность убеждений и ценностей, разделяемых определенной социальной группой. Идеология оказывает воздействие на всех, кто вовлечен в процесс перевода, и оказывает влияние на деятельность переводчика. Авторы утверждают, что используемый ими подход к переводу как к межгрупповому посредничеству в процессе передачи идеологического компонента помогает найти адекватный способ выражения авторского послания в условиях идеологического конфликта. В статье делается попытка дать ответ на вопрос, в каких условиях идеологически обусловленное вмешательство переводчика может рассматриваться как желательное и оправданное, а также какие факторы определяют переводческое решение, в частности, приводящие к идеологическим сдвигам. Под «идеологическим сдвигом» авторы подразумевают ситуации, в которых идеологически окрашенный элемент исходного текста преобразуется в переводном тексте таким образом, что он перестает выражать идеологию исходного текста, или, наоборот, в переводной текст вносится идеологически окрашенный элемент, выражающий идеологию, отсутствовавшую в исходном тексте. В статье рассматриваются проблемы, возникающие в ситуациях, в которых исходный текст выражает идеологию, противоречащую идеологии заказчика перевода или получателей переводного текста. Идеология может выступать в тексте на передний план или оставаться на заднем плане, и важно то, что даже если идеология была выражена автором на заднем плане, для читателя она будет выступать на переднем плане, если он находится в ином идеологическом контексте. В этом случае мы наблюдаем не идеологический сдвиг как таковой, а сдвиг в ролях, выполняемых идеологией в тексте.

Сегодня немного удивляет тот факт, что переводоведы активно обсуждают понятие «интерсемиотический перевод», введенное в обиход Р. Якобсоном вот уже шестьдесят лет назад. Как бы странно это ни казалось, этому обстоятельству есть объяснение: во-первых, в современную эпоху значительно возросла роль визуального и аудиального восприятия действительности, во-вторых, увеличилось

количество экранизаций и инсценировок литературных произведений, что предполагает интерпретацию вербальных знаков при помощи невербальных. Примером острого интереса переводоведов к проблемам интерсемиотического перевода и к используемым в его процессе механизмам является статья **О.А. Леонтович**. Основанная на глубоком анализе большого количества экранизаций русской литературной классики для иностранной аудитории (англоязычной, китайской, индийской и т.д.), она служит подтверждением того, что вид перевода, который уже традиционно именуется аудиовизуальным, обретает особую важность, наряду с аудио-дескрипцией, более маргинальным видом переводческой деятельности. Автор исходит из того, что всякий перевод есть прежде всего интерпретация макросмыслов исходного текста с целью воспроизведения их в форме текста на ином языке. Она показывает, что в процессе интерсемиотического перевода неизбежно происходят трансформации, и компоненты текста, формирующие макросмысл, перераспределяются особым образом в фильме или сценической постановке. Это определяется экстралингвистическими факторами, которые в статье обозначаются как коммерческие, творческие и идеологические цели режиссеров. И здесь хотелось бы отметить одно противоречие в рассуждениях автора. О.А. Леонтович утверждает, что изучение интерсемиотического перевода должно раскрыть его влияние на социальную реальность. Но в то же время проведенный ею анализ свидетельствует о том, что, скорее, социальная реальность оказывает сильное воздействие на интерсемиотический перевод и на используемые механизмы. Достаточно вспомнить, что использование всех видов переозначивания, упоминаемых в статье, определяется желанием режиссеров сделать фильм как можно более понятным целевой аудитории либо выразить свою собственную креативность. Даже выбор таких стратегий перевода, как форенизация, доместикация и универсализация, обусловлен действием экстралингвистических факторов. Тем не менее, итоговый вывод автора не подлежит сомнению: адаптация литературного произведения удачна, если в ней выражается макросмысл оригинала и сохраняются дух, ценности и суть оригинала.

Еще одним подтверждением интереса ученых к проблемам интерсемиотического перевода является статья **Н.В. Шурик и В.Е. Горшковой**, которая, в то же время, свидетельствует о возможности изучения этих проблем с использованием интердисциплинарного подхода, в частности, рассмотрения особенностей интерсемиотического перевода в терминах поверхностной и глубинной структур Н. Хомского. При этом содержание этих понятий в статье инвертируется. Как и в предыдущей статье, экранизация волшебных сказок, а именно они и являются материалом исследования, выступает в качестве интерсемиотического перевода, «интерпретации интерпретированного» (Гарбовский 2008: 34). Авторы утверждают, что сказочный нарратив отображается элементарными сюжетами поверхностной структуры, а функциям поверхностной структуры соответствуют планы, сценарии и фреймы глубинной структуры, которые заметно различаются, к примеру, в британских и русских волшебных народных сказках. Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что национальные различия, которые определяют принадлежность

той или иной народной волшебной сказки к определенной культуре, закодированы в глубинных структурах сказочного дискурса.

Рассмотрение содержания предыдущих двух статей убеждает нас в том, что проблемы аудиовизуального перевода относятся к числу наиболее актуальных проблем переводоведения в современную эпоху. Этим же проблемам посвящена статья **В.Е. Анисимова, А.С. Борисовой и Г.Р. Консона**, в которой рассматриваются стратегии локализации названий французских кинофильмов в переводе для русскоязычной аудитории и степень ее адекватности. Авторы доказывают, что в процессе локализации иноязычной киноленты осуществляется не только перевод ее текстовых элементов, но и адаптация к культуре целевой аудитории, т.е. происходит переход от одного языкового и культурного кода к другому. В статье делается вывод, что независимо от выбора переводческой стратегии название должно соответствовать сюжету, тематической направленности и идейно-образному содержанию фильма, при этом фильм должен оставаться интересным и привлекательным для иноязычного зрителя.

Традиционные проблемы воспроизведения особенностей художественного текста в межъязыковом переводе, проблемы, казалось бы, сугубо технологические, по-прежнему интересуют переводоведов и лингвистов и всегда будут интересовать, поскольку без решения этих проблем воссоздание каждого конкретного художественного произведения во всей его полноте, создание полного функционального аналога оригинала не представляется возможным. Подтверждение этого неоспоримого факта мы находим в статье **Н.М. Нестеровой и Е.А. Наугольных**, посвященной анализу деформации языковых единиц и новообразований в произведениях Дж. Джойса, а также изучению возможных способов их перевода на русский язык. Проведенный авторами анализ свидетельствует о том, что характерное для текстов Дж. Джойса многоязычие, проявляющееся в использовании иноязычного материала для создания сложных слов-окказионализмов, представляет собой основную проблему в процессе перевода, не нашедшую окончательного решения до сих пор. Сложность решения этой проблемы определяется, прежде всего, множественностью интерпретаций не только функций, выполняемых деформированными элементами английского языка и новообразованиями, но и возможных значений подобных единиц.

Статья **Рафаэля Гусмана Тирадо** посвящена рассмотрению проблем, возникающих при переводе языковых и речевых единиц, содержащих культурный компонент, то есть имеющих тесную связь с исходной культурой (реалии, идиомы, метафоры, сравнения и т.п.). Для переводоведения эти проблемы не являются новыми, по крайней мере с того момента, который был обозначен М. Снелл-Хорнби как «культурный поворот» (cultural turn) (Snell-Hornby 2006). Независимо от того, как мы трактуем понятие «культура», обращение к рассмотрению зависимости переводческого выбора от особенностей принимающей культуры, от величины дистанции между исходной культурой и культурой принимающей, имеет большое значение как для переводоведения, так и для практики перевода. Статья имеет помимо теоретической еще и практическую направленность: на примере

собственного перевода романа Евгения Водолазкина «Авиатор» на испанский язык автор показывает, что эмоциональный эффект, ощущаемый читателем оригинала, в определенной степени утрачивается в переводе. В статье делается вывод, что от переводчика требуется существенное «оперативное вмешательство» в художественный текст с целью обеспечить хотя бы приблизительное равенство коммуникативных эффектов, производимых двумя текстами. При этом автор не ограничивает себя рассмотрением проблем, обусловленных использованием в оригинале слов-реалий (эти проблемы не только подробно рассмотрены в переводоведческих работах, но и часто решаются на практике вполне успешно). Он показывает, что культурный компонент значения, а если говорить точнее, смысла переводимого сегмента текста часто возникает в связи с особым мировоззрением и мировосприятием представителей исходной культуры, определяется их особым менталитетом.

Выше мы говорили о многообразии направлений переводоведческих исследований, к числу которых по-прежнему относится исследование особенностей религиозного перевода. Неиссякаемый интерес к этому виду перевода, некогда являвшимся практически основным видом переводческой деятельности, подтверждается двумя статьями, опубликованными в данном выпуске. Первая статья написана **Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцевой и А.А. Осиповой**. В ней рассматривается специфика реалий в текстах Ветхого и Нового Заветов и особенности их перевода. Анализ большого количества источников позволяет авторам сделать очень интересные выводы, свидетельствующие не только об особом характере реалий и их функционирования в текстах Библии, но и о специфике их межязыковой передачи, связанной с действием экстралингвистических факторов. К числу этих факторов можно отнести сам выбор оригинала, влияние сложившейся в данной культуре традиции перевода Библии, ориентированность перевода на специфическую аудиторию (миссионерский перевод), цель осуществления перевода, а также влияние определенных переводоведческих концепций на деятельность переводчиков. Все это свидетельствует о том, что религиозный перевод, так же как и другие виды перевода, подвержен воздействию со стороны конвенциональной нормы перевода (Комиссаров 1990: 231—232), то есть взглядов общества на задачи переводческой деятельности, доминирующих в ту или иную эпоху.

В статье **Ибрахима Наджара, Со Би Кви и Табета Абу Аль-хаи** рассматривается другая конкретная проблема религиозного перевода, а именно проблема сохранения модальности высказывания в переводе Корана на английский язык. Авторы анализируют, какие функции выполняют риторические вопросы в тексте Корана и какие грамматические изменения в оформлении риторических вопросов наблюдаются в его двух английских переводах. Исследование основано на положении М. Ларсона (Larson 1974: 14), согласно которому коммуникативная ситуация и отношение говорящего определяют набор используемых грамматических форма, а также на утверждении В. Вилса (Wilss 1982: 71) о том, что если меняется предметная ситуация, «то неизбежно меняется и языковая форма высказывания. И наоборот, если происходят изменения на языковом уровне, то и предметная

ситуация также меняется» (перевод мой. — В.С.). Соответственно, меняется и модальность высказывания. Анализ большого количества примеров использования риторических вопросов в тексте Корана и в двух английских переводах приводит авторов к выводу, что переводческие сдвиги, то есть изменения грамматических форм при передаче риторических вопросов, действительно имеют место в переводах, хотя и в разной степени, и приводят к искажению модальности риторических вопросов, использованных в оригинале. Каким бы конкретным ни был обсуждаемый вопрос, он имеет непосредственное отношение к глобальной проблеме верности (*loyalty*) переводчика автору оригинала: содержание исходного текста должно быть верно передано получателям перевода.

Одной из наиболее ярких «примет времени» в современном переводоведении является появление феминистского течения (см., например, Прунч 2015), представительницы которого настаивают на соблюдении политкорректности, даже если она не предполагалась создателем оригинала. Пожалуй, самым «выдающимся» проявлением политкорректности в переводе является стремление некоторых теологов заменить гендерно-специфичные формы гендерно-нейтральными в текстах Священного Писания. Именно анализу подобных попыток и их результатов посвящена статья **К.С. Шарова**, написанная на материале современных англоязычных переводов Библии. Собственно, если и можно здесь говорить о переводе, то только о переводе внутриязыковом в терминологии Р.О. Якобсона (Jacobson 1957; Якобсон 1975). Проведенный автором анализ свидетельствует о том, что гендерно-нейтральный язык вносит новые феминистские смыслы в мессианские священные тексты, ранее там не содержащиеся, а гендерно-нейтральные английские переводы христианской Библии перестают быть каноничными с точки зрения христианской теологии, поскольку изначально содержащиеся в Библии смыслы могут оказаться полностью искаженными. Таким образом, с точки зрения традиционного богословия попытки утвердить социальное равенство полов при переводе Священного Писания вряд ли оправданы. В то же время автор утверждает, что изучение гендерно-нейтральных стратегий позволяет проследить эволюцию жанра христианской гомилетики.

Некоторые новые тенденции в переводческой деятельности, связанные с широким использованием информационных технологий (см. статью Ива Гамбье в настоящем выпуске), обсуждаются в статье **И. Г. Овчинниковой**. Статья посвящена анализу переводческих ошибок, возникающих в связи с использованием систем переводческой памяти, в частности, на примере платформы SmartCat. Автор не ограничивает себя исключительно анализом типов совершаемых переводчиками ошибок, тем более что они оказываются такими же, как и в переводе без использования систем переводческой памяти. Здесь важно то, что в данном случае имеет место сочетание обычных ошибок с неточностями машинного перевода, что представляется специфической особенностью перевода на основе компьютерных программ. В статье также ставится цель выявить причины переводческих ошибок, связанных с использованием платформы SmartCat. На основе скрупулезного анализа ошибок, совершенных в рамках переводческого проекта группой переводчи-

ков, а также их причин, автор делает вывод, что использование систем автоматизированного и машинного перевода требует от переводчика наличия дополнительных компетенций, необходимых для того, чтобы контролировать процесс создания текста перевода в целом. В то же время изучение переводческих ошибок сможет помочь разработчикам систем автоматизированного перевода усовершенствовать инструменты CAT и пользовательский интерфейс платформы.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленный обзор свидетельствует о том, что переводоведение в настоящее время имеет практическую направленность, в большей степени, чем ранее, ориентировано на постижение закономерностей переводческой деятельности. При этом переводоведение как наука имеет междисциплинарный характер, что обусловлено комплексным характером практически всех видов перевода, переводческой деятельности как таковой. Одновременно современное переводоведение уже способно служить в качестве теоретической основы для разработки дидактики перевода, потребность в которой ощущается весьма остро.

В данном выпуске представлена новая рубрика «Форум», в которой представлено слово опытным переводчикам-практикам с международной репутацией. Интервьюируемые представляют разные сферы переводческой деятельности, что нашло отражение в содержании их ответов на поставленные вопросы. **Генри Лью (Henry Liu)** — человек, благодаря которому переводческая профессия обрела общественное признание. Благодаря его усилиям Генеральная Ассамблея ООН учредила Международный день переводчика, который мы празднуем ежегодно 30 сентября. Генри Лью — 13-й Президент Международной федерации переводчиков (ФИТ), в настоящее время — Почетный советник ФИТ. **Борис Наймушин** — опытный устный переводчик, с 2009 года — переводчик Президента Болгарии. Он ведет очень активную просветительскую деятельность не только в Болгарии, но и в России, а также в других странах. **Виктор Константинович Ланчиков**, профессор переводческого факультета Московского государственного лингвистического университета, известен в России как замечательный переводчик английской художественной литературы, инициатор многих переводческих проектов. Будучи главным редактором журнала «Мосты» (издательство «Р.Валент», Москва), он много делает для распространения профессиональных переводческих знаний в России. **Ирина Владимировна Зубанова** — доцент Московского государственного лингвистического университета, опытнейший переводчик-синхронист, член Союза переводчиков России и Национальной лиги переводчиков, автор чрезвычайно интересных работ, посвященных проблемам устного перевода. Она многое делает для совершенствования переводческого образования в стране, активно участвуя в Летних и Зимних школах перевода и в других мероприятиях, проводимых Союзом переводчиков России. Интервью коллег служат прекрасной иллюстрацией тех проблем, с которыми сталкиваются переводчики в процессе своей каждодневной деятельности и которые подвергаются теоретическому осмыслению переводоведами.

REFERENCES / СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bassnett, Susan (2005). *Translation Studies*. 3rd ed. London and New York, Routledge.
- Bassnett, Susan / Lefevere, André (1998). *Constructing Cultures. Essays on literary translation*. Clevedon-Philadelphía: Multilingual Matters (Topics in translation 11).
- Chaume, Frederic (2016). Audiovisual translation trends: growing diversity, choice and enhanced localization. *Media across borders. Localizing film, TV and video games*. Ed. by A. Esser, M.A. Bernal-Merino, I.R. Smith. New York: Routledge, 68—84.
- Cranmer, Robin (2015). Introducing Intercultural Communication into the Teaching of Translation. *Russian Journal of Linguistics*, 19 (4), 155—174.
- Díaz Cintas, Jorge (2009). Introduction — Audiovisual Translation: An Overview of Its Potential. *New Trends in Audiovisual*. Ed. by J. Díaz Cintas. Bristol; Buffalo; Toronto, 1—18.
- Fridge. Available at: <http://fridge.com.ua/2011/02/lokalizatsiya-perevoda/>.
- Gambier, Yves (2008). Recent developments and challenges in audiovisual translation research. *Between Text and Image: Updating Research in Screen Translation*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Co., 11—35.
- Gambier, Yves (2016). Rapid and Radical Changes in Translation and Translation Studies. *International Journal of Communication*. Issue 10, 887—906.
- Gentzler, Edwin (1990). *Contemporary Translation Theory*: Dissertation submitted for the degree of Doctor of Philosophy in Comparative Literature. Nashville, Tennessee.
- Gentzler, Edwin (2001). *Contemporary Translation Theories. Revised 2nd Edition*. Clevedon, Multilingual Matters Ltd.
- Gottlieb, Henrik (2009). Subtitling against the Current: Danish concepts, English minds. J. Díaz Cintas (Ed.). *New Trends in Audiovisual Translation*. Bristol; Buffalo; Toronto, 21—43.
- Hatim, Basil / Mason, Ian (2005). *The Translator as Communicator*. London, New York: Routledge.
- Jacobson, Roman (1959). On Linguistic Aspects of Translation. *On Translation*. Harvard University Press, Cambridge, Massachusetts.
- Jäger, Gert (1975). *Translation und Translationslinguistik*. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer.
- Kade, Otto (1981). *Probleme des übersetzungswissenschaftlichen Textvergleichs*. Leipzig: VEB Enzyklopädie (Übersetzungswissenschaftliche Beiträge 4).
- Katan, David. Translation as Intercultural Communication. *The Routledge Companion to Translation Studies*. Revised edition. Ed. by Jeremy Munday. London, New York: Routledge.
- Koskinen, Kaisa (2015). Training Translators for a Superdiverse World. Translators' Intercultural Competence and Translation as Affective Work. *Russian Journal of Linguistics*, 19 (4), 175—184.
- Larson, Mildred (1974). The communicative situation and rhetorical questions. *Notes on Linguistics*, 9, 14—18.
- LISA. *The Localization Industry Primer*. 2nd ed. Available at: <https://www.immagic.com/eLibrary/ARCHIVES/GENERAL/LISA/L030625P.pdf>
- Moser-Mercer, Barbara (1978). Simultaneous Interpretation: A Theoretical Model and its Practical Application. Gerver, D. et Sinaiko, W.H. *Language, Interpretation and Communication*. New York, Plenum Press, 353—368.
- Moser-Mercer, Barbara, Künzli, Alexander, Korac, Marina (1998). Prolonged turns in interpreting: Effects on quality, physiological and psychological stress. *Interpreting*, No. 3 (1), 47—64.
- Neubert, Albrecht (1973). Theorie und Praxis für die Übersetzungswissenschaft. *Linguistische Arbeitsberichte* 7, 120—144.

- Nida, Eugene (1964). *Toward a Science of Translating. With Special Reference to Principles and Procedures in Bible Translating*. Leiden: Brill.
- Nida, Eugene / Taber, Charles (1969). *The Theory and Practice of Translation*. Leiden: Brill.
- Nida, Eugene (1993). *Language, Culture and Translating*. Shanghai: Foreign Language Education Press.
- Nida, Eugene (1996). *The Sociolinguistics of Interlingual Communication*. Bruxelles: Éditions du Hazard (collection Traductologie).
- Nord, Christiane (2005). *Text Analysis in Translation. Theory, Methodology and Didactic Application of a Model of Translation-Oriented Text Analysis*. 2nd ed. Editions Rodopi, Amsterdam — New York.
- Pettit, Zoë (2009). Connecting cultures: cultural transfer in subtitling and dubbing. J. Díaz Cintas (Ed.). *New Trends in Audiovisual Translation*. Bristil; Buffalo; Totonto, 44—57.
- Prunč, Erich (2007). *Entwicklungslinien der Translationswissenschaft. Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht*. Frank & Timme GmbH.
- Pym, Anthony (2009). Natural and directional equivalence in theories of translation. *The metalanguage of translation*. Eds. Y. Gambier, L. van Doorslaer. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ.
- Pym, Anthony (2011). What Technology Does to Translating. *Translation and Interpreting. Vol. 3. 1(2011)*. Available at: [https://cloud.mail.ru/public/4QBA/ZuUpBXypn/PYM.What technologies does to translating.pdf](https://cloud.mail.ru/public/4QBA/ZuUpBXypn/PYM.What%20technologies%20does%20to%20translating.pdf)
- Reiss, Katharina / Vermeer, Hans J. (1984): *Allgemeine Grundlegung einer Translations theorie*. Tübingen: Niemeyer.
- Reiß, Katharina / Vermeer, Hans (2013). *Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained / Translated from German by Christiane Nord*. Manchester: St. Jerome Publishing.
- Sdobnikov, Vadim (2011). Translation Strategy Revised: The Communicative-Functional Approach. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. V. 4 (10)*.
- Sdobnikov, Vadim (2017). Communicative-Functional Approach in Russian Translation Studies: Where Does It Come From? *Science Journal of VolSU. Linguistics*. 2017. Vol. 16. No. 3.
- Snell-Hornby, Mary (2006). *The Turns of Translation Studies. New Paradigms or Shifting View-points?* Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins.
- Toury, Gideon (1995). *Descriptive Translation Studies and beyond*. Amsterdam/Philadelphia: Benjamins (Benjamins Translation Library 4).
- Wilss, Wolfram. (1982). *The Science of Translation: Problems and Method*. Tübingen: Narr.
- Гамбие И. Перевод и переводоведение на перекрестке цифровых технологий // *Вестник СПбГУ. Серия 9*. 2016. Вып. 4 [Gambier, Ives (2016). Perevod i perevodovedenie na perekrestke tsifrovyykh tekhnologii (Translation and Translation Studies at the Crossroads of Digital Communications). *Vestnik SPbGU. Ser. 9. Vyp. 4* (In Russ.)].
- Гарбовский Н.К. Отражение как свойство перевода. *Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода*. 2008. № 4. С. 26—36. [Garbovskiy, N.K. (2008). Otrazhenie kak svoictvo perevoda (Reflection as a Property of Translation). *Vestnik MGU. Ser. 22. Teorija perevoda. № 4. 26—36*. (In Russ.)].
- Горшкова В.Е. *Перевод в кино: монография*. Иркутск: ФГБОУ ВПО «ИГЛУ», 2006 [Gorshkova, V.E. (2006). *Perevod v kino: monografija* (Film Translation: monograph). IGLU (In Russ.)].
- Горшкова В.Е. Перевод кинодиалога как осмысленный произвол // *Перевод: ремесло, искусство, наука: монография / Под общ. ред. В.Е. Горшковой*. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2017 [Gorshkova, V.E. (2017). *Perevod kinodialoga kak osmyslenny proizvol* (Translation

of Film Dialogue as a Conscious Abuse). *Perevod: remeslo, iskusstvo, nauka: monografija*. Irkutsk, IGU (In Russ.).

- Козуляев А.В. Аудиовизуальный полисемантический перевод как особая форма переводческой деятельности и особенности обучения данному виду перевода. *XVII Царскосельские чтения: мат-лы Междунар. науч. конф-ции, 23—24 апреля 2013 г.* СПб., 2013. Т. I [Kozulyaev, A.V. (2013). Audiovizualny polisemantichesky perevod kak osobaja forma perevodcheskoi deyatelnosti I osobennosti obuchenija dannomu vidu perevoda (Audiovisual Polysemantic translation as a specific form of translation activity and methods of teaching it). XVII Tsarskoselskie chteniya: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, 23—24 aprelya 2013 goda. Saint-Petersburg (In Russ.)].
- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. [Komissarov, V.N. (1990). *Teorija perevoda (Lingvisticheskie aspekty)* (Translation Theory (Linguistic Aspects)). Moscow, Vysshaja Shkola Publishing House (In Russ.)].
- Ларин Б.А. Наши задачи. *Теория и критика перевода*. Л., 1962 [Larin, B.A. (1962). *Nashi zadachi (Our Tasks)*. *Teorija i kritika perevoda*. Leningrad (In Russ.)].
- Львовская З.Д. *Теоретические проблемы перевода (на материале испанского языка)*. М.: Высшая школа, 1985 [Lvovskaya, Zinaida (1985). *Teoreticheskie problem perevoda (na materiale ispanskogo jazyka)* (Theoretical Problems of Translation (on the material of Spanish)). Moscow, Vysshaya shkola (In Russ.)].
- Львовская З.Д. *Современные проблемы перевода: Пер. с исп.* М.: Издательство ЛКИ, 2008 [Lvovskaya, Zinaida (2008). *Sovremennye problemy perevoda (Modern Problems of Translation)*. Moscow, LKI Publishing House (In Russ.)].
- Малёнова Е.Д. Теория и практики аудиовизуального перевода: отечественный и зарубежный опыт. *Коммуникативные исследования*, 2017, № 2(12), 32—46 [Malyonova, E.D. (2017). *Teorija i prektika audiovizualnogo perevods: otechestvenny i zarubezhny opyt* (Theory and Practice of Audiovisual Translation: Russian and Foreign Experience). *Kommunikativnye issledovanija*, 2017, No 2(12) (In Russ.)].
- Матасов Р.А. *Перевод кино/видео материалов: лингвокультурологические и дидактические аспекты: дис. ... канд. филол. наук.* М., 2009 [Matasov, R.A. (2009). *Perevod kino/video materialov: lingvokulturologicheskie i didakticheskie aspekty* (Translation of Films and Videos: Linguocultural and Didactic Aspects): diss...kand. filol. nauk. Moscow (In Russ.)].
- Миньяр-Белоручев Р.К. *Последовательный перевод. Теория и методика обучения*. М.: Воениздат, 1969 [Minjar-Beloruhev, R.K. (1969). *Posledovatelnyi perevod. Teotija i metodika obuchenija* (Consecutive Interpreting. Theory and Methods of Teaching). Moscow, Voenizdat (In Russ.)].
- Миньяр-Белоручев Р.К. *Общая теория перевода и устный перевод*. М.: Воениздат, 1980 [Minjar-Beloruhev, R.K. (1980). *Obshchaja teorija peredoda i ustnyi perevod* (General Translation Theory and Oral Interpreting). Moscow, Voenizdat (In Russ.)].
- Прунч Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической. М.: Р.Валент, 2015 [Prunč, Erich (2015). *Puti razvitija zapadnogo perevodovedenija. Ot jazykovoј asimmetrii k politicheskoi* (Ways of Development of Western Translation Studies. From Language Asymmetry to Political One). Moscow, R.Valent (In Russ.)].
- Сдобников В.В., Петрова О.В. *Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков*. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006 [Sdobnikov, Vadim, Petrova, Olga (2006). *Teorija perevoda* (Translation Theory). Moscow, AST; Vostok-Zapad (In Russ.)].
- Сдобников В.В. *Перевод и коммуникативная ситуация: монография*. М.: Флинта: Наука, 2015 [Sdobnikov, Vadim (2015). *Perevod i kommunikativnaja situatsija* (Translation and Communicative Situation: monograph). Moscow, Flinta: Nauka (In Russ.)].

- Федоров А.В. *Основы общей теории перевода*. 4-е изд. М.: Высшая школа, 1983 [Fedorov, Andrei (1983). *Osnovy obshchei teorii perevoda* (Fundamentals of General Translation Theory). 4th ed. Moscow, Vysshaya shkola (In Russ.)].
- Чернов Г.В. *Основы синхронного перевода*. М.: Высшая школа, 1987 [Chernov, G. (1987). *Osnovy sinkhronnogo perevoda* (Fundamentals of Simultaneous Interpreting). Moscow, Vysshaja Shkola (In Russ.)].
- Швейцер А.Д. *Теория перевода: статус, проблемы, аспекты*. М.: Наука, 1988 [Svejtser, Aleksandr (1988). *Teorija perevoda: status, problem, aspekty* (Translation Theory: Status, Problems, Aspects). Moscow, Nauka (In Russ.)].
- Ширяев А.Ф. *Синхронный перевод: Деятельность синхронного переводчика и методика преподавания синхронного перевода*. М.: Воениздат, 1979 [Shiryayev, A.F. (1979). *Sinkhronny perevod. Dejatel'nost sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniya sinkhronnogo perevoda* (Simultaneous Interpreting: Simultaneous Interpreter's Activity and Methods of Teaching Simultaneous Interpreting). Moscow, Voenizdat (In Russ.)].
- Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сборник научных статей. М.: Прогресс, 1975. С. 193—230. [Jacobson, R.O. (1975). *Lingvistika i poetika* (Linguistics and Poetics). *Strukturalizm: za i protiv*. Moscow, Progress Publishing House. P. 193—230. (In Russ.)].

Bionote:

VADIM SDOBNIKOV is Professor at Linguistic University of Nizhny Novgorod, Head of Department of the English Language and Translation Theory and Practice, Chairperson of the Board of the Union of Translators of Russia. His research interests embrace translation studies, didactics of translation, intercultural communication. Key publications: *Perevod i kommunikativnaja situatsija* [Translation and Communicative Situation], Moscow, 2015; *Otsenka kachestva perevods: kommunikativno-funktsionalny podkhod* [Translation Quality Assessment: Communicative-Functional Approach], Moscow, 2015; In Defense of Communicative-Functional Approach to Translation. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 231 (2016), 92—98; Communicative-Functional Approach in Russian Translation Studies: Where Does It Come From? *Science Journal of VolSU. Linguistics*. 2017. Vol. 16. No. 3, 71—79; Translation vs Localization: What's the Difference? *Humanities & Social Sciences: Journal of Siberian Federal University*, 2018, 11(9), 1487—1498.

Contact information: e-mail: artist232@rambler.ru

Сведения об авторе:

СДОБНИКОВ ВАДИМ ВИТАЛЬЕВИЧ — доктор филологических наук, заведующий кафедрой теории и практики английского языка и перевода Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова, председатель Правления Союза переводчиков России. Сфера научных интересов: переводоведение, дидактика перевода, межкультурная коммуникация. Основные публикации: *Перевод и коммуникативная ситуация: монография*. М.: Флинта: Наука, 2015; *Оценка качества перевода: коммуникативно-функциональный подход: монография*. М.: Флинта: Наука, 2015; In Defense of Communicative-Functional Approach to Translation. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 231 (2016), 92—98; Communicative-Functional Approach in Russian Translation Studies: Where Does It Come From? *Science Journal of VolSU. Linguistics*. 2017. Vol. 16. No. 3, 71—79; Translation vs Localization: What's the Difference? *Humanities & Social Sciences: Journal of Siberian Federal University*, 2018, 11 (9), 1487—1498.

Контактная информация: e-mail: artist232@rambler.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-328-343

Paving the way to the text: Forms and Functions of Book Titles in Translation

Christiane Nord

University of the Free State
205 Nelson Mandela Dr, Park West, Bloemfontein, 9301, South Africa

Abstract

When we are looking at the books displayed in the window of a bookshop, what first catches the eye is the title. Titles pave the way to the text, even in a literal sense. In any case, they establish a first contact with a potential readership, informing them, for example, about the genre (novel, non-fiction, children's book) or the content of the book, praising its qualities, and, if all this raises the readers' interest, appealing to them to buy and later read the book, or even guiding their interpretation of the text. This shows how important it is that a title is apt to fulfil all these functions — an original title in its own culture, a translated title in the target culture. It is a well-known fact that translators do not normally have the last word in the process of deciding on the title of a book they have translated. Nevertheless, if they can offer good arguments for or against certain title formulations, they might at least be heard. At any rate, just pleading for a “faithful” translation of the original title will not do. There may be a lot of arguments — and not only linguistic ones — against a literal translation, with which translators have to be familiar. The following study is based on a corpus including titles of fictional, nonfictional and children's books in English, German, French and Spanish. After justifying the classification as titles as texts, and even a genre with its own culture-specific conventions, it aims at showing the forms and functions of book titles in order to provide a sound foundation for their translation, discussing some of the problems derived from this functional perspective.

Keywords: *book titles, function, translation problems, genre conventions, textuality standards*

For citation:

Nord, Christiane (2019). Paving the Way to the Text: Forms and Functions of Book Titles in Translation. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 328—343. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-328-343.

Путь к тексту: лингвистические и функциональные особенности заглавий книг и способы их перевода

Кристиане Норд

Университет Фри-Стейт
205 Nelson Mandela Dr, Park West, Блумфонтейн, 9301, Южная Африка

Аннотация

Когда мы смотрим на книги, выставленные в витрине книжного магазина, первое, что бросается в глаза, — это заглавия. Заглавия прокладывают путь к тексту — даже в буквальном смысле. В любом случае они обеспечивают первый контакт с потенциальной аудиторией, сообщая ей, в каком жанре

написана книга (роман, нон-фикшн, детская книга), раскрывая основное содержание книги или указывая на ее достоинства, и, если все это вызывает интерес потенциальных читателей, призывают купить книгу или даже настраивают на определенную интерпретацию текста. Все это указывает на важность выполнения заглавием оригинала и заглавием перевода всех этих функций в исходной культуре и в принимающей культуре, соответственно. Хорошо известно, что в решении вопроса о том, каким должно быть заглавие переведенного произведения, последнее слово остается вовсе не за переводчиками. Однако если они способны предложить убедительные аргументы за или против определенной формулировки заглавия, они могут быть, по крайней мере, услышаны. В любом случае настаивать на сугубой «верности» оригиналу вряд ли эффективно. Против буквального перевода может быть множество аргументов, и не только собственно лингвистических, и переводчик должен их иметь. В рамках проведенного исследования был изучен корпус заглавий художественных, нехудожественных и детских книг на английском, немецком, французском и испанском языках. В работе дается обоснование классификации заглавий как самостоятельных текстов, а также возможности рассмотрения заглавия как отдельного жанра, основанного на собственных культурно-специфических конвенциях, и ставится цель раскрыть особенности формы и функций заглавий книг с тем, чтобы создать основы для адекватного перевода заглавий. Кроме того, рассматриваются отдельные проблемы перевода заглавий с точки зрения функционального подхода.

Ключевые слова: *заглавие, функция, проблемы перевода, конвенции жанра, стандарты текстuality*

Для цитирования:

Nord, Christiane. Paving the Way to the Text: Forms and Functions of Book Titles in Translation // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No 2. С. 328—343. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-328-343.

1. INTRODUCTION

Reading a translated title, we often ask ourselves (if we know the original) why the translation is not more (or less) literal — and why a particular translation that looks so different from the original still has such great impact (or vice versa).

Examples:

- (1) Joseph Conrad: *The End of the Tether* / German: *Das Ende vom Lied*
- (2) Daphne du Maurier: *Frenchman's Creek* / French: *L'Aventure vient de la mer ou la Crique du Français* / Spanish: *La cala del francés* / German: *Die Bucht des Franzosen*
- (3) Harper Lee: *To Kill a Mocking Bird* / French: *Ne tirez pas sur l'oiseau moqueur* / Spanish: *Matar un ruiseñor* / German: *Wer die Nachtigall stört* / French, as a film: *Du silence et des ombres*
- (4) Samuel Beckett: *Mal vu, mal dit* / English: *Ill seen, ill said* / German: *Schlecht gesehen, schlecht gesagt* / Italian: *Mal visto, mal detto*.

We will come back to some of these examples later.

A large percentage of the titles available on the book market are translations, particularly in the German-speaking area (e.g., 42.3 per cent of the German, compared to 15.7 per cent of the English fictional book titles in our corpus). It can be expected, therefore, that at least part of the expectations and ideas a “typical” reader has with regard to the form and functions of titles is determined by translated titles. Very often, readers are not aware of the fact that the title they are reading in a publisher’s catalogue or in a book review is a translation. But even if they are, they will interpret any title on the basis of their intuitive knowledge about titles of certain book genres, which, of course, is culture-specific.

In this regard, it may be interesting to note that most studies about titles, whether they are entertaining (Bergengruen 1950 or Barton 1968, 1984) or academic (Hoek 1981, Rothe 1970, 1986) indifferently cite original and translated titles as examples for certain title types or forms. In spite of Hoek's statement that "[f]ormulating a title for a text is a cultural process", the author mainly deals with the universals of the title (cf. Hoek 1981, XI).

This shows the responsibility translators have when they translate a title. Moreover, we have to ask how "universal" or "culture-specific" the effect of titles on their receivers really is. Translations can introduce new title types or transfer existing types on new genres, as Rothe (1970, 110) explains with regard to duplex titles.

The study is based on a corpus consisting of four parts in English, French, Spanish and German. One part of the corpus dates from 1987 and served as a basis for an earlier publication (Nord 1993), another part, slightly smaller, dates from 2017, because we wanted to see whether the genre conventions for these titles have changed in the meantime. After analysing the two parts, we found that the results were rather similar, which allowed us to merge the two parts into one and use the combined corpus for the quantitative data presented in this study.

Two aspects were important for the compilation of the corpus: Firstly, the corpus should be representative of a broad variety of topics and styles in order to have a reliable basis for the analysis of the conventions of the genre "title", and secondly, the material should be relevant for translation. Fictional, nonfictional and children's books are, in fact, often translated, as the catalogues of popular publishing houses clearly show, where translated and non-translated titles are listed alphabetically without any distinction. These catalogues therefore seemed to provide suitable data for the study. The 1987 part was in print only, the 2017 part is available online. The sources are listed in the bibliography.

Each corpus part included similar numbers of fictional, nonfictional, and children's book titles retrieved from the catalogues of publishing houses in the United Kingdom, France, Spain, and Germany. Cultural differences between the various countries where these languages are spoken, which may be considerable for other text types, could be neglected since books are rarely published for one country only.

The total number of titles is 13,868: 4,232 titles in English (30.5%), 3,561 (25.7%) in French, 2,868 (20.7%) in Spanish, and 3,207 (23.1%) in German. The proportion of translated titles is highest in the Spanish part (52.2%), and lowest in the English part (10.1%), with the French (22.9%) and the German part (31.8%) in the middle.

In our analysis, translated and non-translated titles are dealt with indiscriminately since they form the repertoire guiding the readers' expectations with regard to what a (good) title is or should be like. More often than not, readers who are not familiar with the "déformation professionnelle" of translators or translation scholars are not even aware of reading a translation.

2. TITLES AS TEXTS

2.1. General considerations

In ancient libraries, the scrolls stood in stands side by side, a parchment strip on the upper margin indicating the author and the contents. This strip was called "sillybos" in Greek, in Latin first "index" and then mostly "titulus". Later the indication

of author and content was shifted to the end of the text, and then, by and by, also to the beginning of the text (for the history of the title cf. Schnitzler 1983, 4ff., Rothe 1986, 11ff., and Wulff 1979). In modern language use, a title in the sense that matters here is “the name of a book, musical composition, or other artistic work” (COED 2011). In order to prevent unauthorised use, misuse, imitation or confusable determinations (cf. Wilpert 1961), titles are protected by copyright law in some countries (e.g. Switzerland) or by the *Law Against Unfair Competition* (e.g. Germany, Austria) if they have a clearly distinctive form (so-called “soft titles” like *Collected Works* are not protected). In other countries, like the United States, for example, copyright protection is not available for titles (see <https://www.copyright.gov/circs/circ34.pdf>, 17/06/2017: “The U.S. Copyright Office cannot register claims to exclusive rights in brief combinations of words such as: ... Titles of works”). However, the U.S. Patent and Trademark Office states that a trademark protects words, phrases, symbols or designs identifying the source of the goods or services of one party and distinguishing them from those of others. When a book title becomes successful enough to be considered a recognizable brand, it may be eligible for trademark protection.

Since many titles are rather vague (e.g. *Collected Works*) and do not allow an unequivocal identification of a work, it seems reasonable to include the author’s (or, in the case of films, the director’s) name in the “title unit”. In this context, Rothe (1986: 13) mentions the meaning of the French word *titre*, which can include the author’s name. Speaking about a book, the name of the author is often not mentioned explicitly, at least if the work is well known, whereas sometimes the author’s name even forms part of the title, like in *The Best of H. C. Artmann*. On the spine of a book we usually find both author’s name and title. This is how the examples will be quoted in this paper.

Title pages of books show that the functional unit “author’s name + title” forms part of a larger unit which usually includes the name of the publishing house, year and place of publication, number of the edition, an indication of the genre (e.g., in 28.3% of the subtitles in German fiction, 75.3% of the subtitles of English fiction, 28.3% of the subtitles of French fiction, and 75.0% of the subtitles of Spanish fiction, according to the 1987 corpus, apart from many other books where it does not form part of the title but only of the front matter), sometimes the name of the translator, etc. This information is often subsumed under the term “front matter”. Since the front matter does not normally belong to the responsibilities of a translator, it can be left out of consideration in this study.

The unit “author’s name + title” can be regarded as an abbreviation of a “hyper sentence” (cf. Gülich/Heger/Raible 1979: 103), which for the present article might read as follows.

- (5) I, Christiane Nord, as author, am presenting to you, esteemed readers, my considerations about titles as functional units under the title “Paving the way to the text”.

This sentence, which is usually quoted in its abbreviated form, is an explicit signal that an offer of information is directed at a potential reader or listener (who will not necessarily accept it). This means that the title is located at a metalevel above that of the text, which is relevant for the question whether this metacommunicative unit is part of the text that it announces (the so-called co-text) or whether its status is that of

an independent textual entity. I will try to briefly answer this question using De Beau-grande/Dressler's seven standards of textuality (1981: 7ff.), namely cohesion, coherence, intentionality, acceptability, informativity, situationality, and intertextuality.

2.2. Cohesion

In a unit as short as a title, explicit features of cohesion like recurrence or paraphrase will be difficult to find. However, all titles consisting of more than one word (and also some one-word titles, e.g. in languages which have nominal compounds, like German) present syntactic relations serving as cohesive devices.

Example

- (6) Gilbert K. Chesterton: *The Man who was Thursday* (F))
- (7) René Fallet: *Mozart assassiné* (F)
- (8) Octavio Paz: *Juntacadáveres* (F)

In Example 6, the relative pronoun *who* is an anaphoric element referring back to *the man*). In Example 7, the past participle *assassiné* (“murdered”) is in grammatical agreement with *Mozart*, and in Example 8, the Spanish compound consists of a verb form in the third person singular, *junta* (“it collects”) and a noun as an object to the verb, *cadáveres* (“corpses”). Moreover, all functional title units show a cohesive relationship between the author's name and the title as such. In former times, the author's name was often formulated in the possessive case (e.g. in Latin). Today, this relationship is indicated by a colon or a comma or by the conventional layout on the title page, where the author's name is usually placed above or below the title phrase.

On the other hand, the title (as well as an abstract) and the co-text are not linked by cohesive devices. Recurrence and paraphrase, for example, do not bridge the gap between the two levels of communication. Using the title of this paper again, we will see that the first sentence of the co-text does not substitute the topical noun mentioned in the title by a pronoun, which would be the appropriate way of establishing cohesion:

Example

- (9) Title: Paving the way to the text: forms and functions of book titles in translation.
[Abstract]
Co-text: *They are the first thing that catches the eye when...

Normally, a new referent is introduced with the indefinite article and afterwards substituted with the definite article. The definite article used in many titles indicates a reverse relationship, in which the title noun substitutes the referent mentioned in the text (cf. Hoek 1981: 162). This may be due, among other things, to the fact that in earlier times, the title was placed at the inner end of the scroll, i.e. at the end of the text.

2.3. Coherence

Recipients establish coherence between the concepts and relations expressed in a text either on the basis of cohesion or, if there are no cohesive devices, using their previous knowledge about the objects and phenomena mentioned in the text. In the case of titles, where cohesion, as we have seen, is rather limited, the latter will usually be the case. Recipients need an experience of titles in order to be able to recognize an utterance

as a title, i.e. as a signal for an offer of communication about a text, and to make sense of the information given in the title. This experience often includes some knowledge about the author.

Example

(10) James Joyce: *Ulysses* (F) / German: *Ulysses* / French: *Ulysse* / Spanish: *Ulises*

(11) James Joyce: *Finnegans Wake* (F) / German: *Finnegans Wake* / French: *La veillée des Finnegan* / Spanish: *Finnegans Wake*

As far as Example 10 is concerned, English, French and Spanish readers will recall the Greek Myth, but German readers will find it difficult to make sense of the title because Ulysses is called Odysseus in German. In Example 11, the English formulation will trigger certain expectations as to the content of the novel, which also applies to the French translation, whereas German and Spanish readers will probably not find the non-translated title coherent with what they know about the world.

The “coherence” between the title and the co-text is of a different kind. Usually, we would expect that the title contains some indication of the topic or contents of the co-text, but this is not necessarily so.

Example

(12) Eugène Ionesco: *La cantatrice chauve* / English: *The Bald Soprano* / German: *Die kahle Sängerin* / Spanish: *La cantante calva*.

From Ionesco’s title (Example 12), we expect the bald soprano to be the protagonist of the play, but she does not even appear on the scene and is only mentioned in passing. The title with its lack of coherence with the co-text indicates that Ionesco’s play belongs to the so-called *Theatre of the Absurd*.

2.4. Intentionality

Intentionality means that authors or senders who produce a text usually have some communicative intentions in mind. These intentions can refer to both the title and the co-text, but in different ways. The title is intended to identify the co-text, provide some information about it, attract the attention of potential recipients, and establish a channel for communication with any interested readership. The co-text, in contrast, is an offer of information, in the widest possible sense (cf. Reiss/Vermeer [1984]2013: 69—74), about some object belonging to a (real or fictitious) world of objects and phenomena. This means that the title is intended to pave the way towards the co-text without yet being a part of it.

2.5. Acceptability

Recipients must be willing to make sense of a text (cf. De Beaugrande/Dressler 1981: 6). Therefore, they will try to understand even texts lacking cohesion or coherence. For the title, this willingness to understand is particularly important if it is elliptic or if it contains an allusion (Example 14).

Examples

(13) John Cleland: *Fanny Hill, or Memoirs of a Woman of Pleasure* /

(14) Robert Rankin, *The Fandom Of The Operator*

This is the reason why acceptability standards are again different for titles and co-texts. On the one hand, certain linguistic “anomalies” are only acceptable in titles (cf. the duplex title in Example 13), and on the other hand, titles are only acceptable as “titles” if they are formulated in certain conventional ways.

2.6. Informativity

The standard of informativity refers to the expectedness or unexpectedness of the information given in an utterance. Titles are again a special case in this respect: the information about the co-text should be sufficient to characterize it and attract a reader’s attention, but not too exhaustive because this would make reading superfluous. The particular informativity of the title should therefore spark the reader’s interest in the co-text.

2.7. Situationality

It is obvious that title and co-text are located in different situations, although certain pragmatic factors may be the same (place, time, or medium of communication, particularly if the title serves as a “heading” above the co-text, cf. the list of extratextual factors in Nord [1991] 2005). They would be different if the title is listed in a publisher’s programme or displayed over a theatre entrance. In any case, titles and co-texts are produced for different reasons: any event can serve as a motive for the production of the co-text, while the title is usually produced because there is a text that has to be made identifiable as intellectual property of its author (although there are quite few anecdotes about titles whose co-texts were never written).

2.8. Intertextuality

Intertextuality refers to any relationship between texts, both with regard to genre-specific features and concerning direct or indirect allusions to existing texts. Both forms of intertextuality are very frequent in titles. In spite of the apparent diversity of title forms, a thorough analysis of the corpus reveals that a small number of patterns is used again and again, often in correlation with co-text genres (Example 6). In contrast, title allusions and quotes are mainly used to enhance the appellative function of the title (Examples 7, 8, 14).

Examples:

- (15) Gilbert K. Chesterton: *The Man Who was Thursday* / John Le Carré: *The Spy Who Came In from the Cold*
- (16) Julio Cortázar: *La vuelta al día en 80 mundos* / *Around the Day in Eighty Worlds* cf. Jules Verne: *Le Tour du monde en quatre-vingts jours* / *Around the world in 80 days*.
- (17) John Milton: *Paradise Lost* / *Paradise Regained*.

Intertextuality among titles (“intertitularity”, cf. Hoek 1981:183 ff.) can be compared to intertextuality among other texts, whereas the relationship between titles and their co-texts cannot be regarded as intertextuality in this sense since the two are located at different levels, as we have seen before. The relationship between title and co-text is one of complementarity, which is not normally observed between two texts.

3. TITLES AS METATEXTS

As we have seen, titles fulfil all standards of textuality, that is, they are texts that are located at a hyper-level above that of the co-text and not part of it. Since it is a text “about” another text, it can be regarded as “metatext”, thus belonging to the same category as reviews or text commentaries. However, titles are different from these other metatexts in that they have a specific relationship with its object text, without which they cannot fulfil their function as titles.

Certain newspaper headlines, particularly in the case of so-called “hard news”, cf. Lüger 1977: 266), may serve, together with their sub-headlines, as independent news texts, but if they are read as such, they lose their status as titles and receive a situationality of their own.

Therefore, the simultaneous “autonomie” and “dépendance” (Hoek 1981: 151) of the title vis-à-vis the co-text can be regarded as a specific characteristic of titles. The dependency does not seem to be unilateral. On the one hand, the form of the title is determined by certain features of the co-text (e.g., its affiliation to a genre), and on the other hand, the title itself guides the receivers in their reception and interpretation of the co-text. Moreover, this process is recursive: in some cases, having read the co-text may change the comprehension and interpretation of the title (cf. Schnitzler 1983: 2f. and Rothe 1986: 4—7).

4. TITLES AS FUNCTIONAL UNITS

If the title is a text, it is used, like other texts, as an instrument of communication in a communicative interaction in which it is intended to achieve certain functions. As we have mentioned before, the title is intended to identify its object, the co-text, and make it distinguishable from other texts. This is what we would call a distinctive function, which usually corresponds to proper names.

A proper name is never totally arbitrary. Some names, which we call aptonyms or descriptive names, describe the object (e.g. “Holly Golightly” in Truman Capote’s novel *Breakfast at Tiffany’s*), others at least classify it (male vs. female personal names, geographical names like Mount Everest, Isle of Man, product names). The same applies to titles as names. They (implicitly or explicitly) describe or classify the co-text or inform about its topic (= referential function). Some titles express the sender’s attitude towards the co-text (= expressive function). Titles establish a first contact with a potential receiver (= phatic function) and, if they are attractive enough, raise their interest and make them read, or listen to, the co-text and, in certain cases, even interpret it in a specific way (= appellative function).

The analysis of the corpus revealed that the distinctive and the phatic functions are common to all titles, whereas referential, expressive, and appellative functions are optional. There are titles without a referential or an expressive function, and others where the appellative function is not necessary because they are directed at an audience that has an interest in the co-text anyway (e.g. scholarly articles of a certain discipline).

5. TITLES AS A GENRE

5.1. General considerations

As we have seen, the communicative interaction in which titles serve as instruments are rather standardized. Therefore, we may expect that, in the course of time, certain combinations of features also have become standardized, which allows us to speak of titles as a genre.

The diversity of possible title forms is not contradictory to this claim, as long as the basic pattern is the same for all titles. The constellation of functions results in particular linguistic features (like limited length, ellipsis, preference of nominal structures) and nonverbal characteristics (e.g., fonts, centre justification, layout on the title page) which are typical of titles.

According to the hierarchy of communicative functions and subfunctions, we might distinguish genre variants (cf. Reiß/Vermeer [1984] 2013: 155 ff.) like titles of non-fictional books, which are mainly referential, or mainly appellative newspaper headlines. In the following section, we will provide some examples for title conventions in our corpus, focussing on English titles.

5.2. Title types — title forms — title patterns

At first sight, we can distinguish four title types: simple titles, duplex titles, complex titles and title strings, each of these forms includes a number of patterns.

5.2.1. Simple titles

Simple titles consist of one single syntactic unit, whose length varies between a grapheme, a word or number, a main or subordinate clause or a compound, or combinations of numbers, words and clauses. Each simple title is structured according to the grammatical form it represents. Therefore, we can distinguish the following title forms: nominal titles (one or more noun phrases which may be complemented by various kinds of attributions), attributional titles (isolated attribution with or without complements), adverbial titles (adverb or adverbial phrase introduced by a preposition), verbal titles (infinite verb forms like infinitive, gerund, or participle with various kinds of complements), clausal titles (complete main or subordinate sentences or hypotaxis), and interjectional titles (interjections, salutations). Each title form can be subdivided into patterns, as shown in the following examples¹:

Examples:

- (18) Erica Jong: *Serenissima* (F) — Nominal title, pattern: NP
- (19) Gilbert K. Chesterton: The Man who was Thursday (F) — Nominal title, pattern: NP+rel.clause
- (20) Rudyard Kipling: Recessional (F) — Attributional title, pattern: Attr-adj
- (21) Sharpe: Just like a Girl (NF) — Attributional title, pattern: Attr-comp
- (22) Gerald Seymore: At close quarters (F) — Adverbial title, pattern: Adv-loc
- (23) P. Corder: Introducing Applied Linguistics (NF) — Verbal title, pattern: V+obj

¹ Each example is specified by a letter marking the genre (F[iction], NF[nonfiction], C[hildren's book], P[oetry]; T indicates that the title is a translation. For the patterns, we use acronyms: NP = noun phrase, & = conjunction like *and*, *or*, *vs*, mCl = main clause, subCl = subordinate clause, part = participle.

- (24) Gena Turgel: *I Light a Candle* (F) — Clausal title, pattern: mCl
- (25) Georges Mikes: *How to Be Decadent* (F) — Clausal title, pattern: subCl
- (26) Peter Ustinov: *Dear Me* (NF) — Interjectional title, pattern: Exclamation
- (27) James Morris: *Farewell the trumpets* (F) — Interjectional title, pattern: Salutation

Nominal simple titles are the most frequent title type in all parts of the corpus. However, they are less frequent in the titles of children's books, where clausal titles represent 12.5% in the English corpus and even 21.1% in the German corpus.

If we look at the nominal simple titles more closely, we find that the pattern NP (with definite article) is most frequent in fictional book titles (11.8%), whereas it only represents 1.5% in nonfictional book titles, where NP&NP is the pattern with the highest frequency (20%), which only amounts to appr. 5% in fictional book titles. For this pattern, we can also observe a semantic difference between genres: In fictional titles, the NPs usually refer to persons (e.g., Mark Twain: *The Prince and the Pauper*), while the NPs in nonfiction more often refer to abstract concepts (e.g., Hans Georg Gadamer: *Truth and Method*).

5.2.2. Duplex titles

Duplex titles are a historical form that is still relatively popular today. It used to be typical of theatre plays, but nowadays it is also used for other genres, e.g. nonfictional or children's books. The two parts of the duplex title, which could each be complete simple titles and are related by a kind of semantic tension, are connected by the disjunctive connector *or/ ou / o / oder* (see also Example 2).

Examples:

- (28) Robert Darnton *The Devil in the Holy Water, or the Art of Slander from Louis XIV to Napoleon* (NF)
- (29) Christine Nöstlinger: *Konrad o el niño que salió de una lata de conservas* (C, T) / German original: *Konrad oder Das Kind aus der Konservenbüchse* / English: *Conrad: The Factory-Made Boy*

It may be interesting to note that there are no duplex titles in the English corpus of children's books. The only duplex title in the Spanish corpus of children's books is a translation from German (Example 29).

5.2.3. Complex titles

Complex titles also consist of various parts, one main title and usually one, sometimes two or even three subtitles. Main title and subtitle(s) are not connected by lexical means (in catalogues, we find either a full stop or a colon between them), and like in duplex titles, the title parts do not form a text, i.e. they are not linked by cohesive devices like pronominal substitution or anaphora. Quite often, the subtitle includes an explicit or implicit indication of the genre to which the co-text belongs.

Examples:

- (30) Arthur Miller: *Timebends. A Life* (F)
- (31) Kimberly Dean: *High School Reunion: A Rouge Erotic Romance* (F)
- (32) James Delbourgo: *Collecting the World: The Life and Curiosity of Hans Sloane* (NF)
- (33) Jojo Moyes: *Honeymoon in Paris and Other Stories* (F)

5.2.4. Title strings

Books which include two or more independent narrations sometimes have titles formulated in strings, either asyndetic (in Spanish and English) or connected by *and* (in English) or by *suivi de* or *précédé de* (in French).

Examples

- (34) Catherine Cookson: *Heritage of Folly / The Fen Tiger* (F)
- (35) Fyodor Dostoyevsky: *The Double and The Gambler* (F, T)
- (36) Miguel de Unamuno: *San Manuel Bueno, mártir. Cómo se hace una novela* (F)
- (37) Friedrich Nietzsche: *Le Cas Wagner suivi de Nietzsche contre Wagner* (NF, T)

In the German corpus, title strings are usually replaced by complex titles consisting of a main title referring to the most important or longest of the included texts and a subtitle like *...and other stories/essays*.

5.3. Form — function — genre

There seems to be a genre-typical relationship between form and function. For example: the longer a title, the weaker its appellative effect. Articles in specialized journals very often have long complex titles describing the topic or the content as exactly as possible. In these cases, the constellation of situational factors does not require a strong appellative function because the previous interest of the addressed audience of such texts can be expected to be strong enough to make appellativity in the title superfluous.

6. TRANSLATION PROBLEMS IN TITLE TRANSLATION

6.1. General remarks

In the following section, we will briefly look at some translation problems related to the communicative functions of titles.

6.2. Translating the distinctive function

In order to achieve a distinctive function, a title must be a unique name unmistakably identifying the co-text. A title formulation that is distinctive in the source-culture repertoire may be non-distinctive in the target culture (or vice versa).

Examples

- (38) Peter Weiss: *Das Duell* (F) / Anton Tchekhov: *Das Duell* (F, T)
- (39) Tanja Blixen: *Out of Africa* (F, T) / Ihabvala: *Out of India* (F)
- (40) Joseph Campbell: *The Masks of God: Creative Mythology / The Masks of God: Occidental Mythology / The Masks of God: Oriental Mythology* (NF)
- (41) John Milton: *Paradise Lost / Paradise Regained* (F)

In Example 38, the translation of Anton Tchekhov's text cannot be distinguished from the German original text by Peter Weiss. In Example 39, two translations from different source cultures are competing in the English corpus.

Some titles are intended to establish an intertextual link with another title by the same author, e.g. using the same main title with another subtitle (Example 40), or titles referring to each other (Example 41).

6.3. Translating the phatic function

The phatic function of a title depends on its length and its mnemonic quality, which is often strengthened by the use of familiar title patterns or other forms of intertextuality. The corpus reveals that the average length of a main title is between three or four words, independently of the structures of the respective languages. Longer titles are made easier to remember by using original structures, catchy words, or a rhythmical pattern.

Examples

- (42) Amos Tutola: *The palm-wine drinkard and his dead palm-wine tapster in the deads' town* (F) / German: *Der Palmwein-Trinker. Ein Märchen von der Goldküste* [“The palm-wine drinkard. A tale from the Gold Coast”]
(43) C. Nord: *Textanalyse und Übersetzen* (NF) / English: *Text Analysis in Translation* / Spanish: *Texto base — texto meta. Un modelo de análisis pre-traslativo*

The German translation of Tutola’s title (Example 42) uses a subtitle to shorten the main title and to indicate that the author is African. The problem here is that the story based on Yoruba folk tales is not set in the Gold Coast but in Nigeria.

The English translations of my own book (Example 43) was adapted to title conventions, since in English the nominal pattern NP&NP is much less frequent than in German, whereas the most frequent pattern in English nonfictional titles is NP+prepositional phrase. In Spanish, a literal translation of the German original title would have been far too long (“El análisis del texto y la traducción”), therefore, I have chosen a complex title (“Source text — target text. A model for pre-translational text analysis”), shifting the referential function to the subtitle and thus making the main title more acceptable.

6.4. Translating the referential function

In order to achieve the referential function, a title must be comprehensible and informative for its readers. Comprehension relies on culture-specific background knowledge. This is particularly important for intertextual allusions, as in Example 44, which alludes to the Gospel of Matthew (26:34).

Examples

- (44) Cesare Pavese: *Prima che il gallo canti* (F) / French: *Avant que le coque chante* / English: *Before the cock crows*
(45) Thomas Mann: *Lotte in Weimar* (F) / English: *The Beloved Returns: Lotte in Weimar* / French: *Charlotte à Weimar*

For educated German readers, the reference to *Weimar* and *Lotte* in Example 45 points to Johann Wolfgang von Goethe and his famous relationship with Charlotte Buff. This would not work for English speaking readers, but there may be some doubts as to whether the new main title really conveys a referential function, although it is certainly more appellative.

6.5. Translating the expressive function

In order to achieve the expressive function, a title must be in accordance with the value system of the addressed audience or make any different value system explicit. Since the expressive function is sender-related, it is the translator’s responsibility to respect the intention of the author.

Example

- (46) Alan Paton: *Cry, the Beloved Country* (F) / German: *Denn sie sollen getröstet werden* [“For they shall be comforted”, Matthew 5:4] / French: *Pleure, ô pays bien-aimé*

The original title of the book by Alan Paton, which deals with apartheid in South Africa, expresses the author’s sorrow for his country. The German title, in contrast, expresses the confidence that all will be well in the end.

6.6. Translating the appellative function

The appellative function serves to make the title attractive for a potential readership and may also guide the readers’ interpretation of the text. What is attractive for a source-culture readership may not necessarily be attractive for an audience in the target culture.

Examples

- (47) William Faulkner: *The Sound and the Fury* (F) / German: *Schall und Wahn* / French: *Le bruit et la fureur* / Spanish: *El sonido y la furia*
(48) Thornton Wilder: *The Skin of our Teeth* (F) / German: *Wir sind noch einmal davon gekommen* / Spanish: *La piel de nuestros dientes* [literal translation]

Intertextual relations which make the source title attractive, may not “function” in another culture. The allusion to Macbeth in Example 47 will probably not be recognized by German, French, or Spanish readers, who are not so familiar with Shakespeare. And the literal translation of the English idiom *to escape by the skin of one’s teeth* in Example 48 does not make any sense to Spanish readers, whereas the German title alludes to the equivalent German idiom.

7. CONCLUDING REMARKS

The main hypotheses of this paper were the following:

- ◆ titles are texts which are intended to achieve the same communicative functions as other texts;
- ◆ since titles are generally used for a particular set of functions, they can be regarded as a genre and, as such, show certain genre-typical structures which can be described with regard to their form, distribution, and frequency;
- ◆ these genre conventions are culture-specific;
- ◆ the study of these conventional features may be of help in the process of title translation or translation criticism;
- ◆ the methodology used for the analysis of title translation can serve as a paradigm for a functional translation of other texts or text types.

As we have seen from the analysis of the corpus, titles are texts, whose genre-specific functions and features prepare the reader for the reception of the co-text. In this sense, they guide the audience’s interpretation, “paving the way” to the text.

Titles can be regarded as texts forming a text type or genre, and as such, they represent conventional forms and patterns like any other text type. Titles can be regarded as a paradigmatic case for functional translation, where the target text is expected to achieve certain communicative functions for the target audience, which may or may not be the same as the ones the source text was expected to achieve for the source-culture audience.

Therefore, titles are also interesting from a translation-studies point of view. In the late 1980s and early 1990s, when I started to study this phenomenon, hardly anyone had dealt with titles in depth. Titles were sometimes mentioned as examples (e.g. Toury 1980, 103—105, Neubert 1985, 106ff.) or compared with their translations (Aubrun 1980, Boehlich 1977), but not really problematized as such. Some literary scholars discussed isolated aspects of titles or criticized certain title translations (cf. Schober 1982, Monterroso 1982, Riesz 1985), and the translation scholar Peter Newmark (1981, 159) dismissed the problem “Headings and Titles” with a few rules:

These *should normally* be translated last. A non-literary text *should normally* be factually and accurately described by its title. A literary text *may have* its title changed to an appropriate connotation. Usually, the translator *has control* of the title of any text. A heading is static, and describes a finished narration: it *should normally* be centred on one or two nouns, and have SL verbs converted to present or past participles qualifying them. Thus “Vance sucht in Westeuropa Unterstützung für neue Schritte gegen Iran” might become “Vance’s attempt to get renewed Western European support against Iran”. (My emphasis)

It is time, therefore, to analyse the criteria for the translation of titles in more detail. Thanks to their limited length and their conciseness, titles may be regarded as independent translation units. There are three aspects that play an important role in this endeavour: Firstly, the situationality of a title, determined by such extratextual factors as medium, time, place or motive of production and reception, is easier to grasp than that of a long and complex text which may contain many different translation-relevant aspects. Secondly, it is obvious that, for a title, audience and function orientation is extremely important. And last, but not least, it seems equally plausible that a translated title must be appropriate to achieve the desired functions in the title corpus of the target culture and that therefore (formal) fidelity or faithfulness with regard to the source-text title, which in any case was formulated for the source culture, has to be subordinated to functionality. Functional considerations may, therefore, help the translator to find a title translation which will be apt to fulfil the intended functions in the target culture.

© Christiane Nord, 2019

REFERENCES

- Aubrun, Charles (1980). Traduire les titres. *Parallèles. Cahiers de l'École de Traduction et de l'Interprétation* 3 (1980), 31—35.
- Barton, Walter (1968). *Denn sie sollen gelesen sein. Kleine Stilfibel des deutschen Buchtitels*. Hamburg: Furche.
- Barton, Walter (1984). *Der Zweck zeitigt die Titel. Kleine Kulturkunde des deutschen Buchtitels*. Siegen: Universität.
- Bergengruen, Werner (1950). *Titulus. Das ist: Miszellen, Kollektaneen und fragmentarische, mit gelegentlichen Irrtümern durchsetzte Gedanken zur Naturgeschichte des deutschen Buchtitels oder Unbetitelter Lebensroman eines Bibliotheksbeamten*. Munich: Nymphenburger Verlagsanstalt.
- Boehlich, Walter (1977). Beliebigkeit der Form. “Die andere Seite des Lebens” von Vargus Llosa. *Neue Rundschau* 88, 461—433.

- De Beaugrande, Robert A. / Dressler, Wolfgang (1981). *Introduction to text linguistics*. London—New York: Routledge.
- COED 2011 = *Concise Oxford English Dictionary*. Oxford: University Press.
- Gülich, Elisabeth / Heger, Klaus / Raible, Wolfgang (1979). *Linguistische Textanalyse*. Hamburg: Buske.
- Hoek, Leo H. (1981). *La Marque du Titre*. The Hague: Mouton.
- Lüger, Heinz-Helmut (1977). *Journalistische Darstellungsformen aus linguistischer Sicht*. (Diss.) Freiburg.
- Monterroso, Augusto (1982). Sobre la traducción de algunos títulos. In Augusto Monterroso: *La palabra mágica*. Mexico: Ediciones Era, 89—96.
- Neubert, Albrecht (1985). *Text and Translation*. Leipzig: Enzyklopädie.
- Nord, Christiane ([1991] 2009). *Text Analysis in Translation*. Leiden: Brill.
- Nord, Christiane (1993). *Einführung in das funktionale Übersetzen. Am Beispiel von Titeln und Überschriften*. Tübingen: Francke.
- Reiss, Katharina / Vermeer, Hans J. ([1984] 2013). *Allgemeine Grundlegung einer Translationstheorie*. Tübingen: Niemeyer. In English: *Towards a General Theory of Translational Action*. London—New York: Routledge, 2013.
- Riesz, János (1985). Anglophone und frankophone afrikanische Romantitel in deutscher Übersetzung. *Die Neueren Sprachen* 84:1 (1985), 5—18.
- Rothe, Arnold (1970). *Der Doppeltitel. Zu Form und Geschichte einer literarischen Konvention*. Wiesbaden: Akademie der Wissenschaften.
- Rothe, Arnold (1986). *Der literarische Titel. Funktionen, Formen, Geschichte*. Frankfurt a. M.: Klostermann.
- Schnitzler, Marion (1983). *Die Kapitelüberschrift im französischen Roman des 19. Jahrhunderts — Formen und Funktionen*. Heidelberg: Winter.
- Schober, Rita (1982). Probleme literarischer Übersetzung am Beispiel der Titelübersetzung von Zolas ‘Rougon Macquart’. In: *Abbild, Sinnbild, Wertung. Aufsätze zu Theorie und Praxis literarischer Kommunikation*. Berlin-Weimar: Aufbau-Verlag, 308—345.
- Toury, Gideon (1980). Translational solutions and translational relationships. Toward the description of translated texts. In: *In Search of a Theory of Translation*. Tel Aviv: University, 89—111.
- Wilpert, Gero von (1961). *Sachwörterbuch der Literatur*. Stuttgart: Metzler.
- Wulff, Hans J. (1979). *Zur Textsemiotik des Titels*. Münster: Münsteraner Arbeitskreis für Semiotik. [papmaks, 12.1]

Corpus material

English

F/E: *Penguin* Stocklist 1988; Claude Gill Bookshops: *Guide to Autumn and Winter Books* 1987;

<https://www.penguinrandomhouse.com/books> (2017): Fiction, Nonfiction, Children’s Books

NF/E.: <https://www.nytimes.com/books/best-sellers/paperback-nonfiction/> (2017)

C/E: *Penguin* Stocklist 1989; http://fdslive.oup.com/www.oup.com/oxed/children/oup_stocklist_2017compressed.pdf?region=international (2017)

French

F/F: *Folio* Gesamtverzeichnis 1987 (Fiction). <http://www.folio-lesite.fr/Catalogue/Folio/Folio> (2017): Littérature, Histoire et Sciences humaines.

NF/F: *Folio* 1987 (Folio actuel, Folio essais, Folio histoire); *Champs Flammarion* 1989 Nonfiction); *Armand Colin* Lettres, Sciences Humaines.

C/F: Castor Poche Flammarion 1990.

Spanish

F/S, NF/S: Alianza Editorial Catálogo general 1987; <https://www.alianzaeditorial.es/index.php> (2017), Libros de bolsillo

C/S: *Anaya*, Co!. Luna de Papel, Catálogo 1988 (Libros infantiles y juveniles); *Alfaguara* Catálogo 1988 (Libros infantiles y juveniles; all original titles plus 51 translated titles 9n order to obtain a reasonable mixture); Christmas catalogue of Spanish book shops 1987 (only original titles, various publishers). http://www.smliteratura.com.ar/wp-content/uploads/catalogo/Lij_Infantil_2017.pdf; <https://www.anayainfantilyjuvenil.com/colecciones.php> (2017); <https://www.anayainfantilyjuvenil.com/colecciones.php>

German

F/G, NF/G: *Suhrkamp/ Insel* Gesamtverzeichnis 1987; <https://www.rowohlt.de/Buecher/belletristik/literatur-nach-1960> (2017); https://www.suhrkamp.de/download/Gesamtverzeichnisse/TB_Gesamtverzeichnis_2011.pdf (2017); https://www.suhrkamp.de/download/Vorschauen/Insel_aktuell.pdf (2017)

C/G: *dtv-junior* Gesamtverzeichnis 1987; <https://www.dtv.de/buecher/kinderbuch/c-30> (2017)

Article history:

Received: 28 December 2018

Revised: 21 February 2019

Accepted: 15 March 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 28 декабря 2018

Дата принятия к печати: 15 марта 2019

Bionote:

CHRISTIANE NORD is professional translator, PhD, Habilitation, Dr. honoris causa (mult) translation scholar specialised in translation pedagogy. Author of 200 publications about theoretical, methodological and pedagogical aspects of “functionalism” in translation. As from 2007, research associate and professor extraordinary of the University of the Free State, Bloemfontein, South Africa.

Contact information: e-mail: post@christiane-nord.de

Сведения об авторе:

КРИСТИАНЕ НОРД — профессор, доктор, переводчик. Автор 200 публикаций о теоретических, методологических и педагогических аспектах «функционализма» в переводе. С 2007 года научный сотрудник и почетный профессор Университета Фри-Стейт, Блумфонтейн, Южная Африка.

Контактная информация: e-mail: post@christiane-nord.de

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-344-361

Impact of technology on Translation and Translation Studies¹

Yves Gambier

University of Turku

Fi-20014 Turun Yliopisto, Finland

I. Kant Baltic Federal University

14, A. Nevskogo st., Kaliningrad, 236041, Russia

Abstract

The landscape in translation and interpreting is changing deeply and rapidly. For a long time, but not necessarily everywhere, translation was denied as a need (except for the political and religious powers), as effort (translation being defined as a kind of mechanical work, as substitution of words), and as a profession (translators embodying a subaltern position). Technology is bringing in certain changes in attitudes and perceptions with regards international, multilingual and multimodal communications. This article tries to define the changes and their consequences in the labelling and characterisation of the different practices. It is organised in five sections: first, we recall that translation and interpreting are only one option in international relations; then, we explain the different denials of translation in the past (or the refusal to recognize the different values of translation). In the third section, we consider how and to what extent technology is transforming today practices and markets. The ongoing changes do not boil solely to developments in Machine Translation (which started in the 1960s): community, crowdsourced/collaborative translation and volunteer translation encompass different practices. In many cases, users provide their own translations, with or without formal qualifications in translation. The evolution is not only technical but also economic and social. In addition, the fragmentation and the diversity of practices do have an impact on a multi-faceted market. In the fourth section, we emphasize that there are nowadays different concepts of translation and competitive paradigms in Translation Studies. Finally, we tackle the organisational challenge of the field, since the institutionalisation of translation and Translation Studies cannot remain the same as when there was a formal consensus on the concept of translation.

Keywords: *translation, Translation Studies, concepts of translation, paradigms in Translation Studies*

For citation:

Gambier, Yves (2019). Impact of technology on Translation and Translation Studies. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 344—361. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-344-361.

¹ Part of this article has been elaborated from data and reflections which have been first discussed in English in a conference held in Vilnius, Lithuania (October 2011) and then developed in a text published in French in *TTR* 26 (2), 2013.

Влияние инновационных технологий на перевод и переводоведение

Ив Гамбье

Университет Турку

Fi-20014 Turun Yliopisto, Финляндия

Балтийский федеральный университет им. И. Канта

ул. Александра Невского, 14, Калининград, 236041, Россия

Аннотация

Профессия письменного или устного переводчика претерпевает значительные и быстрые изменения. В течение долгого времени, хотя и не повсеместно, отрицалась сама потребность в переводе (за исключением перевода в политических или религиозных целях), перевод не рассматривался как деятельность, требующая определенных усилий и умений (перевод воспринимался как сугубо механическая работа по замене слов одного языка словами другого языка), либо перевод отрицался как профессия (считалось, что переводчики занимают подчиненное положение). Новые технологии приносят изменения в восприятие всего того, что относится к международной, многоязычной и мультимодальной коммуникации. В настоящей статье рассматриваются эти изменения, а также их последствия для обозначения и характеристики различных переводческих практик. Статья включает пять разделов. В первом мы укажем на то, что устный и письменный перевод являются одной из форм межкультурной коммуникации, затем мы остановимся на различных аспектах отрицания перевода в прошлом (или на отказе признать ценность перевода). В третьем разделе мы рассмотрим, каким образом и насколько технологии меняют переводческую деятельность и переводческий рынок. Эти изменения не сводятся только к развитию систем машинного перевода (начало которому было положено в 60-е годы прошлого века), к их числу относятся и появление группового перевода, краудсорсинга и волонтерского перевода. Во многих случаях потребители перевода, даже не имеющие соответствующей квалификации в области переводческой деятельности, самостоятельно выполняют перевод. Эти изменения затрагивают не только технические аспекты переводческой деятельности, но и социально-экономические. Кроме того, разграничение и многообразие видов переводческой деятельности оказывают существенное воздействие на весьма разнообразный переводческий рынок. В четвертом разделе речь идет о существовании в переводоведении различных противоборствующих концепций и парадигм перевода. Наконец, мы рассматриваем организационные аспекты переводческой деятельности, поскольку сама институционализация перевода и переводоведения не может быть такой же, какой она была в эпоху существования формального консенсуса по поводу сущности переводческой деятельности.

Ключевые слова: *концепции перевода, перевод, переводоведение, переводоведческие парадигмы*

Для цитирования:

Gambier, Yves. Impact of technology on Translation and Translation Studies // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 2. С. 344—361. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-344-361.

1. TRANSLATION AND INTERPRETING: AN OPTION

With their arrival, communication, information and computer technologies (ICTs) have brought about certain changes in attitudes and representation with regards to translation. What follows here hinges on a main proposition, i.e. that these changes may well induce a significant break not only in translation practice but also in the discourses about translation.

Firstly, and with the goal of putting these changes more clearly into focus, we need to recall that translation and interpreting are but one possible solution among many implemented in international, multilingual communications and relations. Indeed, depending on the historical period and specific power relations, other means and strategies have existed and been valorised in different ways over time (Lambert, 1989: 233):

- The language of the Other can be recognized and learned — a long-term investment which may ultimately yield results that are less risky and less costly than translation/interpreting and ultimately favour linguistic and cultural diversity (see efforts to promote multilingualism by the European Union).
- Languages can co-exist, with speakers alternating between languages or practicing a passive bilingualism (each one speaking his/her own language, without having to pass through any type of mediation whatsoever).
- A *lingua franca* can be used — and this language can be either an imposed one (for ex. Russian in the former eastern European countries), or an artificial one (ex. Esperanto), or a third language (for ex., French in certain African countries, or English as in Belgium or in Switzerland...so as not to have to choose one of the local languages). Today, English fulfils this function in the domains of science and business and commerce (House, 2003), as Latin once did for the world of letters. A *lingua franca* can also act as a pivot language, to the detriment of direct bilateral contacts (Gambier, 2003).

In addition to these co-operative strategies, with all the possible difficulties and misunderstandings that they imply, we find at least two other strategies that are exclusionary:

- A barricade can be imposed, closing the Self in behind a wall so as not to be exposed to the Other, effectively a separation from ‘them’ — and we think here of the Great Wall of China, the Roman walls, the walls/ramparts of Medieval cities, the Berlin Wall, the so-called Security Fence between Israel and the Palestinians, the enclosures separating the U.S. from Mexico, or those erected between the Spanish enclaves and Morocco, and even the surveillance cameras of gated communities or ghettos of the elite!
- The Other can be suppressed, in favour of ethnic purging and purification, and ethnocide. Recent examples (ex-Yugoslavia, Rwanda, Cambodia) clearly confirm that this solution is not one relegated solely to the past.

This short reminder allows us to re-position translation in terms of linguistic policy struggles², and to brush away all specks of naiveté concerning the inexorable growth in demand for translation. In this picture we’ve sketched out, there is no mention made of the diverse possibilities to automate translation; yet, translation automation already satisfies a not insignificant volume of translation, of a more or less urgent nature (see section 3.2). From this perspective, how and up to what point do these possibilities challenge the place, indeed, even the role, of translation? And above all, how do they transform the perception we have of them?

² Translation markets (literary, scientific) are at least doubly structured, both by linguistic borders and by nation-states, and the two do not necessarily coincide. Furthermore, both are respectively structured between center and periphery (for ex., Francophone countries constituting *La Francophonie*).

2. DENIALS OF TRANSLATION AND TABOOS IN TRANSLATION STUDIES

Translation, taken in its traditional sense (as some kind of equivalence), has been denied in several aspects all at once. All languages and societies have not been affected in the same way, to the same degree, at the same time. The thoughts and remarks mentioned below should thus be taken prudently, and not be over-generalized in an abusive way.

2.1. Denial of translation as a need

For a long time, it seemed as though translation only served the powers that be and the established authorities (royal and religious), as if it were inexistent, hidden away tucked within exchanges of all types — commercial, scientific, and philosophical, to name but a few (Delisle & Woodsworth, 2012). Non-translation has been discussed and debated (by Toury, for ex., 1995: 23—29). This non-recognition of a translation status for some documents, as is largely the case for televised advertising and news, makes it difficult to grasp the actual volume of translation work taking place, the change in the job market and the amount of graduates to train for the near future (see section 3.3).

2.2. Denial of translation as effort

Denial has always been present, and still is, with regard to translation as an activity requiring effort. Many sponsors, amateurs, self-translators (scholars translating their own articles), and engineers within the language industry continue to consider translation as a mechanical process, the replacement of one word by another, a problem of dictionaries, something they could do themselves if they had the time but which they prefer to pass on, not without condescension, to a cousin who knows languages, or to a bilingual secretary, or, worse, to a professional translator, on the condition that he or she doesn't demand too much financial compensation. The lay person thinks of translation in the equivalence paradigm, or the quest to convey identical meanings (see 4.2). There are strong assumptions underlying such an approach. It assumes, for instance, that two languages “do or can express the same values” (Pym, 2009, p. 82). But a word or concept may connote different meanings in another language or may be absent altogether, so the relationship between the two languages is not necessarily symmetrical. Two words may also refer to the same object, and this would not necessarily convey the intended meaning of the original text. Loyalty to the source text may result in a text that is not easily comprehensible in the target language. The implicit assumptions of the equivalence paradigm usually compel people to criticize a translation because certain words have not been replaced. Thus, the famous set phrase: “Traduttore traditore”. This focus on the lexical similarity of texts, however, is misguided. It does not allow one to consider, describe, and explain the translation decisions and the translated output. The distinction between what is manifest (literal, direct, surface-level) and what is latent (implicit, connotative, underlying) ‘misreads’ the process of translation, and relegates the translator’s act of interpreting the content to a task of relative obscurity. Perceiving a text to be translated as nothing more than a linear series of words or phrases no doubt explains why translation has long been considered as inferior, subordinate, second only to the

original — thus the recurring diatribes on “lost in translation”, as if translators could only hope to level out, neutralize, render insipid, in their desperate effort to find equivalence in what could only be an affair of words, without stakes, without cultural complexity. In that perspective, it is easy to understand that the only “translation” to be recognised and legitimized is the literary one, even though the translation of literary texts and genres represent roughly less than 5% of the daily work of the translators.

2.3. Denial of translation as a profession

Denial has likewise been present with regard to translation as a profession, notably by translators themselves who have integrated, incorporated, and internalized various aspects of the “subaltern” in their work, caught between the sacrificial idealism and the calculating materialism of their activity, all the while taking on the labour and servility of their always precarious “vocation” as if this job or this practice required a certain predisposition towards effacement and docility (Kalinowski, 2002; Simeoni, 1998; Buzelin, 2014), even self-destruction (with translators taking pleasure in denigrating themselves among themselves).

Metaphors of translation and images of the translator in the collective imagination are today regularly reproduced in fiction, novels, films, and even in the media (Gambier, 2012). They verge on the stereotypical and on clichés, with the translator viewed more often as a hardworking hermit, on the margins, an impostor, instead of a mediator, an expert, a creator. Since the end of the Middle Ages (15th c.), one finds mention of imagery associated with reflection, the pale star, the underside of tapestries, the chameleon, etc.

2.4. Denial of translation as a discipline

Finally, denial has long been present with regard to translation as an autonomous discipline. Even today, the status of Translation Studies (TS) remains an ambiguous one within university institutions: it is often caught between languages and literature. Furthermore, many of the translator training programs emerging and multiplying over the past few years have been reluctant to give Translation Studies a place, reducing translation to a collection of knowledge and tricks of the trade, unfit for self-reflexivity. Such ambiguity reflects the malaise of universities when confronted with interdisciplinary, intercultural communication, and linguistic diversity, even when at this very moment the globalization of business and trade, and migration, continuously hurl challenges at most of our societies.

Will the types of denial mentioned resist the transformations currently underway and which make the translator an ever more “dematerialized” individual, one no longer reducible to mere pens and dictionaries? Before answering the question, let’s look at the recent past of Translation Studies.

TS has clearly experienced “turns” over the past three decades (linguistic, cultural, ideological, semiotic, cognitive, sociological, etc.), turns which are somewhat dizzying, as if this bulimia of bends, turns and detours were more a condition of driving while under the influence. Such turns are a certain angle, a reductionist view to investigate translation as a complex reality, a way of splitting up our knowledge, a risk of fragmen-

tation of our field. Yet, at the same time, there remains an underlying concern, at times an outright worry, about being recognized by the university and by other disciplines.

These turns have also been impacted by fashions, with their inhibiting effect: see for instance the dominating reference to Vinay-Darbelnet in Québec or the interpretive theory in France, in the years 1980—1990; the dominating reference to the Skopos theory and the constant use of the Think Aloud Protocol in years 1990; the dominating reference to Venuti's agenda in the years 2000; the dominating reference to Bourdieu or the cognitive framework in the last years. The shift has been from a focus on text to a focus on the translator (black box and social agent), even though, at the same time, there is insistence of dealing with translation as a service, as an industry — thus, the current paradox to give up textualist approaches as if translators were in sole command.

Certain taboos can be added to the denials and fashions. To name a few:

- Regarding the underlying ideologie of the Skopos theory which fits the efficiency of communication in a mode of competitive production, of the concept of agent (and the risk management), of localisation resorting to *workflow*.
- Regarding the status of working languages, concealing languages less widely used and less taught and languages of migrants (e.g. Chinese, Korean in a bilingual Canada; the position of Arabic in the translations and interpretations in France).
- Regarding directionality (translating and interpreting into the mother tongue only?) and the relationship between bilingualism and interpreting: there are dogmas which have been banned for a long time in TS because the command of foreign languages is a necessary but not sufficient condition when translating or interpreting — dogmas formulated by scholars from dominant cultures.
- Regarding the economic dimension of the different modes of translating and interpreting: this dimension has long been repressed while today questions are asked about the cost of a poor quality of a translated document, of a service provided with no competences (see 3.3).
- Regarding self-translation by academics — that would explain the strong reluctance of the universities to have a language policy while acknowledging at the same time language diversity.
- Regarding the alleged necessary step to master consecutive interpreting before simultaneous interpreting.
- Regarding the translating body — the translating act being both incorporated (with rhythms, tensions and stress) and incorporating (the document to be translated is « assimilated », sometimes up to cannibalism).

The internationalisation of works and thoughts in TS makes us believe that there will be more and more inquiries about those turns, fashions, dichotomies and taboos.

3. RAPID CHANGES IN TRANSLATION PRACTICES

3.1. Changes in the perception of a profession

Today, we operate in a more technologized society, within a complex, competitive system of client and user expectations, tools, and new forms of organizations and work conditions. The new collaborative economy is changing dramatically production and

consumption of goods and services. It also challenges the concept of profession, as if we were pushed back to be on piece-work, like in the 19th century. Services such as Airbnb (an online marketplace where people can list, find, book and rent vacation homes), Uber (a multinational online transportation network company) offer occasional jobs and disturb steady and regulated professions. On the other hand, they also tend to be more and more professionalized, moving away from their original, starting idea. Moreover, the difference between producers and consumers is getting blurred: you can be “prosumers” of information, data, news, reports, services regarding cars, parking, flats, food, equipment, etc.

It is not the place to deal with the paradoxes, drawbacks and contradictions of the collaborative economy³. What we would like to underscore here and now is the impact of the changes in the perception of a profession. The Internet, artificial intelligence, robotics, production in 3D, and the development of fab labs and maker spaces change employment, disrupt professions. What would be tomorrow the use of civil servants, translators, travel agents, insurance brokers, salesmen, lawyers, chemists, journalists, drivers, maybe even teachers if they can be replaced by different automation systems? Not only manual workers, technicians but also white-collar workers are under threat.

3.2. Impact of technology on the practices

Computer-aided translation (CAT) tools and Machine Translation (MT) (TAUS, 2013: 15—24, 37—40) have revolutionized, and continue to revolutionize, the practice of translation and they are altering both the perception of translation amongst users and the conceptualization of translation amongst producers and theorists. For the general user, automatic translation programmes, whether online or on a smartphone, give the impression (indeed even provide a reality) that translation is an instantaneous activity. The quality they achieve can be quite high, depending on genre conventions and language proximity, and then the question becomes “do I pay for a slightly better human translation when I can get a reasonable one for free?” The role of the translator has shifted and one can anticipate a time not too far off when the intervention of the human translator will be almost entirely centred on post-editing/quality assuring MT output or on providing very high quality translations of quality-sensitive texts such as publicity material, literary texts and legal documentation.

In less than two decades we have seen computing move through the ranks of the translation world — transforming the translator’s resources and making it possible to accelerate the pace of translation. From the denial of translation we seem to have gone to a desire to translate, at times quite frenetically, as can be seen, for instance, with the fansubs and fandubs who appropriate a film in order to subtitle or dub it in the shortest possible delay.

The computerized components of the work environment have proliferated. The software used for creating translation memories, aligning texts, managing terminology, checking spelling and grammar, accessing and searching electronic corpuses, and

³ Collaborative economy has been the butt of criticism regarding among other things the labor law, the tax law, competition rules.

machine translation readily come to mind — without forgetting that many differently combined technologies also exist, such as those integrating translation memories, terminology bases and machine translation, all of which allows bidding for free translation to transpire and circulate on the Web. No less negligible is the sharing of experiences thanks to discussion lists and forums, blogs and various social media like LinkedIn.

From the use of micro-computers exponentially facilitating data-sharing and the creation of local networks, we have now moved to a kind of dematerialized computing (cloud computing) which lifts from the translator's shoulders all the worries and burdens of management, maintenance and reconfiguration of work tools; indeed, infrastructures, platforms, software, services and solutions are now accessible by distance, via Internet, and invoiced according to use (SaaS, or Software as a Service). This new online distribution model of shared tools pushes the translator to become member of an international virtual and collaborative community, since the updates and new versions are immediately available and everybody benefits. Such services in translation address professional, amateur and occasional translators, as well as agencies, institutions, and companies. They are able to propose such functionalities as project management, revision, terminology or a complete work environment. Among them, free or paid for, are: Translation Workspace, Wordbee, XTM Cloud, Google Translator Toolkit, Lingotek.

This rapid evolution is not inconsequential for the practice of translation, nor on the organization of its practice and surely not on its supply. Shared resources accessible in real time are now dynamic; costs are reduced (nothing is bought, as price setting is based and calculated on-demand or according to use, i.e. by the hour, year, volume of words, etc.); management is shortened (both in terms of time and transparency); work is shared. Dematerialization favours simplification and productivity. On the other hand, it also creates a certain dependence on Internet connections and poses problems concerning security and confidentiality breaches.

Based on the preceding information, one cannot conclude that the ongoing changes boil down solely to developments in machine translation, offered freely for all on the Web. Here we will differentiate between:

1. **Machine translation** offered through programs available on the Web, and where human intervention is limited.

2. **Amateur translation**⁴ that is also automatized but where the user provides his or her feedback, and at times attempts to improve the performance of the MT results — without there being any specific translation training involved, based on linguistic intuition. Within this category, two types can be differentiated:

- a. **Translation by fans** (fan translation, fan subbing, fan dubbing, scan-trans) who deliberately choose a manga, an animated film, a video game... and proceed to translate (subtitle, dub) it in order for others to know about it as soon as possible. These fans are not translation professionals — hence, they

⁴ The terminology used in English is redundant and vague: community / crowdsourcing / collaborative / citizen / paraprofessional / user-generated / volunteer translations, in addition to the 3CT proposed by Common Sense Advisory, to wit: community, crowdsourced and collaborative translation.

transgress certain conventions and respected norms of the profession (for example, for subtitling, this touches on the number of lines, scrolling speed, position, typographical characters used, gloss additions, etc.). Neither are they all ‘pirates’, as some of them do respect the copyright holders and refrain from circulating their translated version on the Web as soon as the book or film has officially been released.

- b. **Participatory or collaborative translation** (crowdsourcing), used — for example — in the localization of software, Web sites or for translating articles, reports, literary texts and interviews. For this collective, unpaid effort, volunteer and anonymous (or sometimes not) participants turn to linguistic competence and during their available time here and there translate a sentence, a paragraph, a page... all of which can be retranslated and revised by others, until the entire project is finished. These volunteers translate once, or can translate hundreds of times, thanks to such tools as Traduwiki, Wikitranslate and Google Translate. Social media or socio-digital networks (Facebook, Twitter, LinkedIn, etc.) take advantage of the passing craze in order to become more accessible to more people.

Collaborative translation has already been subject to fiercely articulated positions, under the pretext of the pitiful quality it offers, or of the disloyal competition against professionals it causes, because it can be used just as easily by the non-profit sector as by the for-profit one.

The volume of potentially available translation work goes beyond the capacity of all professionals put together. Translation does not have equal prestige or the same attraction that music, photography, journalism or cinema has on the Web, with millions of amateurs ready to promote, without any compensation whatsoever, the products they are passionate about, as a pastime. Denied for so long, translation does not generate the same enthusiasm. Nonetheless, we can discern that the means (and tools) we have today are making translation desirable, and feasible. But, this desire is not an overwhelming one. These resources do not incite the masses even if they do allow us to envision breaking certain linguistic barriers, in view of the potential quantity of documents to be translated. The impact of crowdsourcing on the translation industry will be limited, despite the current euphoria of the discourse, and it will be most evident in only very visible instances.

3. **Teamwork** that is carried out on a same, single document by professionals places dematerialized computer resources at the common disposal of all. This includes document research, terminology, re-reading and revision. It is manifest in such sites as *Proz*, *Translator’s Café*, etc. “Cloud” cannot be confused with “crowd”.

4. **Translation with open source tools**, which are not necessarily free but which can be adapted to certain needs and redistributed to others, can be carried out by professionals, on a full-time basis.

5. **Volunteer networked translation** can also be carried out by professionals (that is to say, those who have been trained for translation and/or have experience in translation), for example through networks such as Babel, ECOS, Translators without Borders,

etc. (Gambier, 2007a). These activist translators work for a specific cause, and respond to the needs expressed by NGOs (Non-governmental organisations) and other associations. Their network is aligned with a specific social cause / activity, or allied with actions expressing certain values.

Thus, there is a difference between types 1—2 and 3—5, where (for the latter) professionals share tools, problems and solutions and put an end to individualism or to a romanticized image of the translator, and where their socio-professional enterprise is reconfigured due to technologies being implemented to meet the challenges of outsourcing, competition, job insecurity, online bidding, international RFPs (Requests for proposal), etc. For types 1—2, however, their only link is technological in most cases, with their common interest focusing on a site, a network, a product, etc. These “communities” on line are therefore short-term and limited in breadth and scope. What brings all these groups together is a shift in the direction towards the actor (translator, user), as the producer of content. Collective intelligence put into the service of translation has diverse motivations. Some Internet users are professionals, and concerned with developing their job profiles, others are activists clearly oriented by ideology, others are technophile amateurs, and still others are freelancers attempting to forge new niches... The evolution is thus not only technical, but also economic and social. It is constrained by outsourcing, but equally pushed forward by multilingual production needing to be rendered accessible as quickly as possible, or by the rallying behind certain causes that have been ignited...

3.3. A multi-faceted market

The market evolves according to demand, to the means used to meet these demands, and to the nature of the relationship that binds the translator to the commissioner of translations (Gouadec, 2002: 87—115; 2007: 120—145).

This market may be local, open and accessible to everybody, i.e. to anybody, from the person knowledgeable about the language needed, to the person able to manage a given tool or technology. This market is also fragmented, offering small irregularly paced contracts, and encompassing a variety of texts of unequal tenor and length — from hotel pamphlets to promotional prospectuses of SMEs. It is equally the domain of freelancers — of amateurs (with hardly any training), beginners (new graduates, whether in translation or not), and professionals alike, where the latter are solidly established, have one or more working languages, and have been successful in gaining the loyalty of a certain number of regular clients.

A protected market implies a demand that is more concrete, one that touches on issues of quality requirements and on the translation of documents representing financial and commercial stakes, at times bound by security or legal constraints. Clients tend to be more well-informed, wanting their operations and maintenance manuals, marketing brochures, takeover bids, or Web sites to respect certain preferences of terminology and protocol of format. Likewise within this market we find translation agencies and companies, operating either with salaried in-house translators or functioning as a network of experienced, independent translators. The protected market can be regional, or national, and is configured mainly by medium-sized industrial and business enterprises,

drawn in by the export field. In Finland, this type of market demands bi-directional translations, to and from foreign languages.

The global market is more or less concentrated. The management of projects, human resources and technical resources adheres to explicit standards and procedures of quality control, even if the work is outsourced and sub-contracted. Service providers (multi-national agencies) are therefore organized along the lines of well-established criteria for reliability and productivity, with a division of labor that is more or less technically and geographically defined. They can respond to requests for huge volumes of translation and to a variety of demands, including diverse document types, languages to be used, and a specific infrastructure to produce the final product. This industrialized market of translation (including localization, multilingual writing and publishing) imposes specific norms, including financial ones, on multiple markets.

Regional and global markets can accommodate beginners on internships or for limited contracts, even if it means that after a certain period of time, these beginners might prefer sub-contracts from one or several contractors. Indeed, according to the market size and working languages, this market division can become more complex: in Finland it is rather rare to be able to survive as a literary, legal or technical translator; even agencies hesitate to hyper-specialize in any single domain — medical or pharmaceutical, for example. On the other hand, the arrival of multinational agencies, for instance in the audio-visual sector, has shaken up certain practices and fees. In fact, until translation work can be regulated, recognized, and accredited both in terms of access and practice, like other liberal professions (doctors, architects, lawyers, notaries, etc.), these three markets (local and open, regional and protected, global and concentrated) will continue to not be impervious to one another.

A non-negligible economic aspect on the market is the effect of competence in foreign languages on business performance, or in other words, how does a linguistic policy, often implicit, have an impact on the often non-explicitly stated policies of translation?

An international survey (2008) conducted by the British National Centre for Languages requested by the European Commission Directorate-General for Education and Culture, reveals that 11% of exporting European SMEs (945,000 firms) lose business due to linguistic barriers, ignoring that Russian, German and Polish are used in eastern Europe, or that French is current in a number of African countries, or that Spanish is spoken in Latin America! Less than half of these businesses have contemplated a strategy for multilingual communication (recruiting native speakers, adapting their Web site, resorting to local agents, offering language courses to personnel, hiring translators and interpreters).

The tangible missing economic link has been discussed on other occasions by Pym (Pym et al., 2006: 12), that is to say: the real questions of costs, investments, modes of payment, etc. From the multinational agency often managed today by a non-translator, to the publishing house anxious to conquer new markets (Heilbron et Sapiro, 2002; Sapiro 2008, 2009), and from the international or government institution remunerating translation services to the former teacher moonlighting in translation in order to make

ends meet at the end of the month, economic and financial dimensions can no longer be neglected. They are relevant factors that orient, even determine, specific choices and decisions. Analyses would be welcome, such as, for example, on the linguistic policy and market of video games. However, micro-level studies need to accompany the macro-level ones (see Mossop, 2006), for whichever domain the translations are done (medical, technical, commercial, audio-visual, literary, etc.), and they should:

- Compare translation and interpreting costs with the other means used for taking care of international multilingual communication (see section 1)
- Compare the ecological prints of Western translators with those in India translating the same text, or interpreters who travel versus those conducting videoconference interpreting (costs, productivity, and environment)
- Analyse translation as a bona fide business, notably in terms of its cost in relation to turnaround times and quality demands
- Analyse expenses in terms of the functioning, or non-functioning, of a translation division located within a business, banking or other enterprise
- Analyse the financial repercussions from translation memory systems in terms of productivity gains, or on the contrary, how they hinder due to ad hoc correspondences that emerge between segments and require change and correction, or what occurs when they are shared collectively or when substantial revision must be carried out on the translated text after they have been applied
- Analyse the costs and financial implications of software use in computer-assisted translation, machine translation with or without pre- and post-editing
- Compare modes of payment among translators (per word, line, page, hour, by the number of readers (of the translated text) or Web site visitors
- Document and analyse the economic fall-out when changes are made to the workflow, including new tasks, new procedures, new decision-making processes, changing relationships to the source document (completed or in the process of being written)
- Analyse the financial consequences of localizing, successfully or not, Web sites
- Analyse the costs for revision, re-reading, in accordance with their place and frequency along the workflow and in terms of expected objectives (for example, revising internally when the translations are outsourced)
- Analyse the financial impact of reverting solely to English for the international communications of a business organization (for example, the effects of a marketing piece or a slogan on actual sales)
- Document and analyse the means of selecting and recruiting independent / freelance translators by translation agencies, or by companies ... and the means by which to evaluate the services they have rendered
- Analyse the costs and effects of community interpreting, whether carried out by a qualified person or an amateur, in medical consultations (see survey 2008 by Ribera et al.)
- Analyse the relations between financial constraints, and the costs incurred for retranslations and/or for adaptations, with cuts and additions, for theatrical pieces, comics, children's literature, advertising, etc.

From markets revolving around supply and demand to the effects of technologization, from daily organizational practices at work to the consequences of corporate mergers (corporate cultures), the territory and range are wide open for including research on the economic and financial dimensions of translation and interpreting. Many of those responsible for configuring the work terrain understand only the language of money.

4. CURRENT TRANSFORMATIONS IN THE LANDSCAPE OF TRANSLATION

4.1. Different practices yesterday and today

With all the changes implied by ICT, including the multimodal text, we can notice a multiplication of labels created nowadays for “translation”. This outbreak in denominations has not yet occurred in all societies and in all languages. We are not thinking here of traditional categories such as specialized or literary translation, conference or community interpreting. Rather, we are thinking of the labels imposed from within diverse professional milieus — by sponsors and commissioners of translations, all the while denying the word itself, and opting instead for: *localization, adaptation, multilingual documentation, editing, trans-editing, multilingual technical writing, language mediation, versioning, revision, co-writing* (legal texts for ex.), *transcreation* (Ray & Kelly, 2010), etc. The burgeoning functions to be carried out at the same time (documentation, terminology, project management, website design, editing and proofing), the advanced specialization required (by domain, tool, types of document) “define the sets of knowledge and specific competences for jobs as engineers of multimedia, multilingual communication” (Gouadec, 2002: 70).

The multiplication of labels to talk about translation is intriguing: it might also destabilize TS: what is then its object of investigation? However the destabilisation of TS has gone hand in hand with the expansion of the discipline in the past twenty years or so and has happily permitted a much broader perspective on the role of the translator. But let’s come back to professions. How should we understand the situation and also the new hierarchy behind those labels? The term “translation” is rejected because it implies a formal transfer, a word-for-word work and because it goes with the traditional image of the translator as a subservient or “subaltern” worker (see 2.2 and 2.3). TS has deconstructed for some time now this definition and this image, and nowadays we deal with a concept of translation that recovers creativity, voice, interpretation, commitment. Nevertheless, today, different sectors use different labels, e.g. transcreation in the advertising industry⁵. In a way, the job market lags behind research but also associations are slow to update their categorization since most of them still rely on differences between literary and non-literary (technical, commercial, medical, legal) translators. To limit TS or our enquiries to institutionally visible or academically prestigious forms of translation is counter-productive: the inheritance of literary and religious texts is not obsolete but must be questioned to better include new practices.

⁵ A number of ads and TV news, for instance, are produced through a translation process but are not perceived as “translations” by their copywriters.

Discrepancies in labelling are also confusing and difficult to overcome because if you work with certain term bases, translation memory software or certain Machine Translation (MT), you quickly realize that word-for-word is still there. But why should we expect experts in language industry to be different from managers in marketing regarding “translation”? (See 2.2). The popular assumption that translation is a linear substitution of words testifies to the somewhat archaic perceptions of “translation” and “translator” by many who have inherited and continue to propagate common archetypes, perceiving language as static rather than dynamic, envisaging communication as a mere sequence of information packets rather than as interactions.

How to redefine “translation” while not only practices are changing but the discussion in TS is becoming more and more international, opening up to other cultures (Tymoczko 2005, 2007)? To the concepts used in the past in Western Europe (*mimesis*, *appropriation*, *imitation*, *commentary*) must be added many concepts used in different cultural spaces of the contemporary world: Indian, Chinese, Arabic, Turkish, Malaysian, etc. (*reversal*, *transmigration*, *metamorphosis*, *substitution*, etc.) (Chesterman 2006; Gambier & Stecconi 2019). Translation is a polymorphous concept to be negotiated, requiring to question the epistemological and social relevance of the studies in translation — in the way data, methods of investigation are selected, in the ways the scholar (practitioner and epistemic subject) takes a stand on the practices, the contingent realities. As long as translations were limited to conventional genres (contracts, patents, articles, instructions, pages of fiction), in well-defined domains (economic, scientific, military, agricultural, energy, etc.), for clear needs, analytic and interpretative grids were possible from your own experiences. How is it now when environments are changing with ICT, when documents are multimodal, when constraints in production and distribution of international multilingual communications are far from the known models (Pym 2004)?

4.2. Paradigm shifts in Translation Studies

Two paradigms are evolving, and justify to some degree the current multiplication of labels created for “translation”. On one hand, the more conventional conceptualization of translation that has endured for centuries through the paradigm of equivalence, has evolved into one more oriented toward the public or audience targeted, i.e. the paradigm of the ‘cultural turn’. It exists concurrently with another changing paradigm, one which reflects the platforms and mediums through which the activity of translation is now carried out. In this sense, the paradigm of the book (upon which the paradigm of equivalence is based) transforms into one of the digital and Web. Within the “cultural turn” in TS, several perspectives in particular have contributed to the critique of the long standing equivalence paradigm — Descriptive Translation Studies (Toury, 2012); the *Skopos* theory (Reiss & Vermeer, 2013); and cultural politics (Venuti, 2008), among others. Translation is thus viewed as a process of re-contextualization, as a purposeful action. Translators consider and balance diverse factors during the translation process, in order to achieve a communicative purpose, and their translations materialize as functionally adequate in the target culture. The entire decision-making process is bound to considerations that involve the client end-receiver. Meaning is no longer considered as a mere invariant in the source text, but rather as culturally embedded, with a need

to be interpreted. Translation becomes not just a lexical hurdle to overcome, but the result of connections between text, context, and myriad agents.

However, the long story of “translation” in our countries cannot be changed in a flash. It still heavily influences the current and popular ideology of “translation”. The double clash of paradigms — from the “equivalence” paradigm to the paradigm of the “cultural turn” and from a tradition based on religious texts and printed matters to digital culture — is happening now. Hence the hesitation in denominating what we do when we translate or transcreate, transedit, localise.

5. TOWARDS AN ORGANISATIONAL STRENGTHENING?

A discipline can be defined by its epistemological elements (in particular its object of investigation) and its socio-institutional elements. We have emphasized the increase in the number of labels of the practices and the number of concepts (see section 4). In addition, translation, adaptation, localisation, intercultural studies are variously developed, in terms of geographic and institutional coverage but don't they all wonder about our ways of managing the communicational differences, at the semiotic, linguistic and/or cultural level, although they cope with moving concepts such as culture, context, norms?

Could TS become a trans-discipline, a transversal object of inquiry, common to psychologists, linguists, historians, philosophers, sociologists, economists, etc., shaking up at last the established disciplines? Nonetheless, must we have separated *Translation Studies*, *Adaptations Studies*, *Intercultural Studies*, *Transfer Studies*, *Knowledge Management*, *Internet Studies*, *Web Science*, *Mediology*, to name a few new fields? This does not imply that TS has to be cannibal of neighbouring disciplines. One has to acknowledge the complexity of communications and behaviours.

Another aspect is the institutionalisation of translation (with training programmes, associations, codes of ethics) and of TS (with research projects, doctoral schools, conferences and other international meetings, journals, specialised series, etc.) (Gambier 2007b) This institutionalisation has been partly criticized recently for being too much Eurocentric (van Doorslaer & Flynn 2011). Neither translation nor TS have clear-cut borders. However, for institutional and logistic reasons, they are often strongly marked geographically, assimilated to a given space — i.e. for a journal such as *TIS* of the American Association of Interpreting and Translation Studies, for an association such as CATS/ACT in Canada, for an article such as “Italian TS”.

There is a dual move today: the national, regional associations coexist with specialised ones. On the one hand, we have associations which continue to believe that the job is singular, the corporation is homogenous and depends on the passport; on the other hand, we have associations based on domains (legal, audio-visual, medicine, commerce, etc.) or based on the status (freelances, authorised translators, employees), and we should not forget websites such as *Proz*, *Translators Café*, *Aquarius*. In this fragmented landscape (there are more than 100 associations in the 28 EU countries), no one asks the question why to translate and not to learn more languages, to use passive bilingualism (see section 1).

All these associations are facing new problematics and new challenges, very different from what was happening in the late 1980. Networking is now preferred

to the gatherings with formal rules and local branches. Today a certain number of TS associations exist: CATS/ACT, Canada, since 1987, EST since 1992, ABRAPT (Brazil, 1992), Japan Association of Interpretation Studies (JAI, 2000), the Nida Institute within the American Bible Society (2002), AIETI (since 2003) for the Iberian Peninsula, ATISA (USA, 2003), IATIS (2004), SEPTET (Société d'études des pratiques et théories en traduction, 2005) and then come specialised associations, such as EAMT / for machine translation, AIIC / for conference interpreters. All these associations search for more visibility, as the transnational associations of translation companies, such as EUATC (European Union of Associations of Translation Companies). Rather than waiting for an utopian international organisation, they could gather in a unique network in order to lobby public and financial authorities, to struggle against any kind of censorship and violation of human rights (especially the freedom of expression) and to promote research TS in the international rankings of publications, etc.

6. CONCLUSION

The different issues raised in the five sections shake up TS as the discipline has been developing until recently. It is a sign of vitality. By analogy, would we accept to trust a doctor who would have a knowledge of medicine dated from research on rabies, tuberculosis and ignorant of cancers, HIV, Ebola virus? TS cannot any longer be satisfied with research based on canonical literature and conventional religious texts. The concept of text has nowadays expanded since it covers multimodal texts (texts with other semiotic signs than just verbal signs). And with this expansion, the concept of authorship has also been changing: while a literary text is usually transmitted thanks to a single author (at least in the Western written tradition), the moving text (Pym 2004) is produced, distributed, thanks to a set of stakeholders (combining authors, engineers, marketing staff, designers, localisers, etc.). For sure, there are still known unknowns in TS (Brems et al. 2012). The community of TS scholars is not so large that the discipline could have now a break (see Gile 2012): not only the object of inquiry is becoming more complex but the imaginary of translation, depicted in the use of metaphors and new narratives (in theoretical texts, in paratexts and in ordinary talks) is also slowly changing.

© Yves Gambier, 2019

REFERENCES

- Brems, E., Meylaerts, R. & van Doorslaer, L. (eds.) (2012). The Knowns unknowns of Translation Studies. *Target*, 24 (1).
- Buzelin, H. (2014). How devoted can translators be? Revisiting the subservience hypothesis. *Target*, 26 (1), 63—97.
- Chesterman, A. (2006). Interpreting the meaning of translation. In M. Suominen et al (eds.). *A man of measure: Festschrift in homage of Fred Karlsson on his 60th birthday*. University of Helsinki.
- Delisle, J. & Woodsworth, J. (eds.) (2012). Translators through *history* (Revised edition) 1st ed. 1995. Amsterdam: John Benjamins.
- Doorslaer, L. van & Flynn, P. (eds.) (2011). Eurocentrism in Translation Studies. *Translation and Interpreting Studies* (TIS), 6 (2).

- Gambier, Y. (2003). Working with relay: An old story and a new challenge. In L. Perez González (ed.). *Speaking in tongues: Language across contexts and users*, 47—66. PU València.
- Gambier, Y. (2007a). Réseaux de traducteurs/interprètes bénévoles. *Meta*, 52 (4), 658—672.
- Gambier, Y. (2007b). Y-a-t-il une place pour une socio-traductologie? In M. Wolf & A. Fukari (eds.). *Constructing a sociology of translation*, 205—217. Amsterdam: John Benjamins.
- Gambier, Y. (2012). Le traducteur défiguré? In E. Skibínska & N. Paprocka (eds.). *Figure(s) du traducteur*. Wroclow: PU (coll. Romanica Wratislaviensia, vol. 59).
- Gambier, Y. & Stecconi, U. (eds.) (2019). *A World Atlas of Translation*. Amsterdam: John Benjamins.
- Gile, D. (2010). Why TS matter. In Gile D., Gyde H. & Pokorn, N. (eds.). *Why Translation Studies matter*, 251—261. Amsterdam: John Benjamins.
- Gouadec, D. (2002). *Profession: Traducteur*. Paris: La Maison du traducteur. In English (2007) *Translator as a profession*. Amsterdam: John Benjamins.
- Heilbron J. & G. Sapiro (éds.) (2002). Traduire: les échanges littéraires internationaux. *Actes de la Recherche en Sciences Sociales*, 144.
- House, J. (2003). English as a global lingua franca. In L. Perez Gonzáles (ed.). *Speaking in tongues: Language across contexts and users*, 19—46. PU València.
- Kalinowski, I. (2002). La vocation au travail de traducteur. *Actes de la Recherche en Sciences sociales*, 144, 47—54.
- Lambert, J. (1989). La traduction, les langues et la communication de masse. Les ambiguïtés du discours international. *Target*, 1 (2), 215—237.
- Mossop, B. (2006). Has computerization changed translation? *Meta*, 51 (4), 787—792.
- Pym, A. (2004). *The Moving Text*. Amsterdam: John Benjamins.
- Pym, A. (2009). Natural and directional equivalence in theories of translation. In Gambier, Y. & van Doorslaer, L. (eds.). *The Metalanguage of Translation*, 81—104. Amsterdam: John Benjamins.
- Pym A., Shlesinger, M. & Z. Jettmarová (eds.) (2006). *Sociocultural aspects of translating and interpreting*. Amsterdam: John Benjamins.
- Ray, R & N. Kelly (2010). *Reaching new markets through Transcreation. When translation just isn't enough*. Common Sense Advisory.
- Reiss, K & Vermeer, H. (2013). *Towards a general theory of translational action: Skopos theory explained*. Manchester: St Jerome.
- Ribera JM, S. Hausmann-Muela, KP. Grietens & E.Toomer (2008). *Is the use of interpreters in medical consultations justified? A critical review of the literature*. (www.passs-international.org).
- Sapiro, G. (dir.) (2008). *Transaltio. Le marché de la traduction en France à l'heure de la mondialisation*. Paris: Ed. du CNRS.
- Sapiro, G. (dir.) (2009). *Les contradictions de la globalization éditoriale*. Paris: Nouveau Monde éditions.
- Simeoni, D. (1998). The pivotal status of the translator's habitus. *Target*, 10 (1), 1—39.
- TAUS, Translation Automation User Society. <https://www.taus.net/> (2013). *Translation Technology Landscape Report*. Online, 74 p.
- Toury, G. (1995/2012). *Descriptive Translation Studies and Beyond*. Amsterdam: John Benjamins.

Tymoczko, M. (2005). Trajectories of research in TS, *Meta* 50 (4), 1082—1097.

Tymoczko, M. (2007). *Enlarging Translation, Empowering Translators*. Manchester: St Jerome.

Venuti, L. (2008). *The Translator's Invisibility. A History of Translation*. London: Routledge. 1st ed. 1995, 3rd ed. 2018.

Article history:

Received: 10 January 2019

Revised: 18 March 2019

Accepted: 25 March 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 января 2019

Дата принятия к печати: 25 марта 2019

Bionote:

YVES GAMBIER is a professor emeritus from the University of Turku (Finland), School of Languages and Translation Studies. With more than 200 publications, his research has focused on socio-terminology and special discourse, Translation Studies, Discourse analysis, bilingualism in Finland, early bilingual education, audiovisual translation, training of translators and interpreter. He is a member of the editorial boards of multiple journals such as *Babel*, *Hermeneus*, *MonTI*, *Target*, *Terminology*, *Sendebare*, *Hermeneus*, *Synergies*, *TTR* and the general editor of Benjamins Translation Library.

Contact information: e-mail: yves.gambier@utu.fi

Сведения об авторе:

ИВ ГАМБЬЕ — почетный профессор Университета Турку (Финляндия). Автор более 200 публикаций, посвященных социо-терминологии и специальному дискурсу, переводоведению, дискурс-анализу, двуязычию в Финляндии, двуязычному образованию в раннем возрасте, аудиовизуальному переводу, подготовке устных и письменных переводчиков. Является членом редколлегии нескольких журналов, таких как *Babel*, *Hermeneus*, *MonTI*, *Target*, *Terminology*, *Sendebare*, *Hermeneus*, *Synergies*, *TTR*, а также главным редактором Benjamins Translation Library.

Контактная информация: e-mail: yves.gambier@utu.fi

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-362-382

Intertextuality as Translation Problem: Explicitness, Recognisability and the Case of “Literatures of Smaller Nations”

Marta Kaźmierczak

University of Warsaw
26/28 Krakowskie Przedmieście, Warsaw 00-927, Poland

Abstract

The paper focuses on the issue of translation of intertextual markers in literature, with a special emphasis on Polish poetry in English renditions. The material and perspective are chosen with a view to exploring source-culture references in the literatures less known internationally, which, it is argued, is a sphere of particular cultural resistance to translation. The aim is to survey the importance of the level of explicitness of intertextual links for the task of a translator, but also to investigate recognisability — the other crucial factor — as well the interrelation of the two. First some assumptions about the conditions conducive to a successful rendering of intertextuality are formulated and tested. Then, based on several poetry excerpts, it is shown how, on the one hand, the level of explicitness influences the translators' choices and, on the other, how explicating or implicating procedures in translation influence the interpretative potential of the texts. Some instances of overcoming the resistance thanks to creative efforts are indicated. One of the author's tenets is that even a not readily decipherable marker can serve as a signal of intertextual relations.

Key words: *translation, intertextuality, cultural asymmetries, Polish literature, translation strategies*

For citation:

Kaźmierczak, Marta (2019). Intertextuality as Translation Problem: Explicitness, Recognisability and the Case of “Literatures of Smaller Nations”. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 362—382. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-362-382.

Интертекстуальность как переводческая проблема: эксплицитность и узнаваемость при переводе из «литератур меньших народов»

Марта Казьмерчак

Варшавский университет
Krakowskie Przedmieście 26/28, Варшава, 00-927, Польша

Аннотация

Статья посвящена вопросу передачи интертекстуальных сигналов в художественной литературе, а особенно при переводе польской поэзии на английский язык. Выбор материала обусловлен задачей изучения интертекстуальных текстов в литературах, которые не являются широко извест-

ными, что создает, по мнению автора, особые трудности при переводе. Цель данной статьи — исследовать два фактора, влияющие на трудности перевода: уровень эксплицитности (явности) межтекстовой связи и узнаваемость архетекста, а также их взаимоотношение. В начале представлены именно эти условия, которые способствуют успешной передаче интертекстуальности. Данные установки затем подвергаются предварительной проверке. Затем на основе нескольких стихотворных отрывков и их переводов автор показывает, как уровень явности влияет на переводческие решения и как, в свою очередь, примененные в переводе процедуры эксплицитации и имплицитации влияют на интерпретационный потенциал текстов. Приведены также примеры успешного преодоления объективных трудностей при передаче интертекстов. Автор утверждает, что даже маркер, который в целевом контексте нелегко поддается интерпретации, может сработать как сигнал межтекстовой связи.

Ключевые слова: *перевод, интертекстуальность, культурные асимметрии, польская литература, переводческие стратегии*

Для цитирования:

Kaźmierczak, Marta. Intertextuality as Translation Problem: Explicitness, Recognisability and the Case of “Literatures of Smaller Nations” // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 2. С. 362—382. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-362-382.

1. INTRODUCTION

The paper focuses on the issue of translation of intertextual markers in literature, with a special emphasis on Polish poetry. The material and perspective are chosen with a view to exploring source-culture references in the literatures less known internationally which, it is argued, is a sphere of particular cultural resistance to translation. I intend to survey the importance of the level of explicitness of intertextual links for the task of a translator, but also to investigate recognisability — the other crucial factor — as well the interrelation of the two.

The paper is organised as follows. In the following section theoretical assumptions are laid down, explaining the two factors that form the methodological grid to be tested in the further investigation. Section 3 brings forth two cases in which the openness of reference and relatively high recognisability are checked as conditions possibly facilitating the intercultural transfer in a more general context. This forms the background to section 4, in which several examples of renditions from Polish to English specifically illustrate the situation of translating intertextually charged works from a peripheral literature. This main part of the study will be structured according to the solutions applied to intertextual markers in translations: from eliminating thereof, through implicitation contrasted with explicitation, to the instances of the resistance being successfully overcome.

Resistance is understood here as a certain barrier of untranslatability. That an original inherently defies translation in some respects, which must be overcome, is an essential feature of intercultural mediation, exemplified in countless studies. Let me only mention that in a philosophical framework it was stressed e.g. by Paul Ricoeur (2006: 30—39). Interest in the cultural dimension of the text as the source of translation difficulties is strongly present in the thought of Olgierd Wojtasiewicz, whose views form part of the methodological framework formulated here (see section 2). The word “resistance”

is not used by me in any political sense, I therefore consciously refrain from mapping this notion on ideologically loaded concepts¹.

Key notions as they are construed here will be explained as the paper develops, i.e. there, where they become necessary for the argumentation: intertextuality, explicitness, recognisability — in the section below, literature of the smaller nations — in the opening of section 4.

2. THEORETICAL BACKGROUND

2.1. The notion of intertextuality

The notion of intertextuality has its origins in literary studies: Julia Kristeva derived it from Mikhail Bakhtin's claim that a literary text is not only a dialogue between the author and the reader but also a dialogue with the whole of the contemporary, the previous and the future culture (Kristeva 1969: 143—173). Thus, intertextuality implies a dialogue and connections of a text with another text, other texts or types of texts — which is effected by means of quotations, allusions, by borrowing structure, etc. When broadly understood, intertextuality covers three types of relations: text — text, text — genre, and text — reality. At the same time, many scholars postulate limiting the meaning of the term to just one or two of the types of relations. There are numerous classifications of intertextual phenomena, yet, for space limitations I will not go into the nuances of typologies by, among others, Laurent Jenny (1976), Gérard Genette (1982), or Ryszard Nycz (2000: 79—109).

In the present paper, intertextuality is understood as a relation of a given text with another text, a group of texts, or with texts of culture that precede it in time. A functional criterion is used for pinpointing the phenomenon under discussion: when a link with another text significantly contributes to a poem's semantics or is necessary for the understanding of it, it is treated as an intertextual relation. Considering that particular scholars apply very different terminology, it seems opportune to explain how the works coming into an interaction will be labelled in this study. The elements which refer to some previous texts are called *intertextual signals* or *markers*, for short — *intertexts*. The texts that are being referred to are called *archetexts* or *pre-texts* (the former descriptor appears for instance in Jenny [1976] and Nycz [2000], the latter is systematically used by Bolecki [1991] and in translational context by Majkiewicz [2008], whose classification is cited in the next subsection as part of my methodological framework).

2.2. Theorectical assumptions: explicitness, recognisability and the process of translation

The first question to be asked in the present paper is what general conditions have bearing on the success of translation of intertextual markers. The translator's work with an intertext consists of two phases: first, noticing the link with some previous text and localizing the source of reference and second, re-creating it in the target text. The two

¹ For resistance in postcolonial context see Wang Hui (2009: 202—203), who, incidentally, also tackles translating between dominating and dominated cultures (2009: 201—202).

stages can be correlated with two factors that facilitate or hinder the transfer of intertextuality: the *degree of openness* of reference in the original text and the potential *recognisability* of the marker in the target culture (see Table 1).

Table 1

Stages in translating intertextual markers

	stage of translator's work with an intertext	factors defining the difficulty of translation
1	noticing the intertextual marker, determining its source and significance for the receiving text	level of openness of reference
2	re-creating the intertext in the target text, so as to accommodate its function	(range of) recognisability of the archetext or of the allusion

Thus, from a theoretical perspective, explicitness should facilitate the transfer of intertextuality, since it makes the first stage easier. To the contrary, a hidden reference may be overlooked by a translator and as a result — may not be reproduced adequately in the target text. As Ritva Leppihalme has observed, especially novice translators may have problems with identifying the very presence of allusions in the source text (1997: 178—195) while even experienced ones acknowledge that they may miss some intertextual markers (1997: 87).

One of translation scholars to attach high importance to the level of openness of reference is Anna Majkiewicz. Based on this criterion, she has distinguished and explored (Majkiewicz 2008) four *categories of intertextual markers*. The typology will be adopted in the following part of the paper.

- Thus, intertextual signals are *elementary* when the situation of reading or quoting is verbalised and the source is indicated or an interpretive tip is given.
- *Explicit* intertextuality involves an overt situation of citing but the source is not openly indicated (e.g. a quotation marked graphically but not attributed). Alluding by means of proper names also belongs to this category.
- *Implicit* intertextuality means that only some recurring or specifically placed elements or intended incohesion signal a dialogue with another text.
- With *covert* intertextual markers, the receiving text does not show in any way that there is some link; the reference remains potential (hidden quotations are an example) (Majkiewicz 2008: 23—26).

Majkiewicz postulates that whenever relevant for the original work, the net of intertextual relations should be thoroughly studied by the translator and restored in the target text. She pleads for retaining the signals, even if implicit or covert, and for embracing the exotic (foreign) quality activated this way (2008: 178—179). Intertexts should be made accessible to competent readers, however small that minority may be in the target-language community.

For commenting on the other line of the chart, remarks by Olgierd Wojtasiewicz will be useful. A decade before Kristeva introduced the term “intertextuality,” Wojtasiewicz pondered (1957: 76—89) the problems in translating works which contain references to other texts and to non-literary facts. He called such elements “erudite allusions” and extended the traditional concept of allusion so as to include references to literature, to other arts, to historical facts and potentially — to any extratextual

phenomena (1957: 77). Thus, he made it as capacious as the notion of intertextuality is in modern understanding. He found allusions one of the central translational difficulties.

Since in his theory translation in general is defined as producing texts which raise similar associations (1957: 27), the same criterion is applied to rendering allusions. Wojtasiewicz classifies them according to the level of translatability and underscores that “each allusion evokes the associations intended by the author only in those readers who understand it” (1957: 77, transl. mine). Since with allusions there is normally a greater risk of incomprehension on the part of a secondary recipient than on the part of a primary one, many allusions will of necessity fall into the category of untranslatable ones. As can be seen, what Wojtasiewicz treats as the decisive element is the target recognisability, construed as a field of resistance to translation².

To rephrase and expand Wojtasiewicz’s observations, the success of the stage of re-creation of an intertextual marker in translation depends on the level of diffusion of its archetext in world culture, or, pragmatically speaking — on its recognisability in the given target culture. Thus, for a (direct) translation of an intertext to work, i.e. to evoke approximately the same associations, the following is needed:

- a translation of the archetext should exist in the target culture (in certain cases an idea about the pre-text suffices: if a cursory reference is made by means of a title, a customary target version of the title of a yet untranslated work will be enough);
- the existing translation of the archetext must be used when translating the source text (the standard target version of a painting’s title, etc.);
- in the event of multiple target versions of the archetext, the canonical or the one most familiar to the audience promises optimal results;
- it must resonate with the target readers (one could ask if it is at all feasible).

On the basis of the above it can be assumed that both the level of explicitness in the source text and the recognisability of the marker from the point of view of the target recipient may exert a significant influence on the shape and quality of a rendition. The operation and possible interrelation of the two factors needs verifying on empirical examples.

3. VERIFYING THE THEORETICAL ASSUMPTIONS

In the discussion of the two cases in this section, the openness of reference and relatively high recognisability will be checked as factors possibly facilitating the inter-cultural transfer in a more general context. The first illustration is a fragment from George MacDonald’s novel *The Baron’s Apprenticeship (There and Back)*³ and its

² It is natural that he should abstract himself from the possible difficulties encountered on the first stage of work with intertextual material, since he was building a general theory and consequently adopted the concept of an “ideal translator” (cf. Wojtasiewicz 1957: 8).

³ The English passage is quoted from the edition which is indicated in the translation as its source text. The novel in its original form, titled *There and Back*, is much longer (3 volumes) and overtly attributes *The Rime...* to Coleridge (cf. MacDonald 1891 [on-line], Ch. 22). The revised *Baron’s Apprenticeship* substantially reduces ruminations on philosophy and literature and the attribution goes with them. The Polish translation follows the revised version in text reductions.

Polish translation. The reference is, in Majkiewicz's typology, *elementary* — the characters are discussing a poem whose title is stated:

“Did you ever notice, in *The Rime of the Ancient Mariner*, the point at which the dead bird falls from the neck of the man?”

“I don't even know what you are talking of,” answered Barbara. “Do tell me. It sounds like something wonderful! Is it a story?”

“Yes — a wonderful story”

He began to repeat as much of the ballad as he could, and went on, never slackening his work. The very first stanza took hold of Barbara.

(MacDonald 1986: 74).

— Czy zwróciła panienka uwagę na ten moment w „**Rymowance starego żeglarza**”⁴, kiedy martwy ptak spada z szyi człowieka?

— Nawet nie wiem o czym pan mówi — odparła Barbara. — To brzmi cudownie! Czy to **opowiadanie**?

— Tak, wspaniałe opowiadanie.

Powtórzył z **ballady** tyle, ile pamiętał, nie zwalniając tempa pracy. Już pierwsza **zwrotka** zachwyciła Barbarę.

(MacDonald 1995: 86).

[“Have you, miss, paid attention to that moment in ‘The old sailor's rhyme’ when the dead bird falls from the man's neck?”

“I don't even know what you are talking of,” answered Barbara. “It sounds wonderful! Is it a short story?”

“Yes, a wonderful short story.”

He repeated from the ballad as much as he remembered, never slackening his work. Already the first stanza delighted Barbara.

(Back-translation — M.K.)]

The openness of reference is an undisputable advantage for the translation, and it is this that enhances the possible recognisability in the target context. Coleridge's poem may not be as well known in Poland as it is in the source culture, but it had undergone two translations before this rendition of MacDonald was undertaken: *Pieśń o starym żeglarzu*, by Jan Kasprowicz (Coleridge 1907/1971), and *Rymy o sędziwym marynarzu* by Stanisław Kryński (Coleridge 1963). Referring to any of the two would have enabled the readers to identify the archetext, even if it remained unattributed in the Polish version of the novel (while the identification would have been more difficult with an unattributed quotation).

However, the translator of *The Baron's Apprenticeship*, Jolanta Bartosik, does not take any of the two versions of the title into account and offers her own rendition. It is against the general rule effective in Poland which advocates deploying an existing translation unless some special circumstances preclude it. Moreover, Bartosik's “own translation” is far from accurate. First of all, the function of the preposition *of* has been interpreted as the possessive one and, as a result, the Ancient Mariner is no longer the *personage* of the rime, but the one *whose* it is, i.e. who says it or has authored it. (He does tell his tale to the wedding guest, but if the target-language grammar cannot

⁴ Throughout the paper all the emphases in the quotations added for the sake of argumentation — M.K.

convey the two meanings at a time it is more sensible to choose the locative case, as Kasprowicz and Kryński did: *o żeglarzu, o marynarzu* — ‘about the mariner’). And what does he supposedly recite? — In Polish *rymowanka* means a nursery rhyme or a doggerel, stylistically quite opposite to *rime*, elevated as the latter is by archaic spelling. *Rymowanka* is thus not suggestive of anything “wonderful,” as Barbara expects. The generic information is further distorted: MacDonald’s characters refer to *The Rime of the Ancient Mariner* as a “story” because it is a “narration of a chain of events” (cf. Anderson et al. 2004), but it is told in verse, whereas the Polish noun *opowiadanie* indicates the genre of short story and distinctively connotes prose. However, the sentences following in the translation inform that the work in question is a ballad (*ballada*) and that it is divided into stanzas (*zwrotka*). The translator, although seemingly closely following the original, flaunts inconsistencies. Having disregarded the elementary (overt) intertextual signal, she nonchalantly misrepresents Coleridge’s poem as far as identification, generic characteristics and — indirectly — level of artistry are concerned. When you add the image of a “dead bird on the neck” — possibly ridiculous for those who do not know *The Rime* — the Polish readers will wonder why the two characters enthuse over some kitschy doggerel. In turn, the recipients competent enough to recognise the intertextuality despite the distortion may suspect parodic intentions in MacDonald’s use of it, which is not the case.

The second example, Czesław Miłosz’s (1911—2004) poem “Tak mało” (“So little”), allows one to explore the issue in much different circumstances. The openness of references in the source text is lower, the signals range from *implicit* to *covert*. What is also changed is the opposite direction of translation, from Polish into English, while the Russian rendition is added to verify whether the results depend on the particular target language or not⁵.

Cz. Miłosz, “Tak mało”	“So little,” transl. Cz. Miłosz, Lillian Vallee	“Так мало,” transl. Andrei Bazilevsky
Tak mało powiedziałem. Krótkie dni. [...] Paszcza lewiatana Zamykała się na mnie. Nagi leżałem na brzegach Bezludnych wysp. Porwał mnie w otchłań ze sobą Biały wieloryb świata. I teraz nie wiem Co było prawdziwe. <i>Berkeley, 1969</i> (Miłosz 1996: 228)	I said so little. Days were short. [...] The jaws of Leviathan Were closing upon me. Naked, I lay on the shores Of desert islands. The white whale of the world Hauled me down to its pit. And now I don’t know What in all that was real. <i>Berkeley, 1969</i> (Miłosz 1996: 229)	Как мало я успел сказать. Как мало. [...] Пасть левиафана Сомкнулась надо мной. Нагой, я был брошен На необитаемом острове. Белый кит Швырнул меня в бездну мира. Я так и не знаю, Что было со мной На самом деле. (Милош [Milosh] 1993: 139)

⁵ The English rendition is almost a literal one, therefore I do not offer a philological translation of the original poem. The Russian version introduces slight differences which either are negligible in all respects or do not influence the intertextual reading: “How little have I managed to say. / How little. [...] / The jaws of leviathan / closed over me. / Naked, I was cast / on a desert island. / White whale / hurled me into the abyss of the world. / I don’t [emphatic] know / what has happened to me / actually” (transl. mine — *M.K.*, date omission — *A.B.*).

This time it is the range of recognisability of the archetexts that has facilitated the transfer both into English and into Russian. Importantly, the adjective “white” (*biały wieloryb* — *white whale* — *белый кит* [*belyi kit*]) has not been discarded, so that the target texts are not flattened into logic but retain the interlacing of two layers of reference: the biblical and the Melvillean. True, there are shifts: *pit* in the English version is the biblical “pit of hell” and cannot at the same time be the ocean’s deep, whereas in Polish the ambiguity of the noun *otchłań* unites the two images; Andrei Bazilevsky, in turn, shifts the complement “of the world” (italicised in the table) from the whale to the abyss: “a/the white whale hurled me into the abyss of the world”. Nonetheless, the intricacy of the intertextual tissue of the poem is successfully conveyed in both cases. Furthermore, the legibility of markers sensitises the target audiences to the possible allusiveness of “desert islands”, and again the intertextuality is retained in English as well as in Russian. Intertextual potential can be actualised in the foreign reception although no special explication methods have been applied by the translators.

In this provisional check, the first example has shown that *what is theoretically postulated as an opportune situation for translating an intertext does not necessarily correlate with a fine actual rendition*. The translator has not taken advantage of little cultural resistance and her choices negatively affected the recognisability of the signal, producing a puzzling and therefore resistant textual element. In the second example, however, despite the fact that the references are neither overt by themselves nor made more explicit by the translators, the intertextuality has indeed been communicated to the target audiences. This can be ascribed to the international dissemination of the archetexts evoked: the Bible, *Moby Dick* (popularised by films and other intermedial adaptations), or texts of culture perpetuating the desert island topos. Furthermore, the two aspects under discussion — the level of explicitness and recognisability — appear in a close interrelation. It is evident that *openness of reference is a factor important not only on the left (source) side of the translational equation*.

4. TRANSLATING “THE LITERATURES OF SMALLER NATIONS”: EXPLICITNESS AND RECOGNISABILITY

The second example has brought us to the sphere on which I intend to focus: Polish into English poetry translation. Polish literature is very much dialogical, yet it is immensely difficult to convey this quality in translation. And it is not because the renditions of the archetexts do not exist and there is nothing to establish links with (this prerequisite is often satisfied), but because the references do not resonate for the readers.

Translating from Polish frequently means an attempt at transfer from a weaker to a stronger polysystem, or to a polysystem less inviting, less welcoming towards foreign works. As Itamar Even-Zohar puts it, whether we like it or not, the “peripheral literatures in the Western Hemisphere tend more often than not to be identical with the literatures of smaller nations” (1978/2000: 194). Consequently, such is also the position of the Polish literature in relation to, for instance, the Anglophone literary system.

The inequality pinpointed by Even-Zohar becomes especially visible and painful in translating intertextual markers. As long as a reference is made to a source or motif which comes from the potential target culture or is more universally known, its successful

translation is possible — as has been illustrated by Miłosz’s poem in the previous section. However, it is very different with the allusions to the source culture if this culture is little known internationally. Obviously, the Polish culture and history are much less known in the English-speaking world than the Anglo-Saxon culture is in Poland. Therefore allusions to the Polish heritage will necessarily seem quite hermetic to the foreign audience.

Let me note that the hierarchy of interacting polysystems also affects directionality of translation. For a peripheral culture it is much more difficult to find a translator to work into the mother tongue and this necessitates either *indirect* (poeticising from a crib) or *inverse translation* (the latter term from: Beeby Lonsday 1998: 63—67). If Polish literature is to be promoted in world cultures, the task very often falls to a Polish translator or a tandem of a direct and an inverse translator. Such a situation apparently has one asset as regards rendering intertextuality: references to the source culture should be easier to notice for inverse translators and the possibly low level of explicitness will not be a hindrance⁶. This is, of course, small comfort if a complete lack of recognisability prevents the conveyance of an allusion or makes a whole text puzzling for the target readers.

Does it mean that translators must just resign themselves to this? Wojtasiewicz has emphasised that many allusions cannot in fact be “translated”, they can only (but still!) be explained. Therefore he defines the task of the translator as levelling the “differences in erudition” between the original author and the secondary recipient (1957: 77—79). This implies and justifies explication on the part of the translators. As shown above, explicitness of markers and recognisability tend to dovetail, and this suggests that raising the level of openness of an allusion under translation may be a way to improve its recognisability for the target audience. Among the types of explicitation described in translation studies, such a move for the sake of preserving intertextuality would therefore functionally correspond to pragmatic explicitation (cf. Klaudy 2009: 106—107).

Several more examples taken from Polish poems containing references to Polish literature, art and history will serve as further illustrations. The native culture is by no means the only domain of reference in the Polish literature, but I choose to concentrate on specifically such intertexts since they seem to be prototypical for the problems connected with translating *into* a stronger polysystem.

4.1. Elimination (of texts and intertexts)

Before proceeding to examples of translational explicitation and implicitation, a reservation is necessary. High cultural resistance may lead to eliminating intertextuality — by leaving some texts untranslated, by removing intertextual markers or by obliterating the signals retained.

Faced with the “imbalance of power” between the cultures from which and into which they are working, translators may feel powerless and simply renounce the trans-

⁶ This assumption will not always be confirmed in practice, especially if the Poles undertaking the translation are amateurs in the literary field (notably Jan Langer, who rendered into English Leśmian and Tuwim, appears completely unaware of intertextuality, cf. Kaźmierczak 2012: 237).

lation of works with pronounced dialogical qualities. Admittedly, if an entire text (e.g. a parody) fundamentally relies on a pre-text, then either the relation should be obligatorily re-created or the translation project given up altogether.

However, results of a study based on the works of the Polish modernist Bolesław Leśmian (1877—1937) and their translations suggest that also *explicit* (not necessarily holistic) *intertextuality daunts the translators* (Kaźmierczak 2012: 43—52). Poems in which the use of quotations is openly marked have not been translated into English at all, and tend to be rendered less often, and later than others, into Russian. Moreover, in certain Russian versions the translators eliminated explicit intertexts altogether or removed from them the distinguishing graphic marks. On the one hand, Leśmian, combining linguistic experimentation with a strict metrical and musical organisation of verse, is notoriously difficult to translate. Thus, the selection of poems may have been oriented on *evading an additional difficulty*. On the other hand, removing the quotes, i.e. a purposeful and radical reduction of the openness of reference (from *elementary* to *covert*), might indicate unwillingness to mark for the target readers an intertextual relation that does not exist in their language.

4.2. Implication vs. explication

Yet the openness and obligatory character of intertextuality do not always lead to a non-selection and the translators attempt to overcome the resistance, or to go around it. Such attempts can be illustrated on the example of Bolesław Leśmian's 1936 ballad "Urszula Kochanowska", as rendered into English with the use of two opposite strategies as regards intertexts.

Urszula or, in Renaissance Polish, Orszula, was the daughter whose death in infancy Jan Kochanowski mourned in his cycle *Treny* (*Threnodies/Laments*), one of the early masterpieces of Polish literature, first printed in 1580. Leśmian's poem is in its entirety referential with respect to Kochanowski's *Threnodies* (connected with "Threnody XIX" on the level of the plot) and for the source-culture recipients, even of limited erudition, the link is evident. It relies on the following markers: the protagonist's name and surname, the toponym *Czarnolas* and the derivative adjective *czarnolaski*, as well as the lyrical situation (reversed: Urszula, although staying in heaven, misses her parents).

Kochanowski's *Threnodies* have enjoyed popularity with translators and there are six English versions of the archetext⁷. Of them only the conjoined work of Seamus Heaney and Stanisław Barańczak (Kochanowski 1995a) has earned a greater renown, thanks to the fame of the Irish Nobel-Prize winner. Still, the work cannot be said to have become an integral part of an Anglo-Saxon reader's cultural encyclopaedia. As a result, the level of recognisability of Leśmian's intertextual dialogue will inevitably plummet under translation, which in turn may prompt intervention on the part of the translators. In this context it is interesting to trace the evolution of one of the English renditions of "Urszula Kochanowska".

⁷ The list of the renditions is as follows: *Laments* — transl. Dorothea Prall Radin, 1920, 1928; *Laments* — transl. S. Heaney, S. Barańczak, 1995; *Laments* — transl. M. J. Mikos, 1995; *Treny* — transl. Adam Czerniawski, 1996; *Threnodies* — transl. Barry Keane, 2001; *Threnodies* — transl. Leonard Kress, [n.d.].

The possible forms of the name and surname of the heroine of Leśmian's ballad are an issue in themselves (cf. Kaźmierczak 2012: 180—183), but since both versions to be discussed in this subsection are entitled "Ursula Kochanowska", let me not dwell on it here. I propose to concentrate on another intertextual signal: the name of her house. Czarnolas is the estate where Kochanowski spent the most fruitful years of his life and literary career and which he mentions in his works on numerous occasions. In the Polish culture the toponym has become inextricably bound with the poet, often called simply "Jan of Czarnolas"; it is also eponymous for a place where poetry has its source, as evidenced e.g. by Julian Tuwim's 1928 poem "Rzecz Czarnoleska" (cf. Tuwim 1968: 34 for English translation). Czesław Miłosz explains to the Western reader in his *History of Polish Literature*: "Since his [Kochanowski's] mature and best works were written there, the name 'Czarnolas', which means 'Blackwood', has unique legendary connotations for Polish poets" (Miłosz 1969/1983: 61).

The following fragments of Leśmian's ballad will be relevant for my discussion:

Gdy po śmierci w niebiosów przybyłam pustkowie,
Bóg długo patrzył na mnie i głaskał po głowie.

„Zbliź się do mnie, **Urszulo!** Poglądasz jak żywa...
Zrobię dla cie, co zechcesz, byś była szczęśliwa”.

„Zrób tak, Boże — szepnęłam — by w nieb Twoich krasie
Wszystko było tak samo, jak tam — **w Czarnolasie!**” — [...]

Uśmiechnął się i skinął — i wnet z Bożej łaski
Powstał **dom** kubek w kubek jak **nasz** — **Czarnolaski**.

(Leśmian 2000: 383, ll. 1—6, 9—10)

The first version of the translation was the result of a workshop held in 2002 as part of the IV Lublin Translation Conference, under the guidance of Michael J. Mikos and Richard Sokolowski (Leśmian 2003: 18, 20). The extract corresponding to the one above shows that both the place name in the locative case, *w Czarnolasie* ('in Czarnolas'), and the adjective *czarnolaski* (in the phrase 'our Czarnolas house') have been replaced with periphrases: "our house of old", "our earthly place":

When I reached heavens, so bare, after I was dead,
God looked at me for a long time and stroked my head.

"Come closer to me, **Ursula!** How keen is your gaze...
I will grant you any wish to see joy on your face!"

"Make it God", I whispered, "in your splendors untold,
That all be the same as in **our house of old**". [...]

He smiled, giving a sign, and 'twas then by God's grace
A house arose, board for board like **our earthly place**.

(Leśmian 2003: 18)

The only intertextual signals which remain in the translation are the title — "Ursula Kochanowska", and the name repeated as an address. One could argue that the protagonist's name is the more important marker and that retaining it helps establish an unequivocal relation with the pre-text. However, for an English-speaking recipient the surname

“Kochanowska”, if not supported otherwise, may prove an empty sound. The name of the family estate, especially a foreign one, would sensitise the reader to the fact that a specific localisation may constitute an allusion to personages or facts which are authentic and/or inscribed in the collective consciousness of primary recipients. I would argue that **even an illegible (not readily decipherable) marker would then be a signal of intertextuality**.

The authors of the collective translation do not help the cognition of the target reader by adding any external or inserted clue. On the contrary, they have deleted one of the referential elements, thus further decreasing the level of explicitness. Perhaps the intended result was to make the message more universal; however, it is intertextuality that is the essence of Leśmian’s poem, whereas *implication has affected recognisability*. In the translation Ursula is no longer the daughter of Jan of Czarnolas, mourned in the *Threnodies*; she becomes an unspecified person who has died and is waiting in heaven. She is a girl — if the recipient deduces her young age from the fact that it is usually children that are stroked on their heads (cf. the first couplet). Her age, however, if not her specific identity, is crucial for the understanding of the creation of this persona. By making Ursula the speaker in the poem, Leśmian introduces a naïve discourse and the mentality of a child, who treats God as a magician. This serves subverting the message of the archetext: death does not protect from orphanhood, as Kochanowski is assured in “Threnody XIX”, the last in his cycle (cf. 1995a: 73, 75) — in the 1936 ballad Ursula misses her parents and heaven is described as desolation, which is ultimately a polemic with the Christian outlook of the Renaissance poet.

The reduction of intertextual markers may have resulted from the artificial situation of translation (during a workshop) and from the compromises entailed in making collective decisions. Moreover, the rendition did not have a specific recipient — whereas it is the projection of the reader, of his/her cultural competence and needs, that shapes the translation strategy, even more so with respect to intertextual elements.

Thus, a changed context and a particular *projection of the recipient may thoroughly re-shape the treatment of intertextuality*. M.J. Mikos published a much modified version of this translation in the fifth part of his anthology of Polish literature aimed at American readers, especially for Polish studies (Leśmian 2006: 300). While dependence on the previous variant is visible, essential changes include the introduction of the name “Black Forest”:

“Come closer, **Ursula!** How lively is your gaze...
I’ll do what you wish for to bring joy to your face.”

“Make it, God — I whispered — in Your heaven’s splendid nest,
Exactly the same as there — in the **Black Forest!**” [...]

He smiled and gave a sign — and soon by God’s behest
A house rose — board for board, as ours — in the **Black Forest**.

Academic character of the translation is underscored by an extended note that accompanies the text:

Jan Kochanowski (1530—1584) settled in his hereditary estate of Czarnolas (Black Forest). The name became the symbol of early Polish poetry. Kochanowski’s *Laments*, written after the death of his beloved daughter Ursula, especially lines 31—44 of *Lament*

XIX or The Dream, set the stage for Leśmian's poem (see my *Polish Renaissance Literature. An Anthology*. Columbus: Slavica, 1995, 204—205).

The note explains all the intertextual elements, and even points to the pre-text in its specific English version, whose authorship promises the existence of an interrelation. Also the toponym *Black Forest* receives a justification. Nonetheless, the anglicisation seems a curious decision, in view of the fact that the name of the estate is not a telling one and that his earlier anthology, the book to which Mikos refers his readers, contains an epigram entitled in English “On my House at Czarnolas” (Kochanowski 1995b: 163). If the change was motivated by the search for a rhyme, the effect is not fortunate — the rhyme demands misplacing the word-stress and sounds forced. Moreover, *a transferred foreign name would have been a stronger (a more explicit) intertextual marker* than a naturalised, semantically transparent one.

As regards the deployment of a note, it is the academic context of translation that fully justifies this solution. Although, as Galina Denisova's findings show, footnotes may relatively frequently serve to mark and elucidate intertextuality in the renditions of prose works (Денисова [Denisova] 2003: 218—258), in general it is a means of explicitation of limited applicability and not particularly suitable for poetry. Furthermore, there is the publishers' reluctance to include paratexts in translated books, accounted for by economic considerations and partly by the readers' (real or alleged) prejudice. Nonetheless, when transferring peripheral literatures into stronger polysystems, paratextual methods of explicitation seem to a greater degree valid, in some situations even indispensable.

4.3. Overcoming the resistance

Implication may lead to functional obliteration of intertextuality, while making intertextuality overt (*elementary*) by means of an added paratext will often be an inappropriate solution or a too radical one. Between the two poles there are, obviously, other techniques of varied usability depending on the context: in-text explanation, modification, substitution. Certain judicious interventions will be illustrated on three more examples.

One of Tadeusz Różewicz's (1921—2014) formally and intellectually austere poems brings a disturbing vision of a whole world furnished with doors, not leading anywhere but rather enclosing the subject (cf. Pieszczachowicz 1991: 263):

T. Różewicz, *** (Drzwi w ścianach domów)	“Doors in walls of houses...”, transl. A. Czerniawski
Drzwi w ścianach domów drzwi do kuchni drzwi do sypialni [...]	Doors in walls of houses doors to kitchens doors to bedrooms [...]
pewnego dnia zobaczyłem drzwi w lesie pod drzwiami mrowisko drzwi w ogrodzie drzwi na polnej drodze za drzwiami zajęc drzwi w muzeum za drzwiami Batory pod Pskowem [...] (Różewicz 1998: 163)	one day I saw a door in a forest beneath the door an ant-hill a door in a garden a door in a country lane beyond the door a hare a museum door behind the door “Stefan Batory at Pskov” [...] (Różewicz 1991: 209)

It is the last of the cited lines that is of intertextual quality, a reference to Jan Matejko's monumental historical painting. In English, Adam Czerniawski has not limited himself to reproducing the line as it was: *Batory at Pskov* would have been too hazy an allusion for a reader for whom both proper names may perhaps have no clear referents. The translator's intervention entails, first of all, marking the phrase as a pre-formed one by means of quotation marks. Admittedly, what you can expect to see behind a museum door are works of art, but the unexpectedness of entrances found everywhere by the lyrical subject may derail the recipients from a "realistic" reading. Despite his programmatic rejection of punctuation, inverted commas are the only mark employed by Różewicz with any frequency, hence introducing them into a translation does not distort his poetics. Symptomatically, the poet uses the quotes to distinguish certain titles of foreign works, while he leaves the Polish ones unmarked (compare: "*Wyspę umarłych*" vs. *Cyrk Wojtkiewicza*⁸, Różewicz 1998: 109 and 130), therefore the translator's action only accommodates the reversed perspective of the recipients. Czerniawski's second move consists in adding the Polish king's first name, which is actually part of the painting's original full title. This heightens the probability of — at least vague — recognition of the person (better known in English as Stephen Báthory) and the event (the 1581—1582 Livonian campaign of Polish-Lithuanian forces).

The result of the intervention suggests a work of art of a historical topic, which is enough for a meaningful and undisturbed reading of the poem⁹. Thus, the lexical and typographical additions serve as an effective compensation, redressing the balance between the cognitive resources of the primary and the secondary recipients.

The next intertext proposed for the analysis is a line by Cyprian Kamil Norwid (1821—1883), a "dark" writer, difficult both linguistically and philosophically. In the fifth part of his poem "Chopin's Piano" ("Fortepian Szopena"), Norwid claims that Chopin's music is the quintessence of Polishness and among the qualities that he finds in it there is:

Polska — przemienionych kołodziejów! (Norwid 1996: 331)
[lit.: "Poland — of transformed wheelwrights"; spacing in the source].

This intertextual marker opens several layers of meaning: first, it refers to the half-legendary prehistoric ruler, Piast the Wheelwright; then, in plural, "the Poland of wheelwrights" is Poland under the rule of the Piast dynasty. The transitive verb *przemieniać* means "to transform", "to change", but Norwid's participle *przemieniony* alludes to more than just a craftsman-turned-king: in the poet's vision it implies a union between the past and the modernity and also a programme of spiritual rebirth.

The intertextuality is implicit, but for the Polish reader still quite noticeable, also because strengthened by the spacing, an example of Norwid's idiosyncratic use of typo-

⁸ The first reference is to Arnold Böcklin's painting *Die Toteninsel (Isle of the Dead)*, the second invokes the Polish painter Witold Wojtkiewicz and his circus-related works (1905—1907).

⁹ The reference is to Jan Matejko's 1872 canvas, part of the collection of the Royal Castle in Warsaw. Reproduced on the museum's website: https://kolekcja.zamek-krolewski.pl/obiekt/kolekcja/Malarstwo/tworca/Matejko,%20Jan%20%281838-1893%29/id/ZKW_1047 [30th Aug 2018].

graphy and punctuation. Yet in English a direct translation entails low explicitness and no recognisability: the reader will be at a loss as to how to interpret emphasis put on a totally enigmatic phrase. The original formulation is exceptionally rich in meaning, while in a foreign-language verse translation the technique of adding information will be restricted here by the capacity of the line. Thus, the intertext seems to require some interpretive re-writing, a creative transposition in Roman Jakobson's terms (1959/2000: 118).

The three English renditions cited below are presented in a study by Agata Brajerska-Mazur (2003) but only given a cursory comment there (see also Norwid 1984 for a full-text English translation). They are as follows:

the Poland of *the wheelwrights, whom god had called to greatness*
(transl. M. A. Michael, [1944])

Poland — land of TRANSFIGURED WHEELRIGHTS!
(transl. Lola and Eugene Gay-Tiffit, 1970)

The Poland of *wheelwrights transfigured into kings!*
(transl. Keith Bosley, 1984)
(qtd in: Brajerska-Mazur 2003: 39, all emphases after this source).

Symptomatically, none of the translators spells out the allusion and places Piast's name in the target text, which would definitely mean a higher degree of openness. In the case of Lola and Eugene Gay-Tiffit, who just retain the marker and do not intervene, it is impossible to detect a motivation (incomprehension or reluctance to do the thinking for the readers?). There is only the result to see: the use of majuscule and the verb "to transfigure," literary and with religious connotations, do not suffice to suggest any line of interpretation. Intertextuality becomes completely hidden and only recoverable for recipients with exquisite knowledge of Polish culture (cf. Majkiewicz's views cited above).

The two other translators have attempted to bring the implicit meanings to the readers, and both chose the same strategy: explaining or suggesting the nature of the transformation. Keith Bosley's "transfiguration into kings" is the only solution to receive a word of approval from Brajerska-Mazur (2003: 39). It gives even an unknowledgeable but inquiring reader clues enough to discover Piast as the referent. Still, it is doubtful whether the philosophic programme underlying the phrase is communicated to the recipients. For instance, despite Piast being a yeoman, Norwid's idea should not be misread as a programme for Polish art to become rustic or pastoral. If one considers the risk of misinterpretation connected with taking Piast too literally, M.A. Michael's translation may win some appreciation. Vague as it is, it can still be suggestive of the founder of the first Polish dynasty, while also open to additional interpretations on other levels (although the religious element introduced may tilt the readers' associations towards sanctity or martyrdom)¹⁰.

The Gay-Tiffits have not eliminated the marker, yet their almost literal rendition of it proves to be ineffective. The other two translations display a conscious effort to

¹⁰ Admittedly, the presence of the comma is somewhat unfortunate, inasmuch as the relative clause could possibly relate to "Poland" (personified — cf. *whom*).

convey the meaning despite the cultural distance. In both cases this entails making the utterance clearer, but not by a radical increase in explicitness.

For a final example let us return to Leśmian's "Urszula Kochanowska". The author of its most recent English translation, Marian Polak-Chlabicz, gave it the title "Ursula, the Poet's Daughter" (Leśmian 2011: 121). Replacing the surname which does not reverberate for a foreign recipient with a periphrasis allows the ballad to be read meaningfully even in the absence of an explanatory paratext. Admittedly, the translation is equipped with a succinct footnote, but the shift in the title prepares it to function on its own. Indeed, in a later reprint in another collection of Leśmian's poems, the text appears without the comment (2017: 53, 55) and, I dare say, stands the test of isolated reading. This statement, however, should be qualified twofold. Firstly, Polak-Chlabicz's policy of preparing bilingual editions plays a part in the success of this solution. The facing page carries the Polish poem, whose original title *complements* the English one and provides an additional clue for an inquiring reader. Secondly, Polak-Chlabicz revises his translations and every imprint, let alone a new collection, brings changes and new solutions. It is also the case with the ballad under discussion. The 2017 edition displays a small yet significant alteration to the title: "Ursula, a Poet's Daughter". The initial use of the definite article suggests a major poet, a national poet and is therefore an appropriate signal (a Polish poet of stature who has lost a young child can relatively easily be identified). The indefinite article casts the protagonist as a daughter of an unspecified man, the reference to whose profession remains unexplained in the course of the poem. The revision thus undermines the initial creative accomplishment. This case proves how sensitive a sphere translation of intertextuality is and *how significantly can minute shifts alter the interpretative potential of target texts in their receiving contexts*.

Examples of substituting source-culture oriented intertextual markers with references to the target culture or a third one will not be discussed here. They may be successful as local solutions, helping to convey some quality of the source text — humorous, intellectual, pedantic (cf. Eco 2004: 151—153), etc. However, they do not testify to overcoming the resistance encountered when translating from "literatures of smaller nations", but to the contrary, mean succumbing to the power of the stronger polysystem.

5. CONCLUSIONS

Although intertextuality is in general a sphere of resistance to translation, the resistance is the stronger, the less the culture referred to is known internationally. In other words, the weaker its position in the global polysystem, the more difficult it is for a given culture to "export" its intertextual markers or highly dialogical texts. Intertextuality, and openness of reference, can even become a factor influencing the selection of texts for translation.

The aim of the paper has been to stress the difficulties inherent to any translation from Polish into English rather than to demonstrate spectacular achievements in overcoming the resistance. Nonetheless, I believe that a successful translation of intertexts is possible if the translator construes his role as levelling the differences in erudition between the primary and the secondary recipients, as formulated by Wojtasiewicz (1957: 77—79, see beginning of section 4 above).

The *recognisability* of intertextual signals naturally changes under translation — by and large decreases (unless in special circumstances which are outside the scope of the present study). This is why literal renditions of intertexts as a rule prove incommunicative. However, recognisability interlocks with the *degree of openness* of reference. The latter has proved important not only for the translators' interpretation of the source text, but also for the target recipients' perception. Thus, interventions enhancing the target recognisability may consist in raising the level of explicitness.

Doing so requires caution: modifications must respect the poetics of the author and the integrity of the text. An allusion spelled out is no longer an allusion and hence perhaps the unwillingness of some translators to do so. Moreover, the strategies of explicitation are dependent on the text type (e.g. prose vs. poetry) as well as on the projected reader and the context of publication.

It is worth summarising how the resistance to translation is overcome in terms of the two aspects studied in the paper. Czerniawski, by adding inverted commas in Różewicz's poem, *compensates low recognisability with higher openness* and takes care that the intertext does not go unnoticed *as an intertext*. With Norwid, however, the same level of openness is maintained: *covert — covert*. The translation solution cannot, then, count as *explicitation*, but rather *explication* (M.A. Michael suggests in what way the wheelwrights were transformed). In "Ursula, the Poet's Daughter" implicitation (specific surname omitted) curiously enough serves explication, which additionally relies on the co-presence of context (parallel original title) and/or an explicitation technique (note).

Anna Majkiewicz stipulates that translating texts which dialogue with other texts entails an exoticising approach (2008: 178—179). Furthermore, if recognisability naturally decreases in a target cultural context, then a translation that respects intertextuality could be expected to actively enhance explicitness (cf. Majkiewicz 2008: 306). Taken together, the two premises could suggest a correlation between explicitation and exoticisation (and the reverse, between implicitation and domestication). Interestingly, our examples in section 4 challenge such a deduction — as summarised in Table 2 below. Admittedly, eliminating markers or implicating an intertextual relation (as happens in Leśmian's "Urszula Kochanowska" rendered by Mikos) correspond with a naturalising effect. However, Różewicz's "Batory at Pskov" would have been for an English reader equally exotic without inverted commas as it is with them, with and without the king's Christian name; the raised explicitness does not enhance the foreign flavour. In turn, "Ursula, the Poet's Daughter" may feel naturalised/neutralised as compared with "Urszula Kochanowska", but Polak-Chlabicz's solution to Leśmian's title is in pragmatic terms more explicit for the target reader and ultimately does suggest a path to the right archetext. As for Norwid, Michael's translation to which I draw attention carries a covert marker and yet has been classified by Brajerska-Mazur (2003: 40) as an indicator of the text's strangeness/foreignness (*obcość*). Consequently, the surveyed material suggests that **there is no straightforward mapping between explicitation/implicitation techniques and the polarised foreignisation/domestication pair of strategies.**

Mapping explicitation/implicitation on foreignisation/domestication

example (location in the paper)	level of openness of reference in the original	treatment of openness of reference in translation	the foreign quality of the target text
non-selection for translation (4.1)	elementary, explicit	(elimination)	naturalisation (of the author's oeuvre in the target culture)
Czarnolas → "our house", etc. (4.2)	explicit	implicitation	naturalisation
"Stefan Batory at Pskov" (4.3)	implicit	explicitation	neutral move (foreignness not due to raised openness)
"Ursula, the Poet's Daughter" (4.3)	explicit	implicitation	neutralised / naturalised
"wheelrights, whom god had called to greatness" (4.3)	covert	level of openness preserved: covert marker	foreignization

Finally, if facilitating the intertextual reading turns out to be impossible or inadvisable for some reason, the minimal requirement from a translation is retaining the markers (cf. Majkiewicz 2008). Eliminating, distorting or hiding (by neutralising or by removing quotes) intertextual signals as a rule impoverishes the text under translation instead of making it more universal. On the contrary, even an illegible marker may signal the presence of an intertextual relation — after all, incohesion is a defining feature of implicit intertextuality. It should be stressed that by "illegible" I mean a marker that cannot be readily deciphered but ultimately does have a meaning, recoverable with some effort on the part of an inquiring reader. Such markers will tend to result from a strategic move of a competent and conscious translator, not from a sloppy or uncomprehending word-for-word rendition. Reluctance to do all the thinking for the readers is not the same as shifting to the recipients the whole responsibility for interpretation.

© Marta Kaźmierczak, 2019

REFERENCES

Primary sources: texts and archetexts

- Coleridge, Samuel Taylor (1907/1971). *Pieśń o starym żeglarzu* [orig. *The Rime of the Ancient Mariner*]: Część pierwsza [Part One]. Transl. Jan Kasprowicz. In: *Poeci języka angielskiego* [Poets of the English language], vol. 2. Ed. Henryk Krzeczkowski, Jerzy S. Sito, Juliusz Żuławski. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, pp. 224—226. (Originally published in: *Poeci angielscy. Wybór poezji* [English poets: a selection of verse], transl. Jan Kasprowicz, Lwów: Księgarnia H. Altenberga, 1907).
- Coleridge, Samuel Taylor (1963). *Rymy o sędziwym marynarzu* [orig. *The Rime of the Ancient Mariner*]. Transl. Stanisław Kryński. In: *Angielscy "Poeci Jezior"* [The English "Lake Poets"]: *W. Wordsworth, S.T. Coleridge, R. Southey*. Ed., transl. and annotated by Stanisław Kryński. Wrocław: Ossolineum, pp. 259—287.
- Kochanowski, Jan (1995a). *Laments* [orig. *Treny*]. Transl. Seamus Heaney, Stanisław Baranczak. London — Boston: Faber & Faber.

- Kochanowski, Jan (1995b). "On my House at Czarnolas" [orig. "Na dom w Czarnolesie"] Transl. Michael J. Mikos. In: *Polish Renaissance Literature. An Anthology*. Ed. Michael J. Mikos. Columbus, OH: Slavica Publishers, p. 163.
- Leśmian, Bolesław (2000). *Poezje zebrane* [Collected poems]. Ed. Aleksander Madyda. Toruń: Algo.
- Leśmian, Bolesław (2003). "Ursula Kochanowska" [orig. "Urszula Kochanowska"]. Transl. collective. In: *Warsztaty translatorskie / Workshop on Translation*, vol. III. Ed. Richard Sokoloski, Henryk Duda, Konrad Klimkowski. Lublin — Ottawa: Tow. Naukowe KUL — Slavic Research Group University of Ottawa, pp. 18, 20.
- Leśmian, Bolesław (2006). "Ursula Kochanowska" [orig. "Urszula Kochanowska"]. Transl. Michael J. Mikos. In: *Polish Literature from 1864 to 1918: Realism and Young Poland. An Anthology*. Ed. Michael J. Mikos. Bloomington, IN: Slavica Publishers, p. 300.
- Leśmian, Bolesław (2011). "Ursula, the Poet's Daughter" [orig. "Urszula Kochanowska"]. In: B. Leśmian, *33 of the Most Beautiful Love Poems / 33 najpiękniejsze wiersze miłosne*, Selected and transl. Marian Polak-Chlabicz. New York: Penumbra, p. 121.
- Leśmian, Bolesław (2017). "Ursula, a Poet's Daughter" [orig. "Urszula Kochanowska"]. In: B. Leśmian, *Beyond the Beyond. Poems in Polish and English*. Selected and transl. Marian Polak-Chlabicz. New York: Penumbra, p. 53, 55.
- MacDonald, George (1891). *There and Back*. Retrieved from *Project Gutenberg*: <<http://www.gutenberg.org/files/8879/8879-h/8879-h.htm>> [30th Aug 2018].
- MacDonald, George (1986). *The Baron's Apprenticeship*. Ed. Michael R. Phillips. Minneapolis, MN: Bethany House.
- MacDonald, George (1995). *Tajemnica Sir Wiltona* [orig. *The Baron's Apprenticeship*]. Transl. Jolanta Bartosik. Warszawa: Krzysztof Bartosik.
- Miłosz, Czesław (1996). *Poezje wybrane / Selected Poems*. Kraków: Wydawnictwo Literackie.
- Norwid, Cyprian Kamil (1984). "Chopin's Piano" [orig. "Fortepian Szopena"]. Transl. Keith Bosley. *Comparative Criticism*, no. 6. Ed. E. S. Schaffer, Cambridge. Reprinted at and retrieved from: <<http://www.brindinpress.com/ponorfor.htm>> [13th Aug 2018].
- Norwid, Cyprian Kamil (1996). "Fortepian Szopena." In: Cyprian Norwid. *Nowy wybór poezji* [A new selection of poems]. Ed. Juliusz Wiktor Gomulicki. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, pp. 330—333.
- Różewicz, Tadeusz (1991). *They Came to See a Poet: Selected Poems*. Transl. Adam Czerniawski. London: Anvil Press Poetry.
- Różewicz, Tadeusz (1998). *Na powierzchni poematu i w środku* [On the surface of the poem and inside it]. Warszawa: Czytelnik.
- Tuwim, Julian (1968). "The Czarnolas Matter" [orig. "Rzecz czarnoleska"]. In: *"The Dancing Socrates" and Other Poems by Julian Tuwim*. Selected and transl. Adam Gillon. New York: Twayne Publishers, p. 34.
- Милош, Чеслав (1993). *Так мало и другие стихотворения, 1934—1990*. Ed. Андрей Базилевский. Москва: Вахазар. // Milosh, Cheslav (1993). *Tak malo i drugie stikhotvoreniya, 1934—1990* ["So little" and other poems]. Ed. Andrei Bazilevsky. Moskva: Vakhazar.

Secondary sources:

- Anderson, Sandra, et al. (eds) (2004), *Collins English Dictionary. 8th edition*, Glasgow: Harper Collins.
- Beeby Lonsday, Allison (1998). "Direction of Translation". In: *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. Ed. Mona Baker, Kirsten Malmkjær. London — New York: Routledge, pp. 63—67.

- Bolecki, Włodzimierz (1991). *Pre-teksty i teksty. Z zagadnień związków międzytekstowych w literaturze polskiej XX wieku* [Pre-texts and texts. Issues in intertextual relations in the Polish 20th-cent. literature]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Brajerska-Mazur, Agata (2003). “Trzy poziomy trudności w przekładzie z języka [polskiego] na język [angielski]” [Three levels of difficulty in translating from Polish into English]. In: *Warsztaty translatorskie / Workshop on Translation*, vol. III. Ed. Richard Sokolowski, Henryk Duda, Konrad Klimkowski. Lublin — Ottawa: Tow. Naukowe KUL — Slavic Research Group University of Ottawa, pp. 31—50.
- Eco, Umberto (2004). *Dire quasi la stessa cosa. Esperienze di traduzione*. Milano: Bompiani.
- Even-Zohar, Itamar (1978/2000). “The Position of Translated Literature within the Literary Polysystem”. In: *The Translation Studies Reader*. Ed. Lawrence Venuti. London — New York: Routledge, pp. 192—197.
- Genette, Gérard (1982). *Palimpsestes. La littérature au second degré*. Paris: Seuil.
- Jakobson, Roman (1959/2000). “On Linguistic Aspects of Translation”. In: *The Translation Studies Reader*. Ed. Lawrence Venuti. London — New York: Routledge, pp. 113—118.
- Jenny, Laurent (1976). “La Stratégie de la forme”. *Poétique* 27, pp. 257—283.
- Kaźmierczak, Marta (2012). *Przekład w kręgu intertekstualności. Na materiale tłumaczeń poezji Bolesława Leśmiana* [Translation in the domain of intertextuality: A survey based on Bolesław Leśmian’s poetry and its translations]. Warszawa: ILS UW.
- Klaudy, Kinga (2009). “Explicitation”. In: *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. Second edition. Ed. Mona Baker, Gabriela Saldanha. London — New York: Routledge, pp. 104—108.
- Kristeva, Julia (1969). “Le mot, le dialogue et le roman”. In: *Séméiôtiké: recherches pour une sémanalyse*. Paris: Edition du Seuil, pp. 143—173.
- Leppihalme, Ritva (1997). *Culture Bumps: An Empirical Approach to the Translation of Allusions*. Clevedon — Philadelphia — Toronto — Sydney — Johannesburg: Multilingual Matters.
- Majkiewicz, Anna (2008). *Intertekstualność — implikacje dla teorii przekładu. Wczesna proza Elfriede Jelinek* [Intertextuality — implications for translation theory. Early prose works of Elfriede Jelinek]. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Miłosz, Czesław (1969/1983). *The History of Polish Literature*. Berkeley — Los Angeles — London: University of California Press, 2nd ed.
- Nycz, Ryszard (2000). *Tekstowy świat. Poststrukturalizm i wiedza o literaturze* [The world of text(s). Poststructuralism and literary studies]. Kraków: Universitas, 2nd ed.
- Pieszczachowicz, Jan (1991). *Pegaz na rozdrożu. Szkice o poezji współczesnej* [Pegasus on the crossroads: Essays on contemporary poetry]. Łódź: Wydawnictwo Łódzkie.
- Ricoeur, Paul (2006). *On Translation* [orig. *Sur la traduction*, 2004]. Transl. Eileen Brennan. Introd. R. Kearney. London — New York: Routledge.
- Wang, Hui (2009). “Postcolonial approaches”. In: *Routledge Encyclopedia of Translation Studies*. Second edition. Ed. Mona Baker, Gabriela Saldanha. London — New York: Routledge, pp. 200—204.
- Wojtasiewicz, Olgierd (1957). *Wstęp do teorii tłumaczenia* [Introduction to the theory of translation]. Wrocław — Warszawa: Ossolineum.
- Денисова, Галина В. (2003). *В мире интертекста. Язык, память, перевод*. Москва: Азбуконик // Denisova, Galina V. (2003). *V mire interteksta. Yazyk, pamyat’, perevod* [In the world of intertext. Language, memory, translation]. Moskva: Azbukovnik.

Article history:

Received: 10 October 2018

Revised: 18 December 2018

Accepted: 25 December 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 октября 2018

Дата принятия к печати: 25 декабря 2019

Bionote:

MARTA KAŻMIERCZAK is Ph.D., Assistant Professor, Institute of Applied Linguistics of the University of Warsaw. Research interests: translation and reception studies, especially cultural aspects of translation, poetry translation, intertextuality, intersemioticity, paratexts of translation.

Contact information: e-mail: mkazmierczak@uw.edu.pl

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2925-0209>.

Сведения об авторе:

МАРТА КАЗЬМЕРЧАК — кандидат филологических наук, доцент Института прикладной лингвистики Варшавского университета. Сфера научных интересов: переводоведение и межкультурная рецепция, в особенности: культурные аспекты перевода, поэтический перевод, интертекстуальность, интерсемиотические явления, паратексты перевода.

Контактная информация: e-mail: mkazmierczak@uw.edu.pl

ORCID <https://orcid.org/0000-0003-2925-0209>.

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-383-398

Translating Ideology: An Intergroup Mediation Perspective

Natalia Yarkina¹, Liudmila Yarkina²,
Ivan Pougachev²

¹University of Aberdeen, UK
King's College, Aberdeen, AB24 3FX, UK

²Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation

Abstract

Ideology is an important component of text production and reception, and therefore of translation. In the paper, we address the translation of ideology through the prism of the intergroup threat theory. The resulting intergroup mediation perspective is a practical framework aimed at helping translators to evaluate whether an ideological recontextualisation may be desirable when dealing with divergence in ideological contexts between the author, the source text readership and the target text audience. The framework includes ideology shifts analysis in terms of the roles ideology can play in a text: it can constitute a part of the message (foreground) or belong to the background. Although applicable rather generally, the framework is derived from an example-based study of news translation. The study focuses on translation between French, English and German using examples from online versions of major European news media, such as the French *Le Monde* and *Le Figaro*, the German *Zeit Online* and *Die Welt*, and the British *The Independent*, *The Telegraph* and *Guardian*. The paper allows for a better understanding of ideology-related problems in translation, helps identify essential factors influencing translator's choices and could be used as a guidance in translation practice. Also, considering the formal character of the framework, it could eventually serve as a basis for handling ideology-related issues in machine translation in the news industry.

Keywords: *news translation, ideology, translating ideology, ideology shift, recontextualisation, intentionality, intergroup threat theory, background/foreground role of ideology*

For citation:

Yarkina, Natalia, Yarkina Liudmila, and Pougachev Ivan (2019). Translating Ideology: An Intergroup Mediation Perspective. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 383—398. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-383-398.

Перевод идеологии в ракурсе межгруппового посредничества

Н.В. Яркина¹, Л.П. Яркина², И.А. Пугачёв²

¹Университет Абердина (Великобритания)
King's College, Aberdeen, AB24 3FX, UK

²Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, Москва, 6117198, Россия

Аннотация

Адекватный перевод текста, отражающего различные аспекты жизни общества, невозможен без учета идеологической составляющей этого текста. В статье предложено рассматривать проблемы, связанные с переводом идеологии, в ракурсе межгруппового посредничества с опорой на теорию межгрупповых угроз (Intergroup Threat Theory). Практическая значимость работы заключается в том, что переводчику предоставлен действенный механизм для определения того, насколько желательна реконтекстуализация в случае различий в идеологическом контексте между автором текста, читателями текста-источника и аудиторией, на которую рассчитан переводимый текст. В основе данного механизма лежат предлагаемые в статье формальная модель идеологически обусловленной переводческой проблемы и методика анализа идеологических сдвигов с позиций фоновой/ключевой роли идеологии в переводимом тексте. Материалом для построения модели послужили новостные публикации в электронных версиях ведущих европейских изданий, таких как французские *Le Monde* и *Le Figaro*, немецкие *Zeit Online* и *Die Welt*, а также британские *The Independent*, *The Telegraph* и *Guardian*. Данное исследование позволяет лучше понять сложности перевода, связанные с отражением идеологии, установить основные факторы, влияющие на выбор, перед которым стоит переводчик, и может служить руководством в переводческой практике. Кроме того, предложенная модель, благодаря своему формальному характеру, может быть использована в машинном переводе, применяемом в новостной индустрии.

Ключевые слова: *перевод новостей, идеология, перевод идеологии, сдвиг идеологии, реконтекстуализация, интенциональность, теория межгрупповых угроз, фоновая/ключевая роль идеологии*

Для цитирования:

Yarkina, Natalia, Liudmila Yarkina, and Ivan Pougachev. Translating Ideology: An Intergroup Mediation Perspective // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No 2. С. 383—398. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-383-398.

1. INTRODUCTION

Ideology is an important component of text production and reception, and therefore of translation. It affects the work of the translator in different ways. Firstly, its presence in the source text may be subtle and difficult to reproduce. Secondly, translators may be biased themselves due to a personal ideological stance. Finally, the problem may stem from the discrepancy in the reception of the source and target texts when the corresponding audiences belong to opposite ideological camps. In translation studies as well as in critical discourse analysis (CDA), it is customary to use the term “ideology” in a broad sense (Mason, 2009; van Dijk, 1998, 2006; Fawcett & Munday, 2009). This is as opposed to its narrow political, usually negative meaning which van Dijk (1998), for instance, formulates as “systems of self-serving ideas of dominant groups”. In this paper, we hold to the definition adopted by Hatim and Mason (2005: 120): “the tacit assumptions, beliefs and value systems which are shared collectively by social groups”. Consequently, an attitude towards an event or phenomenon that is based on such beliefs and value

systems and that is shared by a group at a precise moment of time can be qualified as ideological. By “ideology shift” we mean a situation in translation where an ideology-motivated element or feature of the source text (e.g., an ideology-based evaluative statement) is transformed in the target text in such a way that it does not express the source ideology any more, or, vice versa, an ideological element or feature is introduced in the target text, thus adding an ideology that was not present in the source text. It is useful to distinguish a particular case of ideology shift when an ideology-based element or feature is transformed or replaced by an ideologically neutral element; we refer to such a shift as the “neutralisation” of ideology.

Translation can be regarded as inherently related to intergroup communication since source text (ST) and target text (TT) audiences rarely coincide. These groups do not always adhere to different, opposing ideologies, but when they do the translator cannot ignore this divergence for the following essential reason. Coming from an outgroup, a text challenging TT audience’s ingroup ideology can be perceived by the readership as a symbolic threat. The latter is defined by the authors of the intergroup threat theory as an attempt by the outgroup to challenge, change, supplant or destroy the ingroup’s system of meaning (Stephan et al., 2015: 256). Furthermore, Stephan et al. (2015) state that a symbolic threat not only amplifies negative attitude towards the outgroup, but also elicits such emotions as anger, disgust, contempt and righteous indignation. Needless to say that, if the author was addressing ST to an audience that shared the ideology of the text, then provoking the range of emotions listed above in the readership definitely was not his intention. Thus, the goal of the intergroup mediation approach to translation of ideology is to find an adequate way to convey the author’s message under the conditions of an ideological conflict. This may require from the translator not only to be aware of the TT audience’s ideological stance, but also to examine as closely as possible the ideological contexts of both the author and the ST audience.

Ideology can be reflected in texts and discourse at various degrees of explicitness and by different means, including context, semantic macrostructures, lexis, syntax, rhetorical devices, and so on (for more details see, e.g., van Dijk, 2006: 125—126). In this study, we remain at the lexical level, for it is rather explicit and relatively easy to analyse. But what is even more important in our context is that the translator, when facing ideology-motivated labelling such as “terrorist” versus “freedom fighter”, has to make a conscious choice in favour or against the ideology shift, usually without being confused by the lack of formal equivalence in the target language, the subtle character of expression or other linguistic issues.

In what follows, we examine a few examples of ideology shifts and non-shifts in news translation occurring at the lexical level. These examples raise interesting questions regarding the conditions under which ideology-related interventions may be desirable and deemed acceptable and what factors influence the translator’s decisions. We attempt to answer some of these questions by proposing a formal framework to analyse ideology-related translation problems in terms of ideological stances of the parties involved in translation and of the character of the source and target texts, as well as a classification of ideology-related shifts based on the role played by ideology in the text.

2. CASE STUDY

The words “migrants” and “refugees”, while already considered “sensitive” previously (Baker et al., 2008), have definitely become part of ideology-loaded language in European countries including France, Germany and the UK in 2015 due to the migration crisis provoked by the situation in Syria. A closer look at newspapers of that period shows that in France the word “migrants” predominated, although numerous debates took place in August—September 2015 leading to a short-term divergence. The word “refugees” (“Flüchtlinge”), on the other hand, was predominantly used in Germany. Finally, in the UK the stance on the issue differed from one mass media to another. Thus, 18 September 2015 AFP (Agence France-Presse) released a news item (1) which begins as follows:

(1) **Un migrant meurt électrocuté sur le site du tunnel sous la Manche**

Un *migrant* est mort électrocuté jeudi soir sur le site du tunnel sous la Manche en tentant de monter sur une navette de ferroutage, a-t-on appris vendredi auprès de la préfecture du Pas-de-Calais. “Peu avant minuit, un *migrant*, vraisemblablement de nationalité syrienne, a été retrouvé mort à l'aplomb d'une navette fret sur le site du tunnel sous la Manche”, a indiqué la préfecture à l'AFP. Il s'agit du dixième *migrant* tué depuis le 26 juin à Calais et ses environs en tentant de rallier l'Angleterre, selon une source officielle. (1, emphasis added)

The same labelling is used in the English version of the news item (2), which also could be found at the AFP website:

(2) **Migrant electrocuted at Channel Tunnel site: French police**

A *migrant* was electrocuted late Thursday near the entrance to the Channel Tunnel in France as he tried to climb on to the roof of a train to make his way to England, an official said. “The *individual* died after he was electrocuted trying to climb on to the freight car”, a spokesman for the local authorities in northern France told AFP. The *migrant*, thought to be a Syrian, was found dead shortly before midnight Thursday. Officials said it was the 10th death of a *migrant* in or near the tunnel since late June. (2, emphasis added)

On the same day, the news appeared online in several European media, including the French *Le Monde* (3) and *Le Figaro* (4), the German *Zeit Online* (5) and *Die Welt* (6) as well as the British *The Independent* (7), *The Telegraph* (8) and the *Guardian* (9). The French media all used the AFP original labelling, i.e. predominantly the word “migrant”; in some occurrences the word was substituted by a neutral equivalent (person, victim, etc.). In both German versions, on the contrary, the opposite strategy was adopted and the word “migrant” was consistently substituted with “Flüchtling” (refugee). E.g., in (5) we read

(3) **Flüchtling in Calais am Eurotunnel durch Stromschlag getötet**

Lille (AFP) Bei einem Versuch, auf einen Zug durch den Eurotunnel zu gelangen, ist ein *Flüchtling* durch einen Stromschlag getötet worden. Der vermutlich aus Syrien stammende *Mann* wurde in der Nacht zu Freitag am französischen Eingang des Eurotunnels neben einem Frachtzug tot aufgefunden, wie die Behörden mitteilten. “Der *Mann* starb durch einen Stromschlag, als er auf den Zug klettern wollte”, erklärte die Präfektur. Offiziellen Angaben zufolge kamen damit seit Ende Juni in der Region Calais zehn *Flüchtlinge* am Eurotunnel ums Leben. (5, emphasis added).

In the UK, *The Telegraph* conserved the original labelling (“migrant”), *The Independent* consistently used “refugee”, whereas the *Guardian* adopted an explicitly neutral stance:

(4) *Man electrocuted near Channel tunnel entrance in France*

A *man* has been electrocuted near the entrance to the Channel tunnel in Calais as he tried to climb on to the roof of a train to reach England, French officials have said. At least 10 *refugees or migrants* have now died at Calais since the end of June. “The *individual* died after he was electrocuted trying to climb on to the freight car”, a spokesman for local authorities in northern France told AFP. The local prefect’s office said the *man*, who died late on Thursday, was presumed to have been Syrian. (7, emphasis added)

The *Guardian*’s story provides an excellent example of ideology neutralisation, where the sensitive vocabulary is systematically replaced by neutral equivalents (note, in particular, “10 refugees or migrants”). A partial neutralisation may appear to have place in *Le Monde* (3); however the fact that the word “migrant” is left in the headline and is used as the only designator for migrants/refugees as a group suggests that the shifts here are stylistic rather than ideological. It is also worth noting that *The Independent* (5) uses predominantly the word “refugee” (cf. the headline: “Syrian refugee dies after being electrocuted...”), thus confirming the diversity of positions of UK media in contrast to France and Germany, where a dominant viewpoint is clearly discernible.

This small case study, which involves however several major European media, confirms that ideological recontextualisation, and specifically the recontextualisation by means of textual interventions, can be a common practice not only under regimes with actual political censorship, such as the Soviet Union, and direct state pressure is not the only reason for ideology-related text manipulation. Thus, even though these texts might not be regarded as translation within a strict equivalence-based translation theory (Nord, 1997: 45), we follow J. Palmer and consider them as such, since according to him translation in mass media generally implies “a mixture of selection, summary, contextualizing commentary and in extenso translation” strategies (2009: 189). Furthermore, it can be suggested that in this case translators find themselves in the commissioner-governed professional setting described by H. Vermeer, where the source text (including an ideology it may reflect) serves merely as a “point of departure” for the translational action (Chesterman, 2010). Therefore, with the “fidelity rule” put last, the ideology in the target text is determined either by the “skopos rule” (for instance, editor’s position, as it is probably the case of the *Guardian* (9)) or by the “coherence rule” which postulates, in A. Chesterman’s interpretation, that the target text must be “compatible with the receiver’s cognitive context” (2010). The latter can be the case of the German versions of the article, considering the largely predominant use of the word “refugees” in this country.

One would expect from the media less flexibility in translation of interviews or direct speech, and a closer look on news websites shows that the ideology-related labelling seems to be often preserved in interviews and direct quotes, namely of political figures. Let us examine an example illustrating this. 3 March 2016, the then French

economy minister, Emmanuel Macron, said in an interview for the *Financial Times* the following in regard to the possible Brexit: “The day this relationship unravels, *migrants* [emphasis added] will no longer be in Calais” (10). Macron’s words were reproduced by numerous media, namely the following German translation appeared in *Zeit Online* (11) and *Die Welt* (12): “An dem Tag, an dem sich die Beziehungen auflösen, wird es keine *Migranten* [emphasis added] mehr in Calais geben”. It is worth noting that in both articles the word “Migranten” (migrants) occurs only once outside Macron’s quotation, whereas the word “Flüchtlinge” (refugees) occurs six times in *Zeit Online* and 12 times in *Die Welt*. Thus, the original labelling of the quote is preserved even though the opposite labelling is predominant.

3. FORMAL FRAMEWORK FOR IDEOLOGY-RELATED TRANSLATION PROBLEM ANALYSIS

Ideology as a set of beliefs and values and, by consequence, of attitudes, affects all the parties involved in the translation process and, what is more, influences the work of the translator in various ways. Therefore several approaches to address ideology-related problems have been adopted by translation theorists and practitioners. Ideology-related translation problems discussed in the literature can be divided into three major categories, although these categories are interconnected and the following classification is more a matter of perspective rather than a taxonomy:

- 1) ethical problems translators face as a result of their personal ideological stance (ethical perspective; see, e.g., Baker, 2006, 2008);
- 2) ideology transfer from ST to TT, including linguistic aspects as well as the influence, sometimes subconscious, of the translator's personal ideology on the translation process (CDA perspective; see, e.g., Munday, 2007; Rojo López & Ramos Caro, 2014);
- 3) problems related to the transfer of the text between ideologically conflicting contexts and ideological recontextualisation in order to ensure successful intergroup communication (intergroup mediation perspective).

We focus on the third category of problems, which relate to situations when ST expresses an ideology that contradicts the ideology of the text commissioner and/or TT audience. Here translators, whatever their personal ideological stance, play the role of mediators: as the experts in translation action (Vermeer, 2000: 228), they must be trusted to identify ideologically problematic passages in ST and decide how to handle them. This perspective is characterised by the emphasis on the external character of the ideological collision to the translator, who is supposed to remain neutral. Also, we assume that the translation is evaluated on a pass-or-fail basis — as if it had to pass a censorship — rather than to the degree of expression of the ideology, with which the second category of problems is concerned. Figuratively speaking, here translators may be telling themselves: “this passage is problematic; how should I translate it so that my translation passes the censorship?”, which in practice can be formulated as “so that the text is accepted by the public” or “so that I adequately put across the author’s message”.

Let us now formally define ideology-related translation problems from the intergroup mediation perspective. We consider an arbitrary ideology which will be denoted A. In theory, ideology A can be concerned with virtually any subject. At the same time, it is needless to say that we are more interested in subjects that receive public attention and cause real ideological clashes, by consequence a statement reflecting A might be, for instance, “killing animals for their fur is wrong”, “people coming to Europe from Africa and Middle East are refugees and should be helped”, and so on. Now, generally speaking, with regard to ideology A, a text can be

- 1) explicitly in support, namely through explicit evaluative statements, tone, emotive details and references, a corresponding labelling pattern and references in a positive/negative context to practices (events, people, etc.) that are praised/condemned in the ideology discourse (e.g., if A is expressed by the statement about refugees given above, a text explicitly in support of A could contain the following sentence: “Hundreds of thousands of refugees, including many women and children, crossed to Europe in 2015 fleeing violence and war at home”);
- 2) passively in support, namely through common references and a corresponding labelling, used however rather as the common ingroup language (cf., e.g., “Hundreds of thousands of refugees crossed to Europe in 2015”);
- 3) neutral; the text might not treat the subject related to A at all, treat it using neutral, non-evaluative vocabulary, or, for instance, present both points of view without taking one side (cf., e.g., “Hundreds of thousands of migrants, refugees and asylum seekers crossed to Europe in 2015”);
- 4) passively in opposition (cf., e.g., “Hundreds of thousands of migrants crossed to Europe in 2015”);
- 5) explicitly in opposition (cf., e.g., “Hundreds of thousands of migrants, including many single men, illegally crossed to Europe in 2015”).

Let us now turn to the parties involved in the translation — the author, the translator, the commissioner and the ST and TT readership. The audience as a group as well as the text producer individually (author, translator, etc.) can assume one of the following stands towards ideology A:

- 1) militantly in support;
- 2) passively in support as a member of a group exposed to the corresponding discourse; the boundary between this stance and the previous one may be somewhat vague, however we assume that the ideological stand here is unconscious rather than conscious and the attitudes are taken for granted rather than consciously constructed;
- 3) indifferent; not exposed to the related discourse;
- 4) divided; exposed to both discourses without one of them being predominant; do not have an established (joined in the case of the audience) stance towards A but can be sensitive to the subject;
- 5) passively in opposition as a member of an opposing group; exposed to the opposite discourse;
- 6) militantly in opposition.

Using the stances introduced above we can determine combinations that can be considered problematic for the translator. Table 1 lists various pairs of the TT recipient’s and ST stances in relation to ideology A and for each combination indicates whether a possible recontextualisation of the text should be considered on the intergroup threat theory grounds. The ST column does not include stances “passively in opposition” and “explicitly in opposition” because the situations are symmetrical.

Table 1

Combinations of ST and the TT recipient’s stances towards ideology A

Source text	Target text recipient	Evaluation
Explicitly in support	In support (militantly or passively) or indifferent	No problem A direct translation without ideological recontextualisation will be easily accepted by the TT readership.
Passively in support	In support (militantly or passively), indifferent or divided	
Neutral	Indifferent, passively in support or passively in opposition	
Explicitly in support	Divided	Potential problem Potentially, a direct translation can provoke a conflict within the readership, hence, based upon other factors (such as the ST audience’s and the author’s intention), a neutralisation may be considered.
Neutral	Militantly in support, militantly in opposition or divided	Potential problem An explicit neutrality with regard to A might be perceived negatively by militants on both sides. (Obviously, it does not concern texts where the A-related subject is not treated.)
Passively in support	Passively in opposition	Potential problem Potentially, ideology-related language or references may stand out, be perceived as “foreign”, “unnatural”, hence a recontextualisation may be considered.
Passively in support	Militantly in opposition	Symbolic threat A direct translation is likely to be perceived as a symbolic threat, hence a recontextualisation should be considered.
Explicitly in support	Militantly or passively in opposition	

TT recipient in Table 1 is the party with which the translator associates the role of actual or metaphorical ideological censorship. Our understanding is that such a metaphorical censorship can be associated with the TT audience, the commissioner or the two of them combined. For instance, if the translation is commissioned in the ST culture/ideology, the commissioner might not be aware of the ideological context of the target audience, and the “censorship” for the translator would be associated with the TT readership and its ideological stance. In many other cases, however, the ideological (even

in the metaphorical sense) censorship is associated with the commissioner. The commissioner may be guided in this function primarily by the TT audience (as perhaps in the case of the explicit neutrality of the *Guardian* in “migrants” versus “refugees” labelling), but also by the state power (as in a case of an actual state censorship) or by the interests of a third party such as a political movement, an industry, and so on. The fundamental difference between the two types of censorship is that in the one case the censor acts a priori against the initial intention of the author and, figuratively speaking, stands between the author and his readership. In the other case, however, the censorship is motivated by a divergence between the ST and TT audiences, and the censor, however negatively this figure might be perceived, can be regarded as an expert actually helping the author to adapt the text to a new audience, which is unfamiliar to the author. In this respect, we can view the first type of censorship as power- or rather interest-oriented and often intended to form or maintain an ideology, whereas the second type of censorship is audience-oriented and intended to make the text acceptable, given the existing ideology of the target audience. This brings us close to the concept of adaptation (Bastin, 2009), but we regard adaptation as one of the translation techniques allowing to pass the audience-oriented censorship. The audience-oriented censorship can be regarded as one of the core elements of the intergroup mediation perspective.

Let us now continue with the formal framework. Table 1 does not include the author’s or ST audience’s stances because whether a translation presents a potential ideology-related problem within the intergroup mediation perspective is determined by a discrepancy in ideology between ST (or rather its direct — without recontextualisation — translation) and the TT recipient. However, once the translation is confirmed problematic, the next step would be to analyse and compare the ideological stances of the author and the ST audience. This may allow to determine whether a recontextualisation would be desirable and presumably consistent with the author’s intentions because the translator in our framework is situated between the author and the censorship, as a mediator.

Let us consider a symbolic threat situation identified in Table 1 and assume ST to be passively in support of ideology A (for example, through the use of a corresponding labelling), and the TT audience to be militantly against A. Table 2 lists various combinations of author’s and ST audience’s statuses and their interpretations in this context. Other ST to TT recipient combinations can be analysed in the same manner.

Now, for illustrative purposes let us apply the formal framework proposed above to the story about the tragic accident in the Channel tunnel. Let A be the ideology producing the “migrant” labelling. ST is passively pro-A, whereas the TT audience can be considered passively or militantly in opposition to A, so we deal with a translation that can go from potentially problematic to symbolic threat according to Table 1. The author — AFP — can be considered indifferent, since the news agency uses “refugee” labelling in its German articles. The ST audience — the French general public — is passively in support of A. Thus, apparently, an adjustment to the TT readership’s ideological context had occurred in the first place, which to a certain extent justifies the subsequent recontextualisation.

Table 2

Combinations of possible author’s and ST audience’s statuses when ST is passively pro-A and the TT audience is militantly anti-A

Author	Source text audience	Evaluation
Militantly in support	Divided or in opposition (passively or militantly)	Here the text was intended for an opposing audience and the author was aware of the potential threat, so a priori no recontextualisation is needed .
Passively in support, passively or militantly in opposition, divided or indifferent	Divided or in opposition (passively or militantly)	In our opinion, in general these situations are uncommon: why would an author who is not militant for A address a pro-A text to an audience militantly opposed to A, for instance? However, if this was the case, the author might have had his or her reasons, which should be respected by the translator, so a priori no recontextualisation is needed .
Divided, indifferent or passively in opposition	Indifferent	These situations seem rather unlikely .
Militantly in opposition	In support (militantly or passively) or indifferent	
Militantly in support	In support (militantly or passively) or indifferent	Since the author is militant for A, he or she is likely to oppose the recontextualisation, which makes textual intervention problematic . Moreover, considering the militant stand of the TT readership it can actually be reasonable in some cases to chose not to translate the text at all. Thus, Kang (2007) points out that the Korean edition of <i>Newsweek</i> was increasing the number of articles about Korea written locally compared to those translated from the American edition precisely because recontextualisation was problematic and the translated articles were badly received by the readership, as readers’ letters suggested.
Passively in support	In support (militantly or passively) or indifferent	This is a common and probably the most interesting situation for the intergroup mediation approach. The author who is exposed predominantly to a pro-A discourse but is not known as militant for it produces a text intended for the ideological ingroup. The ideology is likely to be expressed in the background, and a recontextualisation (textual or paratextual) may be desirable .
Divided, indifferent or passively in opposition	In support (militantly or passively)	In all likelihood, the author has adjusted the text to the cognitive context of the recipient, so a recontextualisation should be considered .

4. FOREGROUND/BACKGROUND ANALYSIS

We have established the situations in which an ideological recontextualisation of TT can be desirable on the grounds of the intergroup threat theory. However, textual recontextualisation in translation remains controversial even though, as our case study shows, it is rather widely used in practice, especially when the fidelity requirement is

relaxed (which is often the case of news translation or translation of children’s literature; see, e.g., Inggs, 2015). We believe that it is important, in particular for the translator, to distinguish between two roles that ideology representation can play in a text or discourse: it can be intended and/or perceived as a part of the message, but it can also belong to the “background”. In the case of ideology as “background” ideology-loaded language is not thought as a part of the message, but is rather used as a common, neutral language within the group (the group may very well be society in general in the case of a dominant ideology). Two factors determine whether ideology can be viewed as playing background or foreground role: the character of the expression of ideology (the degree of explicitness or the character of the text) and the ideological stance of the audience, or, rather, its exposure to the corresponding discourse. Subsequently, for simplicity, we can assume that in an explicitly pro- or anti-A text, as it was defined in the previous section, ideology A always plays the foreground role, whereas in a passively pro- or anti-A text its role is largely determined by the audience’s stance.

Background/foreground roles of ideology constitute an important part of the intergroup mediation perspective framework and provide the translator with another tool helping to analyse and justify ideology shifts in translation. The essential point in background/foreground analysis is that even if the ideology in the text was expressed in the background by the author, it will be received in the foreground by the reader if the latter belongs to a different ideological context. Subsequently, in translations of passively pro-A texts to audiences militantly or passively opposed to A, a background ST ideology will necessarily transit into the foreground in TT unless a recontextualisation is performed. As a result, the perception of the text by the ST and TT audiences will be substantially different. In these cases we observe not a shift in ideology itself, but rather a shift in its role in the text, which, in our opinion, nevertheless distorts the author’s message. Situations resulting in shifts or non-shifts in the role of ideology when translating a passively pro-A text are summarised in Table 3.

Table 3

Shifts and non-shifts in the role of ideology of a pro-A text

Source text audience	Target text audience	Role shift?
In support (militantly or passively) or indifferent	In support (militantly or passively) or indifferent	Background → background No shift in the role.
In support (militantly or passively) or indifferent	In opposition (militantly or passively) or divided	Background → foreground Problematic shift in the role, potentially implying intergroup threat; typical for the intergroup mediation approach.
In opposition (militantly or passively) or divided	In support (militantly or passively) or indifferent	Foreground → background Non-problematic shift from the intergroup mediation perspective; may occur, for instance, in translation of dissidents' works.
In opposition (militantly or passively) or divided	In opposition (militantly or passively) or divided	Foreground → foreground No shift in the role.

Background/foreground roles of ideology can serve as a basis for a classification of ideology shifts. Such a classification is presented in Table 4 and gives additional insight into acceptability and desirability of textual recontextualisation in translation which makes it into a useful tool within the intergroup mediation perspective, but also for analysis of translation of ideology in general. In Table 4 it is assumed that the translator has performed textual intervention resulting in the ideology shift; the ST and TT audiences belong to the opposite ideological camps. Note, that the first column lists the roles of the ideology in ST as intended by the author. The second column contains the roles of the ideology in TT as perceived by the TT audience.

Table 4

Classification of ideology shifts based upon background/foreground roles of ideology

Role in ST, as intended by the author	Role in TT, as perceived by the TT audience	Comment
Foreground	Foreground	This shift can be considered as the most controversial on fidelity grounds, although it still may occur in certain situations, for instance due to personal convictions of the translator or political motives. Shifts of this type are better analysed from an ethical perspective.
	Background	This type of shift occurred in the example discussed by Mason in (2009). Apparently, the background role of the ideology in TT was the reason for the shift going unnoticed by the editors, whereas its foreground role in ST was the reason for scholars' attention to the article.
	None (neutralisation)	Here again we can think of ethical or political motives. The Chinese translation of Obama's inaugural speech discussed by Munday in (2012) can be viewed as an example of this shift.
Background	Foreground	This is another controversial shift, which should be analysed from an ethical perspective. The feminist translation by Linda Gaboriau of N. Brossard's text <i>l'Écrivain</i> , discussed in (Godard, 1984; von Flotow, 1991), can serve as an example.
	Background	This is a common shift in news translation and can be easily analysed from the intergroup mediation perspective. The German versions of the story about the accident in the Channel tunnel discussed above is an example of this shift.
	None (neutralisation)	This shift is also common and can be analysed from the intergroup mediation perspective. <i>Gardian's</i> article cited previously is an example of this shift.
None	Foreground	Here again we could think of feminist translation, for example the translation by Susanne de Lotbinière-Harwood of L. Gauvin's <i>Lettre d'une autre</i> also discussed in (von Flotow, 1991). It is subject to analysis from an ethical perspective.
	Background	Examples of this shift can be found, for instance, in some Soviet translations/adaptations of children's books. Also, this shift can be committed by the translator unintentionally. Interestingly, these shifts can be analysed from all three perspectives: ethical, CDA and intergroup mediation.

Finally, it seems possible for ST to distinguish between the background/foreground role of ideology as it has been intended by the author (which is mainly linked to the intentionality) and as it is perceived by the ST audience (in the same way as it is perceived in TT by the TT audience). Indeed, the two may differ. We suppose that the choice here is determined by whether the translation is aimed at mediating between the author and the TT audience or at creating a text that would be perceived by the TT audience in somewhat the same way as ST is perceived by the ST audience. The former approach clearly puts the translator into the ethics of communication, according to Chesterman's classification (2001: 140). Within the latter approach, however, the translator can be considered as following the ethics of representation (Chesterman, 2001: 139), but in its functionalist interpretation (Schäffner, 2009; Nord, 2006). Incidentally, for the same reason, the intergroup mediation perspective, although intuitively linked to the ethics of communication, should not be limited to it.

5. CONCLUSIONS

We have discussed only a few types of ideology shifts presented in Tables 3 and 4, others being subject to further research. However, the intergroup mediation perspective and the classification proposed appear useful for exploring further the issues of acceptability of certain ideology shifts rather than others, translator's intentions when opting for a shift, as well as conditions on which an ideological shift can be committed unintentionally, in particular as a translation mistake. Of course, as any model, the proposed framework is a simplified representation of real-life situations faced by the translator. However, to our mind, it allows for a better understanding of ideology-related problems in translation, identifies essential factors influencing translator's choices and could be used as a guidance in translation practice. Also, considering the formal character of the framework, it could eventually serve as a basis for handling ideology-related issues in machine translation in the news industry.

Further research may be directed towards completing the practical framework with an inventory of translation strategies and techniques used to handle ideology-related problems. Among other problems related to ideology shifts in translation and worth investigating we would like to emphasise the neutralisation strategy (its scope of use, advantages and weaknesses), the possibility of handling dominant ideologies divergence as cultural differences (which could lift a part of ethical pressure from the translator), and also the influence of personal ideological and ethical position of the translator on the choice of translation strategy.

© Natalia Yarkina, Liudmila Yarkina, Ivan Pougachev, 2019

REFERENCES

- Baker, Mona (2006). *Translation and Conflict: A Narrative Account*. Oxon: Routledge.
- Baker, Mona (2008). Ethics of Renarration: Mona Baker is interviewed by Andrew Chesterman. *Cultus*, 1 (1), 10—33.
- Baker, Paul, Gabrielatos, Costas, Khosravini, Majid, Krzyzanowski, Michal, McEnery, Tony, & Wodak, Ruth (2008). A useful methodological synergy? Combining critical discourse analysis

and corpus linguistics to examine discourses of refugees and asylum seekers in the UK press. *Discourse & Society*, 19 (3), 273—306.

- Bastin, Georges L. (2009). Adaptation. In Baker, M., & G. Saldanha (eds.) *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* (2nd edn). London/New York: Routledge, 3—6.
- Chesterman, Andrew (2001). Proposal for a Hieronymic Oath. *The Translator*, 7 (2), 139—154.
- Chesterman, Andrew (2010). Skopos theory: a retrospective assessment. In Kallmeyer, W. et al. (eds.) *Perspektiven auf Kommunikation. Festschrift für Liisa Tittula zum 60. Geburtstag*. Berlin: SAXA Verlag. Retrieved from <http://www.helsinki.fi/~chester/2010a.skopos.html>.
- Fawcett, Paul, & Munday, Jeremy (2009). Ideology. In Baker, M., & G. Saldanha (eds.) *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* (2nd edn). London/New York: Routledge, 137—141. doi: 10.4324/9780203872062.
- Godard, Barbara (1984). Translating and Sexual Difference. *Resources for Feminist Research*, 13 (3), 13—16.
- Hatim, Basil, & Mason, Ian (2005). *The translator as communicator*. London: Routledge.
- Ingg, Judith (2015). Translation and Transformation: English-Language Children's Literature in (Soviet) Russian Guise. *International Research in Children's Literature*, 8 (1). Edinburgh University Press, 1—16.
- Kang, Ji-Hae (2007). Recontextualization of news discourse: A case study of translation of news discourse on North Korea. *The Translator*, 13 (2), 219—242.
- Mason, Ian (2009). Discourse, ideology and translation. In Baker, M. (ed.) *Critical readings in translation studies*. London: Routledge, 83—95.
- Munday, Jeremy (2007). Translation and ideology: a textual approach. *The translator*, 13 (2), 195—218.
- Nord, Christiane (1997). A functional typology of translations. In Trosborg, A. (ed.) *Text typology and translation*. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 43—66.
- Nord, Christiane (2006). Translating as a purposeful activity: a prospective approach. *TEFLIN Journal*, 17 (2), 131—143.
- Palmer, Jerry (2009). News gathering and dissemination. In Baker, M., & G. Saldanha (eds.) *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* (2nd ed.). London/New York: Routledge, 186—189. doi: 10.4324/9780203872062.
- Rojo López, Ana María, & Ramos Caro, Marina (2014). The impact of translators' ideology on the translation process: A reaction time experiment. In Muñoz Martín, R. (ed.) *Minding translation*, Special Issue of MonTI, 1, 247—272.
- Schäffner, Christina (2009). Functionalist approaches. In Baker, M., and G. Saldanha (eds.) *Routledge Encyclopedia of Translation Studies* (2nd edn). London/New York: Routledge, 115—121.
- Stephan, Walter G., Ybarra, Oscar, & Morrison, Kimberly Rios (2015). Intergroup Threat Theory. In Nelson, T.D. (ed.) *Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination* (2nd edn.). New York: Psychology Press, 255—278.
- Van Dijk, Teun A. (1998). *Ideology: a multidisciplinary approach*. London: Sage Publications.
- Van Dijk, Teun A. (2006). Ideology and discourse analysis. *Journal of Political Ideologies*, 11 (2), 115—140.
- Vermeer, Hans. J. (2000). Skopos and commission in translational action. In Venuti, L. (ed.) *The Translation Studies Reader* (2nd edn). London/New York: Routledge, 227—238.
- Von Flotow, Luise (1991). Feminist translation: contexts, practices and theories. *TTR — Études sur le texte et ses transformations*, 4 (2), 69—84.

Sources

- (1) AFP (2015, September 18) Un migrant meurt électrocuté sur le site du tunnel sous la Manche. *AFP*. Retrieved from <http://www.europe1.fr/faits-divers/mort-dun-migrant-electrocute-sur-le-site-du-tunnel-sous-la-manche-2516829>.
- (2) AFP (2015, September 18) Migrant electrocuted at Channel Tunnel site: French police. *AFP*. Retrieved from <https://www.straitstimes.com/world/europe/migrant-electrocuted-at-channel-tunnel-site-french-police>.
- (3) Le Monde (2015, September 18) Un migrant meurt électrocuté sur le site du tunnel sous la Manche. *Le Monde*. Retrieved from http://www.lemonde.fr/europe/article/2015/09/18/un-migrant-meurt-electrocute-sur-le-site-du-tunnel-sous-la-manche_4762174_3214.html
- (4) LeFigaro.fr & AFP (2015, September 18) Tunnel sous la Manche: un migrant électrocuté. *Le Figaro*. Retrieved from http://www.lefigaro.fr/flash-actu/2015/09/18/97001-20150918_FILWWW00050-tunnel-sous-la-manche-un-migrant-electrocute.php
- (5) AFP (2015, September 18) Flüchtling in Calais am Eurotunnel durch Stromschlag getötet. *Zeit Online*. Retrieved from <http://www.zeit.de/news/2015-09/18/frankreich-fluechtling-in-calais-am-eurotunnel-durch-stromschlag-getoetet-18101205>.
- (6) Die Welt (2015, September 18) Flüchtling stirbt am Eurotunnel durch Stromschlag. *Die Welt*. Retrieved from <http://www.welt.de/politik/ausland/article146552587/Fluechtling-stirbt-am-Eurotunnel-durch-Stromschlag.html>.
- (7) Dearden, L. (2015, September 18) Syrian refugee dies after being electrocuted on UK-bound Channel Tunnel train. *The Independent*. Retrieved from <http://www.independent.co.uk/news/world/europe/syrian-refugee-dies-after-being-electrocuted-on-uk-bound-channel-tunnel-train-10507454.html>.
- (8) Mulholland, R. (2015, September 18) Migrant electrocuted at Channel Tunnel site. *The Telegraph*. Retrieved from <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/france/11874092/Migrant-electrocuted-at-Channel-Tunnel-site.html>.
- (9) Chrisafis, A. (2015, September 18) Man electrocuted near Channel tunnel entrance in France. *Guardian*. Retrieved from <http://www.theguardian.com/world/2015/sep/18/man-electrocuted-near-channel-tunnel-entrance-in-france>.
- (10) Chassany, A.-S., & Parker, G. (2016, March 3) French economy minister sends double Brexit warning to UK. *Financial Times*. Retrieved from <http://www.ft.com/cms/s/0/2c669fd4-e054-11e5-9217-6ae3733a2cd1.html>.
- (11) Zeit Online (2016, March 3) Frankreich droht Großbritannien mit Grenzöffnung in Calais. *Zeit Online*. Retrieved from <http://www.zeit.de/politik/ausland/2016-03/frankreich-grossbritannien-eu-austritt-fluechtlingspolitik-calais>.
- (12) Die Welt (2016, March 3) Dann kommen die Flüchtlinge. *Die Welt*. Retrieved from http://www.welt.de/newsticker/dpa_nt/infoline_nt/brennpunkte_nt/article152873815/Dann-kommen-die-Fluechtlinge.html.

Article history:

Received: 20 February 2018

Revised: 17 April 2018

Accepted: 05 September 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 20 февраля 2018

Дата принятия к печати: 05 сентября 2018

Bionotes:

NATALIA YARKINA is Ph.D., Teaching Assistant in Translation Studies for the School of Language, Literature, Music and Visual Culture, University of Aberdeen. She holds PhD in Applied Mathematics from RUDN University and MSc (Dist) in Translation Studies from the University of Aberdeen. Her academic interests are in translation studies and technical and scientific translation as well as in probability theory, mathematical modeling and telecommunications.

Contact information: e-mail: nat.yarkina@mail.ru

LIUDMILA YARKINA is Ph.D, professor of the Russian language department at the Academy of Engineering of RUDN University. She has authored and co-authored over 90 papers and books on foreign language teaching and translation.

Contact information: e-mail: YarkinaLP@mail.ru

IVAN POUGACHEV is Ph. D. (Advanced Doctorate), Professor and Chair of the Russian language department at the Academy of Engineering of RUDN University. He has authored over 200 papers and books published in Russia and abroad on foreign language teaching, speech culture and cross-cultural communication. His current research interests deal with communication studies, the use of the modern Russian language for specific purposes.

Contact information: e-mail: pugachev-ivan@mail.ru

Сведения об авторах:

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ЯРКИНА — кандидат физико-математических наук, учебный ассистент секции лингвистики и переводоведения департамента языков, литературы, музыки и визуальной культуры Университета Абердина. Среди научных интересов — переводоведение, обучение переводу и особенности перевода технических и научных текстов. Ведет исследования в области прикладной математики, теории вероятностей, математического моделирования и анализа телекоммуникационных сетей.

Контактная информация: e-mail: nat.yarkina@mail.ru

ЛЮДМИЛА ПАВЛОВНА ЯРКИНА — кандидат филологических наук, доцент, профессор-методист кафедры русского языка Инженерной академии Российского университета дружбы народов. Научные интересы: межкультурная коммуникация, текстология, перевод и переводоведение, теория и практика преподавания иностранных языков. Является автором и соавтором свыше 90 научных работ и учебных пособий.

Контактная информация: e-mail: YarkinaLP@mail.ru

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ ПУГАЧЁВ — доктор педагогических наук, профессор и заведующий кафедрой русского языка Инженерной академии Российского университета дружбы народов. Научные интересы: теория межкультурной коммуникации, теория и практика преподавания иностранных языков для специальных целей, культура речевой коммуникации. Автор свыше 200 научных работ, в том числе 2-х монографий, а также ряда учебных пособий.

Контактная информация: e-mail: pugachev-ivan@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-399-414

“A Sensible Image of the Infinite”*: Intersemiotic Translation of Russian Classics for Foreign Audiences

Olga Leontovich

Volgograd State Socio-Pedagogical University
27 Lenin Prospect, Volgograd, 400066, Russia

Tianjin Foreign Studies University
No. 117, Machang Road, Hexi District, Tianjin, China

Abstract

The article is a continuation of the author’s cycle of works devoted to foreign cinematographic and stage adaptations of Russian classical literature for foreign audiences. The research material includes 17 American, European, Chinese, Indian, Japanese fiction films and TV series, one Broadway musical and 9 Russian films and TV series used for comparison. The paper analyses different theoretical approaches to intersemiotic translation, ‘de-centering of language’ as a modern tendency and intersemiotic translation of literary works in the context of intercultural communication. Key decisions about the interpretation of original texts are made by directors and their teams guided by at least three goals: commercial, creative and ideological. Intersemiotic translation makes use of such strategies as foreignization, domestication and universalization. The resignifying of a literary text by means of the cinematographic semiotic system is connected with such transformations as: a) reduction — omission of parts of the original; b) extension — addition, filling in the blanks, and signifying the unsaid; c) reinterpretation — modification or remodeling of the original in accordance with the director’s creative ideas. A challenge and at the same time one of the key points of intersemiotic translation is a difficult choice between the loyalty to the original, comprehensibility for the target audience and freedom of creativity. The research shows that transformations and use of different translation strategies can have both positive and negative consequences. Positive outcomes include: visualization and comprehension of the Russian cultural space; adaptation of Russian experiences for the target culture; retranslation of universal values expressed by the original. Negative consequences result in: the distortion of the original due to insufficient cultural literacy; purposeful deformation of cultural meanings for ideological reasons; erroneous interpretation of the literary text; deformation of the original macro-meaning; preservation of the plot, but loss of the in-depth meaning of the original text. Any degree of creative freedom still requires intercultural competence and a careful choice of semiotic signs aimed at expressing the key ideas of the original.

Keywords: *intersemiotic translation, screen adaptation, Russian classical literature, domestication, foreignization, universalization, macromeaning of the original, intercultural communication*

For citation:

Leontovich, Olga (2019). “A Sensible Image of the Infinite”: Intersemiotic Translation of Russian Classics for Foreign Audiences. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 399—414. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-399-414.

* A reference to George Bancroft’s quotation: “Beauty is but the sensible image of the Infinite. Like truth and justice it lives within us; like virtue and the moral law it is a companion of the soul”.

«Чувственный образ бесконечности»: интерсемиотический перевод русской классики для зарубежной аудитории

О.А. Леонтович

Волгоградский государственный социально-педагогический университет
проспект Ленина, 27, Волгоград, 400066, Россия

Тяньцзиньский университет иностранных языков
ул. Мачандао, 117, район Хэси, г. Тяньцзинь, Китай

Аннотация

Статья продолжает цикл авторских публикаций, посвященных зарубежным экранизациям и постановкам русской классики. В статье анализируются различные теоретические подходы к проблемам интерсемиотического перевода, тенденция к «децентрализации языка» как коммуникативного средства, а также интерсемиотический перевод литературных произведений в контексте межкультурного общения. Материал исследования включает 17 американских, европейских, китайских, индийских, японских художественных фильмов и телесериалов, один бродвейский мюзикл, а также 9 российских экранизаций, используемых для сравнения. Показано, что режиссеры принимают ключевые решения относительно интерпретации оригинала, руководствуясь тремя целями: коммерческой, творческой и идеологической. В качестве основных стратегий интерсемиотический перевод использует доместикацию, форенизацию и универсализацию. Выявлено, что переозначивание литературного текста на язык кино связано со следующими трансформациями: 1) редукция, т.е. пропуски частей произведения; 2) расширение — восполнение пробелов, внесение дополнений и означивание недосказанного; 3) реинтерпретация — переделка оригинала в соответствии с творческим замыслом режиссера и творческой группы. Сложность интерсемиотического перевода обусловлена необходимостью сделать выбор между верностью оригиналу, понятностью текста для целевой аудитории и свободой творчества. Установлено, что использование трансформаций может иметь как положительные, так и отрицательные последствия для межкультурной коммуникации. Положительными являются: 1) визуализация и осмысление чужого культурного пространства с учетом фоновых знаний аудитории; 2) выражение позитивного отношения к культуре-источнику; 3) адаптация инокультурных реалий и ценностей к целевой культуре, способствующая восприятию глубинных смыслов исходного произведения. Отрицательные последствия включают: 1) искажение инокультурной реальности из-за недостатка культурной грамотности; 2) целенаправленную деформацию исходных культурных смыслов в идеологических целях; 3) ошибочную интерпретацию ценностного и нравственного содержания исходного произведения; 4) искажение авторского замысла; сохранение внешней формы вне связи с глубинными смыслами оригинала.

Ключевые слова: *интерсемиотический перевод, экранизация, русская классическая литература, доместикация, форенизация, универсализация*

Для цитирования:

Leontovich, Olga. “A Sensible Image of the Infinite”: Intersemiotic Translation of Russian Classics for Foreign Audiences // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. No 2. С. 399—414. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-399-414.

1. BACKGROUND, METHODOLOGY AND KEY PRINCIPLES

Intersemiotic translation, or transmutation, the notion introduced by Roman Jakobson [1959], is used to denote a specific type of semiosis — interpretation of verbal signs by means of nonverbal ones. This article is a continuation of a cycle of works

published over a period of more than ten years and devoted to foreign cinematographic and stage adaptations of Russian classical literary works for foreign audiences (Леонтович 2008; 2017; Leontovich 2011; 2015; 2018). Originally, the study was focused on European and American films and later moved on to include Chinese, Japanese and Indian adaptations.

Although there are hundreds of films and stage performances based on Russian classics all over the world, the interest for Russian literature does not seem to fade. We have counted at least 33 foreign adaptations of *Anna Karenina* by Leo Tolstoy, 25 of *Crime and Punishment*, 16 of *Brothers Karamazov* and 15 of *The Idiot* by Dostoyevsky. Directors undertake new attempts to produce their own adaptations, trying to get new insights into Russian literature and suggest innovative interpretations of its in-depth meanings.

Besides, due to the development of new technologies, the role of visual and audial perception is steadily growing. Many people prefer to watch and listen rather than read. This calls for the emergence of new screened and stage adaptations. Therefore, we believe it is necessary to continue the study of intersemiotic translation, its regularities and outcomes, the process and results of transferring meanings from one semiotic system into another. We agree with Aguiar and Queiroz who write: “Despite its theoretic relevance, and in spite of the frequency in which it is practiced, the phenomenon remains virtually unexplored on general explanatory levels (conceptual modeling), as well as from the point of view of the logic of the semiotic processes involved in it” (Aguiar & Queiroz 2010).

The *aim* of this paper is to discuss the key theoretical approaches to intersemiotic translation and analyse the mechanisms of meaning transformation from an intercultural perspective. The *research material* includes 17 American, European, Chinese, Indian, Japanese and 9 Russian fiction films and TV series — screen adaptations of Russian classical literature (total running time approx. 119 hrs.), as well as the Broadway musical *Natasha, Pierre & the Great Comet of 1812* based on Leo Tolstoy’s “War and Peace”.

Proceeding from the ideas of critical discourse analysis (Fairclough, 1992; Fairclough & Wodak 1997), we believe that the research should not only disclose the mechanisms of intersemiotic translation but show its impact on social reality. We also make emphasis on symbolic interactionism (Mead 1934; Blumer 1969; Hall 2007), social constructionism (Cooley, 1998; Lock & Strong, 2010) and social semiotics, the proponents of which are interested in researching the aspects of discourse which go beyond language, to “socially situated sign processes” (Halliday 1978; Hodge & Kress, 1988; qtd. from Iedema 2003).

2. THEORETICAL APPROACHES TO INTERSEMIOTIC TRANSLATION

The notion of intersemiotic translation stems from Roman Jakobson’s seminal work “On Linguistic Aspects of Translation” (1959) where he distinguished: 1) intra-linguistic translation as the rewording of a verbally expressed content with the help of the signs of the same language; 2) interlinguistic translation done between different languages; 3) intersemiotic translation as the interpretation of verbal signs with the help

of non-verbal ones. Nowadays, intersemiotic translation is viewed in a broader sense — as any change from one semiotic system to another.

The types of intersemiotic translation (to name just a few) include:

◆ Verbal to visual translation: book illustrations; screen adaptations of literary works; novel-to-comic adaptation; animation; sign language; subtitling; etc.

◆ Visual to verbal translation: ekphrasis — verbal description of a visual work of art; radio reporting; sports commentary; etc.

◆ Translation of verbal forms into music and dance: ballet performances and operas based on famous literary works; verbal explanations of music pieces by musicologists; etc.

In the attempt to reveal the mechanisms of intersemiotic translation, scholars have coined numerous terms to explain the phenomenon: ‘transmutation’ (Jacobson 1959), ‘transposition’ (Jacobson 1959; Dusi 2010), ‘adaptation’ (Eco 2003), ‘transformation’ (Calabrese 2000), ‘interpretation’ (Petrilli 2003), ‘semiotranslation’ (Gorlée 2004), ‘tradaptation’ (translation + adaptation), ‘multi-dimensional translation’ (Gottlieb 2007), etc.

An overview of different approaches to intersemiotic translation provided by Nicola Dusi shows a wide spectrum of opinions about its nature. For Eco, Dusi writes, every translation is primarily a form of interpretation. Therefore, a film based on a written text is not a mere “translation”, but more precisely, an “adaptation”, as the director and the screenwriter have to “make certain choices, decide what to *reveal* and how to reveal it, open up the implications of a story told through physically different means” (Dusi 2010).

On the other hand, Fabbri (2000) following in the footsteps of Lotman, believes that “novelistic writing can be translated into a film for the television or cinema”; this kind of translation, he argues, is an *intersensitive* process. For example, an emotion can be expressed by means of music, color, light, or a combination of different signs (qtd. from Dusi 2010).

Mid-way between Eco and Fabbri, Dusi writes, is Calabrese (2000) who views translation not only as interpretation, but above all as *transference* of the meaning of one text into another, with inevitable *transformations*. From this perspective, translation is seen not as “something closed and permanent”, but rather as a process aimed at maintaining, eliminating, transforming, or reformulating certain meanings of the original text. As a result, “the target text can take on the dignity of the source text, and add to it its own uniqueness, as well” (Calabrese; qtd. from Dusi 2010).

Instead of adaptation, Dusi suggests the term ‘transposition’, which, from his point of view, expresses the idea more accurately. Transposing, he argues, means taking into account “the whole style of the source text”. The challenge, then, is to *translate the style* of the novel into a film, where “style” denotes “the combination of the text’s expression form and content form, logically ‘molded’ by the enunciative strategies” (Dusi 2010).

Another term that is used to conceptualize intersemiotic translation is ‘resemiotisation’ dealing with the way in which “meaning shifts from context to context, from practice to practice, or from one stage of a practice to the next” (Iedema 2003: 41) and

the materiality of expression “serves to realize the social, cultural and historical structures, investments and circumstances of our time” (Ibid: 50). Jewitt applies this term to the way in which meanings are transformed from one semiotic system to another in the course of social processes (Jewitt 2014: 467).

‘Resemiotisation’ is closely connected with the notion of ‘multimodality’ used in reference to the textual, aural, linguistic, spatial and visual communication resources (or modes) (Murray) and their combination in media. Today’s digital environment where semiotic resources (e.g. language, image and sound) “coexist, cooperate, and get translated” (Kourdis 2015: 311) on a regular basis, is marked by the proliferation of different forms of multimodal texts (O’Halloran et al. 2016: 199).

The variety of approaches towards the essence of intersemiotic translation and debates around its definition indicate that there are still more questions than answers concerning its nature and mechanisms of transferring meanings from one semiotic system to another. The problems of intersemiotic translation are nowadays researched in different countries (Italy, Brazil, Poland, Estonia, etc.). As examples, it is possible to name conferences in Poland (“Intersemiotic translation”, Lodz, 25—27 September 2013; “Text-Image-Music” Crossing the Borders Conference, Krakow, 2018), the international special interest group “Intersemiotic Translation and Cultural Literacy”, as well as numerous publications (Aguiar & Queiroz 2010; Dusi 2010; E-Chou Wu, 2014; Eco, 2003; Fabbri, 2000; Gorlée 2004, 2008; Iedema 2003; Jeha; Petrilli 2003; Torop 2003; etc.).

3. ‘DE-CENTERING OF LANGUAGE’ AS A MODERN TENDENCY

Intersemiotic translation is based on the interplay between verbal and nonverbal forms of perception and expression. Since ancient times, sight had been valued as the noblest of all human senses and the most reliable source of knowledge (Wiegel 2010: 6). “The ocularcentrism of the ancient Greeks” accounted for the priority of sight in a hierarchy of the senses that defined the attitude towards it in Western societies “in the many centuries to come” (Ibid: 8).

Scholars indicate that the invention of writing and the printing press marked the transition of humans from orality to literacy (Ong 2002). De Kerckhove views writing as “a revolution of sensory relationships pertaining to the major modes of transmitting and exchanging information on a personal and a social level” (1980: 24; qtd. from Wiegel 2010: 31). This shift from orality to literacy is described as a “bombshell in human history”, a mental and cognitive revolution that profoundly changed the human mind (Innis 1951; McLuhan 1962; Havelock 1976; Ong 1982; Roepke 2011). Scholars write about new modes of information processing caused by the ability to read and write and major changes it caused in human communication.

Today, however, we are observing a reverse process — the computer generation go back to children’s discourse mainly based on iconic, visual perception. According to Iedema (2003: 33), the influence of digital communication, the globalization of trade, commerce and culture produce changes in our ‘semiotic landscape,’ the main of which are “the de-centring of language as favoured meaning making” and the “blurring of the traditional boundaries between and roles allocated to language, image, page layout, document design, and so on.” He indicates that today’s “semiotic landscape is

becoming more and more populated with complex social and cultural discourse practices” (Ibid). If during the “literate age” text was seen as a primary source of communication, nowadays, due to the rapid development of digital technologies, the image is used more and more frequently (Lutkewitte 2013). As Jay puts it, “vision, aided by new technologies, became the dominant sense in the modern world, even as it came to serve new masters” (Jay 1993: 45).

However, today’s communication still cannot happen without language, even though “the hegemony of the written word <...> has been challenged from different directions (from the call for papers for the MeCCSA Practice Network Annual Symposium 2019 “Shaping Knowledge: Encounters between Word and Image”). Wagner uses the term ‘iconotext’, which paves the way for investigating the convergence of visual and verbal texts (E-Chou Wu 2014).

Contemporary communication practices involve a sophisticated interplay of word, image, sound, touch and even smell. The positive effects of multimodality include almost unlimited technical opportunities for creative presentation of content and imagery; an overwhelming emotion produced by the interaction of language, music and visual images; the effect of presence in a 3D environment, etc. Intersemiotic translation opens up the borders of perception for people with disabilities. Audio descriptions enable “blind people to enjoy cinema just as sighted people do. It is a mixture of description, interpretation and conjecture which must quickly and concisely take into account the cumulative effect of the work done by all the other facets of the film” (Thompson). According to Gottlieb (2005) and Borshchovsky (2019), audio description is hyposemiotic translation, as it reduces polysemiotic nonverbal information to a monosemiotic text. Sign language, in its turn, uses the visual-manual modality to convey meaning for the deaf, hard of hearing and speech-impaired individuals. For example, the video of “Bohemian Rhapsody” interpreted in American Sign language for the deaf has gone viral on the Internet. People with dual-sensory loss (deaf-blind) communicate with the tactile finger-spelling signs or the POP (Print On Palm) method, by using the index finger to trace the letters on a palm or a finger braille, a modern Japanese way of signing with fingers (How to Communicate...). The Tactile Picture Books Project takes touch books to a new level thanks to the 3-D technologies (Ramachandran 2014). Exhibitions of tactile pictures give the blind and vision impaired people access to the world of art.

The proliferation of multimodality into different spheres of human communication gives rise to new research paradigms. Torop writes about the productivity of a semiotic approach in textology, especially in connection with culture, introducing the notion of “total translation” to denote the “co-existence of the verbal and the visual and non-coincidence of <...> the border between the verbal and iconic” (Torop, 2003, p. 280).

4. INTERSEMIOTIC TRANSLATION OF LITERARY WORKS AS A WINDOW TO ANOTHER CULTURE

Unlike monosemantic written text, film uses different types of semiotic signs (language, images and sounds). In case of our research, we are mainly interested in the way intersemiotic translation works in an intercultural context when a literary piece is interpreted for a foreign audience. In addition to the usual problems connected

with transference of signs from one semiotic system to another, the process is complicated by intercultural differences. The screen or stage adaptation of a literary work has to be adapted to the knowledge base, tastes and value system of the target audience.

The creation of a screened version of a literary work presupposes that part of the original text remains in the same (verbal) semiotic system and the remaining part is translated into the signs of other systems. In fact, we are dealing with the redistribution of meanings, which are further combined anew, thus forming the macromeaning of the whole. This process can be viewed as a two-step translation: 1) interlinguistic (as in most cases an adaptation is done on the bases of a translated text) and 2) intersemiotic (Leontovich 2015). When writing about film adaptations, Eco compares transmutation to the gestures of an orchestra conductor interpreting a score (Eco 2006: 302). The transference to a different semiotic system does not mean that verbal signs are no longer used, but their place in the system is changed, they become part of a complex network of connections between signs of different nature (Leontovich 2015).

According to Torop, translation is a multi-level process, which involves cultural, economic, and ideological activities. He believes that translators act at the frontiers of semiotic systems and cultures not as simple mediators, but generators of new semiotic systems for the description of foreign texts in order to increase the dialogic capability of a culture (Torop 2003; Aguiar & Queiroz 2010).

With this approach, the dialogical nature of meaning-making acquires a different dimension. Naremore remarks that the ambivalent nature of a screen adaptation can be viewed as a multi-level dialogue between the original and target text [Naremore 2000, 67]. Proceeding from this idea, Lhermitte writes about the necessity to develop aesthetics based on the dialectical exchange between literature and film, the relationship between which is complicated by the multiplicity of the semiotic systems they use (written and oral texts, music, action and images). The screening combines not only words (in their written and oral forms), but also acting, music, sound effects and moving images (Lhermitte).

By giving access to a text written in a foreign language, translation in its different forms opens the window to an unknown culture for the target audience. Key decisions about the interpretation of original texts are made by directors and their teams guided by at least three goals: commercial, creative and ideological.

The achievement of the first (commercial) goal presupposes the commodification of the screened or staged version of the original, i. e. its adaptation to the tastes, values and cultural preferences of the potential consumers. The commentaries of Indian spectators to the film *Kasba* (adaptation of Chekhov's story *In the Ravine*) say: *Very good movie for sleeping on, kept waiting something will happen, but nothing happens; Boring movie; Extremely boring*. Bollywood film narratives are based on traditional formulas, codes and conventions. They are sentimental, speak about people's sufferings and love, use beautiful dances and music. According to the film historian Randor Guy, *Panakkari*, the Tamil adaptation of Leo Tolstoy's "Anna Karenina" from 1953, failed at the box office "mainly because of its 'anti-sentimental' storyline".

The second (creative) goal is defined by the directors' perception of the original and the manipulations they use to convey their ideas to the audience. A director may

decide to bring the action of a film closer to the present, use the plot to embody contemporary problems and voice one's own opinions and concerns. The action of Dostoyevsky's "Crime and Punishment" and "Idiot" takes place in the 1860s. However, in *Elu Suttina Kote*, the Indian adaptation of "Crime and Punishment", it unfolds in the 1980s. The events of the Indian *Idiot* (1992) occur in the 1990s, and the central characters drive big jeeps instead of horse-driven carriages. In the Japanese film *The Idiot* (1951) the action takes place in Japan after WWII; the main character Kinji Kameda (based on Prince Myshkin) returns home crashed by the war and captivity.

The third (ideological) goal is connected with the country's internal and external policy, relationship between countries, the political views of the film-makers and the audience. The fate of the Broadway musical *Natasha, Pierre & the Great Comet of 1812* is an example of the contradiction that can occur between the director's creative goal and the political views of the audience. The musical was an adaptation of a 70-page segment from Leo Tolstoy's "War and Peace" that cost 14 million dollars. The show premiered in November 2016 and ended in a scandal when the black actor Okieriete Onaodowan appointed for the role of Pierre was replaced by the white actor Mandi Patinkin. The replacement gave rise to a Twitter campaign of angry protestors who saw it as racial discrimination. As a result, in September 2017, after running for less than one year, the show was closed.

Intersemiotic, as well as interlinguistic, translation makes use of such strategies as foreignization and domestication. All the nine Indian films analyzed in this study employ the strategy of *domestication*, using the original Russian plot, but placing the action in India. This can be illustrated by the three adaptation of the *White Nights* by Dostoyevsky: *Chhalia* (1960) is set in Delhi and Lahore, *Iyarkai* (2003) — in Rameswaram and *Ahista Ahista* (2007) — also in Delhi.

On the other hand, the cinematographers who use the strategy of *foreignization* want to be true to the original and imitate all the tiny details of Russian life. This route was taken by the Chinese film-makers of *The Dawns Here are Quiet* (2005), the TV series that enjoyed overwhelming success in China. The director Mao Weining wanted the environment to look absolutely true to Boris Vassilyev's book. For this purpose, a village was specially built on the bank of the Amur river near the Russian border, with 30 houses, a church, and a 'banya' (bathhouse). The screening did not start before the script was approved by the writer himself. The authenticity of the Russian landscapes in the TV series is really impressive.

The use of foreignization may sound as an attractive strategy allowing to show the exotic Russian world, but, on the other hand, it is a great challenge for the film-makers, as it is fraught with serious cultural mistakes. This was the case with the 1999 European-American adaptation of Pushkin's "Eugene Onegin", which contains numerous errors and misinterpretations.

In the context of our research, it is also expedient to speak of the strategy of *universalization* — demonstrating the universal value of a text, which transcends cultural borders. An example of universalization is the choice of a talented black actress Denée Benton who performed the part of Natasha in the above-mentioned Broadway musical

Natasha, Pierre & the Great Comet of 1812 and brilliantly coped with the task. Her appointment for the role may be explained by the director's intention to show that “War and Peace” has long become part of the world culture rather than a Russian national phenomenon; in this context, the racial identity of the actress becomes irrelevant.

The resignifying of a literary text by means of the cinematographic semiotic system is connected with such transformations as: 1) reduction, i.e. omission of parts of the original; 2) extension — addition, filling in the blanks, and signifying the unsaid; 3) reinterpretation — modification or remodeling of the original in accordance with the director's creative ideas.

An example of *reduction* as a form of transformation is the absence of lengthy philosophical monologues in practically all the adaptations of “War and Peace”. In this case it is a purely technical decision justified by the impossibility of their visual representation and the difficulty of their oral perception. However, in other cases particular episodes are eliminated from a film for different reasons: because they are incomprehensible or inappropriate for the target audience, do not match the image which the director is trying to mold, etc. For example, the Russian adaptation of Boris Vassilyev's novel *The Dawns Here are Quiet* about women fighting against the Nazis during WWII contains a scene in a ‘banya’ (bathhouse) where they appear naked. In the 1970s this was a very bold scene unusual for the Russian spectators, but Stanislav Rostotsky, the Russian director, insisted on it as he wanted to show that female bodies were created for love and childbirth, not for the war. However, Mao Weining, the director of the Chinese TV adaptation of the same book, thought it was inappropriate to show naked women to the Chinese audience and wanted the actresses to wear long chemises. But the Russian actresses who played all the female roles in the film, refused to put them on, as this did not correspond to Russian traditions. The parties finally came to a compromise: women in the scene appear sitting in Chinese wooden baths hiding their naked bodies. Even so, the episode was shown on Russian TV but excluded from the Chinese version.

The same Chinese series is a good illustration of the second type of transformation — *extension* of a cinematographic text. A comparatively short novel is extended to 19 episodes, which are supplemented with long dialogues about love, duty, service to the nation and struggle against the enemies. Such dialogues are well accepted by the Chinese viewers, but seem boring to the Russian audience; therefore, the version of the Chinese series demonstrated on Russian TV was reduced from 19 to 12 episodes.

Reinterpretation as the third type of transformation is implemented in the changes of the plot, images of characters, their communicative behavior, value orientations and motives for their actions. When, for example, American cinematographers decide that the events or actions of Russian characters are irrational and incomprehensible, they transform them to please the US audience. The happy end in the US adaptation of *The Brothers Karamazov* (1957) is definitely a tribute to Hollywood traditions. In the Russian 1968 film Dmitry in chains trudges in the snow to Siberia and Grushenka follows him in a horse-driven sledge. By contrast, in the American version Dmitry escapes from the police with Grushenka, to the accompaniment of optimistic music. An average Western spectator cannot understand and accept Dmitry's desire to suffer not because

he murdered his father, but because he “wanted to murder”, and the Russian formula: “You cannot run away from your conscience” (Leontovich 2015).

The choice of semiotic signs is in the power of a director acting as an interpreter. From the point of view of the ethnic component, the choice of a language used in a film plays an important role, which goes beyond simple verbal expression — it may acquire an additional symbolic sense. Some Indian films are intended for a particular linguistic community: *Panakkari* (after “Anna Karenina”) and *Iyarkai* (after “*The White Nights*”) are Tamil-language adaptations, *Elu Suttina Kote* (based on “Crime and Punishment”) is a Kannada-language film, and *Neecha Nagar* (after “The Lower Depths” by Maxim Gorky) is in Hindi. It is interesting that though the Indian adaptation of *Idiot* (1992) is done in Hindi, the characters pronounce some phrases in English (*I love you, I love you! But if you want me to, I can order him. Why does she treat me like a prostitute?*), which is a way to express their higher social status. For the sake of comparison — the extreme case in terms of language use is the Chinese series *Here the Dawns are Quiet*, which was originally shot in Russian and later dubbed in Chinese, with subtitles added to make it comprehensible for the speakers of numerous Chinese dialects.

The use of nonverbal signs also demonstrates a high degree of variability and may play a role in the contextualization of action and meaning-making. Though the main character of *Elu Suttina Kote* (based on Raskolnikov from “Crime and Punishment”) is Indian, he has a portrait of Lenin on the wall and we can hear the Russian revolutionary song (“Vihri vrazhdebnye...”) at the background, which are indications of his political views and his rebel spirit.

Music is an indispensable element of culture and a source of powerful emotional impact. The use of good Indian music, though sounding somewhat unusual for a Russian spectator in connection with Russian literature, has contributed to the box-office success of such Indian films as *Chhalia* (1973) with Raj Kapoor and *Saawariya* (2007) — two famous adaptations of “*The White Nights*” by F. Dostoyevsky.

A challenge and at the same time one of the key points of intersemiotic translation is the difficult choice between the loyalty to the original, comprehensibility for the target audience and freedom of creativity. As Dusi writes, “<...> translation/transposition can follow at least two possible directions: it can lead the audience to comprehend the universe of meaning of the source text (*source-oriented* approach); or it can serve the need to transform the target text in view of the target cultural system (*target oriented* approach)” (Dusi 2010). The third possible direction is the transformation of the original for the purpose of the director’s self-expression. The combination of all these complicated processes produces lots of problems for directors, producers, actors, etc.

Scholars disagree about the limits of freedom a director (interpreter) can enjoy. One extreme is the “fetishization of the original” [Ponizio 2003: 113]; the other is the poststructuralist opinion about the translation and adaptation “living an independent existence away from their originals” (E-Chu, 2014). Borges describes the interpreter’s role in the following way: “It is his infidelity, his happy and creative infidelity, that must matter to us” (2000: 45). Stam expresses a similar opinion: “Film adaptations, then, are caught up in the ongoing whirl of <...> recycling, transformation, and transmutation, with no clear point of origin” (Stam 2005: 27—31; qtd. from E-Chou Wup 2014: 168).

In connection with this, a number of questions arise, such as: 1) what if the non-Russian speaking audience want to get a taste of Dostoyevsky, Tolstoy and Chekhov, not the director's creative endeavors? 2) what if, due to incompetence and intercultural misunderstanding, the director gives the public a totally wrong interpretation of the original and impression of the source culture?

The musical *Natasha, Pierre & the Great Comet of 1812* contains a chaotic mixture of different semiotic signs, the use of which is not justified by any in-depth motives. It is probably intended to create "a Russian atmosphere" as it is imagined by an internationally naïve audience guided by common stereotypes. As a Russian spectator said, the wish to give the viewers what they allegedly wanted to see turned the performance into a farce: the show was a combination of 'balalaika', gypsy dance "Tsyganochka", old peasant and modern songs and the omnipresent vodka. Before the start of the performance, spectators were given *pirogi* (Russian pies). The hall was decorated with posters from the USSR era and "Pussy Riot". All those things have nothing to do with the simple but dignified life of Russian aristocracy of the early 19th century. This allows us to conclude that any degree of creative freedom still requires intercultural competence and a careful choice of semiotic signs aimed at expressing the author's idea, which underlies the adaptation.

5. RESULTS OF THE RESEARCH

The analysis of foreign adaptations of Russian classical literature allows us to make generalized conclusions about intersemiotic translation in an intercultural context.

1. Key decisions about the interpretation of original texts are made by directors and their teams guided by at least three goals: commercial, creative and ideological.

2. Intersemiotic translation makes use of such strategies as foreignization, domestication and universalization.

3. The resignifying of a literary text by means of the cinematographic semiotic system is connected with such transformations as: a) reduction, i.e. omission of parts of the original; b) extension — addition, filling in the blanks and signifying the unsaid; c) reinterpretation — modification or remodeling of the original in accordance with the director's creative ideas.

4. A challenge and at the same time one of the key points of intersemiotic translation is the necessity to choose between the loyalty to the original, comprehensibility for the target audience and freedom of creativity.

5. The research shows that transformations and use of different translation strategies can have both positive and negative outcomes. Positive outcomes of transformations done in the process of intersemiotic translation of Russian classics for a foreign audience include: visualization and comprehension of the Russian cultural space; adaptation of Russian experiences for the target culture; retranslation of universal values expressed by the original. Negative outcomes result in: the distortion of the original due to insufficient cultural literacy; purposeful deformation of cultural meanings for ideological reasons; erroneous interpretation of the literary text; deformation of the original macro-meaning; preservation of the plot, but loss of the in-depth meaning of the original text.

6. Any degree of creative freedom still requires intercultural competence and a careful choice of semiotic signs aimed at expressing the author's idea, which underlies the adaptation.

6. FINAL CONSIDERATIONS

The correlation of the source text and its intersemiotic translation is metaphorically summed up by Jeha in the following statement: "To say that one liked the movie but thought the book was better amounts to little more than stating one's preference of apples to apple pie. They are not supposed to be compared, for one is what the other has become. It is better to compare how the meaning of a text was rendered into two or more movies. Or, if one wishes, to judge what recipe makes the best pie (Jeha: 1).

The results of the research bring us to the following conclusion: the utmost aim of intersemiotic translation is to express the macromeaning of the original literary work, its main idea. Different semiotic signs, episodes, actions of characters, etc. act as micro-meanings, which, as a mosaic, constitute a whole, different from a mere combination of its constituents. Here we deal with the transference of quantity into quality. In the process, intersemiotic translation can use different forms of redistribution of micromeanings and contextualization of verbal and nonverbal signs, but its utmost aim is the creation of a new integral text, preserving the macromeaning of the original. An adaptation is not a simple replica of the original — it is good or bad not if it is totally faithful (or unfaithful) to the original, but if, even with serious factual changes, it manages to express the macromeaning, translate the source text into the language of film or theater performance preserving the spirit, values and essence of the original.

© Olga Leontovich, 2019

REFERENCES

- Aguiar, D. & Queiroz, J. (2010). Introductory Editorial: On Intersemiotic Translation as it Relates to Translation in General. *Applied Semiotics/Semiotique Appliquée*, number 24, 2010.02.19. 337—344.
- Aguiar, D. & Queiroz, J. (2012). Modeling Intersemiotic Translation: Notes towards a Peircean Account. In *Proceedings of the 10th World Congress of the International Association for Semiotic Studies (IASS/AIS)*. Universidade da Coruña (España / Spain), 2012. 337—344. Retrieved from https://mafiadoc.com/modeling-intersemiotic-translation-rucudc_5b79f68f097c47235c8b46f2.html.
- Blumer, H. (1969). *Symbolic Interactionism: Perspective and Method*. New Jersey: Prentice-Hall, Inc.
- Borges, J.L. (2000). The translators of "The Thousand and One Nights". In L. Venuti (Ed.) *The Translation Studies Reader*, 34—48. London and New York: Routledge.
- Borshchevsky, I.S. (2019) Problema vybora slova v intersemioticheskom perevode na primere audiodeskripcii (tiflokommentirovaniya) [Audio Description as a Form of Translation]. *Filologia i Lingvistika* (Philology and Linguistics). (In Russ)]. Retrieved from <https://moluch.ru/th/6/archive/119/3978/> (In Russ).
- Calabrese, O. (2000). Lo strano caso dell'equivalenza imperfetta (modeste osservazioni sulla traduzione intersemiotica). *Versus* 85—87, 101—120.
- Cooley, C.H. (1998) [1864—1929]. On self and social organization. Schubert, Hans-Joachim. Chicago: University of Chicago Press.

- Dusi, N. (2010). *Translating, Adapting, Transposing*. Translated from Italian by Dr. Marella Feltrin-Morris. Retrieved from <http://french.chass.utoronto.ca/as-sa/ASSA-No24/Article7en.html>.
- E-Chou Wu. (2014). Intersemiotic Translation and Film Adaptation. *Providence Forum*, VIII: 1 (December 2014), 149—182.
- Eco, U. (2003). *Dire quasi la stessa cosa. Esperienze di traduzione*. Milan: Bompiani.
- Fabbri, P. (2000). Due parole sul trasporre. *Versus* 85—87, 271—284.
- Fairclough, N. (1995). *Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language* (Language in Social Life Series). London: Longman.
- Fairclough, N. & Wodak, R. (1997). Critical Discourse Analysis in T.A. van Dijk (ed.) *Introduction to Discourse Analysis*. London: Sage.
- Gorlée, D.L. (2004). *On translating signs: Exploring text and semio-transaltion*. Amsterdam: Rodopi.
- Gorlée, D.L. (2008). Jakobson and Peirce: Translational intersemiosis and symbiosis in opera. *Sign Systems Studies*, 36 (2), 341—373.
- Gottlieb, H. (2005). Multidimensional Translation: Semantics turned Semiotics. In *MuTra 2005 Conference Proceedings*. http://www.euroconferences.info/proceedings/2005_Proceedings/2005_proceedings.html.
- Gottlieb, H. (2007). Multidimensional translation: Semantics turned semiotics. In S. Nauert & H. Gerzymisch-Arbogast (Eds.), *Proceedings of the Marie Curie Euroconferences MuTra: Challenges of multidimensional translation*. 1—29. EU-High-Level Scientific Conference Series. Retrieved from http://www.euroconferences.info/proceedings/2005_Proceedings/2005_Gottlieb_Henrik.pdf.
- Hall, P.M. (2007). Symbolic Interaction. *Blackwell Encyclopedia of Sociology*.
- Halliday, M.A.K. (1978). *Language as Social Semiotic*. London: Edward Arnold.
- Havelock, E. (1976). *Origins of Western Literacy*. Toronto: OISE Press.
- Hodge, B. & Kress, G. (1988). *Social Semiotics*. Cambridge: Polity.
- How to Communicate with a Deaf and Blind Person*. Retrieved from <https://www.wikihow.com/Communicate-With-a-Deaf-and-Blind-Person>
- Iedema, R. (2003). Multimodality, resemiotization: extending the analysis of discourse as multi-semiotic practice. *Visual Communication* 2003, 2: 29, 29—57. Retrieved from <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1470357203002001751>.
- Innis, H. (1951) *The Bias of Communication*. Toronto: University of Toronto Press.
- Jacobson, R. (1959). On Linguistic Aspects of Translation. In Brower R. (ed.) *On Translation*. Cambridge: Harvard University Press.
- Jay, M. (1993). *Downcast eyes: The Denigration of Vision in Twentieth-Century French Thought*. Berkeley, LA: University of California Press.
- Jeha, J. *Intersemiotic Translation: The Peircean Basis*. Retrieved from https://www.academia.edu/657811/Intersemiotic_translation_the_Peircean_basis.
- Jewitt, C. (2014). An Introduction to Multimodality. In C. Jewitt (ed.), *The Routledge Handbook of Multimodal Analysis*, 2nd ed. London: Routledge, 15—30.
- Leontovich, O. From Confusion to Understanding: Intersemiotic Translation of Russian Classics into the Language of Indian Cinematography. *International conference "India and Russia: Cross-Cultural Synergies"*. Delhi: University of Delhi, 2018, 43.
- Leontovich, O. Intersemiotic Translation of Russianness in British and American Films. *The 2nd International Conference "Language, Culture and Society in Russian/English Studies"*. 25—26 July, 2011. Senate House, University of London. London, 2011, 157—165.

- Leontovich, O.A. Intersemioticheskiy perevod kak forma interpretatsii kul'turnyh smyslov. *Problemy lingvistiki, perevoda i mezhkul'turnoy kommunikatsiyi*. Seriya "Yazyk. Kul'tura. Kommunikatsiya". Вып. 10. N. Novgorod: NGLU, 2008. 56—61. (In Russ.).
- Leontovich, O.A. Intersemioticheskiy perevod v kontekste mezhkul'turnoy kommunikatsii. *Intercultural Communications*. Tbilisi. 2017. № 28. 6—15. (In Russ.).
- Leontovich, O. Word and Image in Search of Each Other: Intersemiotic Translation of Narratives from an Intercultural Perspective. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. Issue 200C, 2015. 289—295. Retrieved from <http://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S1877042815047151>.
- Lhermitte, C. A *Jakobsonian Approach to Film Adaptations of Hugo's "Les Misérables"*. Retrieved from <http://www.nobleworld.biz/images/Lhermitte.pdf>.
- Lock, A. & Strong, T. (2010). *Social Constructionism: Sources and Stirrings in Theory and Practice*. Cambridge University Press.
- Lutkewitte, C. (2013). *Multimodal Composition: A Critical Sourcebook*. Boston: Bedford / St. Martin's.
- McLuhan, M. (1962). *The Gutenberg Galaxy: The Making of Typographic Man*. London: Routledge & Kegan Paul.
- Mead, G. (1934). *Mind, Self, and Society*. United States of America: The University of Chicago Press.
- Murray, J. (2013). In Lutkewitte, Claire (ed.) *Composing Multimodality. Multimodal Composition: A Critical Sourcebook*. Boston: Bedford/St. Martin's.
- Naremore, J. (2000). *Film Adaptation*. New Brunswick: Rutgers UP. Retrieved from https://www.academia.edu/10851022/Intersemiotic_Translation_and_Film_Adaptation.
- O'Halloran, K.L., Tan, S. & Wignell, P. (2016) Intersemiotic Translation as Resemiotisation: A Multimodal Perspective. *Signata*. 2016. 7. 199—229. Retrieved from <https://journals.openedition.org/signata/1223?lang=en#tocfrom1n1>.
- Ong, W.J. (2002) [1982]. *Orality and Literacy: The Technologizing of the Word* (2nd ed.). London and New York: Routledge.
- Petrilli, S. (2003). The intersemiotic character of translation. In S. Petrilli (Ed.), *Translation translation*. 41—51. Amsterdam: Rodopi.
- Ponzio, A. (2003) Preface. In S. Petrilli (Ed.), *Translation translation*. Amsterdam: Rodopi.
- Ramachandran, V. (2014) *Beyond Braille: 3-D Printed Books for the Blind*. Retrieved from <https://www.npr.org/sections/alltechconsidered/2014/08/13/340110203/weekly-innovation-you-don-t-have-to-be-able-to-see-to-enjoy-picture-books>.
- Roepke, M. (2011). *Changing Literacies: A Research Platform at Utrecht University*. Utrecht University/Cultures & Identities: Utrecht (Working Paper No. 1), April 2011.
- Stam, R. (2005). Introduction: The theory and practice of adaptation. In R. Stam and A. Raengo (Eds.) *Literature and film: A guide to the theory and practice of film adaption*, 1—52). Malden, MA: Blackwell.
- Thompson, H.J. *Oscars: audio description brings film to life for blind people, it deserves an award too*. Retrieved from http://theconversation.com/oscar-audio-description-brings-film-to-life-for-blind-people-it-deserves-an-award-too-112247?fbclid=IwAR1UxLAv6D_JPTFlkCst05HGxsEJBO03IEvZXXINh9CqKwvklz1XWJgiQ.
- Torop, P. (2003). Intersemiosis and intersemiotic translation. In S. Petrilli (Ed.), *Translation translation*. 271—282). Amsterdam: Rodopi.

Wiegel, L. (2010). *Perception in the Digital Age. Analysing aesthetic awareness of changing modes of perception*: RMA Thesis — Media and Performance Studies, 2010. Retrieved from <https://dspace.library.uu.nl/bitstream/handle/1874/.../thesislw.pdf%3Bsequence=2>.

Filmography

Ahista Ahista (loosely based on “White Nights” by F. Dostoyevsky). India, 2006, dir. Shivam Nair (120 min.).

A zori zdes' tihie [The Dawns Here are Quiet]. USSR, 1972, dir. Stanislav Rostockij (2 parts, 188 min.).

Brat'ya Karamazovy [Brothers Karamazov]. USSR, 1968, dir. Ivan Pyr'ev. (3 parts, 232 min.).

Chhhalia (adaptation of “White Nights” by F. Dostoyevsky). India, 1973, dir. Manmohan Desai (135 min.).

Crime and Punishment. UK, 2002, TV series, dir. Julian Jarrold (2 episodes, 200 min.).

Elu Suttina Kote (loosely based on “Crime and Punishment” by F. Dostoyevsky). India, 1987, dir. B.C. Gowrishankar (145 min.).

Evgeniy Onegin. USSR, 1958, dir. Roman Tihomirov (108 min.).

Idiot. India, 1992, dir. Mani Kaul (165 min.).

Idiot. Russia, 2003, TV series, dir. Vladimir Bortko (10 episodes, 550 min.).

Idiot. USSR, 1958, dir. Ivan Pyr'ev (2 parts, 116 min.).

Iyarkai (loosely based on “White Nights” by F. Dostoyevsky). India, 2003, dir. S.P. Jananathan (120 min.).

Kak zakalyalas' stal' [How the Steel was Tempered]. USSR, 1973, TV series, dir. Nikolay Mashhenko (6 episodes, 369 min.).

Kasba (The Town), based on the short story “In the Ravine” by A. Chekhov). India, 1991, dir. Kumar Shahani (121 min.).

Neecha Nagar (Lowly City; inspired by *The Lower Depths* by Maxim Gorky). India, 1946, dir. Chetan Anand (122 min.).

Onegin. USA, UK, 1999, dir. Martha Fiennes (106 min.).

Pavel Korchagin. USSR, 1956. Dir. Aleksandr Alov, Vladimir Naumov (97 min.).

Panakkari (adaptation of “Anna Karenina” by L. Tolstoy). India, 1953, dir. by K.S. Gopalakrishnan (approx. 120 min.).

Prestuplenie i nakazanie [Crime and Punishment]. USSR, 1969, dir. Lev Kulidzhanov (2 parts, 221 min.).

Saawariya (My Love; based on “White Nights” by F. Dostoyevsky). India, 2007, dir. Sanjay Leela Bhansali (138 min.).

The Brothers Karamazov. The Murderer Dmitri Karamazov. USA, 1958, dir. Richard Brooks (145 min.).

The Idiot. Japan, 1951, dir. Akira Kurasava (166 min.).

Voina i mir [War and Peace]. USSR, 1965—1967, dir. Sergei Bondarchuk (4 parts, 403 min.).

War and Peace. France — Germany — Poland — Italy — Russia, 2007, dir. Robert Dornhelm (8 episodes, 408 min.).

War and Peace. Italy — USA, 1956, dir. King Vidor (2 parts, 208 min.).

这里的黎明静悄悄 [The Dawns Here are Quiet]. China — Russia, 2005, dir. Mao Weining (19 episodes, 20 hrs.)

钢铁是怎样炼成的 [How the Steel was Tempered]. China — Ukraine, 1999, dir. Han Gan (20 episodes, 20 hrs. 20 min.).

Article history:

Received: 10 January 2019

Revised: 18 February 2019

Accepted: 05 March 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 января 2019

Дата принятия к печати: 05 марта 2019

Bionote:

OLGA LEONTOVICH is Ph. D. (Advanced Doctorate), Professor and Chair, Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University; Professor of Tianjin Foreign Studies University (Tianjin, China). Author of over 200 publications. Spheres of research interest: communication studies, cultural anthropology, sociolinguistics, intercultural communication.

Contact information: e-mail: olgaleo@list.ru

Сведения об авторе:

ЛЕОНТОВИЧ ОЛЬГА АРКАДЬЕВНА — доктор филологических наук, зав. кафедрой межкультурной коммуникации Волгоградского государственного социально-педагогического университета (ВГСПУ), профессор Тяньцзиньского университета иностранных языков (г. Тяньцзинь, КНР). Автор более 200 публикаций. Основные сферы научных интересов — теория коммуникации, лингвокультурология, социолингвистика.

Контактная информация: e-mail: olgaleo@list.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-415-434

Magic Folk Tales in Intersemiotic Translation

Natalia V. Shchurik, Vera E. Gorshkova

Irkutsk State University
1, Karl Marx Str., Irkutsk, 664003, Russia

Abstract

The present paper examines intersemiotic translation of magic folk tales. Research objective is to show the structural identity of the surface structure which can be described as a sequence of plot elements (“functions”) of fairy-tale characters; in semiotic terms it is explained by the existence of a universal matrix defining the law of genre. The authors go on to the cognitive-culturological aspect of fairy tales in terms of N. Chomsky. This research paper has clearly shown that “functions” of the surface structures correspond to plans, scenarios and frames of the deep structures, which differ in British and Russian magic fairy folk tales (wonder folk tales). Numbers and proper names are the main permanent elements of fairy tale narrative: on the level of the surface structures they connect the universal matrix of a fairy tale discourse organizing space and rhythm and at the level of the deep structures — they help to understand the main features of the national character. The study is based on 13 fairy-tale film corpus, under the common theme “Beauty and the Beast”, film adaptations of the fairy tales “La Belle et la Bête” by J.-M. Leprins de Beaumont (1757) and “The Scarlet Flower” by S.T. Aksakov (1858). Hence, the analysis of the latter based on the works of R. Jakobson and W. Eco and understood by the authors as a kind of intersemiotic translation / interpretation that, on the one hand, proves universality of the proposed algorithm for studying fairy discourse in synchrony and diachrony. On the other hand, it plays the most important role in intersemiotic translation of diachronic aspect because it deals with changing the “integral model of reality”, which is reflected, in particular, in changing the on-screen presentation / interpretation of certain aspects of the fairy-tale narrative. Finally, it is worth pointing out that the conclusions can be used to study plurality of film adaptation as a form of intersemiotic translation.

Keywords: *Magic folk tales, deep and surface structure, film adaptation, intersemiotic translation, interpretation*

For citation:

Shchurik, Natalia V., Gorshkova, Vera E. (2019). Magic Folk Tales in Intersemiotic Translation. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 415—434. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-415-434.

Волшебные сказки в свете интерсемиотического перевода

Н.В. Щурик, В.Е. Горшкова

Иркутский государственный университет
ул. Ленина, Иркутск, 8664025, Россия

Аннотация

Статья посвящена интерсемиотическому переводу волшебных сказок. Цель статьи — показать структурную идентичность поверхностной структуры последних как отражающих последовательность функций сказочных героев, что в семиотическом плане объясняется существованием универ-

сальной матрицы, определяющей закон жанра. Адекватное представление проблемы потребовало обращения к когнитивно-культурологическому аспекту сказок в терминах Н. Хомского, позволяющему выявить соответствие функций поверхностной структуры сказок планам, сценариям и фреймам глубинной структуры, заметно различающимся, например, в британских и русских волшебных народных сказках, что находит свое отражение, в частности, в таких элементах сказочного нарратива, как числа и имена собственные, связывающие универсальную матрицу сказочного дискурса на уровне поверхностных структур, организуя пространство и ритм, а на уровне глубинных структур — помогающие понять основные черты национального характера. Материалом исследования послужили 13 фильмов-сказок, объединенных общей темой «Красавица и Чудовище», представляющих с собой экранизации сказок «La Belle et la Bête» Ж.-М. Лепренс де Бомон (1757 г.) и «Аленький цветочек» С.Т. Аксакова (1858 г.). Анализ означенных экранизаций, рассматриваемых авторами как разновидность интерсемиотического перевода/интерпретации с опорой на труды Р. Якобсона и У. Эко, с одной стороны, подтверждает универсальность предложенного алгоритма изучения сказочного дискурса в синхронии и диахронии, с другой — обозначает первостепенную важность для интерсемиотического перевода диахронического аспекта, влекущего за собой изменение «целостной модели действительности», что находит свое отражение, в частности, в изменении экранного представления/ интерпретации тех или иных аспектов сказочного нарратива. Сделанные выводы могут найти применение для исследования и обоснования множественности экранизаций как разновидностей интерсемиотического перевода.

Ключевые слова: *волшебные сказки, глубинная и поверхностная структура, экранизация, интерсемиотический перевод, интерпретация*

Для цитирования:

Щурик Н.В., Горшкова В.Е. Волшебные сказки в свете интерсемиотического перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 2. С. 415—434. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-415-434.

ВВЕДЕНИЕ

Есть огромный организм под названием Кино.
В нем найдется место для любых историй.

А. Талал (Талал 2018: 392)

С развитием новых технологий уходящая в прошлое эпоха Гутенберга все стремительнее уступает место новым формам художественного представления. Не последнюю роль в этом процессе играет кинематограф, искусство сравнительно молодое, возникшее чуть более ста лет назад, с первых дней своего существования привлекшее внимание исследователей самых различных дисциплин как в плане специфики художественной формы, так и в плане раскрываемых возможностей интерпретации действительности.

Особое место в ряду кинематографических произведений занимают сказки, практически не подвергавшиеся научному анализу несмотря на свою популярность как в детской, так и во взрослой зрительской аудитории.

Кинематографическое представление сказок, их экранизация, может рассматриваться как отдельный тип интерсемиотического перевода в терминах Р. Якобсона, которому мы обязаны подразделению перевода на три типа:

- 1) *внутриязыковой (интралингвистический) перевод или пересказ/переформулирование (rewording)*, то есть передача и/или интерпретация вербальных знаков с помощью других знаков того же языка;
- 2) *межъязыковой перевод или собственно перевод* — интерпретация вербальных знаков посредством знаков другого языка;

3) межсемиотический (интерсемиотический) перевод или трансмутация, при котором вербальные знаки интерпретируются с помощью других знаковых систем, или наоборот (Якобсон 1978).

Расширяя круг рассматриваемых аспектов последнего, некоторые исследователи также относят к интерсемиотическому переводу интерпретацию неязыковых знаков собственно неязыковыми (живопись, скульптура) (интра-семиотический перевод в терминах Л.И. Раздобудько-Чович и Б. Човича) (Чович 2010: 29).

Внимательное ознакомление с концепцией Р. Якобсона позволяет исследователям сделать ряд важных выводов. Во-первых, что «эквивалентность перевода оригиналу не означает тождественности их содержания» (Комиссаров 2001: 223). Во-вторых, как отмечает У. Эко, «Якобсон показывает, что интерпретировать некий семиотический элемент — значит „переводить“ его в некий другой элемент (который, впрочем, может быть дискурсом во всей его полноте), и что благодаря такому переводу элемент, подлежащий интерпретации, творчески обогащается» (*курсив наш* — В.Г., Н.Щ.) (Эко 2006: 274). Обратим внимание на уточнение, приводимое исследователем в скобках. Именно таким элементом «во всей его полноте» и предстает экранное воплощение некоего текста, будь то текст художественный или семиотически осложненный кинотекст (Горшкова 2016, Горшкова, Лиханова 2016, Горшкова 2017). В своем труде под весьма символическим названием «Сказать почти то же самое. Опыты о переводе» У. Эко дает свое толкование термина Р. Якобсона, подчеркивая, что многие трансмутации являются переводами «в том смысле, что они вычлениют только один из уровней текста-источника и тем самым делают ставку на то, что именно этот уровень единственно важен для того, чтобы передать смысл оригинального произведения» (Там же: 401). И далее: «вычленить некие уровни — как раз и значит *навязать собственную интерпретацию текста-источника*» (выделено автором) (Там же: 402).

Приводимые замечания представляются чрезвычайно важными в контексте нашего исследования, целью которого является интерсемиотический перевод/интерпретация экранизаций волшебных сказок, в основе которого лежит сопоставительный анализ последних (см. ниже Раздел 3).

1. ПОВЕРХНОСТНЫЕ И ГЛУБИННЫЕ СТРУКТУРЫ НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

«Как целое понимается из отдельного, но и отдельное может быть понято только из целого, имеет такую важность для данного искусства и столь неоспоримо, что уже первые же операции невозможно проделать без применения его, да и огромное число герменевтических правил в большей или в меньшей степени основывается на нем» (Шлейермахер 2018: 99). В свете означенного герменевтического принципа считаем возможным обращение к инструментарию когнитивной парадигмы в качестве первого шага к комплексному описанию особенностей перевода-интерпретации волшебных сказок*. В русле последней «лежащая в основе

* Собственно лингвистической основой исследования служит авторская модель лингво-семиотического анализа народной волшебной сказки, продолжающей цикл публикаций на данную тему (автореферат дис. кандидата филологических наук: Щурик Н.В. Опыт лингвосемиотического анализа народной волшебной сказки. Иркутск, 2007).

глубинная структура, с ее абстрактной организацией языковых форм, „дана уму“, в то время как сигнал, с его поверхностной структурой, производится или воспринимается телесными органами. А трансформационные операции, связывающие глубинную и поверхностную структуры, являются действительными мыслительными операциями, выполняемыми умом» (Хомский 1972: 29). Данная идея Н. Хомского позволяет нам не только вывести наше исследование в семиотико-когнитивное пространство, но и изменить авторскую формулировку поверхностной и глубинной структур, инвертируя эти понятия (Щурик 2006: 365).

Что касается собственно семиотико-структурного аспекта, поверхностная структура определяет закон жанра и является универсальной матрицей: все волшебные сказки идентичны по своему строению и представляют собой последовательность функций сказочных героев. Аргументом в пользу сказанного может служить факт структурной однотипности фольклорных произведений (в нашем случае волшебных сказок) разных народов. А поскольку все волшебные сказки — это метафорическое повествование о древнем ритуале инициации [Пропп 1998], то функции, выполняемые героями сказки, можно положить в основу матрицы сказочного нарратива.

Исследования В.Я. Проппа заложили основу для дальнейшего изучения сказочного нарратива. Особого внимания заслуживает подход Б. Кербелите, посвященный анализу элементарных сюжетов. Как пишет автор, «в один элементарный сюжет соединяются все события и ситуации, которые связаны с достижением одним героем (герой может быть коллективным, например братья) одной цели, независимо от их места в тексте. Таким образом, элементарный сюжет начинается с возникновения какой-то цели, появления недостачи или несоответствия и кончается достижением этой осознанной героем цели или другого, не предвиденного им результата, существенно меняющего его положение» (Кербелите 1980: 53). Соответственно, элементарные сюжеты определяют основную цель и конечный результат действий конкретного героя в определенной ситуации.

В противовес набору функций В.Я. Проппа Б. Кербелите предлагает пять элементарных сюжетов сказочного нарратива, которые могут как накладываться друг на друга, так и следовать один за другим. Приведем перечень этих сюжетов:

- 1) стремление к свободе от чужих или к господству над ними;
- 2) добывание средств существования или объектов, создающих удобство;
- 3) стремление к равноправному или к высокому положению в семье или обществе;
- 4) поиски невесты или жениха;
- 5) стремление к целостности и полноценности семьи.

Совмещение двух теорий позволяет построить универсальный алгоритм, который переключается с герменевтического подхода к анализу текста и одновременно отражает основные философские положения «полного гегелевского цикла» (Гегель 2006): деление на функции предполагает анализ от общего к частному, выявление общих элементарных сюжетов базируется на изучении сказочного нарратива от частного к общему.

Схематично этот анализ можно представить следующим образом:

[[[ABC↑ — ↓L]]].

Квадратные скобки отображают элементарные сюжеты, которые в свою очередь подразделяются на функции (А, В, С, Л). Данная схема наглядно демонстрирует универсальный характер поверхностной структуры сказочного нарратива и позволяет установить связь между функциями поверхностной структуры и планами глубинной структуры, которые не совпадают, к примеру, в британских и русских волшебных народных сказках.

Что касается глубинной структуры, в рамках когнитивного подхода последняя включает культуруориентированные сценарии, фреймы и составляющие их слоты. Непосредственно от фреймов и сценариев, определяющих действия сказочного героя, зависит достижение цели последнего, что позволяет выделить планы глубинных структур для последующего анализа. Именно в глубинных структурах сказочного дискурса закодированы культурно-специфические различия волшебных сказок, способствующие идентификации индивидуума в плане культурной принадлежности. Наиболее сильное влияние информация глубинных структур оказывает на детей в силу синкретизма их мышления, столь характерного для мышления мифологического. Слушая сказки, дети анализируют содержащуюся в ней информацию в поисках «ключей» к пониманию значения, поскольку «язык стал заключать в себе систему кодов, достаточных для передачи любой информации. Слово объединяет объекты в известные системы, иначе говоря, кодирует наш опыт» (Лурия 1979: 25—31).

В русле наших рассуждений необходимо развести понятия фрейм и сценарий. Д. Тэйлор определяет их в терминах статики и динамики: фреймы представляют собой статичные конфигурации знания, а сценарии — динамичную последовательность событий (Taylor 1995: 87). Другими словами, фрейм и сценарий отличаются по референциальному признаку: фрейм описывает факт, который может быть истолкован как предшествующее знание, а сценарий — событие, представляющее как знание новое.

Всесторонний анализ сказочного нарратива, с одной стороны, и сказочного дискурса, с другой, предполагает обращение к элементарным сюжетам поверхностной структуры, которым соответствуют планы глубинных структур. На уровне поверхностной структуры все волшебные сказки универсальны, сказочные сюжеты развиваются согласно определенной последовательности функций. Различие заключается в культурологическом смысле, который закодирован в глубинных структурах сказочного дискурса.

Фреймовый анализ позволяет не только интерпретировать цели и мотивы сказочных персонажей, но и выявляет основные культурологические маркеры, предопределяющие поведение индивида в культурной среде в дальнейшем.

На основе целей основных действующих лиц определяются мировые линии, которые позволяют проследивать развитие возможных миров сказочных персонажей, поскольку элементарные сюжеты и планы имеют тенденцию перемещения из одного в другой в топологическом пространстве дискурса. В основе взаимодействия сюжетов и планов находится категория сказочного времени, которая позво-

ляет героям, с одной стороны, «необыкновенным» образом перемещаться внутри сказочного дискурса, а, с другой стороны, создает особую ритмическую организацию текста.

Как видим, сказочный нарратив является сложной системой переплетения поверхностных и глубинных структур. Взаимодействие последних непосредственно обусловлено временным фактором. Предлагаемая ниже схема позволяет изучать дискурс народных волшебных сказок одновременно в синхронии и диахронии. Изучение сказочного нарратива в синхронии — это не что иное как анализ последовательности функций, а обращение к диахроническому аспекту предполагает исследование последовательного развития элементарных сюжетов во времени. Элементарные сюжеты поверхностной структуры и составляющие их функции расположены по оси X, а планы, сценарии и фреймы глубинной структуры разворачиваются по оси Y. Означенная трехмерная схема наглядно демонстрирует, как актуализируются, развиваются и взаимодействуют параллельные миры героев.

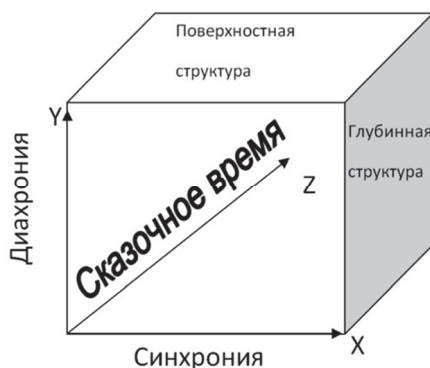

Схема 1. Сказочный нарратив в синхронии и диахронии

Особый интерес представляют функции сказочного нарратива, поскольку эти категории способны к линейному и нелинейному развитию. Образуя матрицу в поверхностной структуре, функция трансформируется на уровне глубинной структуры в сценарии, фреймы и составляющие их слоты. Двойственность функции и ее трансформация в диахронии и синхронии влечет изменение глубинного содержания сказки, которое напрямую зависит от временного фактора, потому что «время, пространство и число являются важнейшими концептами культуры. Это фундаментальные категории философии, естествознания, социологии, физики и других гуманитарных и точных наук» (Маслова 2005: 71). А.Я. Гуревич называет эти категории «сеткой координат», при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании» (Гуревич 1984: 30). Мы рассматриваем их как единственно постоянный элемент системы.

Изучение сказочного дискурса с точки зрения синхронии и диахронии переключается с герменевтическими идеями, предложенными Х.Г. Гадамером. Сравните: «в действительности горизонт настоящего вовлечен в процесс непрерывного формирования, поскольку мы должны подвергать постоянной проверке все наши

предрассудки. К подобной проверке не в последнюю очередь относится встреча с прошлым и понимание того предания, из которого исходим мы сами. Таким образом, горизонт настоящего формируется отнюдь не без участия прошедшего. Не существует никакого горизонта настоящего в себе и для себя, точно так же как не существует исторических горизонтов, которые нужно было бы обретать. Напротив, понимание всегда есть процесс слияния этих якобы для себя сущих горизонтов» (Гадамер 1988: 361).

Итак, изучение народных волшебных сказок в синхронии и диахронии позволяет проследить развитие сказочного сюжета во времени, выделить элементарные сюжеты и планы, найти их точки пересечения в пространственном развитии сказочного дискурса. В свою очередь, это позволяет понять цели и мотивы героев, которые определяют выбор того или иного сценария.

Рассматривая элементарные сюжеты поверхностной структуры и планы глубинной структуры в диахронии, можно проследить как развиваются параллельные миры сказочных героев, а, исследуя те же феномены в синхронии — выделить прецедентные слоты (например, числа и имена) и культурообусловленные сценарии.

2. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛУБИННЫХ СТРУКТУР НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗОК

Поскольку при усвоении сказок происходит «переплетение коллективного, преломляемого через призму индивидуальности, и индивидуального, вкрапленного в коллективное» (Леонтович 2017: 252), рассмотрим основные функциональные элементы сказочного нарратива, выступающие в роли носителей культурно-специфической информации.

Согласно Ю.М. Лотману «наиболее резким проявлением человеческой природы является пользование собственными именами... Я и Другой — две стороны единого акта самосознания» (Лотман 2004: 17).

В народных сказках «имя» является текстообразующим элементом. Это основной носитель информации. Народное творчество обращалось к небольшому количеству имен, но именно они и создают определенный культурный пласт. В современном обществе имя собственное практически сведено к симулякру, «копии копий» (Платон), в сказках же это основной носитель информации. П.А. Флоренский полагает, что «имена можно отчасти сравнить с наследственными родовыми типами в генетике. Их нельзя точно определить, но раз усвоенные мышлением, они становятся незаменимыми; может быть, мы противились их усвоению, но, усвоив, легко убеждаемся, что именно с помощью их можем разбираться в тех сторонах явления, которые и составляют главное в нем, а между тем никаким перечнем признаков не могут быть уловлены и закреплены в мышлении» (Флоренский 2003: 31).

Не менее важным элементом сказочного нарратива и дискурса является числовой код народной волшебной сказки. Число как элемент особого культурного кода связывает поверхностную и глубинную структуры волшебных народных сказок. Оно определенным образом организует сказку на уровне поверхностной структуры, являясь одновременно основным элементом глубинных структур

(этнокультурным маркером). Развитие сказочного сюжета всегда строится по определенным числовым моделям, универсальным матрицам на уровне поверхностной структуры, напоминая своего рода механизм гипноза: начав читать сказку, сложно остановиться, не дойдя до конца.

С другой стороны, на уровне глубинных структур числа активизируют социокультурные коды, приобщая читателя к сложному и противоречивому миру культурных ценностей определенной нации. Играя, сказка обучает, предлагая множество жизненных сценариев. Практически бессознательно читатели приобщаются к культурным архетипам, что позволяет им формировать необходимые культурологические модели поведения, которые являются наиболее релевантными в данном обществе.

Важно различать «число как сущее и как количество» (Плотин 1995: 452). На уровне поверхностной структуры числа связывают универсальную матрицу сказочного дискурса, организуя пространство и ритм. Например, числа три и семь очень часто определяют количество испытаний во время инициации главного героя:

“And the bread said, ‘Little girl, little girl, take us out, take us out. We have been baking seven years, and no one has come to take us out’”, “then she met a cow, and the cow said, ‘Little girl, little girl, milk me, milk me! Seven years have I been waiting, and no one has come to milk me’” (Jacobs 1890).

Даже волшебные помощники, помогая героине спастись от злой ведьмы, проносят число семь, как некое заклинание:

When the witch came up she said:
“Tree of mine, tree of mine,
Have you seen a girl
With a willy-willy wag, and a long-tailed bag,
Who’s stole my money, all I had?”
And the apple-tree said, “No, mother; not for seven year” (Jacobs 1890).

Более того, в этой сказке помощники используют число семь дважды:

When the old witch came up, she looked about and said to the cow:
“Cow of mine, cow of mine,
Have you seen a girl
With a willy-willy wag, and a long-tailed bag,
Who’s stole my money, all I had?”
And the cow said, “No, mother, not for seven year” (Jacobs 1890).

В русском же варианте отсутствует число семь:

— «Девушка, девушка, порви яблок»!
Бабина дочка ответила:
— «Мне некогда», — и побежала дальше.
Навстречу ей овечка:
— «Девушка, девушка, постриги меня»!
— «Мне некогда», — и побежала дальше.
Встретила свинку:
— «Девушка, девушка, потягай щетинки»!
— «Мне некогда», — и побежала дальше.

Встретила коровку:

— «Девушка, девушка, подои меня!»

— «Мне некогда» и побежала дальше (Митропольская 1975: 140).

И.Я. Дедман в своей книге «История арифметики» определяет семерку «как число, граничащее с несчитаемым», именно эта особенность, по его мнению, придавала числу ореол чудесности и являлась причиной возникновения суеверий: «француз дает самую сильную клятву словами: «крепко, как семь». У греков семь чудес мира, семь мудрецов. У реки Нил семь рукавов (на самом деле их гораздо больше). Счастливый чувствует себя на седьмом небе (считает себя «бесконечно» счастливым). Такое же происхождение и тот же смысл имеют русские пословицы и поговорки с числами семь: «У семи нянек дитя без глазу», «Семь раз отмерь, один отрежь», «За семь верст киселя хлебать», «Семеро одного не ждут». Во всех этих поговорках «семь» означает «много», когда-то, вероятно, означало «бесконечно много». Про непонятное мы и теперь говорим, что это книга «за семью печатями», а сказки повествуют о «семимильных сапогах». Знахарки в русских сказках дают больной «7 пакетиков с лечебной травой, которую надо настоять на 7 водах и в течение 7 дней принимать ежедневно по 7 ложек». Очевидно, что здесь вера в чудодейственную силу лечения опирается на многократно повторяемое число семь» (Дедман 1959: 22).

“Now you have seen me, you shall see me no more, unless you are willing to serve seven years and a day for me, so that I may become a man once more”.

“There is a stable seven miles long and seven miles broad, and it has not been cleaned for seven years, and you must clean it tomorrow, or I will have you for my supper”.

“There’s a lake seven miles long, and seven miles deep, and seven miles broad, and you must drain it tomorrow by nightfall, or else I’ll have you for my supper”.

“I’ve a worse job for you tomorrow; there is a tree, seven miles high, and no branch on it, till you get to the top, and there is a nest with seven eggs in it, and you must bring down all the eggs without breaking one, or else I’ll have you for my supper” (Jacobs 1890).

Числа являются важной составляющей культуры, однако одно и то же число в поверхностной и глубинной структуре выполняет различные функции. Числа поверхностных структур организуют сказочный нарратив, в основе которого лежит категория времени. На этом уровне «наше сознание принимает число с тем готовым, но всего лишь воображаемым пространством, в котором каким-то образом размещены единицы числа. Это воображаемое пространство внутри чисел называется пространственностью» (Заренков 2007: 37).

На уровне глубинных структур числа раскрывают своё истинное значение, в терминах А.Ф. Лосева, обретают «эйдетический» смысл. Числа глубинных структур являются культурными маркерами, их можно сравнить с многоуровневыми образованиями, которые аккумулируют в себе основные национальные архетипы. Именно поэтому первое знакомство с волшебными народными сказками — это своего рода знакомство с культурными ценностями определенной нации. Эта идея находит подтверждение в результатах эксперимента, проведенного Э. Линди (Lindy 2006), в котором принимали участие англоязычные дети. После того как детям прочитали шотландскую народную сказку «Bruce and the Spider», их спро-

силы: «Why did watching the spider give Robert the Bruce hope»? Большинство детей отметили, что именно седьмая по счету попытка паука дала надежду королю Шотландии победить короля Англии. Это число было «вычленено» ими из глубинной структуры сказочного дискурса.

В отличие от детей взрослые оставили без внимания столь яркий культурологический маркер, для этой группы участников эксперимента число семь было просто синонимом слову «много». Это в очередной раз доказывает, что дети наиболее восприимчивы к культурным маркерам глубинных структур.

Изучение особенностей волшебных сказок и их перевода с русского на английский и другие языки подтверждает мысль о том, что именно «текст является инструментом в процессе межкультурной коммуникации. При этом тексту перевода приходится «встраиваться» в новую парадигму: он оказывается элементом, принадлежащим одновременно двум системам — исходной культуре и культуре реципиента. Текст не только воздействует на реципиента, но и сам подвергается воздействию иной культуры» (Кондратенко 2011: 123).

Приведенные выше рассуждения вполне релевантны не только в отношении собственно текстов волшебных сказок, но и в отношении экранного воплощения последних. Покажем это на материале экранизаций волшебных сказок, представляющих как специфическая разновидность интерсемиотического перевода (см. Введение).

3. «ВЕЧНЫЙ КРУГОСВЕТ, СКАЗОЧНЫЙ СЮЖЕТ — ЧУДОВИЩЕ И БЕЛЛЬ...»

В силу очевидной необозримости количества волшебных сказок, созданных в отдельных культурах за всю историю человечества, сосредоточим наше внимание на фильмах, сюжетная линия которых в общих чертах воспроизводит волшебные сказки, объединенные единой темой, условно обозначенной «Красавица и чудовище». Отобранный нами корпус (13 кино- и телеверсий) включает художественные и анимационные фильмы, а также фильмы-мюзиклы:

Красавица и чудовище (х/ф, реж. Ж. Кокто, Франция, по мотивам сказки Жанны-Мари Лепренс де Бомон «Красавица и чудовище» (*La Belle et la Bête*, 1757), 1946 год).

Аленький цветочек (мультфильм, реж. Лев Атаманов, СССР, по сказке С.Т. Аксакова «Аленький цветочек» (1858), 1952 г.).

Красавица и чудовище (мелодрама, реж. Филдер Кук, США, 1976 год).

Аленький цветочек (фильм-сказка, реж. И. Паволоцкая, СССР, по мотивам одноименной сказки С. Аксакова, 1977 г.).

Красавица и чудовище (фильм-мюзикл, реж. Ю. Марнер, Израиль/США, 1987 г.).

Красавица и чудовище (телесериал, реж. В. Лобл, Г. Триконис, 1987—1990 гг.).

Красавица и чудовище (мультфильм, реж. Г. Трусдейл, К. Уайз, США, по одноименной сказке Жанны-Мари Лепренс де Бомон, 1991 г., две премии Оскар).

Сказка о купеческой дочери и таинственном цветке (телефильм, реж. В. Грамматиков, по мотивам сказки С.Т. Аксакова «Аленький цветочек», 1991 г.).

Страшно красив (романтическая сказка / молодежное фэнтези, реж. Дэниэл Барнц, экранизация романа Алекс Флинн «Чудовище», США, 2011 г.).

Красавица и чудовище (телесериал, драматический триллер, реж. С. Гиллард, С.А. Эделсон, Р. Бота, Канада, 2012—2016 гг.).

Красавица и чудовище (х/ф, реж. Кристоф Ганс, Франция, по книге Габриэль-Сюзанны Барбо де Вильнев (Gabrielle-Suzanne Barbot de Villeneuve) «Красавица и чудовище» («La Belle et la Bête», 1740), 2014 год).

Он — дракон (романтическая сказка / фэнтези-мелодрама, реж. Индар Дженджу-баев, экранизация романа супругов Т. и С. Дьяченко «Ритуал», Россия, 2015 г.).

Красавица и чудовище (фэнтезийно-музыкальный фильм, ремейк полнометражного анимационного фильма 1991 г., реж. Б. Кондон, США, 2017 г.).

Предварительная классификация приводимых выше фильмов позволяет подразделить последние на три группы. Группа 1 — фильмы-экранизации по мотивам сказки Габриэль-Сюзанны Барбо де Вильнев «Красавица и чудовище» («La Belle et la Bête», 1740 г.), более известной в сокращенном пересказе Жанны-Мари Лепренс де Бомон (1757 г.). Группа 2 — фильмы-экранизации по мотивам сказки С.Т. Аксакова «Аленький цветочек» (1858 г.), записанной писателем со слов его ключницы Пелагеи. Группа 3 — прочие фильмы, навеянные сюжетом «Красавицы и чудовища» и отвечающие запросам современной публики, которую привлекают триллеры и фэнтези. Наш анализ вполне логично будет касаться только двух первых групп фильмов из приведенного выше перечня как позволяющих провести корректное сопоставление экранного представления исходных волшебных сказок в структурном, культурологическом и интерсемиотическом планах.

В качестве основы для наших рассуждений примем понятие интерсемиотического перевода в терминах У. Эко (см. Введение). Аргументация ученого однозначно направлена на понимание трансмутации как интерпретации, где последняя выступает в качестве гиперонима по отношению к собственно трансмутации в терминах Р. Якобсона. Сравните: «Многие из очерков <...> обращают наше внимание на то, сколь многообразными и подчас плодотворными могут быть приключения в области трансмутации, то есть так называемого интерсемиотического перевода. Но мне больше по душе рассматривать их как бесконечные приключения в области интерпретации» (Эко 2006: 413).

В современном переводоведении термин «интерпретация» нередко ассоциируется с положениями интерпретативной теории перевода, лежащей в основе теоретических трудов последователей Парижской школы перевода (ESIT). Логика размышлений У. Эко, а также специфика нашего корпуса примеров позволяют распространить значение этого термина на экранное представление (экранизацию) текстов сказок с учетом возможностей кинематографа, что подтверждается последними изысканиями ученых в приложении к кинопроизведениям (Aumont 2015, 2017; Jullier 2012; Vanoye 2001, 2002). Интерпретация таких произведений с необходимостью требует освещения когнитивного аспекта, включающего как получение собственно информации (знание/содержание), так и когнитивных возможностей интерпретатора (прежде всего зрителя), обусловленных человеческой природой и объектом интерпретации (фильмом), представляющим собой синтез аудио-вербально-визуального. При таком концептуальном подходе на первый план выходит не собственно содержание, но креативные возможности интерпретатора. Полагаем, что весьма значимую роль при интерпретации кинематографического произведения с необходимостью играет нормативный аспект, понимаемый как

«то, что считается общепринятым в данном языковом коллективе и на данном отрезке времени» (Ларина 2015: 159), что позволяет увязать интерпретацию с временем культуры в синхронии и диахронии.

В плане переводческом «художественный текст, трактуемый переводчиком как оригинал, уже является переводом, продуктом интерпретативной деятельности автора», то есть «перевод предстает как интерпретация интерпретированного» (Гарбовский 2008: 34). В случае экранизации литературных произведений в числе первых интерпретаторов «интерпретированного» с необходимостью оказывается режиссер фильма, от точки зрения которого зависит представление литературного произведения в его экранной форме, что объясняет появление все новых экранизаций последнего. По мнению исследователей, «за текстом (*будь то текст литературно-словесный или кинотекст*) всегда стоит целостная модель действительности (континуум), имеющая пространственно-временные характеристики. Этот художественный мир возникает в сознании творца в ходе создания им текста, и он же должен (в идеале) возникнуть в воспринимающем сознании в процессе эстетической коммуникации» (Седов 2016: 316) (*курсив наш — В.Г., Н.Щ.*). Как же обстоит дело в случае экранизации (тем более повторной!), рассматриваемой нами как разновидность интерсемиотического перевода (Горшкова, Лиханова 2016) или интерпретации исходного произведения? И какие культурно-обусловленные смыслы несет означенная интерпретация в зависимости от национальной принадлежности создателей фильма?

Стремление к новому прочтению оригинального текста (в нашем случае повторной экранизации), его повторной интерпретации может быть обусловлено несколькими причинами. Во-первых, стремлением показать другими средствами значимость оригинального текста. Такое стремление, как правило, сопряжено с критической составляющей и обусловлено желанием показать авторское прочтение/интерпретацию последнего. Заметим в этой связи отмеченные в научной литературе случаи обратного процесса, когда переводу на исходный язык подвергается текст на переводящем языке. В числе таковых фигурирует философско-сатирический диалог Дени Дидро «Племянник Рамо», переведенный на французский язык с немецкого перевода Гете, поскольку оригинал произведения был на некоторое время утрачен. Во избежание двусмысленности французский переводовед Ж.-Р. Ладмираль называет такие случаи ретро-переводом (Ladmiral 2017: 21). И наконец, речь может идти о «переведе перевода», то есть об осуществлении перевода оригинального текста с уже существующего на отдельном языке. В терминах Ж.-Р. Ладмирала такой перевод квалифицируется как мета-перевод (Там же).

На наш взгляд, в приложении к кино при экранизации сказки на первый план выходит диахронический аспект, влекущий за собой изменение упомянутой выше «целостной модели действительности». Меняются взгляды, отношения, эволюционирует язык. Меняется и сама кинематографическая реальность: прежние киноверсии устаревают в силу развития новых технологий, в частности, компьютерной графики, открывающей широкие возможности для представления возможных сказочных миров, живущих лишь в воображении их создателей. В подтверждение сказанного достаточно сравнить две французские версии анализируемой

сказки 1946 и 2014 гг., вышедшие на экраны с разницей в неполные 70 лет! Примечательно, что в интерсемиотическом плане вторая версия может рассматриваться практически как ремейк фильма Ж. Кокто (своего рода метаперевод, если опереться на терминологию Ж.-Р. Ладмираля), на что указывает воспроизведение ряда мотивов последнего (руки, держащие канделябры, самостоятельно открывающиеся/закрывающиеся двери, появление/исчезновение роскошных яств на обеденном столе и т.д.). Но насколько более зрелищным, красочным и захватывающим предстает фильм К. Ганса благодаря используемым спецэффектам!

Однако в рамках настоящего исследования гораздо больший интерес представляет сопоставление интерпретации исходного сюжета сказки представителями разных культур, поскольку «для человека, сознание которого сформировано определенной лингвокультурой, ее мировоззренческие смыслы выступают как нечто само собой разумеющееся и обычно не осознаются вербально в качестве глубинных основ его мироощущения. Иная лингвокультура, напротив, отчетливо осознается человеком именно благодаря своей чуждости и настолько глубоко, насколько человек интересуется ее особенностями» (Новикова 2016: 257).

Обратимся к нашему материалу. Анализ фильмов-сказок показывает, что в структурном плане вне зависимости от принадлежности к той или иной культуре все означенные выше фильмы следуют известной схеме путешествия героя, прописанной признанными отечественными и зарубежными гуру сценарного дела Александром Талалом и Кристофером Воглером:

♦ «непростой ценностный выбор между собственным благополучием и судьбами других людей» (Талал 2018: 28);

♦ «[будь то миф, сказка или киносценарий] герой сталкивается с проблемой, с вызовом или чувствует потребность что-то предпринять. Он не может больше пребывать в комфорте своей обыденной жизни» (Воглер 2018: 50).

Соответственно, опираясь на наши рассуждения (Раздел 1), констатируем идентичность поверхностной структурной матрицы версий «Красавицы и чудовища» во всех экранизациях: отец семейства хочет сделать приятное своим дочерям и привести им желанные подарки (см. выше элементарный сюжет «добывание объекта» в терминах Б. Кербелите). Различаются лишь подарочные наборы и имена сестер, особенно это касается младшей дочери, которую в русских версиях зовут Настенька (1952 г.), Алена (1977 г.), Настя (1991 г.) и Белль во всех французских и американских экранизациях.

Полагаем, что заимствование как эквивалент французского антропонима Belle из первой экранизации является отражением интертекстуального характера экранного действия. Означенная интертекстуальность эксплицитно показана в версии 2017 г.: во-первых, действие американского фильма-сказки разворачивается во Франции (благодаря помощи волшебного зеркала Белль переносится в Париж, в каморку, в которой умирала мать, и узнает причину ее смерти), во-вторых, речь героев фильма постоянно пересыпается французскими вкраплениями, практически ставшими интернационализмами (papa, bonjour, pardon, bon voyage, adieu, mademoiselle, romantique, ragoût, soufflé, cabaret).

При достаточной однотипности последовательности элементарных сюжетов анализируемых фильмов-сказок сохраняется и содержание просьбы младшей

дочери: в каждой фильме она просит привезти ей цветок. Но если в русских версиях речь идет о некоем «аленьком цветочке, краше которого нет на белом свете», во французских и американских это конкретный цветок — роза, желание получить которую объясняется разными причинами (мотивами). Так, Белль просит привезти розу, поскольку «здесь их нет» (1946 г.), «такую, какая росла в нашем саду» (1987 г.), потому что у нее «здесь ни одна не привилась» (2014 г.). Белль обожает розы, потому что таковые ей ежегодно привозит с ярмарки отец в память об умершей от чумы матери (2017 г.). И аленький цветочек, и роза становятся символами (средством) связи между зачарованным дворцом (Чудовищем) и родным домом (отцом), что не только позволяет героине волшебным образом перемещаться внутри сказочного нарратива, но и подтверждает ее стремление к целостности и полноценности семьи.

Как отмечают исследователи, «сказочные сюжеты и образы, несмотря на их фантастичность, достаточно легко отождествляются с реальными жизненными ситуациями и учат осознавать главнейшие истины человеческой жизни. В этом еще одна особенность сказки, относящаяся к универсалиям и придающая ей особую ценность» (Костикова 2015: 104).

Сопоставление экранных версий «Красавицы и Чудовища» на уровне поверхностной структуры демонстрирует универсальность характера младшей из дочерей, отличающейся мягкостью, покладистостью, беззаветной до самоотверженности любовью к отцу, заменившему сестрам мать. Белль не может смириться с жестоким наказанием отца за доставленную ей радость и без раздумий бросается в неизвестное, чтобы спасти ему жизнь. Особенно остро ситуацию с наказанием отца за сорванный цветок переживает Белль из фильма 2014 г.: «Матушка умерла, рожая меня...». А в фильме 2017 г. Белль буквально выталкивает отца из дворца, чтобы занять его место и тем самым спасти последнего, поскольку «когда дверь закроется, никто уже не войдет». Не менее глубока здесь и любовь отца: «Я не сбегу твою маму и тебя я потерять не могу».

Что касается старших сестер, в русских версиях последние либо просто завистливы (1952 г.), либо переводят часы, чтобы отсрочить момент возвращения младшей сестры к Чудовищу, не понимая опасных последствий происходящего в силу своего юного возраста (1991 г.).

Достаточно легкомысленными предстают и многочисленные сестры и братья (их всего шестеро) во французском фильме 2014 г., обеспокоенные лишь тем, что из-за потери трех кораблей и гибели экипажей и товара их семья не сможет жить по-прежнему. В контексте сказанного выше любопытно, что во французской версии 1946 г. на первый план также выходит вопрос собственной безопасности и благополучия старших сестер, привыкших к спокойной и обеспеченной жизни в свое удовольствие. Так, они не хотят отпускать отца к Чудовищу из страха, что он не вернется, объясняя это следующим: «Отец, ты умрешь, а как мы выживем?».

На уровне глубинной структуры любопытна эволюция Чудовища. В принципе, страшное заклятие злой волшебницы, превратившей его в зверя, может быть снято лишь при одном условии — найти девушку, способную его полюбить. Означенная цель преследуется героем фильма с большей или меньшей эксплицитностью. Наиболее последовательным (и оттого наиболее жестоким!) предстает

Чудовище в фильме Ж. Кокто (1946 г.). Сравните навязчивое: «Каждый вечер я буду задавать тебе один и тот же вопрос, станешь ли ты моей женой», на что следует неизменный ответ Белль: «Уходите, я не продаюсь!». Практически во всех версиях подчеркивается «звериная» природа Чудовища, запрещающего смотреть ему в глаза, но при этом оно само признается: «Спасти меня может только любящий взгляд» (1946 г.). Чудовище из версии 2014 г. также требует от Белль опускать глаза в его присутствии и не выходить из замка после захода солнца. В версии 1991 г. оно предупреждает: «Тот, кто увидит меня, ослепнет от ужаса!».

Совсем другим предстает Чудовище в фильме Б. Кондона (2017 г.), отличающегося целой россыпью режиссерских находок и, в первую очередь, ожившими предметами (канделябр, часы, гардероб, чайник, чашка), в которых волшебница превратила представителей двора надменного и себялюбивого принца и которые становятся полноправными участниками экранного действия, что значительно способствует раскрытию «волшебной составляющей» фильма-сказки. Чудовище Б. Кондона не стремится влюбить в себя Белль, напротив, всячески старается избавиться ее от своего присутствия, несмотря на настоятельные советы придворных, очарованных девушкой. Сближение наших героев происходит на почве любви к литературе. Будучи дочерью изобретателя-отца, в этой версии Белль отличается недюжинными креативными способностями (достаточно вспомнить сконструированную ею стиральную машину, приводимую в действие осликом, который ходит по кругу вокруг бассейна!) и большой любовью к чтению. У Чудовища (зачарованного Принца) прекрасная библиотека, все книги которой он прочел. Наши герои проводят много времени за обсуждением последних.

В интерсемиотическом плане сближение героев отображается увеличением освещения: с каждой встречей темный и мрачный замок становится все светлее, начинают проглядывать лучи солнца, все ярче сияют глаза Принца, а на «лице» уменьшается количество растительности, сближавшей его облик с животным. По характеру он также намного мягче своих экранных предшественников и по мере возможности избегает насилия. Свидетельством этого является тот факт, что в отличие от всех других, Чудовище Б. Кондона отпускает Белль к отцу без всяких условий и практически без надежды снова стать человеком.

Примечательно, что в представлении королевского двора в фильме-сказке Б. Кондона находит отражение современная действительность: во-первых, несмотря на однотипные напудренные парики, среди придворных мы видим лиц всех национальностей и цветов кожи; во-вторых, один из героев отличается выраженной нетрадиционной ориентацией, что, впрочем, послужило основанием для полемики по поводу возможности/невозможности выпуска фильма на широкий экран и причиной присвоения последнему пометы «16+». Вышесказанное с очевидностью показывает определяющее влияние времени культуры на экранизацию волшебных сказок, выступающую как разновидность интерсемиотического перевода.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Интерсемиотический перевод (трансмутация, интерпретация), концептуально восходящий к трудам Р. Якобсона и У. Эко, нечасто попадает в поле зрения исследователей в силу выраженного междисциплинарного характера. Вне зависи-

мости от своей номинации означенный вид перевода заключается в интерпретации вербальных знаков знаками других семиотических систем. В качестве таковой в рамках данной статьи проанализирована экранизация волшебных сказок с опорой на конкретный алгоритм изучения сказочного нарратива, который позволяет совмещение лингвoseмиотического и когнитивного анализа последнего в синхронии и диахронии. Показано, что в рамках семиотической системы сказочный нарратив отображается элементарными сюжетами поверхностной структуры, полностью совпадающими с планами глубинной структуры. Постулируется необходимость изучения планов последней с помощью фреймового анализа.

Проведенное исследование доказывает продуктивность предлагаемого алгоритма для исследования множественных экранизаций конкретных произведений, представляющих собой разновидность интерсемиотического перевода, понимаемого авторами как интерпретация, выводящая на первый план диахронический аспект в силу определяющего влияния времени культуры, что влечет за собой изменение «целостной модели действительности» в лингво-семио-культурологическом и собственно переводческом планах.

© Н.В. Щурик, В.Е. Горшкова, 2019

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аникин В.П. Былины. Русские народные сказки. Древнерусские повести. М.: Детская литература. [Anikin, V.P. (1989). *Byliny. Russkie narodnye skazki. Drevnerusskie povesti*. Moscow: Detskaya literatura. (In Russ.).]
- Воглер К. Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. [Vogler, K. (2018). *Puteshestvie pisatelja. Mifologicheskie strukturi v literature i kino*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.).]
- Гадамер Х.Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем.; общ. ред. и вступ. ст. Б.Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. [Gadamer, H.G. (1988). *Istina i metod: Osnovy filosofskoy germenevtiki*. Moscow: Progress. (In Russ.).]
- Гарбовский Н. К. Отражение как свойство перевода. *Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода*. 2008. № 4. С. 26—36. [Garbovskiy, N.K. (2008). *Otrazhenie kak svoistvo perevoda. Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda*. № 4. 26—36. (In Russ.).]
- Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. М.: Наука, 2006. [Hegel, G.W.F. (2006). *The Phenomenology of Spirit*. Moscow: Nauka. (In Russ.).]
- Горшкова В.Е. Художественный кинодиалог vs документальный: жанровая специфика перевода. *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 3. С. 243—259. [Gorshkova V.E. (2016) *Khudozhestvennyi kinodialog vs dokumentalnij: zhanrovaya spetsifika perevoda. Russian Journal of Linguistics*. Т. 20. № 3. 243—259. (In Russ.).]
- Горшкова В.Е., Лиханова В.В. Перевод семиотически осложненного текста: «Цветы для Элд-жернона» Дэниела Киза в романе и на экране. *Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода*. 2016. № 4. С. 67—80. [Gorshkova, V.E., Likhanova, V.V. (2016). *Perevod semioticheski oslozhnennogo teksta: "Tzvety dlia Eldzhernona" Deniela Kiza v romane i na ekrane. Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda*. № 4. 67—80. (In Russ.).]
- Горшкова В.Е. Седьмая международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода. Мировое кино: вчера, сегодня, завтра...», Афины, Греция, 28 апреля — 3 мая 2017 г. *Вестник РУДН. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. No 4. С. 941—946.

- [Gorshkova, V. E. (2017) Sedmaya mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsia *Yazik i kultura v zerkale perevoda. Mirovoye kino: vchera, segodnya, zavtra...*, Afiny, Gretsia, 28 april — 3 may 2017. *Russian Journal of Linguistics*. № 4. 941—946. (In Russ.).]
- Гуревич А.А. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. [Gurevich, A.Ya. (1984). *Kategorii srednevekovoy kultury*. Moscow: Iskusstvo. (In Russ.).]
- Депман И.Я. *История арифметики*. М.: Изд-во Мин-ва просв. РСФСР, 1959. [Depman, I.Ya. (1959) *Istoriya arifmetiki*. Moscow. (In Russ.).]
- Заренков Н.А. *Слово, число и семиотическая теория жизни*. М.: КомКнига, 2007. [Zarenkov, N.A. (2007). *Slovo, chislo i semioticheskaya teoriya zhizni*. Moscow: KomKniga. (In Russ.).]
- Кербелите Б. Методика описания структур и смысла сказок // Типология и взаимосвязи фольклора народов СССР: Поэтика и стилистика. М.: Наука, 1980. 48—100. [Kerbelite, B. (1980). *Metodika opisaniya struktur i smysla skazok. Tipologiya i vzimosvyazi fol'klora narodov SSSR: Poetika i stilistika*. Moscow: Nauka. (In Russ.).]
- Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. М.: ЭТС, 2001. [Komissarov, V.N. (2001). *Sovremennoe perevodovedenie*. Moscow: ETS. (In Russ.).]
- Кондратенко Т.Л. Переводческий аспект английской сказки: проблемы сохранения и передачи национальной самобытности // Язык. Культура. Общение: Международная научно-практическая конференция «Международный фестиваль языков», Минск, 16 апреля 2011 г. Минск: Изд. центр БГУ, 2011. С. 121—124. [Kondratenko, T.L. (2011). *Perevodcheskiy aspekt anglijskoj skazki: problemy sohraneniya i peredachi nacional'noy samobytnosti. Yazyk. Kul'tura. Obshchenie: Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Mezhdunarodnyj festival' yazykov», Minsk, April, 2011*. Minsk. (In Russ.).]
- Костикова О.Ю. Истинностные и ценностные аспекты перевода сказки // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2015. № 2. С. 100—113. [Kostikova, O.I. (2015). *Istinnostnye i tsennostnye aspekty perevoda skaski. Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teoriya perevoda*. № 2. 100—113. (In Russ.).]
- Ларина Т.В. Прагматика эмоций в межкультурном контексте // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2015. № 1. С. 144—163. [Larina T.V. (2015). *Pragmatika emotsiy v mejkulturnom kontekste. Russian Journal of Linguistics*. № 1. 144—163. (In Russ.).]
- Леонтович О.А. «Зеркало, в котором каждый показывает свой лик»: дискурсивное конструирование идентичностей // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 2. С. 247—259. [Leontovich, Olga A. (2017). “A Mirror in Which Everyone Displays their Image”: Identity Construction in Discourse. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (2), 247—259].
- Лотман Ю.М. Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПб, 2004. [Lotman, Yu.M. (2004). *Semiosfera: Kul'tura i vzryv. Vnutri myslyashchih mirov. Stat'i. Issledovaniya. Zametki*. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.).]
- Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979. [Luriya, A.R. (1979). *Yazyk i soznanie*. Moscow: MGU Publ. (In Russ.).]
- Маслова В.А. Когнитивная лингвистика. Минск: ТетраСистемс, 2005. [Maslova, V.A. (2005). *Kognitivnaya lingvistika*. Minsk: TetraSistems. (In Russ.).]
- Митропольская Н.К. Русский фольклор в Литве. Исследования и публикация. Вильнюс: отд. «Сказки», 1975. [Mitropol'skaya, N.K. (1975). *Russkiy fol'klor v Litve. Issledovaniya i publikaciya*. Vilnius. (In Russ.).]
- Новикова Т.Б. Социокультурная и лингвокультурная компетенция переводчика: развитие и совершенствование // Переводчик XXI века — агент дискурса / Под науч. ред. В.А. Ми-

тягиной, А.А. Гуреевой. М.: ФЛИНТА: Наука. С. 255—260. [Novikova, T.V. (2016). *Soziokulturnaya i lingvokulturnaya kompetenziya perevodchika: razvitie i sovershenstvovanie. Perevodchik XXI veka — agent diskursa / Pod nauch. red. V.A. Mitjaginoi*. Moscow: FLINTA: Nauka. 255—260. (In Russ.).]

Плотин. Сочинения. СПб.: Алтейя, 1995. [Plotin. (1995). *Sochineniya*. St. Petersburg: Alteya. (In Russ.).]

Пропп В.Я. Морфология волшебной сказки // Собрание трудов: Морфология волшебной сказки. Исторические корни волшебной сказки. М.: Лабиринт, 1998. С. 1—111. [Propp, V.YA. (1998). *Morfologiya volshebnoy skazki. Sbranie trudov: Morfologiya volshebnoy skazki. Istoricheskie korni volshebnoy skazki*. Moscow: Labirint. 1—111. (In Russ.).]

Риордан Д. Народные сказки Британских островов; на английском языке. М.: Радуга, 1987. [Riordan, D. (1987). *Narodnye skazki Britanskikh ostrovov; na angliyskom yazyke*. Moscow: Raduga. (In Engl.).]

Седов К.Ф. Общая и антропоцентрическая лингвистика. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016. [Sedov, K.F. (2016). *Obshchaya i antropozentricheskaya lingvistika*. Moscow. (In Russ.).]

Талал А. Миф и жизнь в кино. Смыслы и инструменты драматургического языка. М.: Альпина нон-фикшн, 2018. [Talal, A. (2018). *Mif i zhizn' v kino. Smysly i instrumenti dramaturgicheskogo yazyka*. Moscow: Alpina non-fiction. (In Russ.).]

Флоренский П.А. Имена. М.: АСТ, 2003. [Florenskii, P.A. (2003). *Imena*. Moscow: AST. (In Russ.).]

Хомский Н. Язык и мышление. М.: МГУ, 1972. [Chomsky, N. (1972). *Language and mind*. Moskow: MGU. (In Russ.).]

Раздобудько-Чович, Л.И., Чович Б. Об интерязыковом и интерсемиотическом переводах как предпосылках для интермедиальных реализаций пьесы: от объекта словесно-эстетического к сценическому и к кинематографическому искусствам (на материале пьесы «Дядя Ваня» А.П. Чехова и ее перевода на сербский язык) // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 22. Теория перевода*. 2010. № 3. С. 27—40. [Razdobudko-Chovich, L.I., Chovich, B. (2010). *Ob inter"yazykovom i intersemioticheskom perevodakh kak predposylkakh dlya intermedial'nykh realizatsii p'esy: ot ob"ekta slovesno-esteticheskogo k stenicheskomu i k kinematograficheskomu iskusstvam (na materiale p'esy «Dyadya Vanya» A.P. Chekhova i ee perevoda na serbskii yazyk)*. *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 22. Teorija perevoda*. № 3. 27—40. (In Russ.).]

Шлейермахер Ф. Академические речи 1829 года. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/shleyermaher-fde/akademicheskie-rechi-1829-goda> (дата обращения: 20.08.2018).

Щурик Н.В. Эволюция лингвистических взглядов на дискурс народной волшебной сказки // *Вестник сибирского государственного аэрокосмического университета им. академика М.Ф. Решетнева*. 2006. № 6 (13). 363—366. [Shchurik, N.V. (2006). *Evoluciya lingvisticheskikh vzglyadov na diskurs narodnoy volshebnoy skazki*. *Vestnik sibirskogo gosudarstvennogo aehrokosmicheskogo universiteta im. akademika M.F. Reshetneva*. № 6 (13). 363—366. (In Russ.).]

Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб.: Symposium, 2006 [Eco, U. (2006). *Skazat' rochti to zhe samoie. Opiti o perevode*. SPb.: Symposium. (In Russ.).]

Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. М.: Международные отношения, 1978. С. 16—24. [Jakobson R. (1978). *O lingvisticheskikh aspektakh perevoda. Voprosi teorii perevoda v zarubejnoi lingvistike*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 16—24. (In Russ.).]

Aumont, Jacques. (2015). *L'analyse des films*. 3-e édition entièrement refondue. Paris: Armand Colin.

Aumont, Jacques. (2017). *L'interprétation des films*. Paris: Armand Colin.

- Cassin, Barbara. (2016). *Eloge de la traduction. Compliquer l'universel*. Paris: Fayard.
- Jacobs, Joseph. (1890) [Электронный ресурс] Celtic fairy tales. English fairy tales. More English fairy tales. URL: <http://www.sacred-texts.com/neu/eng/meft/index.htm> (дата обращения: 12.08.2018).
- Jullier, Laurent. (2012). *Analyser un film. De l'émotion à l'interprétation*. Paris: Flammarion.
- Ladmiral, Jean-René. (2017). La retraduction comme revendication de contextes intertextuels. Traductions et contextes, contextes et traduction / Sous la direction de Michaël Grégoire et Bénédicte Mathios. Paris : L'Harmattan. 19—31.
- Lindy, Elaine L. (2006) [Электронный ресурс] Whootie Owl's Stories to Grow By. URL: <http://www.storiestogrowby.com>. (дата обращения: 12.08.2018).
- Shchurik, Natalia V. (2017). The Translation of Proper Names in Folklore. *Journal of Siberian Federal University. Humanities and Social Sciences*, 10 (4), 591—597.
- Taylor, John R. (1995) *Linguistic Categorization. Prototypes in Linguistic Theory*. Oxford: Clarendon Press.
- Vanoye, François, Goliot-Lété, Anne. (2001). *Précis d'analyse filmique*. Paris: Nathan.
- Vanoye, François. (2002). *Récit écrit, récit filmique*. Paris: Nathan.

БЛАГОДАРНОСТИ

Авторы выражают признательность анонимным рецензентам и редакторам выпуска за внимательное прочтение и ценные комментарии к данной статье.

Article history:

Received: 18 December 2018

Revised: 08 February 2019

Accepted: 15 March 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 декабря 2018

Дата принятия к печати: 15 марта 2019

Сведения об авторах:

ВЕРА ЕВГЕНЬЕВНА ГОРШКОВА — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры перевода и переводоведения факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета, руководитель программы магистерской подготовки «Теория и практика письменного и основы устного перевода», член Союза переводчиков России. *Сфера научных интересов*: теория и практика перевода, аудиовизуальный перевод, профессионально-ориентированный перевод, дидактика перевода, межкультурная коммуникация, французский язык.

Контактная информация: e-mail: gorchkova_v@mail.ru, prof.gorchkova@yahoo.fr

НАТАЛЬЯ ВИКТОРОВНА ЩУРИК — кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой перевода и переводоведения факультета иностранных языков Института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета. *Сфера научных интересов*: теория и практика перевода; манипуляция в переводе, экология перевода, дидактика перевода, межкультурная коммуникация.

Контактная информация: e-mail: amistad@yandex.ru

Bionotes:

VERA E. GORSHKOVA is Doctor of Philology, Professor at the Department of Translation and Translation Studies, Irkutsk State University, Course Director of the Master Program “Theory and Practice of Translation and Basic Principles of Interpretation”, Member of the Union of Translators of Russia. *Research Interests:* Theory and Practice of Translation, Audiovisual Translation, Profession-Oriented Translation, Didactics of Translation, Intercultural Communication, French.

Contact Information: e-mail: gorchkova_v@mail.ru, prof.gorchkova@yahoo.fr

NATALIA V. SHCHURIK is Ph.D., Associate Professor, the Head of the Translation and Translation Studies Department, Irkutsk State University. *Research Interests:* Theory and Practice of Translation, Manipulation in Translation, Ideology and Translation, Profession-Oriented Translation, Didactics of Translation, Intercultural Communication.

Contact Information: e-mail: amistad@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459

Linguocultural Localization of Movie Titles

Vladislav E. Anissimov¹, Anna S. Borissova¹, Grigoriy R. Konson²

¹RUDN University

6, Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russia

²Russian State Social University

4/8, ul. Vilgelma Pika, Moscow, 129226, Russia

Abstract

Due to intensive growth of film production and the expansion of the “market of film consumption”, the need for high-quality translation of feature films into different languages is becoming more and more pressing. While a foreign language film is localized, text elements are not only translated, but also adapted to the culture of the target audience, i.e. we are witnessing transition from one language and cultural code to another. Taking into account their structural, semantic, and functional pragmatic features, film titles are vivid representative materials for the study of modern translation practices in the light of the cultural transference concept (Bassnett 2005, Bastin 1990, Cranmer 2015, Jurt 2007, Katan 1999, Leinen 2007, Thill 2007, Schreiber 1998, Slyshkin, Efremova 2004, Obolenskaya 2013, Snetkova 2009, Fedorova 2009). The purpose of the article is to identify the strategies of linguocultural localization of French film names for the modern Russian-speaking audience, as well as to determine the degree of its adequacy. Regardless of the choice of the translation strategy, the title should correspond to the plot, thematic focus and ideological and figurative content of the film, while remaining interesting and attractive to the audience. We analysed of eighty-seven French feature films of various genre affiliations (detectives, action films, dramas, melodramas, comedies, thrillers and fantasy), released in Russian from 2000 to 2018, and their translation equivalents. We used the methods of semantic, pragmatic, contextual and linguocultural analysis to identify a set of problems arising in the process of localization of film titles and to offer recommendations for their translation into Russian, considering the communicative specifics of the modern film discourse and the ethnic and cultural characteristics of the target audience.

Keywords: *film titles, translation, localization, cultural transfer, translation strategy*

For citation:

Anissimov, Vladislav E., Borissova, Anna S., Konson, Grigoriy R. (2019). Linguocultural Localization of Movie Titles. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 435—459. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459.

Лингвокультурная локализация кинозаголовков

В.Е. Анисимов, А.С. Борисова, Г.Р. Консон

Российский университет дружбы народов

ул. Миклухо-Маклая, д. 6, Москва, 117198, Россия

Российский государственный социальный университет

ул. Вильгельма Пика, д. 4 ст. 8, Москва, 129226, Россия

Аннотация

В связи с интенсивным ростом кинопроизводства и расширением «рынка кинопотребления» возрастает необходимость в качественном переводе текстов художественных фильмов на разные языки. В процессе локализации иноязычной киноленты осуществляется не только перевод ее

текстовых элементов, но и адаптация к культуре целевой аудитории, т.е. происходит переход от одного языкового и культурного кода к другому. Кинозаголовки с учетом их структурно-семантических и функционально-прагматических особенностей представляют собой яркий репрезентативный материал для исследования современных переводческих практик в свете концепции культурного переноса (Bassnett 2005, Bastin 1990, Cranmer 2015, Jurt 2007, Katan 1999, Leinen 2007, Thill 2007, Schreiber 1998, Слышкин, Ефремова, 2004, Оболенская 2013, Снеткова 2009, Федорова 2009). Цель статьи заключается в выявлении стратегий лингвокультурной локализации французских фильмонимов для современной русскоязычной аудитории, а также определении степени ее адекватности в каждом конкретном случае. Независимо от выбора переводческой стратегии название должно соответствовать сюжету, тематической направленности и идейно-образному содержанию фильма, при этом оставаясь интересным и привлекательным для массового зрителя. Материалом послужили названия 87 французских художественных фильмов различной жанровой принадлежности (детективы, боевики, драмы, мелодрамы, комедии, триллеры, фантастика), вышедшие в российский прокат с 2000 по 2018 годы, и их переводные эквиваленты. В работе использовались методы семантического, прагматического, контекстуального и лингвокультурологического анализа. Данные методы позволили обозначить комплекс проблем, возникающих в процессе лингвокультурной локализации кинозаголовков, и предложить рекомендации по их переводу на русский язык с учетом коммуникативной специфики современного кинодискурса и этнокультурных особенностей целевой аудитории.

Ключевые слова: *фильмонимы, перевод, локализация, культурный перенос, переводческая стратегия*

Для цитирования:

Анисимов В.Е., Борисова А.С., Консон Г.Р. Лингвокультурная локализация кинозаголовков // *Вестник Российского университета дружбы народов*. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 2. С. 435—459. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-435-459.

1. ВВЕДЕНИЕ

В последние десятилетия наблюдается увеличение экспорта фильмов за пределы страны-производителя. С начала 2000-х годов французские компании активно инвестируют средства в маркетинг и дистрибуцию национальных фильмов на большом количестве зарубежных рынков, в том числе и российском. По данным информационного портала «CINEMOTION», Россия является для Франции 4-м по величине рынком по «бокс-офису» и 5-м по количеству зрителей, приходящих в кинотеатры на просмотр французских кинокартин¹. В 2018 году в российский прокат вышла 171 кинолента либо исключительно французского производства, либо в копродукции с другими странами². Необходимость осуществлять продвижение кинопродукции в новой лингвокультурной среде обуславливает потребность в ее качественном переводе на разные языки.

Знакомство с фильмом, в независимости от его жанрово-тематической направленности и формата (массовое / независимое авторское кино), начинается с его названия, определяемого некоторыми отечественными лингвистами как фильмоним (Александрова 2016, 2017, Кныш 1998, 1992, Лукин 1999, Милевич 2007, 2012, Подымова 2006). Перевод фильмонимов приобретает особое значение, т.к.

¹ Бокс-офис — термин, обозначающий выручку от продажи билетов, используемый в кинотеатральном прокате.

² <http://www.cinemotionlab.com>.

именно они являются отправной точкой репрезентации киноленты, определяют тот эффект, который она даст в прокате, и сохраняют впечатление о ней в памяти зрителя. «Название — это не просто 20—30 знаков с пробелами... это еще и лицо, имя фильма...» (Бузаджи 2005:64). Неадекватный перевод кинозаголовка может ввести реципиента в заблуждение и негативно повлиять на восприятие всего произведения в целом. Кроме того, переводчику следует помнить о том, что в случае успешности кинокартины в прокате, название под которым она фигурировала войдет в национальную, а может и мировую культуру. Оно может стать источником различных «текстовых реминисценций (упоминаний, цитат, аллюзий), существующих в сознании носителя языка и реализующихся в повседневной коммуникации» (Слышкин, Ефремова 2004:8).

При локализации иноязычных фильмонимов осуществляется не только перевод исходных текстовых элементов, но и адаптация к культуре целевой аудитории, т.е. переход от одного языкового и культурного кода к другому. Сложность перевода кинозаголовков также обусловлена пересечением художественного и коммерческого дискурсов. Перед переводчиком стоит трудный выбор между верностью оригиналу, раскрывающему содержание киноленты, ее жанр, авторский замысел, и ориентацией на рекламные/коммерческие цели. Как отмечает К. Норд, настаивать на исключительной «верности» (*“faithful” translation*) оригинальному названию малоэффективно. В киноиндустрии против буквального перевода существует множество аргументов, и не только лингвистических (Норд 2019). В этой связи справедливо высказывание Р. Клер о том, что «...между мозгом, который задумывает фильм, и экраном, который дает отражение, лежит целая промышленная организация и ее финансовые нужды» (Клер 1981:151). Также необходимо подчеркнуть, что лингвокультурная локализация кинозаголовков — это коллективное творчество. В этом процессе, с разной степенью влияния на результат, могут принимать участие сразу несколько переводчиков, дистрибьютерские компании и рекламные агентства. Решающее слово, как правило, остается за последними.

Цель статьи заключается в выявлении стратегий перевода названий французских художественных фильмов на русский язык в свете концепции культурного переноса. Независимо от выбора переводческой стратегии название должно соответствовать сюжету, тематической направленности и идейно-образному содержанию фильма, при этом оставаясь лаконичным, звучным, эмоциональным, запоминающимся и привлекательным для массового зрителя. Корпус исследования составили 87 названий французских разножанровых кинокартин, вышедших в российский прокат в 2000—2018 гг. Фильмонимы анализировались с точки зрения степени соответствия оригинальному названию и степени адекватности лингвокультурной адаптации³. Авторам статьи удалось очертить круг проблем, возникающих в процессе локализации франкоязычных кинозаголовков, и пред-

³ При анализе степени адекватности перевода названий французских художественных фильмов проводился опрос респондентов. Результаты анкетирования представлены в разделе 5 данной статьи.

ложить рекомендации по переводу на русский язык с учетом их лингвистических и функциональных особенностей, а также этнокультурной специфики целевой аудитории.

2. КИНОПЕРЕВОД: КОНЦЕПЦИЯ КУЛЬТУРНОГО ПЕРЕНОСА

Кино является важной частью социального бытия современного человека, одним из основных средств его приобщения к событиям окружающей действительности, «зеркалом культуры» и посредником в ее формировании. Кинофильмы функционируют в пространстве и времени, создают уникальную художественную модель жизни во всем многообразии ее проявлений и, наряду с художественной литературой, публицистикой, непосредственным общением с носителями языка являются источником языковедческой и культуроведческой информации. Как отмечают исследователи, кинотекст, в отличие от любого другого вербального произведения, характеризуется большей степенью «вовлеченности в процесс межкультурной коммуникации» (Слышкин, Ефремова 2004: 8).

В последние десятилетия наблюдается значительное повышение научного интереса к кино, не только как к особому виду аудиовизуального искусства, но и в лингвистическом и переводоведческом ракурсе. Отечественные и зарубежные исследования, отражающие непосредственно специфику киноперевода, затрагивают весьма обширный спектр вопросов, в числе которых: трудности межсемiotического характера, с которыми неизбежно сталкивается переводчик в процессе работы с кинотекстом; философско-герменевтические аспекты смысловой предельности в переводе; культурологические аспекты киноперевода, обуславливающие выбор форм, стратегий и приемов для адекватной адаптации кинопроизведения в принимающей культуре (Анисимова 2003, Бузаджи 2005, 2006, 2008, Бусел 2017, Гарбовский 2004, Горшкова 2006, 2014, 2016, Зарецкая 2012, Коркмаз Казым Аныл 2017, Назмутдинова 2014, Новикова 2017, Оболенская 1998, 2006, Слышкин, Ефремова, 2004, Сдобников 2006, Снеткова 2009, Федорова 2009; Ballard 2005, Voillat, Cordonier 2013, Catteau 2011, Gambier 2002, Jullier 2012, Valentini 2011).

В данной статье перевод иноязычного кинотекста в целом и кинозаголовков в частности рассматривается как культурно-обусловленный процесс. В этой связи особый интерес вызывает концепция культурного переноса “*Les transferts culturels*”, разработанная в конце 80-х годов прошлого столетия французскими филологами-германистами М. Espagne и М. Werner. Ученые занимались изучением межкультурного взаимодействия “...comme un objet historique, qui s’est concrétise dans des textes, des documents, puis dans un discours idéologique collectif à ce que nous appelons la construction d’une référence...” (Espagne, Werner 1987: 969)⁴.

На сегодняшний момент культурный перенос различных художественных произведений посредством перевода — это одно из наиболее актуальных иссле-

⁴ «...как исторических объектов, конкретизирующихся в текстах, документах, а впоследствии в коллективном идеологическом дискурсе, т.е. в процессе построения референции...» (Здесь и далее перевод авторов статьи).

довательских направлений. По мнению французских лингвистов, культурный перенос сам по себе является переводом, так как предполагает переключение кодов, т.е. переход текста от одного языка-культуры к другому (Jurt 2007, Thill 2007). Главная задача заключается в исследовании восприятия произведений искусства в принимающей среде. Киноперевод ориентирован «на оказание художественно-эстетического воздействия и достижения коммуникативно-прагматического эффекта» и может рассматриваться как разновидность художественного перевода (Горшкова 2007: 22). Его цель заключается в создании адекватной «...межъязыковой эстетической коммуникации путем интерпретации исходного текста, реализованной в новом тексте на другом языке» (Оболенская 2009: 108).

Для осмысления роли концепции культурного переноса при переводе кинотекста также важно обратить внимание на “Kombination kultureller Faktoren” (совокупность культурных факторов), которые создают особые трудности для переводчиков (Schreiber 1998: 151). В данном случае речь идет о микро- и макро-структурных единицах текста, подвергающихся культурным изменениям.

Кинотекст представляет собой сложное поликодовое образование, которое воспринимается только в единстве своего вербального, визуального и звукового воплощения. В то же время все его три составляющие содержат имплицитную информацию, обусловленную как самим национальным языком и культурой, так и намерениями автора, который осознанно ссылается в тексте на значимые для конкретного зрителя «языковые, литературные и социально-исторические факты» (Снеткова 2009: 12). Таким образом, в качестве макроструктурных компонентов кинотекста выступают его функционально-прагматические характеристики, а также экстралингвистический контекст (ситуации и условия, характерные для той среды, в которой кинопроизведение было создано). К его микроструктурным элементам относятся культурно-значимые/культурно-специфические единицы языка, несущие дополнительную коммуникативную нагрузку, т.е. сочетающие в себе информативную составляющую (передача общего смыслового содержания сообщения) и «(социо)культурную коннотацию» (Бавдинев 2005, Воркачев 2000, Телия 1998). В рамках культуры-отправителя данные единицы передают информацию, отражающую художественные, интеллектуальные, социальные и духовно-нравственные ценности. На уровне культуры-рецептора часто наблюдается несоответствие или даже противоречие языковому и этнокультурному мировоззрению адресата. Очевидно, что при интеграции в иную этносреду культурно-значимая информация нуждается в адаптации/локализации.

3. ЛОКАЛИЗАЦИЯ В КИНОДИСКУРСЕ

В последние годы теория локализации (Localization Studies) приобрела популярность в профессиональных переводческих кругах. В некоторых случаях этот термин трактуется как особый вид перевода, но зачастую подменяет собой данное понятие. Подробное рассмотрение проблематики терминологического статуса понятия «локализация» и его отношение к понятию «перевод» не входит в перечень основных задач данного исследования. Однако авторы статьи считают

целесообразным обозначить суть данного явления и описать специфику локализации как разновидности адаптивного транскодирования в рамках сравнительно-сопоставительного анализа оригинальных названий французских кинофильмов и их переводных/локализованных вариантов.

В отечественной и зарубежной лингвистике термин «локализация» понимается как важная часть переводческого процесса, включающего в себя набор практик и техник адаптации оригинального текста для соответствия новой лингво-среде (Аносова 2014, Ачкасов 2016, Борисова 2018, Гарбовский 2004, Гудков 2003, Зинкевич 2018, Матвеев, Колосов 2016, Латышев 2000, Масленникова 2014, Климзо 2006, Сдобников 2019, Эко 2006, Hartley 2009, Gambier 2016, Leonardi 2011, Рум 2011, Venuti 1995). При этом речь идет не просто об упрощении ИТ для неподготовленной целевой аудитории, а об «обеспечении естественности» перевода, его структурно-содержательной и прагматической эквивалентности⁵. Иными словами, локализация — это прагматическая адаптация или «текстуализация интенций» (Латышев 2000: 46), нацеленная на построение эффективной коммуникации с представителями конкретной локальной культуры.

Коммуникативный акт в кинодискурсе представляет собой совокупность «вербальных, паравербальных и экстравербальных сигналов» (Kelz 2000: 249). Каждый из них имеет свою специфику в рамках того или иного этнокультурного пространства. Соответственно, при переносе в другую языковую и культурную плоскость эти сигналы могут нести «либо нулевое, либо искаженное значение» (Зинкевич 2018: 136). Для достижения максимальной результативности в процессе межкультурной кинокоммуникации реципиенту необходимо обладать межкультурной компетенцией на языковом, культурном и коммуникативном уровнях. Информация не просто передается зрителю и воспринимается им как некая данность, но претерпевает ряд серьезных трансформаций. Транслируемая информация заново воссоздается в сознании реципиента «с учетом его собственных когнитивных механизмов» (Гудков 2003: 21). Таким образом, локализация кинотекста предполагает взаимодействие как двух языков, так и двух картин мира, отражающих специфическое восприятие реальности (Мазлумян 2009: 83). В этой связи важное значение приобретает коммуникативная эквивалентность текста, пересекающаяся с концепциями функциональной и динамической эквивалентности Ю. Найды (Nida 1964, 1969), скопос-теорией К. Райс и Х. Вермеера (Reiß, Vermeer 2013) и Лейпцигской школы переводоведения (Jäger 1975; Kade 1981; Neubert 1973).

Современные практики локализации в киноиндустрии основываются на методах дискурсивного анализа и акцентируют внимание на адресате сообщения, который воспринимается как активный участник коммуникативного акта. Речь идет о прагматической адаптации текста, т.е. «о внесении некоторых поправок на социально-культурные, психологические и другие различия между получателями оригинального и переводного текста» (Эко 2006: 139). Кроме того, локализация кинотекста предполагает воссоздание в новой лингвокультурной среде релевантной коммуникативной ситуации с учетом цели перевода (*“translation*

⁵ <http://www.translators-union.ru>.

brief” / *переводческое задание*), потребностей и ожиданий реальных или предполагаемых получателей переводного текста (ПТ), «способа использования переводного текста в рамках предметной деятельности потребителей перевода» (Nord 2005: 9—10, Сдобников 2019). Очевидно, что данный подход выходит за рамки семантических и синтаксических стратегий, характерных для классического переводоведения, и смещает вектор на экстралингвистические факторы.

Принимая во внимание вышесказанное отметим, что при локализации иноязычного кинопродукта важно создать материал, не искажающий исходного замысла автора, и адекватно передать прагматические интенции, заложенные в структуру и содержание текста применительно к актуальной коммуникативной ситуации. В целом локализация как совокупность различных техник и практик адаптации снижает риск коммуникативного сбоя и прагматического несоответствия ИТ и ПТ.

4. КИНОЗАГОЛОВОК: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Название фильма — это многогранная языковая единица. С одной стороны, кинозаголовок обладает целостностью и некоторой автономностью по отношению ко всему произведению. Название может появиться еще до выхода картины в прокат, «будоража умы, вызывая определенные ассоциации, желание просмотра или абсолютное внутреннее отторжение у потенциального зрителя» (Горшкова 2014: 26). С другой стороны, оно не может дистанцироваться от образно-смыслового содержания фильма, частью которого является. Фильмонимы вызывают научный интерес не только с позиций лингвистики (структурно-семантические и функционально-прагматические особенности), но также и в аспекте переводоведения и межкультурной коммуникации, если речь идет об иноязычном кинопроизведении. Переводные кинозаголовки демонстрируют «...глубинные связи означаемого и означающего, обусловленные культурной спецификой» (Александрова 2017: 1191), служат яркой иллюстрацией современных языковых процессов, отражающих актуальную политическую, экономическую и социальную ситуацию в мире. Для того, чтобы выявить стратегии перевода названий иноязычных фильмов, необходимо раскрыть сущность фильмонима как семиотической единицы и описать его особенности.

В лингвистике наблюдается общность подходов к анализу названий художественных фильмов и к заголовкам/заглавиям⁶, которые, как любые речевые произведения, рассматриваются с точки зрения синтаксиса, семантики (связанность и цельность содержательных параметров текста) и прагматики (реализация авторской интенции) (Крылова 2006: 218). Заглавие принято считать подсистемой текста, которая выполняет роль посредника между вертикальным контекстом (интертекстуальность) и адресатом, воспринимающим сообщение сквозь призму

⁶ Некоторые исследователи противопоставляют термины «заголовок» и «заглавие»: заголовок имеет отношение к текстам СМИ и научной периодике, заглавие — к художественными произведениями. В данной статье данные термины используются как синонимичные.

своего когнитивного опыта и эмоционально-ценностных установок. Соответственно, создание заголовка предполагает ориентацию на фоновые знания как автора, так и его целевой аудитории, а также соотнесенность названия с первичным поликодовым текстом и визуальным рядом (Александрова, Николаева 2016, Васильева 2006, Горшкова 2014). При передаче образного-смыслового содержания кинофильма именно название позволяет создать в сознании реципиента представление о концепте данного произведения. О.Ю. Богданова определяет заглавие как важнейший семантико-композиционный элемент художественного текста, «смысловой узел, замыкающий в себе последовательно переходящие друг в друга виды связи» (Богданова 2008: 4). Заголовок ретроспективно раскрывает замысел автора и не совпадает «на входе в текст и на выходе из текста» (Там же: 14). На начальном этапе (при прочтении названия) происходит знакомство с малой частью содержания. Далее в процессе просмотра или после него зритель получает впечатления, позволяющие переосмыслить заголовочный текст и (возможно) интерпретировать его иначе. На финальной стадии общее представление о произведении и личные впечатления сохраняются в памяти адресата на уровне ассоциативной связи с названием. Очевидно, что заголовки относятся к стилистически сильным позициям текста и реализуют «максимальную коммуникативную нагрузку» (Тураева 1988: 52). Как правило, они характеризуются лаконичностью, эмоциональностью, простым и легким языком для быстрого восприятия и запоминаемости информации.

Принимая во внимание неразрывную связь фильма и его названия, отметим, что последнее выполняют определенный функционал. Помимо номинативной, информативной, коммуникативной и художественно-эстетической функций, присущих всем заголовочным текстам, фильмонимы также осуществляют аттрактивную, рекламную и воздействующую функции. В современной киноиндустрии особое значение приобретают аттрактивная и рекламная функции. Они реализуются до просмотра, когда потенциальный зритель сталкивается с важным выбором — смотреть фильм или нет. Например, опрос информационно-аналитической службы компании «Яндекс» показал, что 76,7% российских респондентов начинают читать синопсис киноленты, только если им понравилось название фильма и оформление афиши/постера.

Степень связанности заголовка с целостным кинотекстом, его идейно-образным содержанием, а также лексико-семантические и функционально-прагматические характеристики — это те параметры, которыми не следует пренебрегать при переводе и адаптации кинопродукта к иной лингвокультуре.

5. СРАВНИТЕЛЬНО-СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОРИГИНАЛЬНЫХ НАЗВАНИЙ ФРАНЦУЗСКИХ КИНОФИЛЬМОВ И ИХ ПЕРЕВОДНЫХ/ЛОКАЛИЗИРОВАННЫХ ЭКВИВАЛЕНТОВ

Интерпретация художественных фильмов и адаптация всех его составляющих под новую лингвокультуру значительно усложняется, так как, помимо автора и зрителя, в этот процесс включается переводчик или же целый переводческий коллектив, обладающий различным уровнем профессионализма, собственными

фоновыми знаниями, эмоционально-ценностными ориентирами, вкусовыми предпочтениями, чувством и стилем языка. Даже на этапе работы с малыми формами вербальной части кинотекста (заголовок или слоган, если таковой имеется) переводчик привносит собственное понимание языковой ситуации, персонажей, событий, а зачастую, и авторского замысла в целом. Кроме того, над переводчиком стоит организация-заказчик, которую в первую очередь интересует финансовый аспект, т.е. количество проданных билетов на киносеанс.

Сравнительный анализ оригинальных французских названий и их переводных эквивалентов показал, что в процессе декодирования фильмонимов на русский язык используются различные стратегии: прямой, дословный перевод; перевод с трансформацией (опущение ключевых слов или их расширение); перевод с лексико-семантической, грамматической или комплексной трансформацией; перевод с экспликацией/компенсацией; вольный перевод. Корректное определение особенностей и характера каждой конкретной коммуникативной ситуации обозначает цель перевода и помогает переводчику выбрать соответствующую данной цели стратегию (Sdobnikov 2011: 1450).

Перевод кинозаголовков можно рассматривать как удачный или неудачный (адекватный/неадекватный), опираясь на различные критерии: эстетические, семантические, стилистические, лингвокультурологические и функционально-прагматические. В рамках данного исследования при анализе степени лингвокультурной адаптации названий французских художественных фильмов был проведен опрос, в котором приняли участие 120 человек в возрасте от 18 до 35 лет, владеющие французским языком на уровне B2—C1 и посмотревшие фильмы, названные в анкете. Респондентам было предложено оценить перевод на русский язык 87 фильмонимов.

5.1. ПРЯМОЙ ПЕРЕВОД

В процессе декодирования названий художественных фильмов наиболее простым, точным и адекватным считается прямой перевод. Современные французские кинемаграфисты в своих работах уделяют пристальное внимание характерам и судьбам отдельных личностей. Сюжеты многих французских фильмов описывают повседневную жизнь людей, их стремления, ценности, цели, восприятие действительности и взаимоотношения с окружающими. Анализ эмпирического материала показал, что прямой перевод регулярно применяется, если кинозаголовок состоит из имени собственного, географического названия или включает в свой состав лексемы, обозначающие профессию, семейное положение, социальный статус персонажа/персонажей, а также слова с прямым или универсальным метафорическим значением. Оригинальные названия, как правило, состоят из 1—2 слов. Лаконичность ИТ изначально не предполагает использования длинных и сложных конструкций в ПТ. В большинстве случаев прямой перевод позволяет осуществить полноценную передачу исходного замысла автора. Верность оригинального названия переводному обусловлена тождеством взаимозэквивалентных единиц по структурным и содержательным параметрам, а также легкостью воспроизведения имен собственных (антропонимов/топонимов) при помощи транскрипции.

Таблица 1

**Прямой перевод французских фильмонимов,
состоящих из национальных антропонимов, топонимов и лексем
с прямым и универсальным значением**

Оригинальное название	Жанр	Год выпуска	Переводное название
Jean-Philippe	Музыкальная комедия / фэнтези	2006	Жан-Филипп
Paulette	Комедия	2012	Полетта
Le Petit Nicolas	Комедия	2009	Маленький Николя
Alaska	Романтическая драма	2015	Аляска
Marseille	Комедия	2016	Марсель
Veuf	Драма	2017	Вдовец
Comptable	Комедия	2004	Бухгалтер
Danseuse	Драма-биография	2016	Танцовщица
Ma mère	Драма-мелодрама	2004	Моя мать
Demi-soeurs	Комедия	2018	Сводные сестры
Une vie	Драма	2016	Жизнь
La Fidélité	Драма	2000	Верность

Национальные антропонимы/топонимы или лексемы, обозначающие философские категории, сами по себе способны выполнять аттрактивную, рекламную и перлокутивную функции. Как видно из таблицы 1, одним из преобладающих жанров современного французского кинематографа являются различные вариации драмы. По мнению Н.В. Бочарниковой, именно драматическое произведение наиболее точно описывает эмоциональные переживания индивида, и поэтому многочисленные драматические фильмонимы акцентируют внимание на личности персонажей, а «абстрактные названия фильмов побуждают зрителя к их просмотру» (Бочарникова 2012: 193). Французские имена считаются одними из самых красивых и мелодичных в мире, а для «русского уха» обладают особым магнетизмом. Французский язык традиционно отождествлялся в России с благородством и высокими чувствами. Не исключено, что французские антропонимы/топонимы, выносимые в заголовочный текст, могут положительно повлиять на эмоциональный настрой реципиента и навеять приятные воспоминания.

Дословно также часто переводятся названия, состоящие из простого словосочетания или целого предложения.

Таблица 2

Прямой перевод французских фильмонимов, состоящих из словосочетания/предложения

Оригинальное название	Жанр	Год выпуска	Переводное название
Erreur de la banque en votre faveur	Комедия	2009	Ошибка банка в вашу пользу
Tout ce qui brille	Комедия	2010	Все то, что сверкает
L'homme qui voulait vivre sa vie	Драма	2010	Человек, который хотел жить по-своему
Bienvenue à bord	Комедия	2011	Добро пожаловать на борт
Vive la France	Комедия	2013	Да здравствует Франция!
Le Transporteur: Héritage	Боевик	2015	Перевозчик: наследие
Le divan de Stalin	Историческая драма	2016	Диван Сталина

Оригинальные и переводные названия помогают распознать жанр фильма. Их дословный перевод объясняется тем, что они не содержат никаких непереводаемых культуроспецифических элементов. Однако в отдельных случаях переводной заголовок может быть точнее оригинального и отличаться от него по прагмалингвистическим функциям.

Например, название приключенческого боевика “Les voleurs” (2003, букв: Воры) было переведено как «Воровка». При переводе благодаря грамматическим возможностям языка-рецептора имя существительное утратило форму множественного числа и приобрело значение женского рода. Таким образом, переводная версия названия сообщает потенциальному зрителю о том, что главным персонажем картины является именно героиня, в то время как в исходном тексте сохраняется неопределенность. Названия «Воры» и «Воровка» вызывают разные эмоции и ассоциации.

Военная драма “Elle s'appelait Sarah” (2010) появилась на российских экранах под заголовком «Ее зовут Сара». В данном примере заменяется временная форма глагола. В ИТ используется прошедшее незавершенное время (*Imparfait*), в ПТ — настоящее. Это позволяет актуализировать события, происходящие в фильме и «воскресить» персонажа другой эпохи. При переводе синопсиса данной картины на русский язык также целенаправленно была исключена фраза, косвенно указывающая на выбор временной формы в оригинальном названии: “La vérité issue du passé a parfois un prix dans le présent...” («Правда прошлого порой имеет значение в будущем...»).

Заголовок французской комедии “Les Femmes du 6e étage” (2010) был переведен дословно «Женщины с 6-го этажа», несмотря на тот факт, что русские и французы по-разному считают этажи в домах: французский 6-й этаж — это русский 7-й. Однако данный факт не имеет значения, так как не влияет на связь названия с жанром и содержанием фильма и не искажает авторского замысла. Большая часть россиян не имеет представления о специфике числительных во французском языке.

5.2. ПЕРЕВОД С ТРАНСФОРМАЦИЕЙ

При локализации французских названий для русскоязычной аудитории приблизительно 58% фильмонимов претерпели различные синтаксические и лексико-семантические изменения, которые привели к частичному/полному несоответствию ИТ и ПТ. Рассмотрим использование данных модификаций и степень адекватности перевода на конкретных примерах.

5.2.1. СИНТАКСИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

ИТ: *La guerre est déclarée* (2011)

ПТ: *Я объявляю войну*

Мелодрама рассказывает о борьбе отца за жизнь своего маленького сына, который болен раком. Переводчик заменяет пассивную конструкцию оригинального названия (букв: *Война объявлена*) на активную, включая в его состав личное местоимение — «Я». Употребление местоимения 1-го лица позволяет превратить

изначально безличный и анонимный текст в доверительный, создать эффект причастия и соучастия.

ИТ: *Protéger et servir* (2009)

ПТ: *Служить и защищать*

Комедия повествует о двух нерадивых и взбалмошных полицейских, которым пришлось противостоять опасным преступникам, планирующим серию терактов в Париже. При передаче названия меняется порядок слов. Подобная перестановка представляется более благозвучной и логичной для русскоязычной аудитории. В России служение родине уже подразумевает ее защиту. Однако в данном случае наблюдается некоторый разрыв заглавия с жанрово-тематической направленностью картины. В восприятии российского зрителя словосочетание «Служить и защищать» ассоциативно перекликается с такими национально-прецедентными высказываниями, как «Служу Отечеству», «Служу Родине», «Есть такая профессия — Родину защищать». Возможно, что столь пафосный заголовок, апеллирующий к чувству патриотизма, не совсем уместен для комедии. Название фильма дает не вполне верное представление о содержании фильма, создает эффект обманутого ожидания и нарушает его образно-смысловую составляющую. Об этом также свидетельствуют мнения респондентов: 87 из 120 участников проведенного опроса отметили, что ожидали увидеть военный или военно-исторический фильм, а не полицейскую комедию.

5.2.2. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ

Частичная замена

ИТ: *Il était une fois un flic...* (2001)

ПТ: *Жил-был полицейский*

В центре сюжета — опытный и отважный комиссар полиции, вступивший в неравную схватку с мафиозными структурами. При переводе названия лексема *flic*, относящаяся к сниженному регистру речи и обладающая ярко-выраженной экспрессивной окраской, заменяется на нейтральную — *полицейский*. В словарях Robert, Larousse, Nachette лексема “flic” сопровождается стилистическими пометами “fam.” (разговорный), “pop.” (просторечный), “arg.” (арготический). Русским стилистическим эквивалентом является слово *мент*, от которого локализаторы отказались по ряду причин. Прежде всего замена обусловлена тем, что в современном сознании русскоязычной аудитории данная лексема имеет неодобрительно-оценочное значение, а для сотрудников правоохранительных органов оно является оскорбительным. Главный герой картины — личность положительная, поэтому употребление слова *мент* могло бы исказить образ персонажа и общую смысловую направленность картины.

ИТ: *Je te survivrai* (2013)

ПТ: *Я закопаю тебя*

Буквальный перевод заглавия этой французской драмы/комедии — «Я тебя переживу». Переводчик прибегает к стилистической трансформации, заменяя нейтральный глагол на более броский и эмоциональный эквивалент. Эмоцио-

нальность также усиливается за счет инверсии глагола и личного местоимения «тебя». Переводной заголовок более приближен к содержанию фильма, нежели его оригинал. По сюжету главный герой оказывается на дне глубокого колодца. Об этом знает только соседка, которая его ненавидит. Такие высказывания, как *Я тебя закопаю, Я тебя живьем закопаю* и т.д., относятся к разговорному стилю речи, хорошо освоены русским сознанием и даже входят в русский пословичный фонд. Например: *Я тебя, как француза, живьем закопаю* (Даль 1989). Безусловно, яркое название привлечет внимание зрителей, особенно молодежной аудитории. Однако при переводе несколько смещается образно-смысловая сущность картины. Оригинальное название фильма акцентирует внимание на стремлении главного героя выжить любой ценой, переводное название подчеркивает его намерение отомстить своей обидчице. Больше половины участников опроса (74) отметили эмоциональную насыщенность заголовка и посчитали его переводную версию адекватной и креативной, сочетающейся с драматическо-комедийной направленностью фильма.

ИТ: *Le temps qui reste* (2005)

ПТ: *Время прощания*

Драма известного французского режиссера Франсуа Озона была впервые продемонстрирована публике на Каннском фестивале в категории «Особый взгляд». Это история о модном фотографe нетрадиционной ориентации по имени Ромэн, который узнает о том, что из-за онкологического заболевания жить ему осталось несколько месяцев. Оригинальное название картины (букв: «*Оставшееся время*») было подвергнуто лексико-грамматической трансформации. Замена двух исходных элементов (“*qui reste*”) на лексему *прощание* придало картине иное, неверное звучание. Это связано с тем, что в русской культуре концепт «прощание» обладает драматизмом, который отсутствует в иноязычных эквивалентах. В первую очередь *прощание* — это сильное эмоциональное переживание, связанное с потерей родных и близких. Русский человек осмысляет прощание не как закономерный этап своей жизни, без которого невозможен новый виток, а «как неподвластную ему мучительную ситуацию, после которой он предвидит нежелательное для него изменение положения» (Лассан 2015: 17). Как писал поэт Н. Заболоцкий, «*Прощание! Скорбное слово!*». Однако в данной киноленте, несмотря на трагичность ситуации, никто не скорбит — ни главный герой, ни окружающие его люди. Ромэн достойно принимает страшное известие. Он не пускается во все тяжкие, не пытается переосмыслить прошлое или исповедаться во всех своих грехах, просто хочет понять, что еще успеет сделать. Остальные персонажи тоже ведут себя спокойно. Бабушка принимает новость о скорой смерти внука с долей мрачной иронии; эгоистичный молодой любовник думает о себе и своей дальнейшей жизни; сестра, которая долго не общалась с братом, не знает, как с ним помириться и стоит ли это вообще делать только из-за его смертельной болезни. В итоге Ромен соглашается на просьбу бездетной пары стать биологическим отцом их ребенка. По замыслу режиссера, главный герой не прощается, он дает начало новой жизни. Таким образом, мы видим, что переводная версия названия не отвечает критериям переводческой адекватности, так как создает заведомо неверное представление

о содержании картины, не отражает его многогранности, «сужая рамки образа-смысла» (Горшкова 2014: 34). Участники опроса (89 человек) отрицательно высказались относительно переводного заголовка, отметив несочетаемость названия с идеей фильма и режиссерским посылом.

5.2.3. Добавление

ИТ: *Les profs* (2013)

ПТ: *Безумные преподады*

Сюжет этой молодежной комедии (букв: «*Преподады*») рассказывает о французском лицее. Его учащиеся — неуправляемые хулиганы, неспособные сдать выпускные экзамены. Руководство учебного заведения принимает решение пригласить на работу «нестандартных» преподавателей, способных быть на одной волне со своими учениками. В название был добавлен эпитет *безумные*, характеризующий главных действующих лиц. Употребление лексем, характерных для молодежной речи, сочетается с жанровой принадлежностью фильма и привлекает внимание зрителей этой возрастной категории. В синопсисе картины при описании персонажей локализаторы продолжают использовать прием добавления разговорных и стилистических единиц в оригинальный текст. Например: “...*sept professeurs aux méthodes atypiques*” / «**десант сумасбродных преподадов**»; “...*Éric, adepte des exercices dangereux*” / «**Эрик, брутальный качок**»; “*Polochon, idolâtrant Napoléon*” / «**Полошон, безобидный отморозок в костюме Наполеона**».

Отметим, что картина собрала хорошие кассовые сборы как во Франции, так и в России. Два года спустя был выпущено ее продолжение:

ИТ: *Les profs 2* (2015)

ПТ: *Безумные преподады: Миссия в Лондоне*

Локализатор добавляет своего рода переводческий комментарий/пояснение, указывающий на место, где происходят основные события. При этом сохраняется трансформация, примененная при переводе названия первой части киноленты (“*Les profs*” / «*Безумные преподады*»), которая имела успех у российского зрителя. По мнению большинства респондентов (89 человек), переводное название звучит ярче и интереснее оригинального.

ИТ: *Derrière les Murs* (2011)

ПТ: *Кошмар за стеной*

В данном случае наблюдается расширение информации о содержании фильма и его жанровой принадлежности посредством ввода ключевого слова *кошмар* в состав переводного заголовка. Буквальный перевод названия «*За стенами*» представляется слишком абстрактным, не отражает жанра произведения (триллер) и не реализует функцию антиципации, т.е. «предвкусения событий» (Veleva-Borisova 1993).

В целом, включение интерпретирующих языковых единиц в ПТ необходимо не только для идентификации жанра или «образа-смысла» произведения (Горшкова 2014), но и для формирования в сознании реципиента определенных кон-

цептов, гарантирующих востребованность и коммерческую успешность картины. Участники опроса (105 человек) считают переводное название, приведенное выше, логичным, более информативным и адекватным.

5.2.4. Опускание

ИТ: *OSS 117: Le Caire, nid d'espions* (2006)

ПТ: *Агент 117*

Адаптируя заглавие этой приключенческой комедии для российского проката, переводчик исключает из названия вторую часть («...*Каир, гнездо шпионов*») как наименее важную со смысловой точки зрения. При локализации также заменяется специальный позывной главного героя (OSS) на слово *Агент*. Таким образом переводчик создает ассоциацию со знаменитым Агентом 007 — Джеймсом Бондом. Это, безусловно, позволило привлечь в кинозалы не только любителей боевиков, шпионских детективов, но и многочисленных поклонников «Бондианы». Данный прием, в первую очередь, ориентирован на реализацию коммерческой и рекламной функций, но при этом не снижает степени адекватности ПТ. Положительную оценку данный переводный заголовок получил от всех участников анкетирования.

5.2.5. Вольный перевод

ИТ: *“Zizou”* (2017)

ПТ: *«Зидан: легенда навсегда»*

Документально-биографическая лента (букв: «*Зизу*») вышла в российский прокат с гораздо более длинным и замысловатым названием: переводчик использовал фамилию главного героя (*Зидан*) и определил значимость его личности («*легенда навсегда*»). В картине рассказывается о жизни и яркой спортивной карьере французского футболиста Зинедина Зидана, которого во Франции ласково называют Зизу. Переводчик отказался от прямого перевода, так как опирался на фоновые знания целевой аудитории. Зидан — мировая знаменитость, но далеко не факт, что российская публика знает его «домашнее прозвище». Кроме того, используя лексему *легенда*, локализатор определенным образом расширил возможности интерпретации содержания названия и фильма. С первых минут (даже если реципиент не интересуется спортом и не знает имена известных спортсменов) становится понятно, что речь пойдет о выдающейся личности. Интересно, что в ходе опроса 64 респондента провели параллель с русским фильмом «*Легенда № 17*», повествующем о знаменитом советском хоккеисте Валерии Харламове.

ИТ: *Populaire* (2012)

ПТ: *Любовь на кончиках пальцев*

Действие происходит в конце 50-х годов прошлого столетия во французской провинции. Тихая и спокойная жизнь молодой девушки по имени Роза меняется, когда она устраивается на работу машинисткой. Начальник (Луи) обучает ее специальному методу слепого набора. Роза попадает на международный конкурс по скоростной машинистке и выигрывает его. Однако любовь к Луи для нее

важнее карьерных успехов. Роза работает на печатной машинке “*La Populaire*” (модель известного бренда “*Japy*”). Именно название данной марки послужило основой исходного текста. Очевидно, что в данном случае прямой перевод невозможен, так как название этой французской марки незнакомо целевой аудитории. Заголовок, с которым фильм выходит в русском прокате, содержит выразительную метафору, явно намекающую на жанр фильма (романтический/лирический/любовный). В то же время присутствует аллюзия на профессию главной героини. Метафоризация способствует возникновению у зрителя стремления к интерпретации, что побуждает его к просмотру произведения. По мнению всех 120 участников анкетирования, переводное название звучит лучше оригинального.

ИТ: *Un episode neigeux* (2017)

ПТ: *А снег идет...*

Буквальный перевод авторского цикла лирических короткометражек (3 истории) о жизни обычных парижан, справляющихся с непогодой — «*Снежный эпизод*». Неожиданные сильные осадки в столице Франции вызвали у ее жителей различные эмоции. Дети радуются и играют в снежки. Взрослые проклинают снегопад из-за аварий/пробок на дорогах. Особо впечатлительные граждане запасаются теплой одеждой и продовольствием, опасаясь начала ледникового периода. А влюбленная пара катается на коньках, любясь падающими снежными хлопьями. При локализации кинозаголовка переводчик использовал аллюзию, отвечающую фоновым знаниям рядового российского зрителя. Косвенный намек на известную новогоднюю песню «*А снег идет, а снег идет... И все вокруг чего-то ждет...*» обогащает абстрактное оригинальное название и все кинопроизведение знаниями и опытом культуры-рецептора. Впервые песня прозвучала в кинофильме «*Карьера Димы Горина*» (1961) в исполнении певицы Майи Кристалинской. Однако даже 60 лет спустя она продолжает оставаться популярной, часто транслируется по радио и телевидению и фигурирует в репертуаре многих современных вокалистов (Жанна Агузарова, Глюкоза). Творческий подход к переводу также позволил повысить эмоционально-оценочное содержание кинотекста и привлечь внимание разновозрастной зрительской аудитории. Креативность переводного названия была высоко оценена в ходе проведенного анкетирования (120 положительных отзывов).

ИТ: *Joséphine* (2013)

ПТ: *Хочу как Бриджит*

В комедии/мелодраме рассказывается о молодой девушке, фигура которой далека от современных модных стандартов. Именно этот факт, по ее мнению, является главной причиной отсутствия у нее личной жизни. Устав от безуспешных попыток найти свою любовь и сочувствие со стороны окружающих, девушка придумывает роман с бразильским хирургом. Эта безобидная фантазия превращает ее жизнь в приключение со счастливым концом. При локализации было полностью заменено оригинальное название, в состав которого входил антропоним *Жозефина*. Переводной заголовок картины представляет собой явную аллюзию

на фильм *Bridget Jones's diary* («Дневник Бриджит Джонс»), героиня которого переживает схожие проблемы. Эта комедия долгое время было лидером российского проката. В данном случае личностная (ономастическая) аллюзия несет в себе не только память о произведении, но и представления об авторской позиции, а также оценку главных действующих лиц. Цель заключается в том, чтобы зритель заметил сходство с предыдущей историей и провел задуманную локализатором аналогию, т.е. принял решение посмотреть картину, базируясь на своем предыдущем положительном опыте. Однако по отзывам респондентов переводное название с использованием стилистического приема аллюзии себя не оправдало. Они не увидели ни похожей сюжетной линии, ни сходства между образами главных героинь. Единственный общий признак — это их немодельная внешность. Следовательно, можно признать факт неудачной адаптации кинозаголовка, несмотря на то, что прагматическая и рекламная функции были реализованы в полной мере: локализаторы обеспечили фильму высокие кассовые сборы в первые дни проката, но через некоторое время рейтинг картины значительно упал.

ИТ: *Demain tout commence* (2016)

ПТ: 2+1

При локализации названия этой французской мелодрамы, так же как и в предыдущем примере, произошел эффект обманутых ожиданий из-за ложной аллюзии. Буквальный перевод («Все начнется завтра») заменили, руководствуясь исключительно финансовыми целями и задачами. Главную роль в картине исполняет французский актер Омар Си, ранее снимавшийся в фильме “*Intouchables*” (букв. «Неприкасаемые»; русское переводное название — «1+1»). Кинолента имела огромный успех на российском рынке. Задумка заключалась в том, чтобы создать в сознании целевой аудитории четкую ассоциацию с ранее успешным продуктом. В результате большая часть потенциальных зрителей восприняла картину «2+1» как продолжение истории полюбившихся им героев из фильма-предшественника. В действительности оказалось, что между эти двумя произведениями нет никакой связи. Омар Си играет совершенно другого персонажа (с другим именем, биографией, характером и т.д.); сюжетная линия рассказывает о переменах в его жизни, произошедших в связи с неожиданно обретенной дочерью-младенцем. Разочарование публики из-за рекламного трюка со стороны локализаторов отрицательно повлияло не только на общее восприятие киноленты, но и на ее успешность в прокате (94 негативных отзыва наших информантов о несоответствии названия содержанию).

ИТ: *Bienvenue chez les Ch'tis* (2010)

ПТ: *Бобро поржаловать!*

В центре сюжета — начальник почтового отделения провинциального французского городка. Он готов на все, чтобы получить назначение на Лазурный берег. Однако в качестве наказания его отправляют в небольшой городок на севере Франции. В сознании большинства жителей юга Франции бытует стереотип, что север — это ужасный ледяной край, а его обитатели — грубые мужланы, говорящие на непонятном языке. Однако к своему удивлению главный герой вскоре об-

наруживает, что на севере очень красиво, там живут милые и душевные люди, а к необычному говору можно легко привыкнуть. Именно название местного диалекта “Ch’ti” (Шти), распространенного в регионе Нор-Па-де-Калé-Пика́рдия (Nord-Pas-de-Calais-Picardie), обыгрывается в оригинальном названии. Буквальный перевод кинозаголовка — «Добро пожаловать к Шти», т.е. к жителям, изъясняющимся на этом наречии. Очевидно, что лексему «шти» невозможно было сохранить при адаптации названия ввиду ее национально-культурной обусловленности, абсолютно неизвестной и непонятной русскоязычной публике. В переводной версии используется прием каламбура, построенного на умышленном шуточном искажении слов (Добро / Бобро; **пожаловать/поржаловать**). Каламбурная форма позволила локализаторам⁷ не просто придать тексту особую выразительность, эмоциональность и занимательность, усиливающие сатирический эффект, но и сосредоточить внимание аудитории на главной мысли произведения — сломать стереотипные представления, в том числе и лингвистические. Режиссер картины в одном из своих интервью сказал, что смысл его произведения очень точно определяет пословица: “Dans **ch’nord** tu pleures deux fois: **eul** première in **narrivant**, et l’**chegonde**, **pasqué** tu veux **pu** apartir”⁸ — «Чужак на севере плачет дважды: когда приезжает и когда уезжает»⁹. Как на французском, так и на российском рынке, фильм получил высокую зрительскую оценку и собрал рекордные кассовые сборы. По данным ресурса «Кинопоиск», за первую неделю проката в России картину посмотрели более 20 миллионов человек¹⁰. Участники нашего анкетирования отметили, что название фильма первоначально вызвало удивление (78 человек) и непонимание (42 человека). Однако респондентам изначально была понятна комедийная направленность киноленты. Осознание сути каламбура, использованного в заглавии, пришло после просмотра всего произведения. По мнению 100% респондентов, данную переводческую адаптацию следует считать удачной. Также отметим, что этот фильм в определенной степени обогатил культуру-рецептор. Многие участники анкетирования озвучили желание поближе познакомиться с историей и традициями севера Франции.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги проведенному исследованию, выделим следующие моменты.

◆ При локализации кинозаголовков с французского языка на русский применяются разнообразные стратегии: транслитерация, прямой (дословный) перевод, грамматические и лексико-семантические модификации, полная замена исходного материала. На первый взгляд, мы не видим радикальных отличий от стратегии передачи других видов текста. Однако при переводе кинозаголовков наблюдается своя специфика, в большей степени продиктованная экстралингвистическими факторами. Для выбора стратегии важно адекватно оценить характер и особенно-

⁷ В процессе локализации названия участвовал российский актер и автор комедийных скетчей — Андрей Бочарников (Бочарик).

⁸ Пословица написана на диалекте «Шти».

⁹ https://www.vokrug.tv/product/show/bienvenue_chez_les_chtis/.

¹⁰ <https://www.kinopoisk.ru/film/bobro-porzhalovat-2008-391735/>.

сти коммуникативной ситуации, в которой реализуется текст. В процессе локализации необходимо сохранить связанность кинозаголовка с сюжетом, композицией, жанром и идейно-образным содержанием.

◆ При невозможности использовать стратегию прямого перевода с сохранением структурно-семантических особенностей в ИТ за основу берется жанровая направленность кинопроизведения, обуславливающая выбор соответствующих лексико-стилистических средств. Если в состав названия включены неперево-димые этнокультурные элементы, то наиболее частотной оказывается стратегия перевода с трансформацией или вольный перевод. Трансформации кинозаголовков при переводе на русский язык чаще всего осуществляются по общему лексико-грамматическому принципу. Полная замена оригинального названия сопряжена с высоким риском коммуникативной неудачи. Однако вольный перевод вполне допустим и даже предпочтителен, если речь идет о локализации названий кино-произведений, относящихся к «легким жанрам» (комедии, любовные мелодрамы, мультфильмы) и не затрагивающих серьезных философских вопросов. Вольный перевод в большей степени ориентирован на реализацию рекламно-коммерческих целей.

◆ Большую часть переводов названий французских художественных филь-мов на русский язык, включенных в корпус исследования (87 фильмонимов), можно считать удачными (адекватными). По результатам опроса 79% переводных кинозаголовков были признаны адекватными. В некоторых случаях переводное название получило более высокую оценку, чем оригинальное (12%). Серьезной критике подверглись 21% кинозаглавий. Неприятие перевода было в большей степени обусловлено либо неудачной трансформацией, либо неоправданной заменой, которые нарушают жанр, сюжетную линию и идейно-эстетическое содержание картины.

◆ Локализация иноязычной кинопродукции в условиях современного рынка — это коллективный процесс, в котором окончательное решение принимает не переводчик, а дистрибьютерская/прокатная кинокомпания. Очевидно, что эти два участника могут преследовать разные цели. Зачастую неудачная локализация фильмонима — это вина прокатчика, не услышавшего или не захотевшего услы-шать специалиста. Однако шанс быть услышанным есть всегда, и он напрямую зависит от степени убедительности аргументации переводчика.

© В.Е. Анисимов, А.С. Борисова, Г.Р. Консон, 2019

ФИНАСИРОВАНИЕ И БЛАГОДАРНОСТИ:

Публикация подготовлена при поддержке Программы РУДН «5-100». Авторы статьи благо-дарят студентов и аспирантов кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН за участие в анкетировании, результаты которого внесли большой вклад в написание данной статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ballard, Michel (2005). *La traduction, contact de langues et de cultures*. Arras: Artois Presses Université.
- Bassnett, Susan (2005). *Translation Studies*. 3rd ed. London and New York, Routledge.

- Bastin, Georges L. (1990). L'adaptation, conditions et concept. *Etudes traductologiques en hommage à Danica Seleskovitch*. Paris: Lettres modernes, Minard, 215—230.
- Boillat, Alain & Cordonier, Laure. (2013). La traduction audiovisuelle : contraintes (et) pratiques. Entretien avec Isabelle Audinot et Sylvestre Meininger. *Décadrages. Cinéma à travers champs*. Dossier: le doublage, 23—24, 9—27.
- Catteau, Jacques (2011). Un art de la métaphore filmique. *Traduire en images*, 41, 26—30.
- Cranmer, Robin (2015). Introducing Intercultural Communication into the Teaching of Translation. *Russian Journal of Linguistics*, 19 (4), 155—174.
- Espagne, Michel & Werner, Michael (1987). La construction d'une référence culturelle allemande en France: genèse et histoire (1750—1914). *Annales ESX*, 42 (4), 969—992.
- Espagne, Michel & Werner, Michael (1988). Transferts. Les Relations interculturelles dans l'espace franco-allemand (XVIIIe et XIXe siècle). P.: Editions Recherches sur les Civilisations, 11—34.
- Gambier, Yves (2016). Rapid and Radical Changes in Translation and Translation Studies. *International Journal of Communication*, 10, 887—906.
- Gambier, Yves (2002). Circulez, il y a à voir... aspects multiformes de «l'adaptation» cinématographique // *Identité, altérité, équivalence? La traduction comme relation* : Actes du Colloque International tenu à l'ESIT les 24, 25 et 26 mai 2000. Paris : Caen: Lettres modernes Minard, 339—358.
- Gambier, Yves (2008). Recent developments and challenges in audiovisual translation research. Between Text and Image: Updating Research in Screen Translation. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publ. Co., 11—35.
- Hartley, Tony (2009). Technology and translation. *The Routledge Companion to Translation Studies*. L.; N.Y.: Routledge, 106—127.
- Jäger, Gert (1975). *Translation und Translationslinguistik*. Halle (Saale): VEB Max Niemeyer.
- Jullier, Laurent (2012). Analyser un film. De l'émotion à l'interprétation. Paris: Flammarion.
- Jurt, Joseph (2007). Traduction et transfert culturel. *De la traduction et des transferts culturels*. Paris, 92—111.
- Kade, Otto (1981). Probleme des übersetzungswissenschaftlichen Textvergleichs. Leipzig: VEB Enzyklopädie (Übersetzungswissenschaftliche Beiträge 4).
- Katan, David (2009). *Translation as Intercultural Communication. The Routledge Companion to Translation Studies*. Revised edition. Jeremy Munday (ed.). London, New York: Routledge.
- Kelz, H.P. (2000). Interkulturelle Kommunikation und Wirtschaftsdeutsch-Didaktik. *Das Wort. Germanistisches Jahrbuch '00-01* GUS. Moskva: Metatext, Ltd.
- Leinen, Franc (2007). Limites et possibilités du transfert culturel. L'exemple de la traduction allemande de L'Amour, la fantasia, d'Assia Djebar. *De la traduction et des transferts culturels*. Paris, 137—156.
- Leonardi, Vanessa (2011). Translating film titles: Linguistic skills, cultural awareness or marketing strategies? // *Язык, коммуникация и социальная среда*. № 9, 180—201.
- Nida, Eugene (1964). *Toward a Science of Translating. With Special Reference to Principles and Procedures in Bible Translating*. Leiden: Brill.
- Nida, Eugene and Taber, Charles (1969). *The Theory and Practice of Translation*. Leiden: Brill.
- Nord, Christiane (2005). *Text Analysis in Translation. Theory, Methodology and Didactic Application of a Model of Translation-Oriented Text Analysis*. 2nd ed. Editions Rodopi, Amsterdam — New York.
- Nord, Christiane (2019). Paving the Way to the Text: Forms and Functions of Book Titles in Translation. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 328—343. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-328-343.

- Pym, Anthony (2011). What Technology Does to Translating. *Translation and Interpreting*, 3 (1).
- Reiß, Katharina and Vermeer, Hans (2013). *Towards a General Theory of Translational Action. Skopos Theory Explained* / Translated from German by Christiane Nord. Manchester: St. Jerome Publishing.
- Sdobnikov, Vadim (2011). Translation Strategy Revised: The Communicative-Functional Approach *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences*, 4 (10).
- Schreiber, Michael (1998). “Übersetzungstypen und Übersetzungsverfahren”. Mary Snell-Hornby, Hans G. Höhlig, Paul Kussmaul and Peter A. Schmitt (eds). *Handbuch Translation*. Tübingen: Stauffenburg, 151—154.
- Schreiber, Michael (2007). Transfert culturel et procédés de traduction: l'exemple des realia. *De la traduction et des transferts culturels*. Paris, 185—194.
- Thill, Beata (2007). “Défaire les cases”: la langue et la traduction dans le transfert culturel. *De la traduction et des transferts culturels*. Paris, 195—217.
- Valentini, Chiara (2011). La traduction des références culturelles dans le doublage pour le cinéma et la télévision: résultats d'une analyse empirique. *Traduction et médias audiovisuels*. Paris: Septentrion, 93—109.
- Veleva-Borissova, Anna (1993). *La théorie interprétative de la traduction et les titres*. Paris: ESIT.
- Venuti, Lawrence (1995). *The Translator's Invisibility*. L.; N.Y.: Routledge.
- Александрова О.И., Николаева У.А. Стратегии перевода англоязычных фильмонимов на русский и испанский языки // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2016. № 2. С. 113—122. [Aleksandrova, Oksana, Nikolayeva, Uliana (2016). Translation Strategies of Modern English Filmonyms into Russian and Spanish (the example of films released in 2008—2014). *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 2, 113—122. (In Russ.)]
- Александрова О.И. Оригинальные и переводные названия кинофильмов как особые функциональные единицы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика*. 2017. 8 (4). С. 1191—1199. [Aleksandrova, Oksana (2017). Original and Translated Film Titles as Specific Naming Units. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 8 (4), 1191—1199 (In Russ.)] DOI: <http://dx.doi.org/10.22363/2313-2299-2017-8-4-1191-1199>.
- Аносова Н.Э. Перевод в свете межкультурной коммуникации // *Индустрия перевода*. 2014. Т. 1. С. 8—13. [Anosova, N.E. (2014). *Perevod v svete mezhkul'turnoi kommunikatsii* (Translation in Intercultural Communication). *Industriya perevoda*, 1, 8—13. (In Russ.)]
- Ачкасов А.В. If the Mountain Won't Come... Translation Studies meets Localization // *Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки*. 2016 Т. 9. № 3. С. 568—578. [Achkasov, A.V. (2016). If the Mountain Won't Come... Translation Studies meets Localization. *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 9 (3), 568—578].
- Богданова О.Ю. Заглавие как семантико-композиционный элемент художественного текста (на материале английского языка). М., 2009. [Bogdanova, O.Yu. (2009). *Zaglavie kak semantiko-kompozitsionnyi element khudozhestvennogo teksta (na materiale angliiskogo yazyka)* (Title as Semantic and Structural Element of Literary Text). Moscow, 2009 (In Russ.)]
- Борисова А.С., Кургузенкова Ж.В., Никишин В.Д. Проблема перевода религиозно-экстремистских текстов в процессе судебной лингвистической экспертизы // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2018. Т. 22. No 2. С. 448—473. [Borissova, Anna S., Zhanna V. Kurguzenkova, and Vladimir D. Nikishin (2018). Translation of Religious and Extremist Texts: Forensic-Linguistic Expert Examination. *Russian Journal of Linguistics*, 22 (2), 448—473. (In Russ.)] doi: 10.22363/2312-9182-2018-22-2-448-473.

- Бочарникова Н.В. Жанровая идентификация переводного текста как инструмент лингвистического маркетинга // *Мир науки, культуры, образования*. 2013. Т. 1 (38). 191—194. [Bocharnikova, Natalya (2013). The Genre Identification of The Translated Text as Means of Linguistic Marketing. *Mir nayki, kultura i obrazovaniya*, 1 (38), 191—194. (In Russ.)]
- Бузаджи, Д.М. Хоть горшком назови Текст // *Мосты. Журнал переводчиков*. 2005. 1 (5), С. 64—75. [Buzadzhi, D.M. (2005). Khot' gorshkom nazovi Tekst. *Mosty. Zhurnal perevodchikov*, 1 (5), 64—75. (In Russ.)]
- Васильева Т.В. Когнитивные механизмы формирования и функционирования заголовка // *Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2006. No 1. С. 154—171. [Vasil'eva, T.V. (2006). Kognitivnye mekhanizmy formirovaniya i funktsionirovaniya zagolovka (Cognitive Mechanisms of Headlines Forming and Functioning). *Vestnik MGU. Ser. 19. Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 1, 154—171. (In Russ.)]
- Гарбовский Н.К. Теория перевода: учебник. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. [Garbovskiy, N.K. (2004). *Teoriya perevoda (Theory of Translation)*. Moscow: Moscow University Publ. (In Russ.)]
- Гарбовский Н.К. Отражение как свойство перевода. *Вестник МГУ. Серия 22. Теория перевода*. 2008. № 4. С. 26—36. [Garbovskiy, N.K. (2008). Otrazhenie kak svoictvo perevoda (Reflection as a Property of Translation). *Vestnik MGU. Ser. 22. Teoriya perevoda*, 4, 26—36. (In Russ.)]
- Горшкова В.Е. Перевод в кино: монография. Иркутск: ФГБОУ ВПО «ИГЛУ», 2006 [Gorshkova, V.E. (2006). *Perevod v kino: monografiya (Film Translation: monograph)*. Irkutsk. (In Russ.)]
- Горшкова В.Е. Название фильма как единица перевода и составляющая образа-смысла // *Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики*. 2014. № 10. С. 26—36. [Gorshkova, V.E. (2014). Film Title as a Unit of Translation and a Unit of Image-Sense. *Vestnik PNIPIU. Problemy yazykozvaniya i pedagogiki*. 10, 26—36. (In Russ.)]
- Горшкова В.Е. Художественный кинодиалог vs документальный: жанровая специфика перевода // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. No 3. С. 243—259. [Gorshkova, V. E. (2016). Fiction Film Dialogue Vs Documentary Film Dialogue: Genre Peculiarities of Translation. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 243—259 (In Russ.)]
- Горшкова В.Е. Седьмая международная научная конференция «Русский язык и культура в зеркале перевода. Мировое кино: вчера, сегодня, завтра...», Афины, Греция, 28 апреля — 3 мая 2017 г. // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2017. Т. 21. No 4. С. 941—946. [Gorshkova, V.E. (2017). The 7th International Conference “Russian Language and Culture via the cross-cultural translation. World cinema: yesterday, today, tomorrow...” Athens, Greece, 28 April — 3 May 2017. *Russian Journal of Linguistics*, 21 (4), 941—946. (In Russ.)] doi: 10.22363/2312-9182-2017-21-4-941-946.
- Зинкевич О.В. Локализация как процесс лингвистической трансформации структуры и содержания динамического текста // *Известия СПбГЭУ*. 2018. № 3 (111). С. 135—137. [Zinkevich, O.V. (2018). Lokalizatsiya kak protsess lingvisticheskoi transformatsii struktury i sodержaniya dinamicheskogo teksta // *Izvestiya SPbGEU*, 3 (111), 135—137. (In Russ.)]
- Клер Р. Кино вчера, кино сегодня. М.: Прогресс, 1981. [Kler, R (1981). *Kino vchera, kino segodnya (Cinema: Today and Tomorrow)*. Moscow: Progress. (In Russ.)]
- Климзо Б.Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы. М.: «Р. Валент», 2006. [Klimzo, B.N. (2006). *Remeslo tekhnicheskogo perevodchika. Ob angliiskom yazyke, perevode i perevodchikakh nauchno-tekhnicheskoi literatury (On English language, Translation and Technical Translators and Interpreters)*. Moscow: R.Valent (In Russ.)]

- Кныш Е.В. Наименование кинофильмов как объект ономастики // *Актуальные вопросы русской ономастики*: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Ю.А. Карпенко. Киев, 1988. С. 106—111. [Knysh E.V. (1988). Naimenovanie kinofil'mov kak ob"ekt onomastiki. *Aktual'nye voprosy russkoi onomastiki*. Kiev, 106—111. (In Russ.)]
- Колосов С.А., Матвеев И.А. Вербальный и параграфемный элементы кинопостера в аспекте локализации // *Слово и текст: психолингвистический подход*. 2015. № 15 С. 77—82. [Kolosov, S.A., Matveev, I.A. (2015). Verbal'nyi i paragrafemnyi elementy kinopostera v aspekte lokalizatsii (Translating Movie Posters: Verbal and Paragraphemic Components). *Slovo i Tekst: Psikholingvisticheskii Podkhod*, 15, 77—82. (In Russ.)].
- Крылова О.А. Лингвистическая стилистика. М.: Высшая школа, 2006. [Krylova, O.A. (2006) *Lingvisticheskaya stilistika* (Linguistic Stylistics). Moscow: Vysshaya shkola, 2006.
- Лассан Э.Р. «Прощание — скорбное слово» (прощание — жанр, концепт, речевой акт?) // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015. No 3. 7—22. [Lassan, E.R. (2015). Farewell — a Sorrowful Word (Farewell — a Genre, a Concept, a Speech Act?) *Russian Journal of Linguistics*, 3, 7—22. (In Russ.)]
- Милевич И.Г. Стратегии перевода названий фильмов // *Русский язык за рубежом*. 2007. № 5. С. 65—71. [Milevich, I.G. (2007). Strategii perevoda nazvanii fil'mov (Movie Titles Translation Strategies) *Russkii yazyk za rubezhom*. № 5, 65—71. (In Russ.)]
- Назмутдинова С.С. Гармония как аксиологическая доминанта синергетической модели перевода // *Введение в синергетику перевода: монография / под общ. ред. Л.В. Кушниной*. Пермь: Изд-во Перм. Нац. исслед. политех. ун-та, 2014. С. 44—67. [Nazmutdinova, S.S. (2014). Garmonia kak aksiologicheskaiia dominanta sinergeticheskoi modeli perevoda (Harmony as an Axiological Dominant of Sinergetic Translation Model). In Kushnina L.V. (ed.) *Vvedenie v sinergetiku perevoda* (Introduction into Translation Synergetics). Perm: National Research Polytechnic University of Perm. (In Russ.)]
- Оболенская Ю.Л. Художественный перевод и межкультурная коммуникация. Московский гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, Филологический факультет. Изд. 3-е, испр. Москва: URSS, 2010. [Obolenskaya, Yu.L. (2010). *Khudozhestvennyi perevod i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* (Literary Translation and Intercultural Communication). 3rd ed. Moscow: URSS. (In Russ.)]
- Подымова Ю.Н. Психолингвистические особенности фильмонимов // *II Филологический вестник. Научный и образовательный журнал*. Майкоп, АГУ. 2005, 7, 172—178. [Podymova, Yu.N. (2005). Psikholingvisticheskie osobennosti fil'monimov (Psycholinguistic Features of Movie Titles). *II Filologicheskii vestnik. Nauchnyi i obrazovatel'nyi zhurnal*. Maikop, AGU, 7, 172—178. (In Russ.)]
- Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода: учебник для студентов лингвистических вузов и факультетов иностранных языков. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. [Sdobnikov, Vadim, Petrova, Olga (2006). *Teoriya perevoda* (Translation Theory). Moscow, AST; Vostok-Zapad (In Russ.)]
- Слышкин Г.Г., Ефремова М.А. Кинотекст: опыт лингвокультурологического анализа: монография. М.: Водолей Publishers, 2004. [Slyshkin, G.G., Efremova, M.A. (2004). *Kino-tekst: opyt kulturologicheskogo analiza* (Film Text: Experience of a Culturological Analysis). Moscow: Vodolei Publishers. (In Russ.)]
- Снеткова М.С. Лингвостилистические аспекты перевода испанских кинотекстов (на материале русских переводов художественных фильмов Л. Бунюэля «Виридиана» и П. Альмодовара «Женщины на грани нервного срыва»): автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2009.

[Cnetkova, M. S. *Lingvostilisticheskie aspekty perevoda ispanskikh kinotekstov (na materiale russkikh perevodov khudozhestvennykh fil'mov L. Bunyuelya «Viridiana» i P. Al'modovara «Zhenshchiny na grani nervnogo sryva»)*: PhD thesis. Moscow, 2009. (In Russ.)]

Тураева З.Я. *Лингвистика текста: учеб. пособие*. М.: Просвещение, 1986. [Turaeva, Z.Ya. (1986). *Lingvistika teksta (Linguistics of Text)*. Moscow: Prosveshchenie. (In Russ.)]

Федорова И.К. *Перевод кинотекста в свете концепции культурного переноса: проблема переводческой адаптации // Вестник ЧелГУ*. 2009. № 43. С. 142—149 [Fedorova, I.K. (2009). *Perevod kinoteksta v svete kontseptsii kul'turnogo perenosa: problema perevodcheskoi adaptatsii (Text Movie Translation due to the Cultural Transfer Conception: problem of adaptation)*. *Vestnik ChelGU*, 43, 142—149 (In Russ.)]

Эко У. *Роль читателя. Исследования по семиотике текста / пер. с англ. и итал. С.Д. Серебряного*. СПб.: Symposium, 2005. [Eko, U. (2005). *Rol' chitatelya. Issledovaniya po semiotike teksta / per. s angl. i ital. (The Role of the Reader. Research on Text Semiotics)*. S.D. Serebryanogo. SPb.: Symposium. (In Russ.)]

Article history:

Received: 15 November 2018

Revised: 28 February 2019

Accepted: 18 March 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 15 ноября 2018

Дата принятия к печати: 18 марта 2019

Bionotes:

VLADISLAV E. ANISSIMOV is Master student at RUDN University. His research interests embrace language, culture and communication; intercultural pragmatics; intercultural communication; discourse analysis; translation studies.

Contact information: e-mail: anisimov.vladislav.95@mail.ru@mail.ru

ANNA S. BORISSOVA is Ph.D., Associate Professor at RUDN University. Her research interests embrace language, culture and communication; intercultural pragmatics; intercultural communication; discourse analysis; translation studies.

Contact information: e-mail: borissovaa_anna@mail.ru

GRIGORIY R. KONSON is Doctor of Art History, Professor, Head of Department of Humanities and Social Science, the Institute of Contemporary Art, Chief Researcher, GTR Film & Television School, Professor, the Russian State Social University (RSSU). His research interests embrace language, culture and communication; intercultural pragmatics; intercultural communication; discourse analysis; translation studies; national scientific and educational traditions; psychology of personality and social psychology; art history, theory and methodology of Art; philosophical anthropology; academic peer review and publication ethics; organization of international scientific events.

Contact information: e-mail: gkonson@yandex.ru

Сведения об авторах:

ВЛАДИСЛАВ ЕВГЕНЬЕВИЧ АНИСИМОВ — магистрант 2 года обучения кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН. *Сфера научных интересов:* межкультурная прагматика; межкультурная коммуникация; дискурс-анализ, теория и практика перевода.

Контактная информация: e-mail: anisimov.vladislav.95@mail.ru@mail.ru

АННА СТЕПАНОВНА БОРИСОВА — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН. *Сфера научных интересов*: язык, культура, коммуникация; межкультурная прагматика; межкультурная коммуникация; дискурс-анализ, теория и практика перевода.

Контактная информация: *e-mail*: borissovaa_anna@mail.ru

ГРИГОРИЙ РАФАЭЛЬЕВИЧ КОНСОН — доктор искусствоведения, профессор, заведующий кафедрой общегуманитарных и социальных дисциплин Института современного искусства, главный научный сотрудник Института кино и телевидения, профессор Российского государственного социального университета. *Сфера научных интересов*: общее языкознание, межкультурная коммуникация, лингвопрагматика, язык и культура, дискурс-анализ, теория и практика перевода, национальные научные и образовательные модели, психология личности и социальная психология, история, теория и методология искусства, философская антропология, академическое рецензирование и этика публикаций, научный менеджмент.

Контактная информация: *e-mail*: gkonson@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-460-472

The Deformation of Language in James Joyce's Literary Works: Interpretation and Translation Challenges

Natalya M. Nesterova¹, Evgeniya A. Naugolnykh²

¹Perm National Research Polytechnic University
29, Komsomolsky Prospekt, Perm, 614990, Russia

²Perm State Pharmaceutical Academy
2, Polevaya Str., Perm, 614990, Russia

Abstract

The paper deals with studying language deviations of different types in James Joyce's *Ulysses* and *Finnegans Wake*. Deviations in general are known to be a departure from a norm or accepted standard; in linguistics deviations are viewed as an artistic device that can be applied in different forms and at various textual levels. The author's language deformation is analyzed as a form of deviation used for expressing the writer's language knowledge. It is concluded that in *Ulysses* the destruction of the language is thoroughly thought out and multi-aimed. For instance, occasional compound units that dominate the novel imitate the style of Homer, reviving the ancient manner in contemporary language. Despite the use of conventional word-building patterns, rich semantic abundance being the basic principle of Joyce's poetics seriously complicates interpretation of the new words in the source language. The attempt is also made to systematize deviation techniques in *Finnegans Wake*. In particular, multilinguality is found to be the base of the lexical units created by J. Joyce. Such hybrid nonce words produce the polyphony effect and trigger the mechanism of polysemitism together with unlimited associativity of the textual material, broadening the boundaries of linguistic knowledge as a whole. Additionally, certain results of a deeper comparative analysis of the ways to translate the author's deviations into Russian are given. The analysis of three Russian versions of *Ulysses* and the experimental fragmentary translation of *Finnegans Wake* show that there exists some regularity in the choice of translation method, particularly its dependence on the structural similarities/differences of the source and the target languages, as well as the language levels affected by J. Joyce in the process of lingual destruction. The impossibility of complete conveyance of the semantic depth of the text and stylistic features in the target language is noted.

Keywords: *Language norm, deviations, deformation, nonce word, polysemitism, word formation pattern, translatability*

For citation:

Nesterova, Natalya M. and Naugolnykh, Evgeniya A. (2019). The Deformation of Language in James Joyce's Literary Works: Interpretation and Translation Challenges. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 460—472. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-460-472.

Деформация языка в произведениях Дж. Джойса: проблема интерпретации и перевода

Н.М. Нестерова¹, Е.А. Наугольных²

¹Пермский национальный исследовательский политехнический университет
Комсомольский пр., 29, Пермь, 614990, Россия

²Пермская государственная фармацевтическая академия
ул. Полевая, 2, Пермь, 614990, Россия

Гений не делает ошибок,
Его промахи — преднамеренные.
Джеймс Джойс

Аннотация

Статья посвящена изучению девиаций различных уровней в текстах двух романов Дж. Джойса «Улисс» и «Поминки по Финнегану». Как известно, в литературном творчестве преднамеренная девиация является одним из художественных приемов, при этом она может быть использована автором в различных формах и на разных уровнях текста. В данной статье анализируется авторская деформация английского языка как одна из форм девиации, позволяющая писателю выразить собственное языковое знание. Отмечается, что в «Улиссе» четко выверенная деструкция английского языка выполняет целый спектр назначений. Так, преобладание среди окказиональной лексики слов, созданных словосложением, можно трактовать как попытку писателя стилизовать текст романа, превратить его в современную гомеровскую «Одиссею». Несмотря на определенную эксплицитность словообразовательных моделей, используемых писателем, наличие вариативности, в которой заключается основной принцип поэтики Дж. Джойса, представляет серьезную проблему в процессе интерпретации оригинала. В статье также делается попытка систематизировать приемы языковой деформации в романе «Поминки по Финнегану». В частности, подчеркивается, что в при создании большинства своих авторских слов Дж. Джойс использует разноязычные морфемные «праформы», объединяя их в одной лексической единице. Подобные гибридные образования производят эффект полифонии, запускают механизм полисемантической и безлимитной ассоциативности текстового материала, расширяя в целом границы языкового знания. Исследование особенностей «деформированного» языка Дж. Джойса дополнено изучением возможности их передачи на русский язык. На основе анализа трех переводов «Улисса» и экспериментального фрагментарного перевода «Поминок по Финнегану» делается вывод о зависимости выбора переводческого приема от структурных совпадений/несовпадений языков перевода и оригинала, а также от уровней языка, затронутых Дж. Джойсом в процессе «разрушения» английского языка. Отмечается принципиальная невозможность полной передачи смысловой глубины текста и его стилистических особенностей на язык перевода.

Ключевые слова: *языковая норма, девиации, деформация, окказиональное слово, полисеманτικότητα, модель словообразования, переводимость*

Для цитирования:

Нестерова Н.М., Наугольных Е.А. Деформация языка в произведениях Дж. Джойса: проблема интерпретации и перевода // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 2. С. 460—472. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-460-472.

1. ВВЕДЕНИЕ

Как известно, тема «язык и автор» уже давно занимает как лингвистов, так и философов. Эта проблема была сформулирована еще В. Гумбольдтом, который считал, что «человек думает, чувствует и живет только в языке», но в то же время

он весь «не укладывается в границы своего языка; он больше того, что он может выразить словами» (Гумбольдт 1985: 383). Вопрос о «власти» языка над человеком стал одним из ключевых для постструктуралистов. Так, Р. Барт сравнивал языковую деятельность с «законодательной», поскольку, по его мнению, язык является средством классификации, которая есть форма «подавления». Следовательно, язык — это «общеобязательная форма принуждения», в его знаках дремлет «чудовище, имя которому — стереотип», пленниками этого «чудовища» мы все неизбежно становимся (Барт 2001: 333). И. Бродский, размышляя на тему языкового диктата, также неоднократно отмечал зависимость писателя (поэта) от языка — зависимость абсолютную и деспотичную, но в тоже время и раскрепощающую. Сумев понять «закономерности, которые находятся в языке», хорошему писателю удастся «„произвести улучшения в языке“, а значит остаться в истории» (Brodsky 1986: 301).

Очевидно, что «диктат» языка особенно остро чувствуют художники слова, которые как раз и «не укладываются» в границы языка и его нормы, что заставляет их искать новые языковые формы, часто являющиеся намеренными языковыми девиациями, нарушающими/деформирующими конвенциональные языковые правила. Приведем еще одно высказывание В. Гумбольдта о взаимовлиянии языка и человека: «За влиянием языка на человека стоит закономерность языковых форм, за исходящим от человека обратным воздействием на язык — начало свободы» (Гумбольдт 1984: 84). Возникает вопрос: за счет чего можно воздействовать на язык и как получить свободу?

Замечено, что наличие асимметричности структуры — это необходимое условие развития любой системы, поскольку «только асимметричные системы имеют возможность эволюционировать» (Пищальникова, Чернова 2003: 62). Истинный писатель в процессе творчества неизбежно приходит тому, что М.М. Бахтин называл «освобождением от лингвистической определенности», поскольку только в литературном тексте, раскрывая все свои возможности, «язык превосходит самого себя» (Бахтин 1975: 47). Известно, что с понятием лингвистической нормы связаны прежде всего грамматический и лексический узусы, именно они являются «ограничителями» писательской свободы. Несмотря на то, что границы нормы и антинормы фактически размыты, то есть «не представляется возможным четкого проведения границ между ними», художественный текст становится особым исследовательским полем, позволяющим раскрыть концепцию нормы/антинормы наиболее целостно и объективно (Мурзин 1989: 6).

Вполне объяснимо желание писателя противостоять норме, превратить письмо в «акт перманентного мятежа», направленного против стереотипности (Ортега-и-Гассет 1991: 352). Литература, по словам Р. Барта, — это «блистательный обман», а искусство писать — это искусство «плутовать» с языком, «дурочить» его (Барт 2001: 334). Так рождается антинорма как особый прием, как один из способов «плутовать с языком», комплексное исследование которого позволяет раскрыть потенции языка, что и делает такое исследование актуальным.

Данная статья посвящена «блистательному обману» Дж. Джойса, плодами которого стали его два «нечитабельных» текста — «Улисс» и «Поминки по Фин-

негану». В статье представлены результаты исследования деформации языка в данных произведениях и проблемы их межъязыкового перевода. Дж. Джойс, обладая уникальным лингвокреативным мышлением, создал искусство, которое Э. Сепир определял как «специфически языковое и по существу непереводимое» (Сепир 2001: 196).

2. ДЕВИАЦИИ КАК ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ПРИЕМ

Как известно, в литературе модернизма и постмодернизма различного рода девиации являются достаточно распространенным приемом, за счет которого нарушаются границы художественного мировосприятия. Используя терминологию Р. Якобсона, можно утверждать, что интенционные девиации происходят как на «оси селекции», так и на «оси комбинации» (Якобсон 1990: 113). В первом случае это ведет к появлению авторских лексических новообразований, во втором — к целенаправленному нарушению правил построения предложений.

Как уже говорилось, желание автора нарушить норму и использовать в своем тексте языковые девиации на разных уровнях закономерно, поскольку именно интенционные девиации представляют собой индивидуально-авторскую модификацию коллективного языкового кода и служат средством выражения индивидуального языкового знания автора. Они являются способом авторской организации высказывания. Этот способ структурирования высказывания нестандартен, вступает в противоречие с коллективной языковой нормой и узусом, однако, с точки зрения индивидуального языкового сознания, языковая девиация представляет собой результат индивидуально выведенных речезыковых закономерностей.

Использование разного рода нарушений и отклонений от закономерностей функционирования языка позволяет наиболее полно воплотить авторский замысел, поставить под вопрос само существование границ художественного мировосприятия, что особенно свойственно, как уже отмечалось, литературе модернизма и постмодернизма. По мнению Е. Клюева, «неинтерпретируемость абсурда, или его интерпретируемость в любых категориях, что одно и то же, суть проявление „признака художественности“», таким образом «литература абсурда есть наиболее „художественная“» литература в составе художественной литературы в целом (Клюев 2000: 100).

Писатели-модернисты и постмодернисты, «отбросив лжеприродность традиционного литературного языка», переходят на сторону «языковой антиприродности» (Барт 2014: 296). Снятие всяких ограничений приводит к тому, что художники слова, руководствуясь необходимостью, могут пользоваться «для выражения внутренней основы любой формой» (Кандинский 2016: 56). Блестящим примером задействования всего арсенала девиаций, ведущих к новым формам, к соединению несоединимых семантических элементов является творчество Дж. Джойса. Девиативные отклонения самого разного типа особенно явно обнаруживаются в романах Дж. Джойса «Улисс» и «Поминки по Финнегану», более детальный анализ которых приводится далее.

3. ДЕФОРМАЦИЯ ЯЗЫКА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЖ. ДЖОЙСА

3.1. «Улисс»: история одного дня

Хорошо известно, что роман «Улисс» представляет собой реализацию намерения Дж. Джойса создать особую «лингвомузыкальную» технику письма (Rabaté 1986; Hart 1990; Docherty 2003). Музыкальные приемы в литературном произведении не только особым образом организуют звуковую материю, но и, будучи средством текстообразования, способны объединить языковую и внеязыковую реальности (Бибихин 2010: 268). Исследованные нами способы экстраполяции музыки в текстовый материал романа «Улисс» позволяют сделать вывод о том, что помимо прямых отсылок к музыкальным произведениям мелодия в тексте актуализируется при помощи различных девиаций: фонематическое, графическое искажение слов, звукопись и т. д. Кроме того, роман насыщен аномалиями на синтаксическом уровне и буквально весь пронизан техникой «асинтаксизма» (Эйзенштейн 2000: 320). В нем также присутствует более 1000 окказиональных новообразований, детальному анализу которых посвящена одна из наших предыдущих публикаций (Нестерова, Наугольных 2011).

Анализ текстов Дж. Джойса дает основание считать, что деформация языка у него четко контролируется, выполняя целый спектр назначений. Так, преобладание среди окказиональной лексики слов, созданных словосложением, можно рассматривать как попытку писателя стилизовать текст романа, превратить его в современную гомеровскую «Одиссею». Таким образом, нарушение языковых норм здесь не приводит к потере строгой организации художественного материала, а позволяет художнику проводить намеренную, четко выверенную деструкцию английского языка.

Поскольку в «Улиссе» Дж. Джойс действительно «превращает язык в одного из героев романа» (Burgess 2000: 22), становится интересным изучить границы «переводимости» произведения, ведь «what translates least is translation itself, the process of change (like “form” — “flow”), or the deviation from a norm» (Senn 1989: 85).

Проведенное сравнительное сопоставление оригинала и его трех русских переводов, выполненных переводческим объединением под руководством И.А. Кашкина (Джойс 2000), В. Хинкисом и С. Хоружим (Джойс 2002), а также С. Маховым (Джойс 2007), позволяет говорить о зависимости выбора переводческого решения от уровней языка, затронутых Дж. Джойсом в процессе языковой деформации, и от индивидуальных ассоциаций, рождающихся в сознании переводчика в процессе восприятия текстов Дж. Джойса. Поскольку текст «Улисса» представляет собой словесно-музыкальное единство, в котором знаки распределены в печатном пространстве относительно условно, реальное чтение и, соответственно, интерпретация романа всегда вариативны. В этой вариативности и заключается основной принцип поэтики Дж. Джойса, заимствованный писателем из музыки, и именно эта вариативность представляет серьезную проблему для переводчиков романа, поскольку «вектор» интерпретации не задан, а значит, существенную роль в восприятии языка писателя играют различного рода ассоциации.

Приведем несколько примеров переводческих решений, свидетельствующих о вариативности толкования и перевода слов, созданных писателем. Так, например, даже перевод относительно «прозрачного» с точки зрения модели словообразования и использованных компонентов фитонима *nightstalk* во фразе «angry tulips with you darling manflower punish your cactus if you don't please poor forget-me-not how I long violets to dear roses when we soon anemone meet all naughty *nightstalk* wife Martha's perfume» не так уж однозначен.

Новообразованную лексему можно трактовать двумя способами как *nights* (ночи) + *talk* (разговор) и *night* (ночь) + *stalk* (стебель, ножка черенок), поэтому в конечных переводческих решениях имеются существенные отличия. Варианты В. Хинкиса, С. Хоружего *ночной пестик* и С. Махова *ночной стебелек* не представляют собой прямые названия растений, а являются калькой окказиональной единицы Дж. Джойса (задействован второй способ разложения фитонима). В. Топер заменяет окказиональное слово узуральным, в ее переводе фигурирует *белладонна* — известное всем русским читателям растение.

Подобный выбор, безусловно, является примером творческого подхода переводчика, поскольку основывается, прежде всего, на содержательной компоненте эпизода. Используя лексему *белладонна* (в народе *сонная одурь*), В. Топер (одна из ярких представительниц школы художественного перевода, созданной под руководством И.А. Кашкина) продолжает цветочную игру, затеянную Дж. Джойсом с читателем, поскольку, как известно, английским вариантом *белладонны* является *deadly/sleeping nightshade*. Наличие семы *night* позволяет предположить, почему В. Топер прибегает именно к этому переводческому решению. Тем не менее, интенционные отклонения от нормы, лежащие в основе языковых игр Дж. Джойса и отсутствующие в тексте перевода, неизбежно ведут к смысловым и стилистическим потерям, а без оригинала связь с первой основой «ночь» оказывается невозможной (Джойс 2000).

Еще один случай — создание билингвальной контаминированной лексики *eyetallyano*, из которой при опоре на морфологическую структуру слова можно выделить следующие части: *eye* (англ. глаз), *tall* (англ. высокий), *-ano* (итал. суффикс). Три компонента вместе, бесспорно, рожают ассоциации с национальностью «итальянец». Русский читатель, столкнувшийся в романе с такими лексемами, как *гутальянец* (В. Хинкис, С. Хоружий) и *эталианец* (С. Махов), скорее всего не получит представление обо всем богатстве семантики, заложенной Дж. Джойсом в оригинальную единицу. Созданные переводчиками неологизмы, как нам кажется, не вызывают аналогичный ассоциативный ряд, поскольку могут быть интерпретированы в ином ключе. *Гутальянец*, по-видимому, был образован В. Хинкисом и С. Хоружим контаминацией слова *гуталин* (возможно, немецкого слова *gut* — *хороший*), а значит, рождает образ «итальянца, торгующего гуталином» или «хорошего итальянца». Переводческое решение С. Махова *эталианец* обладает высокой степенью смысловой расплывчатости из-за полифункциональности указательного местоимения «это».

Сумев передать созвучие с национальностью *итальянец*, все переводчики так и не смогли найти возможность выразить два других компонента слова.

Разложение «деформированной» лексической единицы на составные части и их субъективное сочетание порой приводит к девиациям, даже несколько противоречащим тем, которые были использованы автором.

Таким образом, серьезная деформация английского языка в романе «Улисс» является не только результатом первого смелого эксперимента автора над нормой английского языка, но примером специально смоделированного писателем игрового текста. Его стилистические особенности и смысловая глубина окказиональных новообразований с трудом поддаются межъязыковой передаче, поэтому считаем, что именно наличие разных прочтений текста Дж. Джойса дает возможность читателю увидеть «способ производства» лексических новообразований писателя. В целом, проведенный анализ этих «новых слов» позволяет говорить о зависимости выбора переводческого приема от сложности словообразовательной модели, использованной Дж. Джойсом. Сложность и разнообразие моделей создания новых языковых единиц особенно ярко проявились в работе над последним романом «Поминки по Финнегану».

3.2. «Финнегановский язык», или Ночное путешествие языка

Лингвистические эксперименты, начатые писателем в «Улиссе», приводят к полному разрушению языка в «Поминках по Финнегану», делая этот последний роман не только непереводаемым, но и практически не поддающимся прочтению и интерпретации (Mcgee 1988; Millesi 2003). Как известно, «Улисс» — это история одного дня, в то время как «Поминки по Финнегану» — история одной ночи, в которой Дж. Джойс усыпляет английский язык, поскольку, как выразился сам автор, «нельзя передать разные стадии сна посредством слов в их обычных отношениях и связях» (Pound, Joyce 1968: 245). На русском языке до сих пор нет ни одного полного официально признанного перевода этого произведения. Как отмечает У. Эко, «Поминки по Финнегану» написаны «не по-английски, а „по-финнегановски“, и этот финнегановский язык не искусственный, а скорее многоязычный, поэтому переводить его было бы достаточно бесполезным делом» (Эко 2006а: 363).

Подобного мнения придерживаются и многие российские исследователи творчества ирландского писателя, отмечая что «последняя книга Дж. Джойса рассчитана на того, кто сделает освоение текста делом жизни», ведь этот текст есть не что иное, как «50 тысяч неологизмов и слов-гибридов, почерпнутых из 70 языков, при этом „словесную руду“ поставляла Джойсу целая армия помощников, среди которых был молодой С. Беккет» (Рознатовская 2007: 315).

Языковые девиации Дж. Джойса в романе «Улисс», исследованные нами ранее, позволили предположить, что определенные закономерности можно выделить и в деформированном на первый взгляд до неузнаваемости языке последнего произведения писателя. Сравнительный анализ двух романов Дж. Джойса показал, что текст «Поминок по Финнегану» значительно больше наполнен окказионализмами, чем «Улисс», а их словообразовательная структура еще более сложна и многопланова. В этом романе Дж. Джойс гораздо реже использует обычное словосложение для создания окказиональных слов. Здесь писатель часто сочетает

морфемы разных языков, то есть использует технику «полиглотизма» (Kreuzer 1969: 82). Так, окказионализм *Womensch* образован междусловным наложением английской лексемы *women* (женщины) и немецкого слова *Mensch* (человек). Возрастает процент слияний (*he takecups, in goingaways, feelfull thinkamalinks*). Увеличивается доля окказионализмов, образованных по смешанным моделям, в тексте присутствует огромное количество слов-саквояжей, слов, содержащих культурно-исторические реалии. Приведем одно из предложений данного романа:

The *goragorridgorballyed pushkalsson*, he sazd, with his bellows pockets full of pochatoes and his fox in a stocmach...and that hell of a hull of a hill of a camelump bakk.

Как мы видим, окказиональная единица *goragorridgorballyed* представляет собой цепочку из падежных форм русской лексемы «гора» в единственном и множественном числе (*gora* — им. п. единственное число, *gorri* — им. п. множественное число, род. п. единственное число, *gor* — род. п. множественное число). Редупликация, в целом не характерная для английского языка, часто используется Дж. Джойсом для передачи континуальности семантики сложного слова (*dought-doughty, sinkasink, cowcow, forfor*). В анализируемом примере происходит утроение исходного компонента, что позволяет писателю добиться особой экспрессивности и семантической насыщенности образа, создать эффект бесконечной горной гряды. Помимо компонента «гора» в окказиональной лексеме можно выделить английское слово *ball* (*мяч, ядро*), использование которой трактуется нами ниже. Образование слова-гибрида завершается прибавлением суффикса, позволяющего определить часть речи лексемы, созданной автором.

Начатое нами исследование языка «Поминок по Финнегану» уже позволяет говорить, что использование иноязычных элементов при создании окказионализмов нередко сопровождается дублированием иностранной лексемы соответствующим английским словом в близком контексте. Это дает возможность читателю раскодировать элемент иноязычной языковой системы в пределах нескольких предложений.

То, что загадки Дж. Джойса всегда сопровождаются подсказками, а каждое ключевое слово абзаца «окружено» ассоциативным рядом, позволяющим раскрыть языковую игру писателя с читателем, отмечают многие исследователи творчества Дж. Джойса (Cambell 1944; Szczerbowski 2000). Так, русское слово *gora* повторяется автором в конце анализируемого предложения в словосочетании «hell of a hull of a hill», где *hill* (*холм, гора*) также образует тройственную цепочку только на уровне звукового ряда. Подобным образом с помощью элемента *ball* в лексеме *goragorridgorballyed* Дж. Джойс раскрывает значение следующей окказиональной единицы *pushkalsson*, в которой вычленяется русская лексема «*пушка*», дублируется единица *ball* и появляется новый элемент *son*.

Проанализированный пример демонстрирует особую технику языковой игры Дж. Джойса в «Поминок по Финнегану», которая иллюстрирует принцип интеграции разных языковых систем в ткань художественного произведения с целью максимально расширить полисемантическую образованных единиц и обогатить ассоциативность представленного читателем материала.

Языковая игра Дж. Джойса часто строится на обыгрывании подобия фонетического звучания между разными иноязычными лексемами. Как правило, окказиональный гибрид, содержащий лексемы других языков, можно разбить на значимые элементы английского языка. В истории о русском генерале военная тематика прослеживается в словах бытового лексикона: *he gatovit* (*gat* — *ружье*, *пистолет* + глагол русского языка *готовит*), *huzzars* (просвечивает русское слово *гусар*, однако читатель английского текста скорее всего сразу вычленил созвучные лексемы *whose* (*чей*) и *arse* (*ягодицы*)), *trovatarovitch* (предположим, что лексема ассоциируется с русским словом «товарищ», расщепленным английской лексемой *tar* — *смола*, т. е. жидкость, используемая во время войны при снятии осады для защиты от врагов) и т. д.

Особое внимание Дж. Джойс уделяет окказиональным антропонимам, еще большую роль в которых, если сравнить с романом «Улисс», начинает играть аллитерация. Кроме того, большинство из них рождает огромное количество ассоциаций, задействуя при этом элементы других языков и культурные реалии. Так, в романе появляется господин *Bastabsco* (контаминация *basta* + *tabasco*), город *Coxenhagen* (*cox* — *управлять лодкой* + *Copenhagen*), название *Baltiskeeamore* (аллюзия на *Балтийское море* + *amore*) и т. д.

Замечено, что инкорпорирование иноязычной лексики в англоязычный текст «Поминок по Финнегану» происходит как на лексическом, так и на морфологическом уровнях. Так, например, вхождение иностранной лексемы может сопровождаться английским артиклем (*of rooma makin ber getting umptyums gatherumed off the skattert*) или ее оформлением английским аффиксом. Неологизм *Kunstful* был образован путем прибавления английского суффикса *-ful* к немецкой лексеме *Kunst* (искусство), прилагательное *molodetzious* представляет собой русское слово «молодец», оформленное английским аффиксом *-ous*, а в лексической единице *zirkvvs* отчетливо осознается русское слово «церковь», завершенное английским окончанием множественного числа имени существительного.

Как отмечает ряд исследователей произведений авангардистов XX века, «тексты, подобные „Поминкам по Финнегану“, содержат огромное количество потенциальных значений, ни одно из которых не является доминирующим» (Усманова 2000: 95). «Всякое слово у Джойса находится в какой-то взаимосвязи со всеми прочими и от *выбора* значения, произведенного на самой последней черте, зависит понимание всего остального» (Эко 2006б: 81).

Таким образом, произведение Дж. Джойса представляет целое поле возможностей его прочтения, актуализация которых диктуется интерпретацией каждого читателя. Он становится участником творческого процесса, а от его кругозора, фоновых знаний и владения языками зависит в целом восприятие романа. В подобной лингвистической игре вынужден принимать участие и переводчик. Результатом его огромной самостоятельной инициативы становится произведение, стремящиеся передать ритмичную структуру и все ассоциативные цепочки оригинала, однако постоянно открывающиеся интерпретации бесчисленны, а значит и способов перевода значительно больше, чем может показаться сначала. Тем не менее, любая попытка перевода романа «помогает лучшему пониманию оригинала, как это ни парадоксально, некоторые его возможности раскрываются лишь

в переводе на другие языки» (Бибихин 2010: 132). Подобную мысль озвучивает и Ф. Зенн, утверждая, что именно переводы дают ключи к разгадкам, казалось бы, «бесконечных языковых мозаик, предложенных Дж. Джойсом» (Senn 1984: 2).

В настоящее время в нашем распоряжении имеются переводы только фрагментов романа Дж. Джойса, выполненные А. Волхонским. Анализ этих отрывков показал, что А. Волхонский часто оказывается перед выбором, заменять ли, в частности, огромное количество русских лексем другой славянской лексикой для сохранения колорита или оставлять единицу неизменной.

Очевидно, что это далеко не единственная сложность, возникающая на пути переводчика. Затемненность смысла вызвана широкой семантикой окказиональной лексемы, в образование которой нередко вовлечены сразу несколько языковых уровней и систем. Так, первая часть словосочетания *moriartsky butcherudd* содержит русскую лексему *моряк* и английскую единицу *sky* (небо). Во второй части можно выделить *Blut* (в немецком языке — кровь), *butcher* (в английском языке — мясник), *red* (в английском языке — красный). Возможно, передается мысль о военном моряке (красноармейце), сражающемся с особой жестокостью.

Несомненно, что помимо субъективной интерпретации произведения на конечный результат влияют и объективные факторы, а именно структурное различие языковых систем английского языка и языка перевода. Однако пока трудно говорить о всех сложностях и возможностях перевода, поскольку нет полного перевода этого, может быть, самого загадочного текста в мировой литературе.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сама реальность в текстах, подобных «Улиссу» и особенно «Поминкам по Финнегану», — это всего лишь «комбинация различных языков и языковых игр», «плотное сплетение интертекстов» (Липовецкий 1997: 21), постоянное обыгрывание языковых условностей, деформации и аномалии. В «Помиках по Финнегану» английский язык еще в большей степени «встречается с единицами других лексических систем, которые вынуждают его мутировать окончательно и безвозвратно (Taylor-Batty 2013: 24).

Разноязычие в основе доминирующего процента созданных Дж. Джойсом слов-саквояжей позволяет писателю, с одной стороны, создать эффект полифонии, а с другой — сделать текст полисемантическим, открытым для множества толкований, что, несомненно, демонстрирует особое языковое знание писателя. Тем не менее, разрушение структуры слова, каким бы сложным и непонятным оно ни казалось, осуществляется Дж. Джойсом системно. Он стремится вступить в «великий поток языка, чтобы овладеть им, а в нем и всем миром» (Эко 2003: 345). Перед переводчиком, дерзнувшем взяться за «Поминки по Финнегану», стоит невероятно трудная задача — расшифровать этот архисложный текст и найти (точнее, изобрести) на ином языке способы воссоздания/создания уникального концептуального пространства текста, построенного гениальным ирландским писателем, избравшим деформацию языка в качестве своего художественного приема.

Очевидно, что именно многоязычие, сквозь призму которого преломляется английский язык, обретая при этом новое звучание, становится основной слож-

ностью в процессе перевода «Поминок по Финнегану». Как уже отмечалось, полного официального перевода этого произведения на русский язык пока не существует, однако хочется надеяться, что таковой появится, что найдется «смелый» переводчик, который примет вызов Дж. Джойса и попытается перевести в принципе непереводаемый текст. Появление такого перевода позволило бы увидеть границы переводимости этого удивительного лингвистического (специально сконструированного автором) многоязычного текстового пространства.

© Н.М. Нестерова, Е.А. Наугольных, 2019

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. М.: Академический проект, 2001. С. 327—370 [Barthes, R. (2001). *Nulevaya stepen' pis'ma* (Writing zero degree). *Semiotika*. Moscow: Akademicheskii proekt, 327—370 (In Russ.).]
- Барт Р. Мифологии. М.: Академический проспект, 2014. 351 с. [Barthes, R. (2014). *Mifologii* (Mythologies). Moscow: Akademicheskii prospekt. (In Russ.).]
- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Худож. лит., 1975. 504 с. [Bakhtin, M.M. (1975). *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* (Questions of literature and aesthetics: the study of different years). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russ.).]
- Бибихин В.В. Слово и событие. Писатель и литература. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2010. 416 с. [Bibikhin, V.V. (2010). *Slovo i sobytie. Pisatel' i literatura* (The word and the event. The writer and literature). Moscow: Russkii fond sodeistviya obrazovaniyu i nauke. (In Russ.).]
- Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с. [Humboldt, W. (1984). *Izbrannye trudy po yazykoznaniiu* (Selected Works on Linguistics). Moscow: Progress. (In Russ.).]
- Гумбольдт В. фон. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 452 с. [Humboldt, W. (1985). *Yazyk i filosofiya kul'tury* (Language and philosophy of culture). Moscow: Progress. (In Russ.).]
- Джойс Дж. Избранное. М.: Радуга, 2000. 624 с. [Joyce, J. (2000). *Izbrannoe* (Selected works). Moscow: Raduga. (In Russ.).]
- Джойс Дж. Улисс: Роман / Пер. В. Хинкис, С. Хоружий. СПб.: Симпозиум, 2002. 830 с. [Joyce, J. (2002). *Uliss* (Ulysses). Saint Petersburg: Simpozium. (In Russ.).]
- Джойс Дж. Сочинения в 3 т. Т II: ОдиссейЯ / Пер. С. Махов. М.: СФК Инвест, 2007. 696 с. [Joyce J. (2007) *OdisseiYa*. Moscow: SFK Invest. (In Russ.).]
- Кандинский В.В. О духовности в искусстве. Москва: Издательство Э, 2016. 160 с. [Kandinskii, V.V. (2016). *O dukhovnosti v iskusstve* (On spiritual in Art). Moscow: Izdatel'stvo E. (In Russ.).]
- Клюев Е.В. Теория литературы абсурда. М.: Изд-во УРАО, 2000. 104 с. [Klyuev, E.V. (2000). *Teoriya literatury absurda* (Theory of literary nonsense). Moscow: Izdatel'stvo URAO. (In Russ.).]
- Липовецкий М.Н. Русский постмодернизм: очерки исторической поэтики. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 1997. 317 с. [Lipovetskii, M.N. (1997). *Russkii postmodernizm: ocherki istoricheskoi poetiki* (Russian postmodernism. Essays of historical poetics). Ekaterinburg: Ural'skii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet. (In Russ.).]
- Мурзин Л.Н. Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки: типология, деривация и функционирование. М.: Институт языкознания, 1989. С. 5—13 [Murzin, L.N. (1989). *Norma, rechevoi priem i oshibka s dinamicheskoi tochki zreniya*

(Norm, language device and mistake from dynamic point of view). *Rechevye priemy i oshibki: tipologiya, derivatsiya i funkcionirovanie* (Language devices and mistakes: typology, derivation and functioning). Moscow: Institut yazykoznaniya, 5—13. (In Russ.).]

- Нестерова Н.М., Наугольных Е.А. О «загадочных» окказионализмах Дж. Джойса и способах их перевода // *Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода*. 2011. № 2. С. 74—83 [Nesterova N.M., Naugol'nykh E.A. (2011). O «zagadochnykh» okkazionalizmakh Dzh. Dzhoisa i sposobakh ikh perevoda (On “mysterious” nonce words of James Joyce and their translatability). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda*, 2, 74—83. (In Russ.).]
- Ортега-и-Гассет Х. Нищета и блеск перевода // Что такое философия? М.: Наука, 1991. С. 336—352. [Ortega y Gasset, J. (1991). Nishcheta i blesk perevoda (The misery and the splendor of translation). *Chto takoe filosofiya?*. Moscow: Nauka, 336—352 (In Russ.).]
- Пищальникова В.А., Чернова М.М. Ритмомелодическая структура текста как репрезентант эмоционально-смысловой доминанты. М.: РИО, 2003. 266 с. [Pishchal'nikova, V.A., Chernova, M.M. (2003) *Ritmomelodicheskaya struktura teksta kak reprezentant emotsional'no-smyslovoi dominanty* (The rhythmic and melodic structure of the text as representation of emotional-semantic dominant). Moscow: RIO. (In Russ.).]
- Рознатовская Ю.А. Вступление в «Одиссею» // Дж. Джойс. Дублинцы. М.: Вагриус, 2007. С. 307—317. [Roznatovskaya, Yu.A. (2007). Vstuplenie v “Odyssey” (“Odyssey” preface). J. Joyce. *Dublintsy* (Dubliners). Moscow: Vagrius, 307—317. (In Russ.).]
- Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс, 2001. 655 с. [Sapir, E. (2001). *Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kul'turologii* (Selected works on linguistics and culturology). Moscow: Progress. (In Russ.).]
- Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. Минск: ПроPILEI, 2000. 200 с. [Usmanova, A.R. (2000). *Umberto Eko: paradoksy interpretatsii* (Umberto Eco: the paradoxes of interpretation). Minsk.: Propilei. (In Russ.).]
- Эйзенштейн С.М. Монтаж. М.: Музей кино, 2000. 591 с. [Eizenshtein, S.M. (2000). *Montazh* (Towards a theory of montage). Moscow: Muzei kino. (In Russ.).]
- Эко У. Поэтики Джойса. СПб.: Симпозиум, 2003. 496 с. [Eco, U. (2003). *Poetiki Dzhoisa* (The Middle Ages of James Joyce, the aesthetics of chaosmos). Saint Petersburg: Simpozium. (In Russ.).]
- Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. СПб.: Симпозиум, 2006а. 574 с. [Eco, U. (2006a). *Skazat' pochti to zhe samoe. Opyty o perevode* (Experiences in translation). Saint Petersburg: Simpozium. (In Russ.).]
- Эко У. Открытое произведение. СПб.: Симпозиум, 2006б. 412 с. [Eco, U. (2006b). *Otkrytoe proizvedenie* (The open work). Saint Petersburg: Simpozium. (In Russ.).]
- Якобсон Р.О. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. С. 110—132. [Yakobson, R.O. (1990). Dva aspekta yazyka i dva tipa afaticheskikh narushenii (Two aspects of language and two types of aphasic disturbances). *Teoriya metafory*. Moscow: Progress, 110—132. (In Russ.).]
- Brodsky, Joseph (1986). To Please a shadow. Less Than One: selected essays. New York: Farrar, Straus and Giroux, 1986, 297—313.
- Burgess, Anthony (2000). ReJoyce. New York: W. W. Norton & Company.
- Cambell, Joseph, Morton Robins, Henry (1944). Skeleton key to Finnegans Wake. New York.
- Docherty, Thomas (2003). “Sound sense”; or “tralala”/ “moocow”: Joyce and the anathema of writing. James Joyce and the difference of language. Cambridge: University Press, 112—127.
- Hart, Clive (1990). The rhythm of Ulysses. *James Joyce: the artist and the labyrinth*. London: Ryan publishing, 153—167.

- Kreutzer, Eberhard (1969). Sprache und Spiel im “Ulysses” von James Joyce. Bonn. (In German).
- Milesi, Laurent (2003). Language(s) with a difference. James Joyce and the difference of language. Cambridge University press, 1—25.
- McGee, Patrick (1988). Paperspace: style as ideology in Joyce’s Ulysses. Lincoln: University Press.
- Pound, Ezra, Joyce, James (1968). The Letters of Ezra Pound to James Joyce. New York: New Directions.
- Rabaté, Jean-Michel (1986). The silence of Sirens. James Joyce: the centennial symposium. Chicago: University of Illinois press, 82—88.
- Senn, Fritz (1984). Joyce’s dislocutions: essays on reading and translation. Baltimore: The Johns Hopkins University Press.
- Senn, Fritz (1989). Beyond the lexicographer’s research: literary overdetermination. Translation and lexicography. Innsbruck, John Benjamins publishing company, 79—88.
- Szczerbowski, Tadeusz (2000). Anna Livia Plurabelle po polsku. Krakow: Wydawnictwo Naukowe Akademii Pedagogicznej. (In Polish).
- Taylor-Batty, Juliette (2013). Multilingualism in Modernist Fiction. New York: Palgrave Macmillan.

Article history:

Received: 10 January 2018

Revised: 08 February 2018

Accepted: 15 March 2018

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 января 2018

Дата принятия к печати: 15 марта 2018

Сведения об авторах:

НЕСТЕРОВА НАТАЛЬЯ МИХАЙЛОВНА — доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры иностранных языков, лингвистики и перевода Пермского национального исследовательского политехнического университета. *Сфера научных интересов:* лингвофилологические проблемы перевода, литература модернизма и постмодернизма, вторичность как текстовая категория, интертекстуальность, психолингвистика текста.

Контактная информация: e-mail: nest-nat@yandex.ru

НАУГОЛЬНЫХ ЕВГЕНИЯ АНДРЕЕВНА — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Пермской государственной фармацевтической академии. *Сфера научных интересов:* словотворчество, языковые девиации, литература модернизма и постмодернизма, художественный перевод.

Контактная информация: e-mail: pulina_jane@mail.ru

Bionotes:

NATALYA M. NESTEROVA — Doctor of Philology, Professor at Foreign languages, linguistics and translation department at Perm National Research Polytechnic University. *Research interests:* linguistic and philosophical issues of translation, modern and postmodern literature, secondary texts, intertextuality, psycholinguistics of text.

Contact information: e-mail: nest-nat@yandex.ru

EVGENIYA A. NAUGOLNYKH — Ph.D., Associate Professor at Foreign languages department at Perm State Pharmaceutical Academy. *Research interests:* word creation, language deviations, modern and postmodern literature, literary translation.

Contact information: e-mail: pulina_jane@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-473-486

Translation of Words with a Cultural Component (Based on the Spanish Translation of the Novel by Eugene Vodolazkin “The Aviator”)

Rafael Guzmán Tirado

University of Granada
18, Calle La Paz, Granada, Spain

Abstract

This article is dedicated to some aspects of translation of vocabulary with a cultural component (realia, idioms, metaphors, comparisons, etc.). In the frame of our Spanish translation of Evgeny Vodolazkin's novel *Aviator* are analyzed some issues of literary translation of this kind of words. This translation (first Evgeny Vodolazkin's work translated to this language), financed by a grant of the Institute of Translation in Moscow, was published in November 2018. When answering the question which instruments have the translator to make possible the transfer of words with a cultural component from one language to another and whether it is possible to convey cultural realities without losing a significant share of sense, our research shows with a rich variety of examples taken from *Aviator* that the translation text does not always create the same effect and does not always have the same emotional effect on the recipient, since vocabulary with a cultural component is closely related to the culture and language of the realities of the text culture. In the article shows some of the strategies, used by the translator to translate these words and how the cultural factor and the lack of prior knowledge create great difficulties, requiring more attention from the translator and serious operational intervention in the literary text he works with.

Keywords: *Realia, cultural component, literary translation, culture, strategies, Evgeny Vodolazkin*

For citation:

Tirado, Rafael Guzmán (2019). Translation of Words with a Cultural Component (Based on the Spanish Translation of the Novel by Eugene Vodolazkin “The Aviator”). *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 473—486. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-473-486.

Особенности перевода художественного текста с русского языка на испанский (на материале перевода романа Евгения Водолазкина «Авиатор»)

Рафаэль Гусман Тирадо

Гранадский университет
18, Calle La Paz, Granada, Spain

Аннотация

Статья посвящена некоторым аспектам перевода лексики с культурным компонентом (реалии, идиомы, метафоры, сравнения и др.). На материале перевода романа Евгения Водолазкина «Авиатор» на испанский язык анализируются вопросы художественного перевода такого рода слов. Этот

перевод (первое произведение Евгения Водолазкина на испанском языке) был реализован при финансовой поддержке «Института перевода» (Москва) и вышел в свет в ноябре 2018 года. Отвечая на вопрос о том, какие инструменты есть у переводчика для перевода слов с культурным компонентом с одного языка на другой и можно ли передать культурные реалии, не теряя значительную долю смысла, наше исследование показывает на материале разнообразных примеров, взятых из романа «Авиатор», что в переводе для читателя-инофона не всегда сохраняется тот эмоциональный эффект, который чувствует русскоязычный читатель романа, поскольку лексика с культурным компонентом тесно связана с культурой и языком оригинального текста. В статье показаны некоторые стратегии, используемые переводчиком для перевода этих слов, а также то, как культурный фактор и отсутствие предварительных знаний создают большие трудности переводчику, требующие большего внимания с его стороны к культурологическому аспекту перевода и серьезного оперативного вмешательства в литературный текст, с которым он работает.

Ключевые слова: *реалии, культурный компонент, художественный перевод, культура, стратегии, Евгений Водолазкин*

Для цитирования:

Рафаэль Гусман Тирадо. Особенности перевода художественного текста с русского языка на испанский (на материале перевода романа Евгения Водолазкина «Авиатор») // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 2. С. 473—486. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-473-486.

1. ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время культурные элементы стали предметом исследований различных языковых дисциплин (сравнительная лингвистика, этнолингвистика, теория межкультурной коммуникации и т.д.). Понятие «культура» также имеет важное значение для переводоведения, так как очевидны отношения между культурой и переводом, следовательно, культурные аспекты вызывают растущий интерес в области перевода (Franco Aixelá 1996; Lvovskaya 1997; Molina Martínez 2006; Luque Nadal 2009; Olalla Soler, Hurtado Albir 2013; Kurbakova, Borishanskaya 2013; Iakovleva 2013; Lilikovich 2013; Dudik 2014; Chesnokova, Talavera-Ibarra 2015; Cranmer 2015; Guzmán Tirado, Grechukhina 2015; Sokolova 2015; Sokolova, Guzmán Tirado 2016; Tsenko, Nelyubova, Ershov 2016; Paputsevich 2018).

Несомненно, существует тесная связь между языком и корнями национальной культуры. Известно, что значение, которое определенное общество придает тем или иным явлениям действительности, находит свое отражение в языке. Изобилие или дефицит семантических различий отражают интересы, потребности и чувства сообщества для определенной сферы реальности: известны такие примеры, как различия между разными оттенками белого цвета в исландском языке, более семидесяти видов снега в Гренландии, различные вариации слова «орех» на хинди, существование двух различных слов для дяди со стороны матери и отца в арабском языке, разнообразная лексика для описания особенностей племени пайюты (индейский этнический народ), тридцать семь различных слов для обозначения «героя» или «князя» и дюжина слов для обозначения «битвы», которые появляются в англосаксонской эпической поэме «Беовульф» (Casado Velarde в Molina Martínez, 2006: 27).

В силу очевидности особых отношений между культурой и переводом вопрос переводимости лексики с культурным компонентом имеет важное значение для

переводоведения и является предметом продолжающихся дебатов в области взаимодействия культуры и перевода. То, что переводится с одного языка на другой, — это текст, который принадлежит к определенной культурной системе и социально-исторической среде, поэтому знакомство с культурными, социальными и историческими реалиями данного языка является необходимым условием для переводчика. Процесс коммуникации на другом языке требует не только владения определенными языковыми и грамматическими знаниями, но и знакомства с культурой языка текста, ведь значение, которое определенное общество придает тем или иным явлениям действительности, всегда находит свое отражение в языке. Как отмечает А. Уртадо, «выучить язык означает знать социальную и культурную реальность, которая скрывается за словами» (Hurtado 1996: 12).

Переводчик, словно посредник, должен иметь глубокие знания об обеих культурах, чтобы устранить препятствия, неизбежно возникающие в процессе работы над художественным текстом, так как в противном случае результатом его работы будут лишь мертвые тексты или бессмысленные слова и выражения, в то время как миссия переводчика — передавать идеи, мысли и образы, давать новую жизнь тексту оригинала.

При переводе лексики с культурным компонентом экстралингвистические знания более важны, чем простое знание языка текста и перевода. Как писал М. Снелл-Хорнби, перевод реализуется не между языками, а между культурами, так что переводчик должен быть не только двуязычным, но и «двукультурным» (Snell-Hornby 1988: 46). С этой точки зрения он не стремится интерпретировать переведенный текст как изолированную сущность (переводчик решил, что и как переводить), а, скорее, перевод будет зависеть от социально-культурных и исторических надындивидуальных факторов, характерных для целевой культуры: «социальные нормы и литературные конвенции целевой культуры (целевая система) управляют эстетическими предпосылками переводчика и влияют на его решения» (Folice 2008: 87). В этой связи теории перевода задают себе три типа вопросов, которые напрямую связаны с темой нашей работы:

Почему переводится?

Зачем переводится?

Кому переводится?

В ответ на это можно сказать, что переводится, потому что языки и культуры различны, причина существования самого перевода — языковые и культурные различия.

Переводится, чтобы сообщать, чтобы прорваться через изоляцию из-за языковых и культурных различий. Перевод имеет, таким образом, коммуникативную цель.

Переводчик, за очень редким исключением, не переводит для себя, но он переводит получателю, тому, кто нуждается в нем как языковом и культурном посреднике. Переводится для тех, кто не знает язык и обычно культуру определенного текста (письменного, устного или визуального).

Как отмечает А. Уртадо, перевод основывается на четырех ключевых моментах:

1 — причина существования самого перевода — различия между языками и культурами;

2 — перевод имеет коммуникативную цель;

3 — перевод направлен получателю, который нуждается в переводе, так как не знает язык и культуру, в которой исходный текст сформулирован;

4 — перевод обусловлен преследуемыми целями, и эти цели варьируются в зависимости от случая (Hurtado 2001: 28—29).

Таким образом, переводчик должен принять это во внимание и передавать вместе с языком культурные и социальные факты, поэтому язык уже не является просто системой связи, а становится объектом и средством культуры.

Известно, что нормы и правила переводов меняются в зависимости от времени, пространства и влияния харизматических личностей в обществе. Как отмечает М. Касадо Веларде, «Социальная жизнь, культура, политическая ситуация, цивилизация, технологическое развитие, табу и т.д. обуславливают, в неравной мере, типы дискурса, которые имеются в определенном сообществе» (Casado Velarde 1978: 98).

Что касается перевода лексики с культурным компонентом, то необходимо отметить, что культурные фрагменты, которые мы встречаем в тексте перевода, являются в первую очередь языковыми единицами, в формировании которых участвуют другие экстралингвистические факторы, такие, как история, вероисповедание, социология, знания, идеи, убеждения, литература и т.д., влияющие на языковое выражение, вот почему «переводчикам необходимы не только языковые компетенции, но и экстралингвистические компетенции» (Casado Velarde 1991: 42).

Эти фрагменты представляют некоторые проблемы переводчика, сначала для понимания и потом для перевода. Они обусловлены в значительной степени экстралингвистическими факторами, в основном связанными с исходной культурой, которую переводчик должен в дальнейшем адаптировать с учетом целевой культуры. Буквальный перевод может придать слову ложное значение или в результате привести к бессмысленным предложениям, хотя и грамматически правильным, поэтому мы можем сказать, что буквальный перевод недопустим для этих типов текстов. Практически во всех текстах, где сильны культурные реалии, автоматически возникают трудности в понимании и, следовательно, в переводе. Таким образом, необходимо понимание смысла оригинала, чтобы затем найти перевод в целевом языке.

В культурном переводе экстралингвистические знания более важны, чем простое знание языка исходного или целевого, то есть переводчик должен иметь хороший культурный фон, а затем некоторые хорошие навыки дедукции и связи коммуникатора конкуренции, как указывает Н. Буено дель Ромо (Bueno del Romo 2006: 313).

Важность культурного аспекта перевода, т.е. трудности при переводе лексики с культурным компонентом, отмечают многие специалисты, подчеркивая, что каждый текст укоренен в своей национальной культуре и имеет определенную функцию и свою цель. В Испании известны работы таких ученых, как J.C. Santoyo (1989), R. Mayoral Asensio (1999/2000), S. Gamero (2005). За рубежом известны такие представители русской школы, как А. Neubert (1973), G. Nielsch (1981),

A.V. Fedorov (1983), R. Leppihalme (1997), B. Nedergaard-Larsen (1999), T.A. Kazakova (2001), V.N. Komissarov (2001), V.S. Vinogradov (2001). R. Leppihalme, например, в своей книге “Culture bumps” подчеркивает важность культурного аспекта перевода, и приводит метафору, иллюстрирующую переводческий процесс: <...> «Исследователь и современный переводчик приближаются к тексту, как если бы они находились в вертолете: сначала обнаруживают культурный контекст, потом ситуационный контекст и, наконец, сам текст» (Leppihalme, 1997: 03). Д. Нойберт и Г.М. Шреве пишут в своих работах, что контекст, в котором переведены тексты, является неполным без учета культурного фактора (Neubert, Shreve 1992: 203—205).

При сравнении языков и культур обнаруживаются не только элементы, которые совпадают, но и другие, которые не совпадают. Чем больше сравниваемые народы и культуры и чем меньше контактов они имели на протяжении своей истории, тем больше они отличаются и тем меньше обнаруживается точек соприкосновения между ними (Tomahin, 1988). Очевидно, чем больше межкультурных контактов между двумя культурами, тем выше степень переводимости: растет количество культурных ссылок, которые требуют все меньше и меньше манипуляций переводчика, чтобы сделать их приемлемыми в целевой культуре. Имеет место четкий процесс постепенного признания его значения и признания его культурой конкретной реальности, которая устанавливает определенные стратегии перевода (Franco Aixela, 1996: 54—55).

Как переводчик должен относиться к социально-культурным и поведенческим различиям, которые отражаются в языке?

Любой перевод требует принятия решения о выборе приема перед анализом языковых и экстралингвистических факторов, имеющих свое отражение в тексте, чтобы затем применить при переводе то, что согласно смысловому содержанию является наиболее целесообразным. Только тогда перевод может способствовать взаимопониманию различных культур и может быть инструментом распространения знаний и обнаружения их различий или, наоборот, инструментом отрицания культурной специфики.

При переводе культурных реалий художественных текстов необходимо различать две возможные тенденции: доместикация против форенизации, согласно терминологии известного теоретика перевода Л. Венути. Доместикация является этноцентрическим сокращением иностранного текста по отношению к культурным ценностям, ведущего автора к этой культуре. Форенизация — отклонение от этих значений для установления языковых и культурных различий иностранного текста, принимаемых читателем в другой культуре (Venuti 1995: 17—20).

В процессе перевода художественного текста отношения между автором, переводчиком и читателем могут быть разными, хотя было бы идеально, если бы переводчик сохранил ту же близость между автором (исходного текста) и читателем (конечного продукта). Однако в действительности всегда бывают нерегулярные колебания в пользу автора или читателя.

2. АНАЛИЗ МАТЕРИАЛА: ПЕРЕВОД ЛЕКСИКИ С КУЛЬТУРНЫМ КОМПОНЕНТОМ В РОМАНЕ «АВИАТОР»

В данной работе на материале перевода на испанский язык романа Евгения Водолазкина «Авиатор» (Vodolazkin, 2018) мы рассмотрим некоторые вопросы художественного перевода, связанные с переводом лексики с культурным компонентом (реалии, фразеологизмы, метафоры, сравнения, просторечия и т.п.). Осуществленный нами перевод романа на испанский язык, состоявшийся благодаря гранту Института перевода в Москве, увидел свет в ноябре 2018 года.

Хотя Евгений Водолазкин хорошо известен в России и за рубежом, позволим себе сказать несколько слов об этом современном писателе. Евгений Водолазкин — прозаик, филолог, автор бестселлера «Лавр». В России его называют «русским Умберто Эко», в Америке — после выхода «Лавра» на английском — «русским Маркесом». Произведения Евгения Водолазкина переведены более чем на двадцать иностранных языков. На испанский язык роман «Авиатор» был переведен впервые, что позволит, по нашему мнению, заполнить некую лауну, существующую в сфере переводов произведений этого писателя на испанский язык. Поскольку на испанском языке говорят более 500 миллионов человек на планете, публикация этого романа на испанском может стать резонансным явлением в мире переводной зарубежной литературы. В индексе лучших российских писателей, опубликованном «Russia Beyond the Headlines» в 2017 году, Евгений Водолазкин занимает 25-е место — это самый высокий показатель среди живых авторов.

Тема нашего исследования довольно обширна, однако мы ограничимся лишь некоторыми аспектами перевода данной лексики и анализом стратегий, использованных нами для успешной передачи оригинала, и анализом некоторых проблем, с которыми мы столкнулись в процессе перевода.

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие все вышесказанное на материале «Авиатора».

Проза Евгения Водолазкина в указанном произведении отличается, по нашему мнению, блестящими описаниями, как отмечает сам герой романа, событий не важных, а обыкновенных.

- (1) ...Нет смысла писать о каких-то крупных событиях — о них она и так узнает. Описания должны касаться чего-то такого, что не занимает места в истории, но остается в сердце навсегда. (Водолазкин 2017: 336)
- ...No tiene sentido escribir acerca de los grandes acontecimientos históricos, porque ella los puede conocer sin mí. Las descripciones deben referirse a algo que no ocupa espacio en la historia, pero que permanece en el corazón para siempre.

Другой пример:

- (2) 1958-й. Летнее утро на Фонтанке. Солнце, ударившись об оконные стекла, под острым углом летит в реку. Дворник в белом фартуке поливает из шланга гранит набережной. Нажимая на наконечник шланга пальцем, он увеличивает давление, и вода с шипением шлифует розовую зерненную поверхность. Работа дворника не так проста, как может показаться, и не так безопасна. Дворник отпускает наконечник и отсутствующе смотрит на красный палец. Затем — на воду и ее безвольное течение. Качает головой.

Вновь нажимает на наконечник и теперь уже поливает, не отвлекаясь. С тротуара переводит струю на гранитный парапет, дальше — на орнамент решетки. Металл преобразует струю в миллионы брызг, и на солнце они превращаются в радугу. (Водолазкин 2017: 383)

Año 1958. Una mañana de verano en el canal Fontanka. El sol, tras golpear los cristales de las ventanas, se refleja en el río formando un ángulo. Un barrendero con delantal blanco riega con la manguera el granito del embarcadero. Al presionar el extremo de la manguera con el dedo, aumenta la presión y el agua pule la superficie granulada del granito rosa. El trabajo de barrendero no es tan simple ni tan seguro como podría parecer. Primero baja la manguera, se mira su dedo rojo y después observa, insatisfecho, el chorro flácido. Presiona el extremo de la manguera de nuevo y desde la acera manda, primero al muro de granito y después al enrejado, el chorro de agua que se convierte en millones de gotas que dibujan al sol un arco iris.

Следует отметить, что в произведениях Евгения Водолазкина доминирует эмоционально-экспрессивный стиль, который отличается экспрессией, сочетающейся с абстрагированием, отвлеченностью чувств. Что касается романа «Авиатор», то это произведение насыщено авторскими философско-нравственными изречениями, вызывающими устойчивые ассоциации с традицией Льва Толстого:

- (3) При жизни человека ничего невозможного нет — невозможность наступает только со смертью. Да и то не обязательно. (Водолазкин 2017: 184)

Durante la vida de una persona no hay nada imposible, la imposibilidad comienza solamente con la muerte. Y no necesariamente.

- (4) Опасность обостряет восприятие красоты. (Водолазкин 2017: 401)

El peligro agudiza la percepción de la belleza.

- (5) Все на свете когда-то уже было... (Водолазкин 2017: 177)

En el mundo ya ha ocurrido todo alguna vez...

- (6) Она не помещалась в голове и была страшна, потому что потеря всякого человека и всякой вещи является частью смерти. Которая есть потеря всего. (Водолазкин 2017: 313)

No me cabía en la cabeza y me parecía que era terrible, porque la pérdida de cualquier persona o de cualquier cosa constituye una parte de la muerte que es la pérdida de todo.

- (7) Рай — это отсутствие времени. (Водолазкин 2017: 164)

El paraíso es la ausencia de tiempo.

- (8) Я ведь даже имени ее не узнал. Не хотел? У тайны, считал, не может быть имени? (Водолазкин 2017: 255)

Ni siquiera conocía su nombre. ¿Puede ser que no quisiera conocerlo? ¿Puede ser que los misterios no tengan nombre?

Довольно часто у автора встречаются философские рассуждения о России, о ее прошлом и настоящем:

- (9) А в русской жизни исключение — правило, только Гейгер этого не понимает. Или, вернее, не принимает. (Водолазкин 2017: 232)

Pero en la vida rusa, la excepción se convierte en una regla, solo que Geiger esto no lo entiende. O, mejor dicho, no lo acepta.

В принципе и та, и другая особенность не составляют для переводчика особой трудности, если не учитывать эмоционально-экспрессивный стиль данных фрагментов.

При переводе «Авиатора» мы использовали разные стратегии перевода лексики с культурным компонентом: реалии, фразеологизмы, сравнения, метафоры и т.п. Все указанные слова отличаются высокой степенью культурной специфики, которая укоренилась в культуре текста и которая приносит переводчикам много трудностей. Чем выше степень культурной специфики реалии, тем больше вмешательство переводчика в художественный текст.

Говоря об «Авиаторе», можно отметить, что анализ приемов, используемых для перевода лексики с культурным компонентом, показывает, что на самом деле культурные элементы, более встроенные в культуру и в язык текста, передаются в большинстве случаев путем приема адаптации, которая включает в себя большее вмешательство со стороны переводчика, она ориентирована на тенденцию доместикации. Буквальный перевод, ориентированный на форенизацию, используется, как и было сказано, гораздо реже. Мы сталкивались с разными типами адаптаций и стратегий перевода:

1. Довольно частым решением переводчика является просто транслитерация реалии: *samovar*, *rapirosa*, *verstá*. Содержание реалии объясняется с помощью ссылки. Например:

(10) Но отцовские пальцы на шее вполне явственно двигались, а кипятик из самовара тек, и от него поднимался пар. (Водолазкин 2017: 71)

Sin embargo, yo veía claramente cómo los dedos de mi padre se movían en el cuello, cómo fluía el agua hirviendo del samovar y cómo salía vapor de él.

В данном случае учитывая, что слово «самовар» довольно известно уже за пределами России, мы решили просто транслитерировать, а не переводить его. Кроме этого мы добавили ссылку с объяснением, для тех читателей, которые не знакомы с этим компонентом русской действительности:

N.T.: Recipiente metálico en forma de cafetera alta, dotado de una chimenea interior y una resistencia. Sirve para hacer té. Antiguamente funcionaban con ascuas o carbón, ahora son eléctricos. El samovar se ha convertido en un icono de la cultura rusa del té.

Огромное количество российских и советских реалий абсолютно неизвестны испанской публике и требуют большего вмешательства со стороны переводчика для преодоления препятствий, создаваемых культурной дистанцией:

(11) Платонов (взгляд поверх пенсне), когда в корнях слов пишется ять? (Водолазкин 2017: 292)

Plátónov, ¿cuándo se escribe yat' en las raíces de las palabras?

В данном случае мы также добавили ссылку с объяснением:

N.T.: Yat' o Jat (Ъ, ъ) es una letra del antiguo alfabeto cirílico. Fue eliminada del alfabeto ruso, tras la reforma ortográfica de 1918.

Ту же стратегию пришлось применить и в следующем примере:

(12) И хотя пить самогон с Остапчуком было не ахти какой радостью, я выразил и то, и другое. (Водолазкин 2017: 158)

A pesar de que beber vodka casera con Ostapchuk no era, que digamos, una alegría, acepté.

N.T.: Se elabora en casa a través de destilación con ayuda de aparatos especiales. Se obtiene de la fermentación del azúcar, cereales, patatas, remolacha, frutas u otros productos que contienen azúcar. En Rusia es conocida popularmente con el nombre de samogón.

В переводе некоторых реалий вполне возможно и употребление эквивалентов, уже существующих в испанском языке:

- (13) — Берите оливье. Вот селедка под шубой. (Водолазкин 2017: 391)
— Póngase ensaladilla rusa. Ahí tiene el arenque en su abrigo de piel.

Для первого блюда есть эквивалент в испанском: *ensaladilla rusa*, но второе при таком экзотическом названии пришлось объяснять с помощью ссылки для испаноговорящего читателя.

2. В других случаях адаптация касается просто картины мира или обычаев: как на одно и то же явление по-разному смотрят в каждой культуре. Например, по-русски говорят:

- (14) Чем же я все-таки болею? Доктор, я буду жить? (Водолазкин 2017: 14)

Но на испанском языке эта фраза звучит по-другому:

- Doctor, ¿pero qué es lo que tengo exactamente? ¿Me voy a morir? ¿Qué día del mes es hoy?
- (15) — Воронина Анастасия Сергеевна в какой палате? (Водолазкин 2017: 169)
— ¿En qué habitación se encuentra Vorónina Anastasía?
- (16) Чай осенью на открытой веранде. Сапогом раздувают тлеющие угли. Сапог мягкий, как гармошка. И чистый — иначе как же таким будешь что-то раздувать на столе. (Водолазкин 2017: 364)

Me imagino una tarde de otoño tomando el té en el porche, al aire libre. Aventando las brasas con una bota. Es una bota suave como un acordeón.

3. При адаптации необходимо и учитывать стиль речи, то есть не заменять разговорную речь неразговорной и наоборот:

- (17) Бутылку с недопитым вином вынес на помойку — получается, напрасно Сева ее слямзил. (Водолазкин 2017: 88)
La botella con el vino que quedaba la tiré a la basura, no había tenido mucho sentido que Seva la birlara.
- (18) Приподняв полу сюртука, показывает торчащее из кармана брюк горлышко бутылки.
— Имеется «мерзавчик». (Водолазкин 2017: 45)

Тут пришлось заменить авторский пример испанской реалией.

Al levantarse un poco el faldón de la levita, queda al descubierto el cuello de una botella que asoma del bolsillo de los pantalones.
— Aquí tengo “combustible”.

4. Бывают случаи, когда реалию адаптировать невозможно. Причины для этого могут быть разные. В таких случаях перевод игнорируется, при небольшой потере смысла оригинала, если в испанском нет соответствующей ассоциации и невозможно ее создать. К примеру, в испанском языке слово «la tele» (телек) не ассоциируется «с чем-то телячьим», то есть со словом «теленок» как, например, в данном фрагменте:

(19) — Говорите телек, — ответил он.

Есть в этом что-то телячье, я еще подумаю, стоит ли мне так говорить. (Водолазкин 2017: 76)

— Pues diga tele —respondió.

No me gusta cómo suena, pensaré si me merece la pena decirlo.

(20) Ехать в Эмск от души не хочу. Одно дело с ребенком в животе проехать в Смольный, а другое — стоять на чужбине в пробках. (Водолазкин 2017: 265)

No tengo ningunas ganas de ir a Moscú. Una cosa es con el niño en el vientre ir a dar una vuelta por Smólny y otra, estar metida en un embotellamiento en la capital.

В данном случае аббревиатуру Эмск пришлось проигнорировать из-за невозможности адекватного перевода на испанский язык, при этом необходимо констатировать небольшую потерю смысла оригинального текста. Происхождение аббревиатуры Эмск связано с сокращением названий городов в разговорном стиле русского языка: «МСК» (Москва) и «СПБ» (Санкт-Петербург). Для разговорного стиля характерно выражение: «я в Эспбэ сейчас», также в Санкт-Петербурге есть сеть баров «СПБ», а в Москве — некоторые движения, например «Чтецы. МСК». Данные аббревиатуры широко используются в русскоязычном Интернете.

(21) Кадр с вертолета: в сторону аэропорта по шоссе движется колонна карет скорой помощи. В полукилометре за ней — другая.

Подумал вдруг: какое у них старинное название — кареты. Сохранилось среди всех потерь. (Водолазкин 2017: 407)

Se ve una toma desde el helicóptero: hacia el aeropuerto, por la carretera avanza una columna de ambulancias. A medio kilómetro de ella, otra.

Перевод фразеологизмов, сравнений, метафор и идиом также имеет свою специфику. Сложность их перевода связана с тем, что они формируются убеждениями и взглядами конкретной культуры. Возможны различные варианты:

1. Русский фразеологизм имеет эквивалент в испанском языке:

(22) Но хоть убей — не помню, кто именно какие слова произносил. И — где. (Водолазкин 2017: 17)

Pero, que me maten si recuerdo exactamente quién dijo cada cosa y dónde.

2. Русский фразеологизм не имеет эквивалента в испанском. Тогда требуется серьезное вмешательство переводчика, который должен выразить смысл фразеологизма подходящими словами:

(23) В такой бюрократической стране, как Россия, нужно всегда быть готовым доказать, что ты не верблюд. (Водолазкин 2017: 278)

En un país tan burocrático como Rusia es preciso siempre estar preparado para demostrar que estás libre de culpa.

(24) Самочувствие у меня в последние дни полулукс. (Водолазкин 2017: 280)

¡Mi estado de ánimo en los últimos días no está para tirar cohetes!

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в процессе перевода романа Евгения Водолазкина на испанский язык мы пришли к следующему заключению: при переводе такого типа текстов, включающих лексику с культурным компонентом, важно сохранить исходный смысл реалий, потому что реалия основана на реальности одной страны, одного языка или одной культуры. Вообще в процессе перевода «Авиатора» Евгения Водолазкина на испанский язык мы редко прибегали к стратегии заимствования. Частое использование заимствования потребовало бы многочисленных комментариев переводчика, что помешало бы свободному чтению.

При переводе слов, особенно культурно маркированных, наиболее часто используется адаптация. Подобное предпочтение адаптации является логичным, так как реалии, сравнения, фразеологизмы и идиомы связаны с понятиями исходной культуры, которые не лексикализованы в языке перевода. Во многих случаях есть эквивалент, оставляющий то же самое образное значение выражения оригинала, которое использует переводчик для сохранения особенностей двух культур.

Буквальный перевод употребляется реже, потому что это всегда влечет за собой некоторую потерю исходного смысла культурных реалий, что в свою очередь приводит к стилистической потере.

Анализ приемов, используемых для перевода всего корпуса реалий, встречающихся в романе Евгения Водолазкина, позволяет определить, по крайней мере, некоторые важные стратегии, к которым мы прибегали при переводе исходного текста. Большинство из стратегий, используемых в нашем переводе, характеризуются их приближением к читателю перевода (доместикация), и это оправдано, так как его цель — воспроизвести свободный стиль «Авиатора», сократить присутствие иностранных черт в тексте перевода для облегчения чтения и сохранения эффекта исходного текста. Подобное решение также объясняется большим количеством реалий, имеющих глубокие корни в культуре и языке текста, которые могут быть заменены другими, характеризующимися тем же эффектом в культуре перевода.

Выводы

1. Для переводчика особую важность приобретает адекватный перевод культурных реалий, встречающихся в исходном тексте, так как переводчик должен передать не только семантическое, но и коннотативное значение реалии, то есть ее национальный и исторический колорит.

2. Пространственное и временное расстояние между культурными фонами исходного текста и читателем перевода влияет на выбор приемов перевода.

3. Переводчик должен суметь передать, хотя бы и с некоторыми потерями, литературный стиль автора, прагматический эффект его произведения, а также колорит исторического и культурного контекста, в данном случае столь отдаленного от испанской реальности.

4. Хотя перевод высоко культурно-маркированных текстов неизбежно влечет за собой потерю информации, правильный выбор приемов перевода может помочь переводчику сделать так, чтобы эта потеря была как можно менее существенной.

5. При ответе на вопрос, можно ли передать культурные реалии без потери значительной доли смысла, полученные данные показывают, что текст перевода не всегда создает тот же эффект и не всегда оказывает то же самое эмоциональное влияние на получателя. Перлокуция теряется, во-первых, при переводе фразеологизмов и идиом, так как эти элементы тесно связаны с культурой и языком реалий культуры текста. В этом случае культурный фактор и отсутствие фоновых знаний создают большие трудности и требуют от переводчика пристального внимания.

© Рафаэль Гусман Тирадо, 2019

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

- Bueno del Romo, N. (2006). Estrategias de traducción de las expresiones idiomáticas desde un punto de vista multicultural. In B. García / P. Martino Alba (eds.). *Traducción y Multiculturalidad*. Madrid: Instituto Universitario de Lenguas Modernas y Traductores.
- Casado Velarde, M. (1978). *Lengua e ideología: estudio de Diario libre*. Pamplona: Universidad de Navarra.
- Casado Velarde, M. (1991). *Lenguaje y cultura*. Madrid: Síntesis.
- Chesnokova, O.S., Talavera-Ibarra P.L. (2015). Mikhail Lermontov's "The Demon": Reverse Translation as a Source of Intertextuality. *Russian Journal of Linguistics*, 2, 166—179.
- Cranmer, R. (2015). Introducing Intercultural Communication into the Teaching of Translation. *Russian Journal of Linguistics*, 4, 155—174.
- Dudik, N.A. (2014). Addressing the Problem of Translatability when Translating the Russian Fiction Text into English ("Vanka" by A. Chekov). *Russian Journal of Linguistics*, 3, 140—155.
- Fólica, L.V. (2008). Suplementos culturales: (In) visibilidad de la traducción. In *La Traducción hacia un encuentro de lenguas y culturas*. Córdoba: Comunicarte.
- Franco Aixelá, J. (1996). Culture-specific Items in Translation. In Álvarez, R. y Vidal Claromonte, M.C. (eds.) *Translation, Power, Subversion*. Clevedon/Filadelfia/Adelaida: Multilingual Matters.
- Gamero Pérez, S. (2005). *Traducción alemán-español: Aprendizaje activo de destrezas básicas*. Castellón: Universitat Jaume I.
- Fedorov, A.B. (1983). *Osnovy obschei teorii perevoda (lingvisticheskie problemy)*. Moskva: Vysshaya shkola. (In Russ.).
- Guzmán Tirado, R., Grechukhina, V. (2015). O khudozhestvennom perevode léksiki s kul'turnym komponéntom (na materiale rasskazov A. Avérchenko). In Livergant, A.Ja., Sid, I.O. (eds.). *Miry literaturnogo perevoda*. Moscow, 36—43.
- Hurtado Albir, A. (1996). *La enseñanza de la traducción directa "general": objetivos de aprendizaje y metodología*. Castellón: Universitat Jaume I.
- Hurtado Albir, A. (2001). *Traducción y traductología. Introducción a la traductología*. Madrid: Cátedra.
- Kazakova, T.A. (2001). *Prakticheskie osnovy perevoda*. Sankt-Peterburg: Soyuz. (In Russ.).
- Komissarov, V.N. (2001). *Sovremennoe perevodovedenie*. Moskva: ETS. (In Russ.).

- Kurbakova M.A., Borishanskaya M.M. (2013). Some variants of translating Russian realia into the western culture (on the materials of English newspapers). *Russian Journal of Linguistics*, 4, 24—31. (In Russ.).
- Iakovleva, S.A. (2013). Aspectos teóricos y prácticos de la traducción del léxico culturalmente relevante del español de México a la lengua rusa. *Cuadernos de Rusística Española*, 9, 159—177.
- Leppihalme, R. (1997). *Culture Bumps: An Empirical Approach to the Translation of Allusions*. Clevedon: Multilingual Matters.
- Lilikovich, O.S. (2013). Analysis of Spanish realia in the novel of E. Mendoza “No word from gurb”. *Russian Journal of Linguistics*, 3, 105—112.
- Luque Nadal, L. (2009). *Los culturemas: ¿unidades lingüísticas, ideológicas o culturales?* Universidad de Córdoba: Language Design.
- Lvovskaya, Z. (1997). *Problemas actuales de la traducción*. Granada: Lingüística y Método Ediciones.
- Mayoral Asensio, R. (1999/2000). *La traducción de referencias culturales*. Sendebarr, Universidad de Granada. http://www.ugr.es/~rasensio/docs/Referencias_culturales.pdf.
- Molina Martínez, L. (2006). *El otoño del pingüino: Análisis descriptivo de la traducción de los culturemas*. Universitat Jaume I.
- Nedergaard-Larsen, B. (1992). TV-tekster: Oversættelse efter mål, Kulturbundne problemer ved tekstning. In Werner Díaz Navarrete, M. (2010). *Un estudio traductológico de los referentes culturales extralingüísticos en la subtitulación. Ejemplificados en la serie de televisión “Cuéntame cómo pasó”*. Copenhagen.
- Neubert, A. (1973). Name und Übersetzung. Der Name in Sprache und Gesellschaft: Beiträge zur Onomastik. In Mayoral Asensio, R. (1999/2000). *La traducción de referencias culturales*. Sendebarr. Universidad de Granada. <http://www.ugr.es/~rasensio/docs/Referencias_culturales.pdf>.
- Neubert, A., Shreve, G. M. (1992). *Translation as Text*. Kent (Ohio): The Kent State University Press.
- Niensch, G. (1981). Spezifische Bezeichnungen, Realienbezeichnungen. *Fremdsprachen*, 25, 3.
- Olalla Soler, C., Hurtado Albir, A. (2013). Estudio empírico de la traducción de los culturemas según el grado de adquisición de la competencia traductora. Un estudio exploratorio. *Sendebarr*, 24, 9—38.
- Paputsevich, V. (2018). Rendering Lexical Units with Cultural Reference in the Narrative “Obelisk” by V. Bykov from Belarusian into Russian. *Cuadernos de Rusística Española*, 14, 175—186.
- Santoyo, J.C. (1989). *El delito de traducir*. León: Servicio de Publicaciones de la Universidad de León.
- Snell-hornby, M. (ed.) (1988). *Translation Studies. An Integrated Approach*. Amsterdam / Filadelfia: John Benjamins.
- Sokolova, L., Guzmán Tirado, R. (2016). Sobre las peculiaridades de la traducción al español de los “nombres parlantes” en las obras de N.V. Gógol. *Sendebarr*, 27, 163—180.
- Sokolova A.V. (2015). Translation of Onomatopoeic Component in Onomastics. *Russian Journal of Linguistics*, 3, 132—142.
- Tasenko P.S., Nelyubova N.Y., Ershov V.I. (2016). Adaptation Technique in the Translation of Literary Texts (as Exemplified in the Translation of French and English Literary Texts). *Russian Journal of Linguistics*, 20 (2), 128—141.
- Tomahin, G. D. (1988). *Realii — Amerikanismy. Posobie po stranovedeniyu*. Moskva: Vysshaya Shkola perevoda. <http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/tomahin.shtml>.
- Venuti, L. (1995). *The Translator’s Invisibility. A history of translation*. London: Routledge.
- Vinogradov, V.S. (2001). *Vvedenie v perevodovedenie*. Moskva: IOSO RAO.
- Vodolazkin, E. (2018). *El aviador*. Madrid: Rubiños.

Article history:

Received: 18 February 2019

Revised: 21 March 2019

Accepted: 25 March 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 18 февраля 2019

Дата принятия к печати: 15 марта 2019

Bionote:

RAFAEL GUZMAN TIRADO, Professor of Slavic Philology, Department of Slavic and Greek Philology, University of Granada. *Research interests:* legal, literary and economic translation, typology of Russian and Spanish languages, morphology and syntax of the Russian language, methods of teaching Russian language, caucasology.

Contact information: e-mail: rguzman@ugr.es

Сведения об авторе:

РАФАЭЛЬ ГУСМАН ТИРАДО, профессор по славянской филологии, кафедра славянской и греческой филологии Гранадского университета. *Сфера научных интересов:* юридический, художественный и экономический перевод, типология русского и испанского языков, морфология и синтаксис русского языка, методика преподавания русского языка, кавказология.

Контактная информация: e-mail: rguzman@ugr.es

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-487-508

Cultural Words in Sacral Text and their Translation: Linguistic and Extra-Linguistic Factors

Georgy T. Khukhuni¹, Irina I. Valuitseva²,
Anna A. Osipova³

^{1,2}Moscow State Region University
24, Very Voloshina str., Mytishchi, 141014, Russia

³Moscow State Pedagogical University
1/1, Malaya Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russia

Abstract

The purpose of this article is to study the issue of key features of the so-called cultural words (*realia*) in sacred texts (the Bible is taken as an example) as well as a distinctive nature of their cross-language transfer. This problem is essential not only for the Bible translation as such but it also enables to clarify some aspects related to the representation of the vocabulary with cultural identity in the target language that is explained by the very nature of the Old and New Testaments containing a wide variety of the *realia* that refer directly to a religious cult and to the everyday life of Palestinian people and their neighborhood in the Bible times. The material for the present research includes versions of the Holy Writ created in different periods in a number of languages (Latin, Church Slavonic, Russian and English). While analyzing, the classical translations labelled often as “national” ones have been used (the King James Bible, Synodal Translation), as well and the versions created in the 20th and 21st centuries. The main approach applied herein is the identifying of the corresponding units in the said Bible texts, the ascertainment of the possibility of their ambivalent interpretation, the correlation within the considered versions of translation, the determination of translation strategies used for representing the *realia* and their comparative analysis. When considering the options presented, special attention has been paid to extra-linguistic factors, since they often play a decisive role in solving the said task. The key results of the made survey can be formulated as follows: 1) since translations could have been made from different versions of the source text, there are cases when certain *realia* are available in some translations but are missing in others; 2) the use of transcription / transliteration of the *realia* in Russian versions of the Old Testament in some cases is determined by their representation in the Greek and Church Slavonic texts of the Bible and therefore in both the Synodal and the new translations they can be presented in a form different from that available in European languages; 3) the representation of the Greek word *diopetês* (*fallen from heaven*) as the proper name *Diopet* in the Synodal Translation is usually qualified as an elementary mistake, but it could have been also provoked by an intention to follow Greek and Church Slavonic traditions; 4) the existence of the so-called ‘undefined *realia*’ in the source text, an exact meaning of which is not known, causes their various interpretations in the target language; 5) during the analysis of the units of the target language used in the translation of the Holy Writ, the diachronic aspect must be taken into account considering, on the one hand, the possibility of losing or changing the meaning in the course of linguistic evolution, and on the other hand, avoiding vesting the reality with the meaning that it could not have; 6) a number of translations made in recent decades are characterized by a pronounced pragmatic orientation, in some cases causing a significant neutralization of the national-cultural specificity or its adaptation to the corresponding cultural environment, the degree of admissibility of which in some cases is controversial. The above items enable to clarify a number of aspects related to the methods of translating the *realia* and the importance of such aspects for attaining the translation adequacy.

Keywords: *Realia, meaning, Bible, source text, translation, pragmatic orientation, neutralization, ethno-cultural specificity*

For citation:

Khukhuni, Georgy T., Valuitseva Irina and Osipova Anna A. (2019). Cultural Words in Sacral Text and their Translation: Linguistic and Extra-Linguistic Factors. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 487—508. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-487-508.

Интерпретация реалий при переводе сакрального текста: языковой и экстралингвистический аспекты

Г.Т. Хухуни¹, И.И. Валуйцева², А.А. Осипова³

^{1,2}Московский государственный областной университет
ул. Веры Волошиной, 24, Мытищи, 141014, Россия

³Московский педагогический государственный университет
ул. Малая Пироговская, 1, стр. 1, Москва, 119991, Россия

Аннотация

Цель статьи — исследование вопроса о специфике реалий в тексте сакрального характера (на примере Библии) и особенностях их межъязыковой передачи. Данная проблема не только имеет существенное значение для собственно библейского перевода, но и позволяет уточнить ряд моментов, связанных с репрезентацией лексики, обладающей национально-культурной спецификой, на переводном языке, что объясняется самим характером книг Ветхого и Нового Заветов, в которых широко представлены реалии различного характера, как имеющие непосредственно отношение к религиозному культу, так и отражающие жизнь и быт Палестины и соприкасавшихся с ней в соответствующие эпохи народов. Материалом исследования служат версии Священного Писания на нескольких языках (латинский, церковнославянский, русский, английский), создававшиеся в различные эпохи. При анализе используются как классические переводы, часто называемые «национальными Библиями» (Библия короля Иакова, Синодальный перевод), так и версии, созданные уже в XX—XXI вв. Основным методом, применяемым в настоящей работе, является выявление соответствующих единиц в рассматриваемых текстах, установление возможностей их неоднозначной интерпретации, соотнесение в привлекаемых для изучения переводах, определение переводческих стратегий, применяемых при передаче реалий, и их сопоставительный анализ. При рассмотрении представленных вариантов уделялось особое внимание факторам экстралингвистического характера, поскольку нередко именно они играли решающую роль при решении данной задачи. Основные результаты представленного исследования: 1) поскольку переводы могли осуществляться с различных версий исходного текста, возможны случаи, когда некоторые реалии будут наличествовать в одних переводах и отсутствовать в других; 2) применение приема транскрипции/транслитерации реалий в русских версиях Ветхого Завета в ряде случаев определяется их репрезентацией в греческом и славянском текстах Библии, в связи с чем как в Синодальном, так и в новых переводах они могут быть представлены в форме, отличной от имеющейся в европейских языках; 3) передача в Синодальном переводе греческого *diopetês* (*упавший с неба*) именем собственным *Диопет*, квалифицируемая некоторыми исследователями как переводческая ошибка, могла иметь сознательный характер, обусловленный стремлением следовать греко-славянской традиции; 4) наличие в исходном тексте так называемых «неопределенных реалий», установить точное значение которых не представляется возможным, приводит к значительному разнообразию их репрезентации на переводном языке; 5) при анализе единиц ПЯ, использованных в переводах Священного Писания, необходимо принимать во внимание диахронический аспект, учитывая, с одной стороны, возможность утраты или изменения значения в ходе языковой эволюции, а с другой — избегая наделения реалии тем значением, которого она в период создания исходного текста могла не иметь; 6) для ряда переводов, выполненных в последние десятилетия, характерна ярко выраженная прагматическая ориентация, обуславливающая в некоторых случаях значительную нейтрализацию национально-культурной специфики реалии либо ее адаптации к соответствующей культурной среде,

степень допустимости которой в ряде случаев представляется спорной. Указанные моменты позволяют уточнить ряд аспектов, связанных с методами передачи реалий, и их значение для достижения переводческой адекватности.

Ключевые слова: *реалии, значение, Библия, исходный текст, перевод, прагматическая ориентация, нейтрализация, национально-культурная специфика*

Для цитирования:

Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И., Осипова А.А. Интерпретация реалий при переводе сакрального текста: языковой и экстралингвистический аспекты // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 2. С. 487—508. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-487-508.

1. ВВЕДЕНИЕ

Проблематика, связанная с переводом сакральных текстов, прежде всего Библии, принадлежит к числу традиционных тем исследований в области межъязыковой коммуникации, насчитывая более полутора тысячелетий. Теоретические сужения по данному вопросу, которые восходят еще к наследию блаженного Августина и блаженного Иеронима (Сидоренко 2009), заметно активизировались в эпоху Реформации, отразившись, в частности, в «Послании о переводе» Мартина Лютера¹, предисловии к Библии короля Иакова² и др. Во второй половине прошлого века эта проблематика стала фундаментом теории «динамической эквивалентности» Ю. Найды (Nida 1964), значение которой в истории переводческой мысли отнюдь не ограничивается данной сферой. Активно занимаются вопросами, связанными с переводом Библии, и в последние десятилетия, причем при рассмотрении относящихся к ней вопросов нашли применение многие концепции, разрабатывавшиеся в мировом переводоведении (на русском языке их обзор представлен в книге А.С. Десницкого (Десницкий 2015)).

Следует заметить, что интерес к этой тематике проявляли и ученые, широко известные своими трудами в области лингвистической семантики и прагматики (Wierzbicka 2001, 2018). Определенные традиции имеет она и в России, о чем свидетельствуют рассуждения Максима Грека, Епифания Славинецкого, Симеона Полоцкого и др. (Буланин 1995). В XIX веке эта тематика привлекала внимание в связи с многолетней работой по созданию русской Библии, итогом которой стал Синодальный перевод 1876 г. В конце XX — начале XXI в. она вновь оказалась предметом широкого обсуждения, в частности, в связи с появлением новых версий Священного Писания, нередко вызывавших острую дискуссию. В качестве примера назовем обсуждение переводов книг Нового Завета, выполненных В.Н. Кузнецовой³.

Среди круга вопросов, относящихся к библейскому переводу, важное место принадлежит исследованию принципов передачи реалий. Их значимость определяется рядом моментов.

¹ <https://www.bibel-in-gerechter-sprache.de/wp-content/uploads/sendbrief.pdf>.

² <http://www.bible-researcher.com/kjvpref.html>.

³ Иеромонах Иларион: <http://www.biblia.ru/reading/articles/show/?8&mp>.
Левинская И.: <http://www.biblia.ru/reading/articles/show/?8&mp>.

Во-первых, в книгах Ветхого и Нового Заветов представлено большое количество единиц, обладающих ярко выраженной культурной спецификой и относящихся к различным областям человеческой деятельности, передача которых играет важную роль для достижения адекватности перевода.

Во-вторых, значение ряда лексем не может считаться окончательно установленным, и исследование различных вариантов их репрезентации в тех или иных версиях представляет большой интерес как в теоретическом, так и в практическом отношении.

В-третьих, при переводе Библии — учитывая, с одной стороны, ее роль как Священного Писания для верующих, а, с другой, — статус одного из наиболее значительных литературных памятников, которыми располагает человечество — осуществлявшим эту работу приходилось искать оптимальное соотношение между информативной, прагматической и эстетической функциями текста, что нередко предопределяло выбор самого метода передачи, причем на него могли существенным образом влиять и факты экстралингвистического характера. С этой точки зрения, всестороннее изучение данного вопроса способствует дальнейшему развитию науки о переводе.

Наконец, в-четвертых, многовековая традиция библейского перевода представляет уникальный материал для области, которую можно было бы назвать диахроническим переводоведением, в том числе — и по отношению к переводу реалий.

2. ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ

При рассмотрении интересующей нас проблемы следует учитывать, что количество переводов Библии на европейские языки (в первую очередь, английский) к настоящему времени насчитывает несколько сотен версий, причем это список является открытым. С русскими переводами дело в историческом плане обстояло несколько иначе: вплоть до середины XIX столетия их целесообразность нередко вообще ставилась под сомнение, а большую часть XX в. в России подобная работа вестись почти не могла, однако с 90-х гг. прошлого века ситуация стала коренным образом меняться. Все это обуславливает селекцию источников, которая всегда будет в той или иной степени носить субъективный характер. Высказывавшийся в некоторых трудах тезис: «Новый, более совершенный перевод, как правило, отменяет старый» (Шор 1973: 290), применительно к библейскому тексту требует существенной корректировки. Появление новых версий Библии не отменило ни Библии короля Иакова в Англии, ни Синодального перевода в России. Да и понятие «более совершенного перевода» применительно к Священному Писанию во многом условно, причем не только по языковым и эстетическим причинам, поскольку в оценке той или иной версии немаловажную роль играет и конфессиональный аспект.

Нами были отобраны в качестве материала для исследования различные переводы Библии как на древних (латинский, церковнославянский), так и на новых языках, а именно: латинская Вульгата, церковнославянская Елизаветинская Библия, Новый Завет, созданный Российским библейским обществом в первой чет-

верти XIX в., Синодальный перевод, Современный русский перевод Российского библейского общества 2011 г., Восточный (Центральноазиатский) перевод (версия 2013 г.), Библия в современном русском переводе 2015 г. (так называемая «Заокская»), *King James Version*, *Good News Translation*, *New International Version* (см. «Источники и словари»). Таким образом, привлекались как классические версии, именуемые «национальными переводами», так и переводы, относящиеся ко второй половине XX — началу XXI в., наиболее интересные, с нашей точки зрения, для исследуемой проблематики. Более подробное рассмотрение существующих русских переводов Библии можно найти в указанной выше монографии А.С. Десницкого; английским версиям в их отношении к древним переводам посвящена монография одного из виднейших специалистов в данной области Б. Метцгера (Metzger 2001), хотя почти два десятилетия, прошедшие после ее издания, внесли в данную сферу немало нового.

3. ВЫБОР СТРАТЕГИИ: ВОЗМОЖНОСТИ И СЛОЖНОСТИ

А.А. Реформатский противопоставлял друг другу два способа передачи реалий — перевод и транскрипцию, отмечая, что они «в плане практическом <...> должны рассматриваться как антиподы» (Реформатский 1972: 312). Аналогичную мысль находим в наиболее популярной русскоязычной книге, посвященной передаче реалий: «<...> что касается противопоставления транскрипции переводу, то мысль эта кажется нам интересной, хотя бы потому, что представляет собой еще один из парадоксов в работе переводчика с реалиями» (Влахов, Флорин 1986: 96).

Применительно к библейскому переводу данный вопрос специально рассматривал Б. Метцгер, давший разделу одной из своих статей характерный заголовок ‘To Translate or to Transliterate?’ (Metzger 1993: 27) (различие между транслитерацией и транскрипцией автором не затрагивается).

На первый взгляд, каких-либо коренных отличий от стратегии передачи других текстов в данном случае не наблюдается. Однако при переводе Священного Писания — в том числе и в плане передачи слов-реалий — имеется существенная специфика, во многом определяемая экстралингвистическими факторами.

Как транскрипция, так и транслитерация предполагает воспроизведение (насколько это возможно при различии фонологических и графических систем ИЯ и ПЯ) произношения/написания лексических единиц (реже более крупных фрагментов) в том виде, в каком они представлены в исходном тексте. Чаще всего это имеет место по отношению к именам собственным (антропонимам и топонимам), которые обычно и анализируются в трудах, посвященных указанной теме (в качестве примера можно назвать (Bailey 2007))⁴. Вопрос об отнесении их к реалиям принадлежит к числу дискуссионных. Но поскольку принципиально применение транскрипции/транслитерации по отношению к данной группе не отличается от их использования при репрезентации собственно реалий — имен нарицательных, мы сочли целесообразным включить их в иллюстративный материал.

⁴ https://www.researchgate.net/publication/324574446_Proper_Names_in_the_Bible_translation_and_transliteration_issues_Word_Deed_2007.

Сходен и прием перевода — передается значение использованной в оригинале единицы. Главное отличие заключается в том, что само понятие «исходного текста» по отношению к Священному Писанию требует уточнения.

Прежде всего приходится принимать во внимание то, что речь идет не об оригиналах библейских книг, так сказать, «авторизованных» их создателями, а о многократно копировавшихся рукописях, причем цепочка такого рода «копий с копий» (*'copies of copies of copies'*, по выражению одного из наших коллег) может быть достаточно большой; в первую очередь, это относится к книгам Нового Завета (Chatzitheodorou 2001)⁵; см. также (Metzger 1994), (Алексеев 2012).

Таким образом, ввиду несовпадения исходных текстов для различных версий соответствующая реалья окажется наличествующей в одних переводах и отсутствующей в других.

Ограничимся следующим примером. В одном из фрагментов «Деяния апостолов» (Деян. 28: 16), согласно Синодальному переводу, говорится о том, что «сотник передал узников военачальнику». Вопрос о том, насколько адекватным является данный перевод греческого *στρατοεδάρης*, нами здесь специально не рассматривается. Привлекает внимание обстоятельство, что эта реалья, хотя и по-разному представлена в ряде других версий: в церковнославянской Елизаветинской Библии (*сотник предаде узники воеводе*), в Библии короля Иакова (*the Centurion delivered the prisoners to the Captaine of the guard*) и т.д.; в доступных нам изданиях Вульгаты (наиболее близкого в культурно-историческом отношении греческому тексту перевода) она отсутствует. Нет этого фрагмента и в большинстве версий Библии на различных языках, вышедших уже в XX — начале XXI века. Характерно, что в двух русских переводах — РБО и Заокском (Библия 2011), (Библия 2015) он не включен в основной текст, но отмечено, что в ряде рукописей названный отрывок имеется (причем, в обоих переводах *στρατοεδαρχ* именуется *префектом преторианской гвардии*).

Таким образом, в данном случае отсутствие соответствующей лексемы в тексте на ПЯ приходится рассматривать не как *опущение* реалии, а как *сознательное предпочтение* одного из вариантов исходного текста другим. Вопрос о том, насколько такое предпочтение обосновано — а его придерживается большинство современных библеистов — относится к сфере текстологии и в настоящей статье не рассматривается (см. подробнее (Metzger, Ehrman 2005), как и многие другие аналогичные примеры.

4. ТРАНСКРИПЦИЯ / ТРАНСЛИТЕРАЦИЯ: ВЕРНОСТЬ И ТРАДИЦИЯ

В одной из относительно недавно опубликованных работ, посвященных библейской истории, ее автор отмечал, что в Синодальном переводе (речь идет о Ветхом Завете) «многие имена утратили всякую связь с их древнееврейскими оригиналами и звучат неузнаваемо», подчеркивая при этом: «Не подлежит сомнению, что незнакомые имена из другого языка лучше брать в их оригинальной форме <...>» (Липовский 2010: 11). Однако дальше следует уточнение: «Те биб-

⁵ <https://www.translationjournal.net/journal/18bible.htm>.

лейские имена, которые прочно вошли в русский язык, оставлены без изменений, как бы сильно они не отличались от своих древнееврейских оригиналов» (Липовский 2010: 11).

В этом плане представляет интерес сравнение двух упомянутых выше современных русских версий с Синодальным переводом. Приведем только один из многих примеров, наглядно демонстрирующий решение этой дилеммы их создателями. И.П. Липовский, иллюстрируя утверждение о том, что «ни в одном из основных европейских языков имена и названия из Библии не ушли так далеко от своих древнееврейских оригиналов, как в русском каноническом переводе полтораветской давности», пишет: «Так, отец патриарха Авраама — Тарах — в русском каноническом издании превратился в Фарру, вождь израильтян Йеошуа, сын Нуна — в Иисуса Навина, а город Бар-Шева — в Вирсавию» (Липовский 2010: 11). В обеих современных русских Библиях — РБО и Заокской мы уже находим вместо Фарры Тараха (Быт. 11: 24), Вирсавия представлена в форме Беэр-Шева, (Быт. 21: 31), а вот Книга Иисуса Навина в обеих версиях осталась таковой — вероятно потому, что имя этого персонажа как раз относится к тем, которые «прочно вошли в русский язык».

Следует отметить, что и создатели классической Синодальной, и авторы обеих современных версий при передаче наименования Вирсавия/Беэр-Шева *воспроизводят* (насколько близко — другой вопрос), а не *переводят* его, хотя в оригинале оно имеет прозрачную этимологию, что в (Библии 2015) специально оговорено в примечании к указанному стиху, где речь идет о договоре между Авраамом и Авимелехом: «Евр. *Беэр-Шева* переводится и как ‘Колодец семерых’ и как ‘Колодец клятвы’».

Возвращаясь к вопросу об «отклоняющейся транскрипции» при передаче ветхозаветных реалий в Синодальном переводе, отметим, что И.П. Липовский объясняет ее тем, что имел место «трехступенчатый перевод — сначала с древнееврейского на греческий (Септуагинта), потом с греческого на старославянский и, наконец, на современный русский» (Липовский 2010: 11). Такая трактовка может создать впечатление, что речь идет о некоей «лингвистической неграмотности» его создателей, осуществивших перевод даже не из вторых, а из третьих рук. Между тем ситуация в данном случае была гораздо более сложной. Перевод Ветхого Завета осуществлялся именно с еврейского, но — учитывая сложившуюся к тому времени традицию — действительно должен был принять во внимание и греческий, и церковнославянский тексты для сохранения религиозно-культурной преемственности, хотя такой подход вызвал и немало критических замечаний. Об этом писал, в частности, выдающийся отечественный библеист второй половины XIX — начала XX в. П.А. Юнгеров: «Вообще можно сказать, что Синодальный перевод составлен с еврейского текста под руководством греко-славянского перевода. Поэтому во всех ветхозаветных книгах главы и стихи расположены по греко-славянскому переводу. Поэтому же в произношении собственных имен, а равно и наименований священных предметов и действий соблюдена греко-славянская терминология, с коей сроднилась Россия»⁶.

⁶ <http://www.mpsda.ru/data/569/629/1234/Vvedenie%20v%20Vethiy%20Zavet.pdf>. (стр. 299).

Привлекает внимание тот факт, что, наряду с именами собственными, ученый выделяет «наименования священных примеров и действий», т.е. религиозные реалии. В качестве примера можно упомянуть часто встречающееся в ряде книг Ветхого Завета слово *скиния* (напр., (Исх. 25: 9) в церковнославянской Библии: «образ скинии <...> да сотвориши»; в тексте Синодального перевода: «все [сделайте], как Я показываю тебе, и образец скинии <...>». Оба современных русских перевода сочли целесообразным воспроизвести данную реалию аналогичным образом, прибегнув к внесенной в текст переводческой экспликации: «Вы должны сделать Мое жилище — Скинию <...>» (Библия 2011); «*Это место моего пребывания* — Скинию <...> сделайте <...>» (Библия 2015).

В Заокской Библии это предложение снабжено и историко-филологическим подстрочным комментарием, в котором указывается, что соответствующее еврейское слово *мишка`н* передано в греческой Септуагинте лексемой *скенэ*, обозначающей шатер. Таким образом, в данном случае представлен прием *перевода* реалии, тогда как в церковнославянской и синодальной версиях, напротив, использована *транскрипция* (хотя и весьма приблизительная) уже *греческого* слова. Характерно, что свой экскурс авторы примечания завершают словами о том, что «и в данном переводе оно по традиции передается словом ‘скиния’» (Библия 2015: 133). Английские Библии, не связанные названной традицией (хотя бы потому, что Ветхий Завет ни в католической, ни в протестантской традиции при использовании еврейского текста с греческой версии не переводился), прибегают к *переводу* реалий: например, в Библии короля Иакова: ‘*after the pattern of the tabernacle <...> shall ye make it*’ (Ex. 25: 9). Здесь использовано слово латинского происхождения, аналогичное имеющемуся в латинской Вульгате: ‘*iuxta omnem similitudinem tabernaculi*’.

Прием перевода реалии применен и в большинстве версий, появившихся позднее. Так, в *New International Version* (Holy Bible 2011) сохранена лексема, представленная в Библии короля Иакова: ‘*Make this tabernacle and all its furnishings exactly like the pattern I will show you*’ В *Good News Bible / Good News Translation* (Good News Translation <https://www.biblestudytools.com/gnt/>), основанной на идеях «динамической эквивалентности» Ю. Найды, соответствующий фрагмент содержит более употребительное в современном языке слово *tent*: ‘*The people must make a sacred Tent for me*’ (Ex. 25: 8) (несовпадение стихов вызвано синтаксической трансформацией рассматриваемого фрагмента). Такое предпочтение полностью соответствует установке представителей принципа динамической эквивалентности — ориентироваться на некое «мировое англоязычное койне», общее для всех, независимо от их образовательного уровня и происхождения, причем одним из проявлений подобной установки провозглашалась как раз необходимость по возможности избегать трудных для восприятия многосложных слов (Bratcher 1971). Представляется, что различие между *tabernacle* и *tent* могло бы послужить примером такого рода предпочтения (хотя, возможно, в данном конкретном случае и без сознательного намерения авторов).

5. ПЕРЕВОД: ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ РЕАЛИИ

Возвращаясь к приведенным выше словам С. Влахова и С. Флорина о том, что предложенное А.А. Реформатским противопоставление транскрипции переводу «представляет собой еще один из парадоксов в работе переводчика с реалиями», позволим себе заметить, что парадоксом в данном случае выглядит само применение лексемы «перевод», ибо несколько выше авторы замечают: «Понятие 'перевод реалий' дважды условно: реалия, как правило, непереводаема (в словарном порядке) и, опять-таки как правило, она передается (в контексте) не путем перевода. <...> И тем не менее, вопрос сводится не к тому, можно или нельзя перевести реалию, а к тому, как ее перевести» (Влахов, Флорин 1986: 88—89).

Прием транскрипции/транслитерации в собственном смысле слова (т.е. без сопровождающих примечаний, комментариев и т.п.) может быть применен и по отношению к единице, значение которой переводчику не ясно — а чаще всего такими единицами оказываются именно реалии в широком смысле. В таком случае нарицательное имя, по существу, передается на правах собственного. Подобную передачу нельзя признать не только адекватной (хотя эквивалентной на графическом/фонологическом уровне она порой и является), но и просто соответствующей нормам переводческой этики. В истории перевода подобные казусы случались неоднократно, в том числе и при передаче Священного Писания. Об одном случае напомнил недавно митрополит Иларион, говоря о некоторых ошибках Синодального перевода. В качестве примера приведен фрагмент из Деяний апостольских: «„Мужи Ефесские! Какой человек не знает, что город Ефес есть служитель великой богини Артемиды и Диопета?“ (Деян. 19: 35)», — в связи с которым автор замечает: «Мы знаем, кто такая Артемида. Но кто такой Диопет? Можно было бы предположить, что это один из греческих богов или героев античной мифологии. Но такого бога в греческом пантеоне вы не найдете, и в греческих мифах нет такого героя. Слово *διωπέτης/diopetês*, ошибочно переведенное как имя собственное («Диопет»), буквально означает «низринутый Зевсом», то есть упавший с неба. <...>. Следовательно <...> перевести <...> надо было бы так: «Какой человек не знает, что город Ефес есть служитель богини Артемиды, великой и нерукотворной?» (или «великой и упавшей с неба», или буквально — «великой и низринутой Зевсом»). От таинственного Диопета не остается и следа»⁷.

Здесь могла иметь место не просто ошибка смещения имени нарицательного с собственным, трудно представимая у тех, кто работал над Синодальным переводом. В переводах на другие языки, хорошо знакомых его создателям — будь то латинская Вульгата, английская Библия короля Иакова и др. — никакого Диопета обнаружить нельзя. Скорее, в Синодальном переводе имеет место *намеренное сохранение* греческого слова (другой вопрос — насколько в данном случае оправданное), вызванное упомянутой выше экстралингвистической причиной — стремлением следовать греко-славянской традиции: в Елизаветинской Библии находим «яко ефесский град служитель есть великия богини артемиды и диопета». К тому же синтаксическая конструкция в греческом языке, содержащая союз *и* (*καί*), говорит

⁷ Митрополит Иларион <http://www.pravoslavie.ru/97562.html>.

о служении как *самой богине*, так и ее *упавшему с неба изображению*. Указанная особенность отражена и в ряде опубликованных в XIX в. отечественных справочных изданиях (см., например, (Иллюстрированная <...> библейская энциклопедия I: 194): «Диопет (Деян. XIX, 35) (упавший от Юпитера) — статуя богини Артемиды в Ефесском храме, по народному преданию, получившая происхождение от Юпитера или Зевса»); находим ее и в Библии короля Иакова: ‘Ye men of Ephesus, what man is there þ^t knoweth not how that the citie of the Ephesians is a worshipper of the great goddesse Diana, and of the image which fell downe from Iupiter?’ (Acts 19: 35).

Наконец, приходится принимать во внимание и тот факт, что в переводе Нового Завета Российского библейского общества (Господа Нашего Иисуса Христа Новый завет 1822), вышедшем в свет за несколько десятилетий до Синодального перевода, какая-либо путаница в данном случае отсутствует: «Граждане Ефесские! Какой же человек не знает, что город Ефес есть служитель великия богини Дианы и ея изображения, нисшедшаго от Юпитера?».

При характеристике версии Российского библейского общества отмечалось, что «некоторые частные решения в этом переводе были сделаны с оглядкой на английский перевод Библии короля Иакова» (Алексеев 2001: 33), хотя сложно сказать, проявилось ли это в данном конкретном случае.

Интересно, что греческая Артемида (фигурирующая и в славянском тексте, который в первых изданиях Нового Завета РБО печатался параллельно с русским) заменена здесь римской Дианой, как это имеет место и в Библии короля Иакова. Эта «романизация» имела место еще в Вульгате: ‘viri ephesii quis enim est hominum qui nesciat Ephesiorum civitatem cultricem esse magnae Dianae Iovisque prolis’ (Actus 19:35); однако в современных англоязычных версиях Библии — и в *Good News Translation*, и в *New International Version* — в названном фрагменте представлена греческая Артемида: ‘the temple of the great Artemis’.

Более сложными и более интересными в плане межъязыковой передачи являются те случаи, когда само значение реалии в исходном тексте не может быть точно определено и, тем самым, любой выбор единицы на ПЯ будет неизбежно носить гипотетический характер. Такого рода лексемы можно с некоторой долей условности назвать «неопределенными реалиями». С подобными случаями нередко приходится иметь дело при осуществлении диахронического перевода, когда, вследствие отсутствия первичной аудитории, к которой был обращен оригинал, и тем более автора текста, нет возможности получить сведения «из первых рук». Как отмечается в этой связи в одной из наиболее распространенных современных англоязычных версий Нового Завета, приходится принимать во внимание, что целый ряд содержащихся в ней реалий — от названий болезней до единиц измерения — не могут быть точно определены и подаются только приближительной передаче (Holy Bible 2011: VI).

В качестве иллюстрации приведем содержащееся в нескольких книгах Ветхого Завета слово *kesita*. То, что оно обозначает определенное стоимостное средство, каких-либо сомнений не вызывало; однако по поводу того, было ли это средство натуральным или денежным, определенных сведений не имеется. Пока-

зательно, что при всем стремлении сохранять по возможности преемственную связь с церковнославянским текстом интерпретация указанной единицы в Синодальном переводе отличается от той, которую находим в церковнославянской Елизаветинской Библии. В ней во всех случаях предпочитается истолкование *kesita* как натуральной платежной единицы (Быт. 33.19): «и купи часть села <...> стома агнцы»); в (Нав. 24: 22): «еже притяжа <...> стом агниц»; в (Иов. 42: 11): «даде же ему кийждо агницу едину»). В Синодальном переводе ситуация иная: в первом и втором случае однозначно представлена именно «монета»: «И купил часть поля <...> за сто монет»; «которое купил <...> за сто монет», — тогда как в третьем фрагменте предпочтен прием транскрипции: «и дали каждый ему по кесите».

Имеются подобные расхождения и в переводах Библии на другие языки, чему посвящена специальная статья (Хухуни, Осипова 2018). Отметим только, что интерпретация данного фрагмента, несмотря на, казалось бы, частный характер вопроса, является весьма существенной (Vicchio, 2006: 189). Важна она именно в экстралингвистическом отношении, поскольку в зависимости от нее может по-разному решаться проблема того, отражает ли данный фрагмент период непосредственного натурального обмена продуктами либо здесь уже зафиксирован совершившийся (либо находящийся в стадии формирования) переход к товаро-денежным отношениям.

6. ПОДБОР ЭКВИВАЛЕНТА: ДИАХРОНИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Когда в начале XIX века вышел в свет перевод Нового Завета Российского библейского общества, он был снабжен предисловием, подписанным тремя видными иерархами Русской Православной Церкви — Михаилом, митрополитом Новгородским и Санкт-Петербургским, Серафимом, митрополитом Московским, и Филаретом — тогда архиепископом Тверским и Кашинским, а впоследствии знаменитым митрополитом Московским, сыгравшим ведущую роль в создании Синодального перевода («Возглашение к христолюбивым читателям при первом Издании Евангелия на Русском наречии»), в котором говорилось: «<...> между тем как язык в книгах неизменно храниться может многие веки, язык в устах народа в одном веке изменяется много, и написанное за несколько столетий на нашем отечественном языке ныне нам уже мало понятно без особенного изучения сего языка в древнем его состоянии. Из сего открывается для беспрепятственного употребления и рассмотрения Слова Божия необходимость не только переводить Священное Писание на отечественный язык, но и на сем самом языке от времени до времени возобновлять перевод сообразно с состоянием сего языка в его народном употреблении» (Господа Нашего Иисуса Христа Новый завет 1822: IV).

При создании перевода «сообразно с состоянием сего языка в его народном употреблении» его авторы используют те средства, которыми он на момент выполнения межъязыковой передачи располагает. Изменения же языка, о которых говорится в процитированном утверждении, требуют от позднейшего читателя, в период жизни которого язык уже «изменился много», учитывать указанное обстоятельство. Применительно к теме настоящей статьи это предполагает при-

нятие во внимание того факта, что представляющийся ему неадекватным способ репрезентации той или иной реалии на ПЯ отнюдь не рассматривался как таковой его современниками. Показателен в этом отношении пример из версии Нового Завета РБО начала XIX в.: «И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и кафтан» (Мф. 5; 40). Последнее слово использовано для передачи греческого *ἱμάτιον*, традиционно соотносимого, в первую очередь, с плащом⁸ — предметом одежды, от кафтана довольно сильно отличающимся. Однако, обращаясь к словарю древнерусского языка И.И. Срезневского, можно обнаружить, что, наряду с привычным конкретным значением данной лексемы как длинно-полой одежды с рукавами и пуговицами, там представлено и обобщенное — «вообще верхняя одежда» (Срезневский 1912: 1200). Именно этот вариант и предпочли создатели Синодального перевода: «И кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду». Насколько, с точки зрения адекватности, применение в данном случае такого рода генерализации, сохраненной и в (Библия 2015), целесообразно (в версии РБО 2011 г. при передаче данного отрывка использована лексема *плащ*, т.е. предпочтен более конкретный *перевод реалии*) — вопрос, разумеется, спорный. Например, некоторые современные исследователи усматривают определенное преимущество первого русского перевода перед Синодальным и «в предпочтении конкретной лексики, которая ясно и недвусмысленно обозначала известные материальные явления и действия» (Алексеев 2001: 30). Конечно, вряд ли в какой-либо из возможных будущих версий Библии на русском языке может произойти возвращение к *кафтани*; однако в диахроническом плане его применение представляется — во всяком случае, в собственно семантическом плане — вполне допустимым.

Вместе с тем нам бы хотелось обратить внимание и на другую сторону рассматриваемого вопроса — нежелательность «ретроспекции реалии», то есть возможность наделения ее таким значением, которую она в эпоху создания исходного текста, очевидно, не имела. В этой связи следует упомянуть недавнюю дискуссию по поводу передачи одного фрагмента Второго послания апостола Павла к Тимофею в Заокской Библии (Библия 2015). В Синодальном переводе оно выглядит следующим образом: «Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные» (2 Тим. 4: 13). Интересующая нас реалия представляет собой транскрипцию/транслитерацию соответствующего греческого слова *φελώνης/φαινόλης*; аналогично она воспроизведена и в церковнославянском тексте: «Фелон, егоже оставих в троаде у карпа, грядый принеси, и книги, паче же кожанья»⁸. В древнегреческо-русском словаре И.Х. Дворецкого находим следующее толкование (причем со ссылкой именно на новозаветный текст: «(лат. *paenula*) фелонь (род плаща)». Соответственно, в англоязычных версиях Священного Писания представлены лексемы, содержащие данное значение. В Библии короля Иакова (2. Tim. 4: 13): ‘The cloke that I left at Troas with Carpus, when thou comest, bring *with thee*, and the books, *but* especially the parchments’; *Good News Translation* дает ‘When you come, bring my coat that I left in Troas with Carpus; bring

⁸ Древнегреческий-русский словарь И.Х. Дворецкого: <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html>.

the books too, and especially the ones made of parchment'; *New International Version* — 'When you come, bring the cloak that I left with Carpus at Troas, and my scrolls, especially the parchments' и т.д. В Заокской Библии находим: «Когда пойдешь, *захвати с собой теплый* плащ мой, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно на пергаменте».

Этот пример привлекает внимание наличием в нем лексем, выделенных курсивом, причем для нас особенно важно добавленное к рассматриваемой реалии определение *теплый*. Как отмечают создатели данной версии, курсив использовался ими «для прояснения смысла текста»; при этом подчеркивается: «Пояснения, выделенные курсивом, мыслятся нами отнюдь не как творческая фантазия и произвол, но как необходимое средство, учитывающее главный посыл нашей работы: мы переводим древний текст для современного читателя, который в массе своей незнаком с языком оригинала <...>» (Библия 2015; 8). Отметим, что А.С. Десницкий, принимавший активное участие в работе над Ветхозаветной частью Заокской Библии, заметил в связи с указанным приемом: «<...> лишь в этом переводе из всех современных курсивом выделены слова, добавленные 'для связности и ясности', как это делали в XIX веке, и добавлений этих, на мой вкус, слишком много» (Десницкий 2016: 56).

Один из весьма критических отзывов на этот перевод принадлежит протоиерею О.В. Стеняеву, прокомментировавшему его следующим образом: «Почему „плащ“ именно „теплый“, хотя этого слова („теплый“), набранного курсивом в переводе АСД, нет ни в одной из дошедших до нас новозаветных греческих рукописях. <...> зачем аскету Павлу какой-то плащ, если это не священническая фелонь в церковном понимании этого слова и даже не молитвенный еврейский талит. <...> Конечно, на греческом языке это слово может означать и плащ, достаточно заглянуть в любой греко-русский словарь. Но только не для апостола Павла, который все почитал 'за сор, чтобы приобрести Христа' <...> Следовательно, упоминание о фелони имеет значение только тогда, когда это молитвенный талит, который позже приобрел форму христианской фелони, которая также надевается через голову. Павел и просит прислать ему то, что точно может обеспечить ему правильное совершение его служения <...>»⁹.

Думается, в данном случае мы имеем дело как раз с приписыванием реалии того религиозного характера, который она получила уже *позже* описываемых событий. Напомним в этой связи толкование слова *фелонь* в словаре протоиерея Г.П. Дьяченко: «<...> так в древности называлась вообще верхняя, длинная, без рукавов одежда, обнимавшая со всех сторон тело. <...> Христианская церковь, из благоговения к Спасителю и Его апостолам, употреблявшим, если не такую, то подобную верхнюю одежду, приняла фелонь в число свящ. облачений и с древнейших времен усвоила ее как епископам, так и священникам» (Дьяченко 2011: 775).

Таким образом, *фелонь* в данном фрагменте рассматривается как чисто бытовая, а не религиозная реалия. Добавим, что аналогичным образом трактуется она и в Толкованиях Иоанна Златоуста на это послание; правда, в них допускается

⁹ <https://azbyka.ru/forum/threads/o-novom-perevode-biblii.13816/>.

и иное (но тоже не ритуально-религиозное) объяснение: «Фелоном он называет здесь одежду; а некоторые разумеют влагалище, в котором хранились книги» (Святитель Иоанн Златоуст)¹⁰.

Отметим, что одно из возражений О.В. Стеняева против предложенной в переводе трактовки заключается в том, что апостолу незачем было просить о присылке плаща, «как будто рядом не было и других христиан»⁹, хотя этот момент относится уже не столько к филологическому, сколько к психологическому аспекту вопроса. На сей счет в Толковании также дается довольно логичное объяснение: «фелонь требует он для того, чтобы не иметь надобности брать его у другого» (Святитель Иоанн Златоуст)¹⁰.

Вернемся к уточняющему прилагательному *теплый*. На наш взгляд, принципиально оно не искажает значения реалии. Как было показано выше, согласно древнегреческо-русскому словарю, греческому *φελώνης/φαινόλης* соответствует латинское *paenula*, которое, в свою очередь, в латинско-русском словаре того же автора определяется как «теплый плащ с капюшоном» (Дворецкий 2003: 547). Однако вопрос о том, насколько в данном случае подобная экспликативная передача целесообразна, является дискуссионным.

7. АДАПТАЦИЯ РЕАЛИИ: ПРИЧИНЫ И СЛЕДСТВИЯ

Вопрос о границах между «собственно переводом» и смежными видами межъязыковой коммуникации, традиционно от него отграниченными (реферирование, адаптивное транскодирование, вариация и т.п.), а соответственно — формулирование критериев, которым первый должен соответствовать, рассматривалось в ряде трудов по теории перевода. Эти критерии могли различаться, но само разграничение большинством представителей традиционного переводоведения, как правило, принималось.

О том, как менялось такое понимание, существует обширная литература. Назовем хотя бы фундаментальную монографию Э. Прунча (Prunch 2012), переведенную недавно на русский язык. Поскольку исследование данного вопроса не входит в задачу нашей статьи, напомним только о двух наиболее известных концепциях XX века, сыгравших заметную роль в этом процессе: теории динамической (позднее функциональной) эквивалентности Ю. Найды и появившейся двумя десятилетиями позднее скопос-теории К. Райс и Х. Вермеера (Reiß, Vermeer 1984), нашедшей многочисленных продолжателей и критиков за рубежом и в России.

О том, как эти концепции отразились конкретно в теории и практике библейского перевода, достаточно подробно говорится в (Десницкий 2015). Ограничимся поэтому несколькими, на наш взгляд, наиболее показательными причинами, вызвавшими подобную адаптацию, и ее возможные результаты.

Чаще всего на первое место здесь ставят этнокультурную специфику: отсутствие либо иной «удельный вес» соответствующей реалии в исходной и принимающей культурах, что находит свое отражение и в лингвистическом плане.

¹⁰ https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolkovanie-na-vtoroe-poslanie-k-timofeju/#0_10.

Наиболее хрестоматийный и многократно приводившийся пример такого рода — история с репрезентацией понятия «хлеб насущный» для тех народов, которые «знают, что такое хлеб, но не называют хлебом еду вообще. В таком случае, например, в китайском переводе появился 'рис наш насущный', а в переводе на язык алеутов, жителей островов на севере Тихого океана — 'рыба наша насущная'. Это самая основная пища в этих культурах, та, без которой просто нельзя прожить (в отличие от хлеба)»¹¹.

С прагматической точки зрения такого рода замена может показаться вполне оправданной. Но, если наличие в переводном тексте *рыбы*, по крайней мере, не противоречит реалиям библейской Палестины (тем более, что она неоднократно фигурирует как в Ветхом, так и в Новом Завете), то с *рисом* ситуация иная. Сложно представить себе, какое понятие о Земле обетованной и жизни тех, кто ее населял, получают читатели такого перевода. Насколько создание такой не вполне соответствующей действительности картины следует принимать, исходя из «реакции получателя» или «цели и требования заказчика» перевода, — вопрос, по нашему мнению, неоднозначный.

Переводы Священного Писания на протяжении всей своей истории были тесно связаны с миссионерской деятельностью представителей разных конфессий. Аудитория, к которой адресовались миссионеры, могла быть различной — от народностей и племен, с христианской культурой вообще не сталкивавшихся (именно из практики работы с ними черпали большинство примеров, аналогичных предыдущему, основоположник теории динамической/функциональной эквивалентности и его коллеги), и до народов с многовековой христианской традицией, прерванной в те или иные периоды в силу политических причин. На это различие указывал, в частности, митрополит Иларион; «Понятие 'миссионерский перевод Библии' обычно встречается в западной литературе применительно к переводам Писания для народов развивающихся стран. В России ситуация другая. Существенная часть аудитории, к которой Церковь обращается с миссией — с 'внутренней миссией' — это образованные слои общества, люди, воспитанные на лучших образцах русской и переводной литературы. Здесь не может быть и речи о каком-то упрощении и уплощении библейского текста»¹².

В рассматриваемом аспекте особый интерес представляет случай, когда перевод Библии предназначен для аудитории, принадлежащей исламской культуре. С одной стороны, книги Ветхого и Нового Завета нашли отражение в мусульманской традиции, а многие библейские персонажи фигурируют в ней в качестве пророков; с другой — известны они в форме, отличающейся от иудейской и христианской. Попытка учесть указанные моменты наиболее ярко отразилась в так называемом «Центральноазиатском (Восточном) переводе», подготовленном американскими миссионерами в Казахстане в 2003 г. В 2009 г. опубликована пересмотренная версия, работа над которой продолжалась и позднее (последний известный нам вариант текста относится к 2013 г.).

¹¹ Десницкий А.С.: https://azbyka.ru/otechnik/Andrej_Desnickij/sorok-voprosov-o-biblii/18_3.

¹² Митрополит Иларион: <https://mospat.ru/ru/2013/11/26/news94805/>.

При характеристике названного проекта обращается внимание на то, что его «задачу можно сформулировать так: максимально приблизить христианский текст к читателю исламской культурной среды» (Десницкий 2015: 235); см. также (Хухуни, Валуйцева, Осипова 2017). При этом — что представляется интересным — помимо адаптации «общеисламского» характера (использование для названий частей Священного Писания наименований *Таурат, Забур, Инжил*, замена *крещения ритуалом погружением в воду* и т.п.), создатели данной версии стремились учесть и специфику отдельных групп той аудитории, для которой она была предназначена, создав три варианта текста: 1) основной, 2) предназначенный для таджикских читателей и 3) ориентированный на — по выражению кураторов проекта — наиболее консервативные общины Дагестана. Причем если во втором случае видоизменение коснулось только собственных имен (так, Иисус Христос, который в основной и «дагестанской» версиях представлен как *Иса Масих*, здесь именуется *Исо Масехом*), то в третьей можно говорить о, если можно так выразиться, «сверхисламизации» текста: *Всевышний* заменен в ряде случаев *Аллахом, дьявол — Иблисом, Сатана — Шайтаном* и т.д.¹³

Не касаясь религиозного аспекта подобных замен, позволим себе заметить, что — учитывая соответствующие коннотации — здесь уже приходится говорить не столько о *замене*, сколько о *подмене* реалий. С другой стороны, там, где речь идет о предметах и явлениях светского характера, наблюдается, скорее, не «ориентализация», а нейтрализация текста — использование единиц, лишенных выраженной этнокультурной окраски, в основном, путем переводческой генерализации (*проконсул* передан через *правителя*, фарисеи названы *блюстителями Закона, Синедрион* именуется *Высшим Судом / Высшим Советом* и т.п.), что опять-таки может считаться характерной чертой такого рода миссионерских переводов, о которых упоминается в приведенных выше словах митрополита Илариона.

8. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги настоящему исследованию, считаем целесообразным выделить следующие моменты.

Вопрос об отражении тех или иных реалий в переводах библейских книг оказывается в определенной степени связанным с тем, какая версия исходного текста была выбрана в качестве исходного текста. Расхождение между ними может привести к тому, что та или иная единица наличествует в одних переводах и отсутствует в других.

При рассмотрении такого способа репрезентации реалии в ПЯ, как транскрипция/транслитерация в русских версиях Библии, наблюдается дилемма, связанная с необходимостью, с одной стороны, добиваться ее соответствия фонетическому/графическому облику, который присущ ей в оригинале, а с другой — считаться с той традицией, которая сложилась в отечественной культуре. Указанное явление имеет место по отношению как к именам собственным (антропонимам и топонимам), так и именам нарицательным, в первую очередь, относящимся к собственно религиозной сфере.

¹³ Version Information <https://www.biblegateway.com/version>

При использовании перевода как средства передачи также необходимо учитывать как наличие в исходном тексте реалий, точное значение которых не установлено (вследствие чего любой выбор эквивалента на ПЯ будет неизбежно носить гипотетический характер, примером чего служит рассмотренная выше лексема *kesita*), так и случаи, когда решение, выглядящее явной ошибкой, может явиться следствием сознательного сближения с более ранней версией, обладающей значительным авторитетом (передача греческого *diopetês* русским *Дионет* в Синодальном переводе по аналогии с церковнославянским текстом).

Оценивая предлагаемый переводчиками эквивалент той или иной реалии, необходимо учитывать диахронический аспект, т.е. время создания соответствующего перевода, поскольку значение представленных в нем слов может отсутствовать в более поздние периоды функционирования языка. С другой стороны, нежелательной представляется и «ретроспекция реалии», т.е. приписывание ей чуждой времени создания текста семантики.

Одним из наиболее сложных аспектов, связанных с проблемой передачи реалий, является вопрос о применении по отношению к ним адаптивного перевода, т.е. выбора в качестве эквивалентов на ПЯ единиц, отвечающих национально-культурным и религиозным нормам реципиентов перевода. Хотя подобные примеры встречаются достаточно часто — прежде всего, в так называемых «миссионерских переводах» — их использование может в ряде случаев повлечь за собой опасность того, что замена реалии превратится в ее *подмену* — обстоятельство, способное отразиться и на характере перевода в целом.

© Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцева, А.А. Осипова, 2019

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алексеев А.А. Первый русский перевод Нового Завета в издании 1823 г. // *Роль переводов Библии в становлении и развитии славянских литературных языков*. М.: Институт славяноведения, 2001. С. 7—38. [Alekseev, A.A. (2001). *Pervyi russkii perevod Novogo Zaveta v izdanii 1823 g.* (The First Russian Translation of the New Testament in 1823 Edition). *Rol' peregodov Biblii v stanovlenii i razvitii slavyanskikh literaturnykh yazykov*. Moscow: Institut slavyanovedeniya (In Russ.)].
- Алексеев А.А. Текстология Нового Завета и издание Нестле-Аланда. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. 184 с. [Alekseev, A.A. (2012). *Tekstologiya Novogo Zaveta i izdanie Nestle-Alanda*. (The Textology of New Testament and Nesle-Aland Edition). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin (In Russ.)].
- Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. М: Высшая школа, 1986. 416 с. [Vlakhov, S., Florin S. (1986). *Neperevodimoe v peregode* (Untranslated in Translation). Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.)].
- Буланин Д.М. Древняя Русь // *История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век*. Т. 1. Проза. Санкт-Петербург: Издательство «Дмитрий Буланин», 1995. С. 17—73. [Bulanin, D.M. (1995). *Drevnyaya Rus' (Ancient Russia). Istoriya russkoi perevodnoi khudozhestvennoi literatury. Drevnyaya Rus'. XVIII vek*. Т. 1. Proza. Sankt-Peterburg: Dmitrii Bulanin. (In Russ.)].
- Десницкий А.С. Современный библейский перевод: теория и методология. М.: Издательство ПСТГУ, 2015. 432 с. [Desnitskii, A.S. (2015). *Sovremennyi bibleiskii perevod: teoriya i metodologiya* (Modern Biblical Translation: Theory and Methodology). Moscow: PSTGU. (In Russ.)].

- Десницкий А.С. *Христианство. Настоящее (Россия XXI век)*. М.: РИНПОЛ классик, 2016. 336 с. [Desnitskii, A.S. (2016). *Khristianstvo. Nastoyashchee (Rossiya XXI vek)* (Christianity. The Present (Russia 21st Century)). Moscow: RINPOL klassik. (In Russ.)].
- Липовский И.П. *Библейский Израиль — история двух народов*. СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия». 2010. 576 с. [Lipovskii, I.P. (2010). *Bibleiskii Izrail' — istoriya dvukh narodov* (Israel in Biblical Times — History of two Nations). St. Petersburg: Gumanitarnaya Akademiya. (In Russ.)].
- Реформатский А.А. *Перевод или транскрипция // Восточнославянская ономастика*. М.: Наука, 1972. С. 311—333. [Reformatskii, A.A. (1972). *Perevod ili transkriptsiya* (Translation or Transcription?) *Vostochnoslavianskaya onomastika*. Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Сидоренко А. *Вопросы перевода и интерпретации Священного Писания в переписке блаженного Августина с блаженным Иеронимом // XIX Ежегодная богословская конференция ПСТГУ: Материалы. Том I*. М.: Издательство ПСТГУ, 2009. С. 176—178. [Sidorenko, A. (2009). *Voprosy perevoda i interpretatsii Svyashchennogo Pisaniya v perepiske blazhennogo Avgustina s blazhennym Ieronimom* (The Issues of Holy Writ Interpretation and Translation in the Correspondence between St. Augustine and St. Jerome). *XIX Ezhegodnaya bogoslovskaya konferentsiya PSTGU: Materialy*. Vol. I. Moscow: Izdatel'stvo PSTGU. (In Russ.)].
- Хухуни Г.Т., Валуицева И.И., Осипова А.А. *Библейский перевод и проблема транскulturации: репрезентация реалий для исламской аудитории. // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2017. Т. 14. № 3. С. 359—368. [Khukhuni, G.T., Valuitseva, I.I., Osipova, A.A. (2017). *Bibleiskii perevod i problema transkul'turatsii: reprezentatsiya realii dlya islamskoi auditorii* (New Testament Realia for Islamic Reader: The Problem of Representation) // *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost'*. Т. 14. № 3 (In Russ.)].
- Хухуни Г.Т., Осипова А.А. *«Неопределенные реалии» и их передача: об одном аспекте диахронического перевода // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода*. М.: МГУ, 2018. № 1. С. 96—108 [Khukhuni, G.T., Osipova, A.A. (2018). *«Neopredelennye realii» i ikh peredacha: ob odnom aspekte diakhronicheskogo perevoda* ('Undefined realia': Representation and Aspect of Diachronic Translation)). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22. Teoriya perevoda*. Moscow: MGU, № 1 (In Russ.)].
- Шор Р. *Как писать историю перевода? // Мастерство перевода. Сборник статей*. М.: Советский писатель, 1973. С. 277—297. [Shor, R. (1973). *Kak pisat' istoriyu perevoda?* (How the History of Translation should be written?) *Masterstvo perevoda. Sbornik statei*. Moscow: Sovetskii pisatel', 1973 (In Russ.)].
- Bailey, Nicholas A. (2007). *Proper Names in the Bible: Translation Issues*. *Word&Did*. December 2007. URL. Retrieved from: <https://www.researchgate.net/publication/324574446> on application 08.12.2018.
- Bratcher, Robert G. (1971). *The Nature and Purpose of the New Testament in Today's English Version*. *The Bible Translator* 22/3. July 1971. Pp. 97—107.
- Chatzitheodorou, Ilias (2001). *Problems of Bible Translation*. *Translation Journal*. Vol. 5 No. 4. October 2001. URL. Retrieved from: <https://www.translationjournal.net/journal/18bible.htm> on 08.12.2018.
- Metzger, Bruce M. (1994). *A Textual Commentary on the Greek New Testament*. Stuttgart: United Bible Societies.
- Metzger, Bruce M. (2001). *The Bible in Translation: Ancient and English Versions*. Grand Rapids, MI: Baker Academic.
- Metzger, Bruce, M. (1993). *Persistent Problems Confronting Bible Translators*. *Bibliotheca Sacra* 150 (July-September 1993), 273—284.

- Metzger, Bruce M. and Bart, Ehrman D. (2005). *The Text of the New Testament: Its Transmission, Corruption and Restoration*. New York. Oxford. Oxford University Press.
- Nida, Eugene (1964). *Toward a Science of Translating. With Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating*. Brill, Leiden.
- Prunch, Erich (2012). *Entwicklungslinien der Translationswissenschaft. Von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht*. 3, erw. und verb. Aufl. Frank und Timme, Berlin.
- Reiß, Katharina, Vermeer, Hans J. (1984). *Grundlegung einer allgemeinen Translationstheorie. (Linguistische Arbeiten 147.)* Tübingen: Niemeyer.
- Vicchio, Stephen, J. (2006). *The Image of Biblical Job. Volume I. History*. Eugene, Oregon.
- Wierzbizka, Anna. (2018). Emotions of Jesus. *Russian Journal of Linguistics*, 2, 1, 38—53.
- Wierzbizka, Anna (2001). *What Did Jesus mean? Explaining the Sermon of the Mount and the Parables in Simple and Universal Human Concepts*. Oxford University Press.

Переводы Библии / Bible translations

- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета с параллельными местами и приложениями. Перепечатано с издания Московской Патриархии. М.: Российское библейское общество, 2013. 1346 с. + Приложения (не нумерованы) [Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta s parallelnymi mestami i prilozheniyami. Perepechatano s izdaniya Moskovskoi Patriarkhii (2013). (Bible. Books of Holy Writ of the Old and New Testament. Reprinted from the Moscow Patriarchy Edition + Appendixes (not numbered). M.: Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo, + Prilozheniya (ne numerovany) (In Russ.)].
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета в современном русском переводе. Под ред. М.П. Кулакова и М.М. Кулакова. М.: Издательство ББИ, 2015. 1856 с. [Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta v sovremennom russkom perevode. Pod red. M.P. Kulakova i M.M. Kulakova (2015). (Bible. Books of Holy Writ of the Old and New Testament in Modern Russian Translation) (in Russ.)].
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Канонические. Современный русский перевод. М.: Российское библейское общество, 2011. 1408 с. [Bibliya. Knigi Svyashchennogo Pisaniya Vetkhogo i Novogo Zaveta. Kanonicheskie. Sovremennyyi russkii perevod (2011). (Bible. Books of Holy Writ of the Old and New Testament Modern Russian Translation). M.: Rossiiskoe bibleiskoe obshchestvo. (In Russ.)].
- Библия на церковнославянском языке. Гражданский шрифт // *Моя Библия онлайн*. [Электронный ресурс]. URL // Режим доступа: http://www.my-bible.info/biblio/bib_tsek_rus/. (дата обращения 07.12.2018) [Bibliya na tserkovnoslavyanskom yazyke. Grazhdanskii shrift (Bible in Church Slavonic. Russian Type) *Moya Bibliya onlain*]. Retrieved from: http://www.my-bible.info/biblio/bib_tsek_rus/ on 28.11.2018. (In Church Slavonic)].
- Господа Нашего Иисуса Христа Новый завет на славянском и русском языках. Иждивением Российского библейского общества. Вторым тиснением. СПб.: В типографии Российского библейского общества, 1822. VI+820 с. [Gospoda Nashego Iisusa Khrista Novyi zavet na slavyanskom i russkom yazykakh. Izhdiveniem Rossiiskogo bibleiskogo obshchestva. Vtorym tisneniem (The New Testament of Our Lord Jesus Christ. Second Edition). SPb.: V tipografii Rossiiskogo bibleiskogo obshchestva (1822). (In Russ. & Church Slavonic)].
- Good News Translation. URL. Retrieved from: <https://www.biblestudytools.com/gnt/> on 12.12.2018.
- Holy Bible. New International Version (2011). Grand Rapid, Michigan: Zondervan
- King James Version 1611. URL. Retrieved from: <https://www.kingjamesbibleonline.org/> on 08.12.2018
- Vulgata. Biblia sacra iuxta Vulgatam versionem. Tomi 1—2. (1975). Stuttgart. Württembergische Bibelanstalt.

Словари / Dictionaries

- Дворецкий И.Х. Древнегреческо-русский словарь // Alpha Online. [Электронный ресурс] // URL // Режим доступа: <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html> (дата обращения 15.12.2018) [Dvoret'skii, I.Kh. Drevnegrechesko-russkii slovar'. (Ancient Greek-Russian Dictionary). Retrieved from: <http://gurin.tomsknet.ru/alphaonline.html> on 28.11.2018. (In Russ.)].
- Дворецкий И.Х. Латинско-русский словарь. М.: Русский язык-Медиа, 2003. 846 с. [Dvoret'skii, I.Kh. (2003). Latinsko-russkii slovar' (Latin-Russian Dictionary). M.: Russkii yazyk-Media].
- Дьяченко Г.П. Полный церковно-славянский словарь / Сост. протоиерей Григорий Дьяченко. М.: Отчий дом, 2011. 1168 с. [D'yachenko, G.P. (2011). Polnyi tserkovno-slavyanskii slovar' / Sost. protoierei Grigorii D'yachenko (The full Church Slavonic Dictionary. Compiled by Archpriest Grigory Dyachenko). M.: Otchii dom (In Russ.)].
- Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия в 2-х книгах. Труд и издание архимандрита Никифора. М.: Типография А.Н. Снегиревой. Остоженка, Савеловский пер., собств. дом., 1891. Т. I 494 с.; т. II 408 с. [Ilyustrirovannaya polnaya populyarnaya bibleiskaya entsiklopediya v 2-kh knigakh. Trud i izdanie arkhimandrita Nikifora (1891) (Full Illustrated Popular Bible Encyclopedia on Two Volumes. Compiled and Edited by archimandrite Nikifor). M.: Tipografiya A.N. Snegirevoi. Ostozhenka, Savelovskii per., sobstv. dom (in Russ.)].
- Святитель Иоанн Златоуст. Толкование на второе послание к Тимофею // *Азбука веры*. [Электронный ресурс]. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolkovanie-na-vtoroe-poslanie-k-timofeju/#0_10 (дата обращения 07.12.2018) [Svyatitel' Ioann Zlatoust. Tolkovanie na vtoroe poslanie k Timofeyu (St. John Chrisostom. Homilies on Second Timothy) // *Azbyka very*. Retrieved from: https://azbyka.ru/otechnik/Ioann_Zlatoust/tolkovanie-na-vtoroe-poslanie-k-timofeju/#0_10 on 18.12.2018. (In Russ.)].
- Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1912. Т. I. IX с. [Sreznevskii, I.I. (1912). Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam (Material for Old Russian Dictionary according to Written Monuments). SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk. (In Russ.)]

Ссылки на электронные ресурсы / Links

- Иеромонах Иларион (Алфеев). Язык Учителя и жаргон кабака. Перевод Евангелия должен быть точным и благоговейным. URL: <http://www.biblia.ru/reading/articles/show/?8&> (дата обращения 29.11.2018) [Ieromonakh Ilarion (Alfeev). Yazyk Uchitelya i zhargon kabaka. Peregovd Evangeliya dolzhen byt' tochnym i blagogoveinym (The Language of the Teacher and the Jargon of the Barrel Shop. The Gospel's Translation must be Exact and Awesome). Retrieved from: <http://www.biblia.ru/reading/articles/show/?8&> on 29.11.2018. (In Russ.)].
- Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев). История и значение Синодального перевода Библии // Православие. Ru. URL: <http://www.pravoslavie.ru/97562.html> (дата обращения 29.11.2018) [Mitropolit Volokolamskii Ilarion (Alfeev). Istoriya i znachenie Sinodal'nogo perevoda Biblii (The History and Meaning of the Synodal Translatiojn of the Bible). Pravoslavie.Ru. Retrieved from: <http://www.pravoslavie.ru/97562.html> on 29.11.2018). (In Russ.)].
- Митрополит Волоколамский Иларион (Алфеев). Переводы Библии: история и современность // Русская православная церковь. Отдел внешних церковных связей. 26.11.2013. [Электронный ресурс] URL: <https://mospat.ru/ru/2013/11/26/news94805/> (дата обращения 29.11.2018). [Mitropolit Volokolamskii Ilarion (Alfeev) (2013). Perevody Biblii: istoriya i sovremennost' (Bible Translation: History and the Present) // Russkaya pravoslavnaya tserkov'. Otdel vneshnikh tserkovnykh svyazei. 26.11.2013. Retrieved from: <https://mospat.ru/ru/2013/11/26/news94805/> on 29.11.2018. (In Russ.)].

- Десницкий А.С. Сорок вопросов о Библии // Азбука веры. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Andrej_Desnickij/sorok-voprosov-o-biblii/18_3 (дата обращения 17.12.2018) [Desnitskii, A.S. Sorok voprosov o Biblii. (Forty Questions about Bible). *Azbyka very*. URL. Retrieved from: https://azbyka.ru/otechnik/Andrej_Desnickij/sorok-voprosov-o-biblii/18_3 on 29.11.2018. (In Russ.)].
- Левинская И. Благоговейная бессмыслица и осмысленная точность. URL: <http://www.biblia.ru/reading/articles/show/?9&start=0> (дата обращения 29.11.2018). [Levinskaya, I. Blagogovainaya bessmyslitsa i osmyslennaya tochnost' (The Awesome Nonsense and the Comprehended Exactness) Retrieved from: <http://www.biblia.ru/reading/articles/show/?9&start=0> on 29.11.2018. (In Russ.)].
- Стеняев О. О новом переводе Библии. URL: <https://azbyka.ru/forum/threads/o-novom-perevode-biblii.13816/> (дата обращения 30.11.2018). [Stenyaev, O. O novom perevode Biblii (About the New Bible Translation). URL Retrieved from: <https://azbyka.ru/forum/threads/o-novom-perevode-biblii.13816/> on 29. 11. 2018. (In Russ.)].
- Юнгеров П.А. Введение в Ветхий Завет. Книга 1. URL: <http://www.mpda.ru/data/569/629/1234/Vvedenie%20v%20Vethiy%20Zavet.pdf> (дата обращения 29.11.2018). [Yungerov, P.A. Vvedenie v Vethkii Zavet. Книга 1 (Introduction in the New Testament. Book 1). Retrieved from: <http://www.mpda.ru/data/569/629/1234/Vvedenie%20v%20Vethiy%20Zavet.pdf> on 29.11.2018. (In Russ.)].
- The Translators to the Reader. Retrieved from: <http://www.bible-researcher.com/kjvpref.html> on 28.11.2018).
- Luther, Martin. Sendbrief vom Dolmetschen. Retrieved from: <https://www.bibel-in-gerechter-sprache.de/wp-content/uploads/sendbrief.pdf> on 28.11.2018

Article history:

Received: 08 December 2018

Revised: 18 February 2019

Accepted: 02 March 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 8 декабря 2018

Дата принятия к печати: 02 марта 2019

Сведения об авторах:

ХУХУНИ ГЕОРГИЙ ТЕЙМУРАЗОВИЧ — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета. *Сфера научных интересов:* история и теория перевода, история языкознания, социолингвистика, психолингвистика.

Контактная информация: e-mail: khukhuni@mail.ru

ВАЛУЙЦЕВА ИРИНА ИВАНОВНА — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета. *Сфера научных интересов:* социолингвистика, психолингвистика, теории перевода.

Контактная информация: e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

ОСИПОВА АННА АЛЕКСАНДРОВНА — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики перевода и коммуникации Московского педагогического государственного университета. *Сфера научных интересов:* история, теория и практика перевода, преподавание русского языка как иностранного.

Контактная информация: e-mail: assya@yandex.ru

Bionotes:

GEORGY T. KHUKHUNI is Doctor of Philology, Professor, Chair of the Department of the Theory of Language at Moscow Region State University. *Research Interests:* history and theory of translation, history of linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics.

Contact information: e-mail: khukhuni@mail.ru

IRINA I. VALUITSEVA is Doctor of Philology, Professor, Chair of the Department of the Theoretical and Applied Linguistics at Moscow Region State University. *Research Interests:* sociolinguistics, psycholinguistics, theory of translation.

Contact information: e-mail: irinaiv-v@yandex.ru

ANNA A. OSIPOVA is Doctor of Philology, Professor of the Department of the Theory and Practice of Translation and Communication at Moscow State Pedagogical University. *Research interests:* history, theory and practice of translation, teaching Russian as foreign language.

Contact information: e-mail: assya@yandex.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-509-522

Mode in Arabic-English Translation: with Reference to the Quran

Ibrahim Najjar, Soh Kwee, Thabet Abu al-Haj

University of Malaya
University Str., Kuala Lumpur, 50603, Malaysia

Abstract

A rhetorical question has the form of a question but does not perform its function, i.e. does not seek any information but rather, is used to give a specific or rhetoric function such as denial, assertion, testing, equalization and negation. The present study investigates the two English translations that were used in the translation of the Quranic rhetorical questions. In a nutshell, this is a comparative study that aims to discover if the grammatical shifts that had occurred in the two English translations would have an effect on the denial, assertion, testing, and equalization and negation modes of the Quranic rhetorical questions. For this purpose, we had adopted the register theory of Halliday and Hassan (1985) as well as the translation shifts of Catford (1965) in the comparison of the two English translations, namely the Koran Interpreted that was authored by Arberry (1955) and the Noble Quran: English translation of the meanings and commentary as transcribed by al-Hilali and Khan (1996). According to the analyses, the occurrence of grammatical shifts between the two translations had in fact affected the mode of the ST rhetorical questions, their rhetorical meanings and consequently, issues on mode sustenance. Therefore, it can be said that the register theory of Halliday and Hassan (1985) had been a beneficial tool used in the analysis of the translation process.

Keywords: *Function, Quran, mode, register, rhetorical questions, shift*

For citation:

Najjar, Ibrahim, Soh Kwee, Thabet Abu al-Haj (2019). Mode in Arabic-English Translation: with Reference to the Quran. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 509—522. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-509-522.

Модальность высказывания в переводе Корана на русский язык

Ибрахим Наджар, Со Би Кви, Табета Абу Аль-хаи

Университет Малайзии
University Str., Куала-Лумпур, 50603, Малайзия

Аннотация

Риторический вопрос имеет такую же форму, что и обычный вопрос, но выполняет иную функцию: вместо запроса информации он может выражать опровержение, утверждение, оценку, приравнивание или отрицание. В настоящей работе рассматриваются способы передачи риторических вопросов в двух переводах Корана на английский язык. Другими словами, это сопоставительное исследование, цель которого — определить, приводят ли грамматические изменения риторических вопросов

в двух английских переводах Корана к изменению модальности опровержения, утверждения, оценки, приравнивания и отрицания. Исследование опирается на теорию регистров М.А.К. Хэллдея и Р. Хасан (1985) и теорию переводческих сдвигов Дж. Кэтфорда (1965). В качестве материала исследования используются выдержки из Корана, а также два английских перевода Корана: “The Koran Interpreted by Arberry” (1955) и “The Noble Quran: English translation of the meanings and commentary by al-Hilali and Khan” (1996). Проведенный анализ свидетельствует о том, что грамматические изменения риторических вопросов в двух переводах приводят к изменению их модальности и, соответственно, их функции. Эти грамматические изменения различного уровня и типа представляют серьезную проблему с точки зрения сохранения модальности при переводе. Показано, что теория регистров Хэллдея и Хасан (1985) является удобным инструментом в процессе перевода.

Ключевые слова: *функция. Коран, регистр, риторический вопрос, сдвиг*

Для цитирования:

Najjar, Ibrahim, Soh Kwee, Thabet Abu al-Haj. Mode in Arabic-English Translation: with Reference to the Quran // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 2. С. 509—522. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-509-522.

1. INTRODUCTION

The rhetorical question is a visible notion that exists in all languages, where according to Siemund (2001:1015), “can be found in all languages of the world, and they also appear to be functioning in a comparable manner”. Hackstein (2004:167) had also emphasized rhetorical questions as a cross-linguistic phenomenon that occurs in both written and oral discourse, where the rhetorical question is generally seen as a non-seeking information question. Larson (1984:257) for example, had not only explained the use of rhetorical questions for indicating interrogative grammatical forms with an intended meaning, but also to serve the speaker’s subtle purpose in commanding, requesting or emphasizing a particular point (Larson 1984:257) or as described by Ilie (1994:130), “heard as questions and understood as statements”. Abioye (2011:291) had also mentioned rhetorical question as being a type of figure of speech that comes in the form of a question, but is used for its persuasive effect, where although the rhetorical question and the seeking-information question had shared the same syntactic structure, each however, had served a different purpose. As such, rhetorical questions had attracted a great deal of attention from the scholars because of the significant role it plays in languages. In Arab, rhetorical questions had been extensively studied by both the ancient and modern scholars alike because of its wide occurrence in the Holy Quran. In Arabic, “rhetorical question” is known as “istfham balagi” “استفهام البلاغي”, which means interrogation, a statement that is formulated as a question, but has another connotation.

According to Ranganath et al. (2016:1), a rhetorical question is not one that conveys a message or meaning in an explicit way, but rather, a question that contains an implicit connotation. This was also confirmed by Bhattasali et al. (2015:743), where he had stated not only the words used in the context of the question as strong clues for understanding its message and the deviation of the actual meaning from its original form, the question would also be regarded as rhetoric or otherwise by considering the appearance of its negative polarity context.

As for translation-wise, Larson (1974) had emphasized the importance of considering the situational context of the rhetorical question by further stating the significance of “how the communicative situation and the attitude of the speaker relate to the grammatical forms used” (1974:14) so that it would provide “a more careful analysis of the ST for translation purposes.” This was also corroborated by al-Malik (1995) and el-Sa’adany (2010), where they had confirmed the importance of taking the situational context, particularly its religious translation, into consideration.

Translation shifts are inevitable during the process of translation and is an issue that is often dealt with by different theorists (Catford 1965, Vinay and Darblent 1955/1995). While translation shifts might sometimes be valuable to the translated text, it may however, lead to certain issues in the source text, where according to Wills (1982:71), the changes of a situational context will cause “changes to inevitably take place in the linguistic texture. Conversely, if a shift is carried out on the linguistic level, this context of situation will also change”. Hence, the aim of this study is to discover if the occurrence of grammatical shifts in the two English translations had affected the mode of the translated rhetorical questions.

2. ARABIC RHETORICAL QUESTIONS

By considering the inclusion of rhetorical questions, many Arab grammarians and rhetoricians had since attempted to clarify the different meanings and constructions of the term “interrogation”. Etymologically speaking, the word “al-Istifham” /interrogation/ is not only a verbal noun that is derived from the verb “Istafhama”, which means “asking for understanding” (Bofama 2014:11), but is also related to the noun “al-Fihim” /understanding that denotes “understanding things by heart” (al-Fayroz Abadi 2001:1056). For this reason, the Arab grammarians had defined interrogation as interrogating the listener of things that the interrogator does not know (al-Soyoti 1985, Ibn Fares 1998).

Most of the Arab grammarians however, had noticed the deviation of interrogation from its original meaning, where it had given rise to the rhetorical question that is known as “al-Istifham al-Balagee”. As mentioned earlier, while the “al-Istifham” is a verbal noun that is derived from the verb “Istafhama”, “al-Balagee” /rhetorical on the other hand, is an adjective that is constructed from the noun “al-balagah”. In this sense, “Istifham Balagi” is not only deemed to have functioned as a noun phrase at a syntactic level, but had also acted as a stylistic device with certain functions, where in this case, had been the denial function of the rhetorical questions as mentioned by Sibawayh (cited in Aida 2012:25), the most well-known Arabian linguist.

For this reason, many Arab rhetoricians had adopted some of the progress made by the grammarians and studied these interrogations or questions from a rhetorical point of view. They however, had considered the Arabic interrogation as not reflecting its true meaning, but rather, possesses some other underlying meanings known as rhetorical interrogation. These rhetorical meanings or functions are not arbitrary generated but is formed by certain factors such as the context of the question, the speaker’s intention, the relationship between the speaker and the listener and also the occasional structure of the question that was used (al-Balakhi 2007:54).

3. FUNCTIONS OF ARABIC RHETORICAL QUESTIONS

The functions of rhetorical questions vary from one scholar to another. While some scholars like Ibn Khalawiyh (1996:326) may consider rhetorical questions as having 4 functions, there may be others who had believed otherwise. This had therefore prompted many Arab grammarians and rhetoricians to attempt distinguishing the different functions of the rhetorical questions by looking at both the context and structure of the said question. There were also more recent Arabian scholars who had deliberated on the functions of rhetorical questions. In his study, Foda (1953) had specified eleven primary and fourteen secondary functions for such questions, where the differences were due to the speaker, the addressee as well as the state of the addressee.

In fact, although there had been numerous functions of rhetorical questions mentioned by the Arabian scholars, the Arab rhetoricians and grammarians however, had only discovered a common understanding of just over ten prominent functions of the rhetorical questions (Rajdal, 2013). As for the other functions, these were considered secondary and were further divided into ten primary sub-categories to include denial, assertion, exclamation, order, equalization, wish, negation, test, augmentation and suspense. In this study, only the denial, assertion, negation, equalization and the test functions had been focused on with their brief explanation as described below:

1. Denial: Denying means the refusal of admitting or acknowledging something that had actually happened. According to al-Balakhi (2007:101), denial is a means that is used by a speaker for creating awareness in the listener and the realization that he/she had committed a mistake, lied or on the pretext of performing a task. As such, denial can be consisted of two types:
 - 1.1. Denial indicates rebuke, where it not only involves rebuking a person about incidents that should not have happened in the past, but also on events that is occurring at the current moment and its possible future occurrences (al-Balakhi 2007:103).
 - 1.2. Denial indicates refutation, where it involves refuting what is not the truth and legitimate. According to Abbas (1997:194), this kind of denial is used to refute false opinions from both the past and present.
2. Assertion: to indirectly force the listener to confess on things that he/she has knowledge of (al-Ameri, et al. 2012:86, Sagir 2015).
3. Test: this question type is used for the purpose of testing the listener.
4. Negation: to negate something. Linguistically, the word negation in Arabic revolves around expulsion and the cessation of a particular issue.
5. Equalization: is regarded as a combination of both hamza “*أ*” (a/alif) and the coordinated conjunctive “*و*” /am/ (or) (al-Zamakhshri, 2009).

4. METHOD

4.1. Data collection

The data from the study had originated from the Quran, where they had consisted of rhetorical questions that were associated with denial, assertion, negation and test functions. These rhetorical questions were also supplied together with the two respective

English translations used, namely “The Koran Interpreted” and “The Noble Quran: English translation of the meanings and commentary” that were authored by Arberry (1955) and al-Hilali and Khan (1996), respectively.

4.2. Context of situation

In one of their studies, Halliday and Hassan (1985) had discussed the function of “register” under the situational context, where they had described the meaning of the word, sentence and text to be governed by the situational context. A situational context is deemed to be composed of field, tenor and mode variables. While field had concerned those of a subject matter and tenor as dealing with the relationship between/among the speakers, mode on the other hand, is one that is related to the written and oral construction of the language.

Language is also seen as serving three meta-functions that provide “ideational, interpersonal and textual meanings” (Halliday and Hassan, 1985), where the ideational meaning denotes the way the text had represented external reality, interpersonal meaning as describing the relations between the speakers and the listeners, while the textual meaning is regarded as dealing with the cohesion as well as the information and thematic structures of a particular language. Researchers had found a connection between these meta-functions and the register terms, which were depicted by the association shown between the field and ideational meaning, tenor with interpersonal meaning and mode to the textual meta-function. As such, it is important that the associations between these variables and the meta-functions are not ignored, but rather, are dealt with so that the differences of the situational context between any two languages can be detected. Based on the above reasons, this theory was thus adopted in studying the data of the Quran.

4.3. Translation shifts

In his study, Catford (1965) had examined two types of equivalence, where the formal correspondence had been described as “any TL category (unit, class, structure, etc.) that occupies as nearly as possible the ‘same’ place in the ‘economy’ of the TL, as the given SL category had occupied the SL” (1965:27), and when this type of equivalence is not achieved, the textual equivalence would then be required and is attained through “shifts”. Catford (1965:49) sees the textual equivalence as textual items with “a greater overlap of situational range” that are dissimilar across cultures. To put this in a more contemporary systemic functional term, Shore (2001:259) had mentioned texts or parts of texts to be equivalent if they had functioned in the same manner as those exhibited by the SL and TL. For this reason, textual equivalence can be defined as “any observed TL text or portion of text on a particular occasion to be the equivalent of a given SL text or portion of text” (1965:159). Catford (1965) had also differentiated the two types of translation shifts as:

A-Level shift: this type refers to a concept, which is expressed grammatically in one language but is shifted into lexis in another.

B-Category shift that is consisted of:

- (i) **Structural shift:** which can be found at “all levels of language and occurs because the ST structure had been different than those of the TT”.

- (ii) **Class shift:** one part of speech that is shifted to another.
- (iii) **Unit shift:** “such a shift occurs when the TL translation equivalence has a different rank compared to the SL”. “Rank here refers to the hierarchical linguistic units of sentence, clause, group, word, and morpheme”.
- (iv) **Intra-System shift:** “This shift occurs when the SL and TL “possess approximately corresponding systems” but where “the translation involves selection of a non-corresponding term in the TL system”.

5. DATA ANALYSIS

Data 1 (Denial)

ST: أَنَّى لَهُمُ الذِّكْرَى وَقَدْ جَاءَهُمْ رَسُولٌ مُّبِينٌ؟ ثُمَّ تَوَلَّوْا عَنْهُ وَقَالُوا مُعَلِّمٌ مَّجْنُونٌ

Trans: *anna lahum althikra wa qad ja'hum rasulun mubinun?*

TT1: *How can there be for them an admonition (at the time when the torment has reached them), when a Messenger explaining things clearly has already come to them. Then they had turned away from him (Messenger Muhammad SAW) and said: (He is) one taught (by a human being), a madman! (al-Hilali and Khan)*

TT2: *How should they have the Reminder, seeing a clear Messenger already came to them, then they turned away from him and said, 'A man tutored, possessed! (Arberry)*

ST and TT1

The denial of the ST had begun with the question noun “أنى” (*anna*) /how/. This lexical item was found to have three uses in Arabic, where it might ask about a place, time or the state of the condition/manner. Here, since Allah had known the natural condition of the unbelievers for refusing to believe and follow, the question noun “أنى” (*anna*) /how/ was therefore used to describe the condition mentioned (al-Zamakhshri 2009) and the adverb “how” had been used appropriately by the translators who were aware of this purpose. In another phrase, Allah had denied them through a warning as seen in the NP “الذِّكْرَى” (*al-thikra*), which literally means “remember”. When this was decreed into English, the TT1 had deciphered it to mean “an admonition”, since the translators had wanted to demonstrate the disbelieving nature of the unbelievers.

Allah had then used a circumstantial clause (adverbial clause) that starts with the circumstantial “وَ” (*wa*) /seeing, since/, which had explained the reason of the unbelievers’ sceptical nature on the messenger that was sent to them. Although the same structure was utilized in the TT1, it had however, used under a different purpose of “time”. Therefore, changing the circumstantial “وَ” (*wa*) /seeing, since/ into the adverb of time, where in this case had been “when”, had somehow distorted its actual meaning. As for the emphatic particle “قَدْ” (*qad*) /verily/ that was followed by the circumstantial “وَ” (*wa*) /since/, this was to imply that a messenger had already come to them. When translated however, the adverb “already” was used instead to confirm the arrival of the messenger. The NP “رَسُولٌ مُّبِينٌ” (*rasulun mubinun*) that had appeared at the end of the circumstantial clause says that the messenger had explained everything to them. When translated, the translators had used the NP “a messenger” as referring to the “رَسُولٌ” /messenger/ and the VP “explaining everything clearly” to denote “مُّبِينٌ” (*mubinun*),

which in this case is an agent noun that was derived from the V “يبين” or “explains”. Under this circumstance, the VP that was used to translate “explaining everything clearly” was found to have reflected the meaning accurately and hence had maintained the mode variable in TT1.

ST and TT2

The ST had started the denial with the question noun “أنى” (anna) /how/, where it is used in Arabic to inquire about a place, time and condition/manner. According to al-Zamakhshri (2009), since Allah had known the disbelievers’ condition for refusing the caution given, the question noun “أنى” (anna) /how/ was therefore used for the condition purpose. In TT2, the adverb “how” was used, where it had reflected the exact meaning of this Arabic lexical item. This was then followed by the use of the NP “the reminder” in TT2 as shown in the NP “الذِّكْرَى” (al-thikra) that was indicated by Allah’s rebuff on them for not taking heed. Although the two had shared the same grammatical category, their meanings however, were found to have differed. On Allah’s statement on why the people had not believed in Him although the messenger had come for them, the circumstantial clause that was used for this purpose was then started with the circumstantial “و” (wa) /since/. Although the “و” (wa) /since/ had literally meant “and”, it was used instead under the circumstantial purpose. In the translation however, the translator had used the conjunction “seeing”, which had served the purpose of the ST “و” (wa) /since/. As for the emphatic particle “قد” (qad) /verily/ that was followed by the circumstantial “و”, it had emphasized the action expressed by the verb, which is the coming of the messenger and when translated, the adverb “already” could be successfully used to imply that a messenger had already arrived. The NP “رَسُولٌ مُّبِينٌ” (rasulun mubinun) /a messenger explains everything/ was however, changed into a different class with the AP denoting “a clear messenger”. While the NP of the ST had stated the messenger who “explains” everything had already arrived, the AP of the TT2 on the other hand, had suggested a “clear messenger” or “an obvious one had already arrived”, where in this case, had not only distorted the intended meaning, but had also led to the partial distortion of the ST and its rhetorical meaning.

Data 2 (Assertion)

ST: ؟ أَلَمْ تَرَ أَنَّ اللَّهَ يَسْجُدُ لَهُ مَنْ فِي السَّمَاوَاتِ وَمَنْ فِي الْأَرْضِ ؟

Trans: a lam tara ana Allah yasjudu lahu *man* fi alsamawat wa man fi alarith?

TT1: See you not that whoever is in the heavens and whoever is on the earth, and the sun, and the moon, and the stars, and the mountains, and Ad-Dawabb (moving (living) creatures, beasts) and many of many kinds prostrate themselves to Allah? (al-Hilali and Khan)

TT2: Hast thou not seen how to God bow all who are in the heavens, earth the sun and the moon, the stars and the mountains? (Arberry)

ST and TT1

The assertion function had begun with the question particle “أ” (a/alif) and was added to the negative and jussive particle of “لم” (lam) /not/ since negation is one of the features in the Arabic assertion RQ that is used to denote negate or contradiction.

The question particle “أ” (a/alif) in Arabic had emphasized the entity that was used after it and although the imperfect verb of the jussive mood “تَرَ” (tara) or “known” was used (Abu-Haiyan 1984), it had somehow demonstrated a perfect relevance under this circumstance. Hence, the question particle “أ” (a/alif) together with the negative particle “لم” (lam) /not/ that had existed as “ألم” (a lam) was used to assert that the Prophet or the One addressed, had already known all the living beings under the sky as showing their reverence and submission to Allah. In TT1 however, the question particle “أ” (a/alif) was not used, but was instead substituted with an old English structure that began with the verb “see”. While the question particle that was mentioned earlier had emphasized on the verb “تَرَ” (tara), the translators however, had placed the emphasis on this verb “see”, which was similar to that of the ST. Apart from this, the translators had also used the verb “see” along with the negation aspect of “not” as a way of providing an opposite meaning that is aligned with the ST. Despite the few differences shown from the meanings between the ST and TT1, the V in the ST “تَرَ” (tara) however, had meant “know”, while the word “see” that was used in the TT1 had denoted a different meaning. The beginning of the message was also observed to be negligibly affected by the different tenses of the two verbs used.

The subordinate conjunction “أَنَّ” (ana) /that/ had indicated factual information as shown in the phrase “that to Allah the livings prostrate”. As a way of fulfilling the meta-function of this subordinate conjunction, the translators had thus used the conjunction “that”, which had functioned in the same manner as “أَنَّ” (ana), where the rest of the ST had ended up mentioning the places that were inhabited by the livings beings. Since the mentioning of places had been achieved under TT1, the rest of the TT1 had thus provided the same meaning as that of the ST. As a result, the mode variable was not only perfectly maintained; its rhetorical meaning was also being preserved as well.

ST and TT2

In the ST, the assertion function had begun with the question particle “أ” (a/alif) that was added to the negative and jussive particle “لم” (lam) /not/. Since negation is one of the Arabic assertion RQ features that denotes to negate or contradicting, the question particle “أ” (a/alif) in Arabic had therefore focused on the entity that was used after it, which was expressed by the imperfect verb in jussive mood “تَرَ” (tara) /know/. Hence, the question particle “أ” (a/alif) together with the negative particle “لم” (lam) /not/ that had existed as “ألم” (a lam), had confirmed that the Prophet or the addressee already had the knowledge of every living being under the sky as demonstrating their submission and reverence to Allah. In the translation however, although the question particle “أ” (a/alif) was shifted into the verb “has” and was combined with the negation particle of “not”, the use of “has” to render “أ” (a/alif) was found to be well-suited in describing the said circumstance since both the “أ” (a/alif) and “has” had focused on the imperfect verb in the jussive mood of “تَرَ” (tara) /known/. While the use of “has” was found to denote perfect relevance on the imperfect/present tense of “تَرَ” (tara) /known/, the use of negation “not” however, was found to be important for emphasizing assertion in English. Some differences were still observed between the meaning of the V “تَرَ” (tara) /know/ and its translated verb “seen”, since the former had indicated “knowing things by heart”.

The conjunction “أَنَّ” /ana/ shows the fact that the living beings had demonstrated submission and reverence to Allah, but when translated, it was shifted into the adverb “how”. Since the adverb “how” had indicated manner and condition, then what follows had been the way the living beings had prostrated to Allah and not the fact that they had shown reverence to Him. Moreover, the verb “يَسْجُدُ” (yasjudu) had meant “prostrate” (Ibn-Ashur, 1984) and by using “bow” to render it had given it a different meaning and consequently, not reflecting the meaning of the actual message. For this reason, the differences had led to the partial distortion of both the mode variable as well as its rhetorical meaning.

Data 3 (Testing)

ST: أَتَهْتَدِي أَمْ تَكُونُ مِنَ الَّذِينَ لَا يَهْتَدُونَ ؟

Trans: a tahtadi am takun min altheen la yahtadun?

TT1: whether she will be guided (to recognise her throne), or she will be one of those not guided. (al-Hilali and Khan)

TT2: whether she is guided or if she is of those that are not guided. (Arberry)

ST and TT1

The test function of ST had begun with the question particle “أ” (a/alif) that functions as D, where in this case, the question particle had meant “if/whether”. Under this circumstance, the addresser had wanted to test the addressee, which in this case, the Queen, if she had recognized her throne. Therefore, the translators had used “whether” to replace the question particle “أ”, where it had functioned as D in the testing of two items “الهداية أم عدمها” /knowing or not/ hence, maintaining the departure of the ST. It was mentioned earlier that the addresser had wanted to test the addressee if she had recognized her throne by stating “أَتَهْتَدِي أَمْ تَكُونُ مِنَ الَّذِينَ لَا يَهْتَدُونَ”, where the V “تَهْتَدِي” (tahtadi), which had meant “know or recognize” is in the active form, but was changed to the VP passive of “will be guided” in the translated version instead, hence, affecting the meaning directly. While the V “تَهْتَدِي” (tahtadi) /will know/ had meant the Queen or the addressee will have the knowledge of her throne, the message from TT1 on the other hand, had implied that someone will lead her to know or recognize her throne. Moreover, the negated VP of “لَا يَهْتَدُونَ” (la yahtadun) /do not recognize/ that was contained in “تَكُونُ مِنَ الَّذِينَ لَا يَهْتَدُونَ” /she is of those who do not recognize/ had been in an active imperfect form, while its translated VP version of “not guided” was found to be in the passive form. Again, the occurrence of a level shift had not only changed the meaning of the information that was provided by the ST in TT1, the mode variable was also partially affected as well.

ST and TT2

In the ST, the testing function was confirmed by the question particle “أ” (a/alif) that had functioned as a D. Since it was used for testing, the translator had used the conjunction “whether”, which had also served the same function as D in providing the same meaning for the “أ” (a/alif) testing. The ST tests of between two things /knowing or not/ are shown in “أَتَهْتَدِي أَمْ تَكُونُ مِنَ الَّذِينَ لَا يَهْتَدُونَ”. The V “تَهْتَدِي” (tahtadi), which had meant

“knows or recognize it” and in the active form, was found to have been changed into the VP “is guided” by the translator instead and had resulted in a total distortion of the intended meaning. While the ST “تَهْتَدِي” (tahtadi) had meant that the Queen or the addressee, will have the knowledge of her throne, the meaning that was suggested in TT2 however, had implied someone who will lead her to recognize her throne. The negated VP of “لَا يَهْتَدُونَ” /do not recognize/ that was contained in “تَكُونُ مِنَ الَّذِينَ لَا يَهْتَدُونَ” /she is of those who do not recognize/ was found to be connected with the V “تَهْتَدِي” (tahtadi) that was presented as the negated VP of “are not guided”. However, the change of TT2 to the passive form from the active structure of the VP in the ST had once again altered the meaning of the ST, thus partially affecting both the mode variable and the rhetorical meaning of the ST.

Data 4 (Negation)

ST: وَمَنْ أَحْسَنُ مِنَ اللَّهِ صِبْغَةً؟

Trans: *wa man ahsanu min Allah Sibghah?*

TT1: And which Sibghah (religion) can be better than Allah’s? (al-Hilali and Khan)

TT2: and who is there that baptizes fairer than God? (Arberry)

ST and TT1

The ST question begins the negation by stating no one can provide the people with a religion better than Allah by using “وَمَنْ أَحْسَنُ”, which had meant “no one is better”. While the ST had concentrated on the one negated, the structural change that had occurred in the TT1 on the other hand, had started with “and which Sibghah (religion)?” instead, where the “صِبْغَةً” (Sibghah) that was written at the last part in the ST was moved to the beginning portion of the TT1. As a result, the TT1 translators had switched the concentration from the “one” to “Sibghah” (religion) and by negating the “صِبْغَةً” (Sibghah) /religion/ and not the “one”, the mode that was situated in the beginning part of the ST was therefore disregarded. The PP of the ST “مِنَ اللَّهِ صِبْغَةً”, where it had meant /than Allah’s religion/ was found to have completed the negation by stating that no one can provide the people with a religion better than Allah as denoted by the PP “than Allah’s” that was preceded by “can be”. Although the meaning concerning Allah and His religion had been reflected in the PP, it was however, not preserved in the beginning portion of the ST and consequently, led to a partial distortion of both the mode variable and its rhetorical meaning.

ST and TT2

Although the ST “وَمَنْ” had meant “no one”, the translator had begun the TT2 by rendering the question N “مَنْ” with “who is there that”. By using the same question noun, the translator had wanted to focus on the negated person that was implied in the ST. The N “أَحْسَنُ” (ahsanu) in the ST, which had come directly after the question noun had implied “better” or in other words, “no one is better” and when rendered, contained both the class and structural grammatical shifts. Apart from the switch of the location, the term was also substituted by the “fairer” adjective, which has a close meaning to the N “أَحْسَنُ”.

The PP “مِنَ اللَّهِ صِبْغَةً”, which had meant “than Allah in giving religion” was found to have changed to a different meaning as a result of using the VP “baptizes fairer than Allah”, where the last item of the N “صِبْغَةً” /Sibghah/ in the ST was changed into a different class of V “baptizes” and yielded a different meaning. While “صِبْغَةً” /Sibghah/ denotes the spiritual religious beliefs provided by Allah as well as a representation of Islam, baptism on the other hand, is a Christian ritual that is performed by the ordained ministers on the Christian believers. As a result of these changes, the meaning in the last part of the ST had been somehow overlooked, thus leading to the partial distortion of both the mode variable and its rhetorical meaning.

Data 5 (Equalization)

ST: أَقْرِبُ أَمْ بَعِيدٌ مَّا تُوعَدُونَ؟

Trans: a qarib am ba'ed ma tu'adun?

TT1: whether that which you are promised (i.e. the torment or the day of resurrection) is near or far. (al-Hilali and Khan)

TT2: whether near or far is that you are promised. (Arberry)

ST and TT1

The function of equalization in terms of interrogation was found to be embedded in the “أَقْرِبُ أَمْ بَعِيدٌ” (a qarib am ba'ed) core structure of the ST. This structure had begun with the question particle “أَ” (a/alif) or in other words, the particle of equalization to indicate the equalization of two items in the ST. This particle of equalization that functions as D had maintained its category with the use of “whether” since this conjunction had been the only choice used by the translators to introduce a question with alternatives. The clause “أَقْرِبُ أَمْ بَعِيدٌ” had contained two equalized items that were connected by the conjunction “أَمْ” /or/ meaning /far or near/ and were changed from NP to the AP “near or far” to denote a more suitable meaning. The relative clause of “مَّا تُوعَدُونَ” (ma tu'adun) /what you are promised, which means the promised punishment that will be delivered by Allah on the disbelievers was found to have reflected in the TT1 of “which you are promised”. By sustaining the meaning in the structure, both the mode variable and the rhetorical meaning of the ST were found to have been preserved in TT1.

ST and TT2

As mentioned earlier, the ST had performed the equalization function by means of an embedded interrogation through the core structure of “أَقْرِبُ أَمْ بَعِيدٌ” in the ST. This structure had begun with the particle of equalization “أَ” (a/alif) and was added to the NP “أَقْرِبُ أَمْ بَعِيدٌ” to not only indicate /near or far/, but also to equalize between the two items of an NP “أَقْرِبُ أَمْ بَعِيدٌ” that was connected by the conjunction “أَمْ” (amm) /or/. In the translation, the particle of equalization “أَ” was rendered as “whether”, while the NP “أَقْرِبُ أَمْ بَعِيدٌ”, which is related to the two equalized items that are connected by the conjunction “أَمْ” /or/, was changed to the AP “near or far”. The particle of equalization was also found to have served its grammatical and semantic functions as indicated by the translated “whether”, which had functioned in the same way as D by providing the two different alternatives. The AP “near or far” that was changed from the NP “أَقْرِبُ أَمْ بَعِيدٌ”

and the same structure that was used in the TT2 of “that you are promised” from the relative clause “مِمَّا تُوعَدُونَ” of punishment of Allah were found to have served the intended meaning and had preserved both the mode variable as well as the rhetorical meaning of the ST.

6. CONCLUSION

This study had compared two English translations of the Quranic rhetorical questions, where the main objective had been to discover if the occurrence of grammatical shifts during the translation process had affected the mode of the ST Quranic rhetorical questions. From the above analyses, the grammatical shifts that had occurred during the translation process were not only found to have greatly affected the mode of the ST rhetorical questions, but also on the rhetorical meanings as well. According to the analyses, the level and class changes were also discovered to be the principal causes for distorting the mode of the ST rhetorical questions.

Although there had been no major differences observed between the two translations, the mode variables from the two translations were found to have experienced a slight distortion from the intended meanings. In spite of this, the translation that was conducted by al-Hilali and Khan (1996) was discovered to have a better interpretation of the mode variable than those of the Arberry's because of the higher focus placed on the Quranic interpretation (1955).

© Ibrahim I.I. Najjar, Soh Bee Kwee, Thabet Abu al-haj, 2019

REFERENCES

- Abioye, Taiwo (2011). Preference for rhetorical questions as an index of textual message effectiveness. *International Journal of Humanities and Social Science*. V. 1. No. 1.
- Arberry, Arthur John (1955). *The Koran Interpreted*: London: Allen & Unwin.
- Bhattasali, Shohini, Cytryn, Jeremy, Feldman, Elana, & Park, Joonsuck (2015). Automatic identification of rhetorical questions. In *ACL*.
- Catford, John Cunnison (1965). *A Linguistic theory of translation*. London: Oxford University.
- Hackstein, Olav (2004). Rhetorical questions and the grammaticalization of interrogative pronouns as conjunctions in Indo-European. In Adam Hyllested, Anders Richard Jørgensen, Jenny Helena Larsson et Thomas Olander (eds.), *Per Aspera Ad Asteriscos*, *Studia Indogermanica in honorem Jens Elmegård Rasmussen sexagenarii Idibus Martiis anno MMIV*.
- Halliday, Michael Alexander Kirkwood, & Hassan, Ruqaiya (1985). *Language, Context and Text: Aspects of Language in Social — Semiotic Perspective*. Waurin Ponds, Victoria: Deakin.
- Ilie, Cornelia (1994). *What else can I Tell you? A Pragmatic study of English rhetorical questions as discursive and argumentative acts*. Stockholm, Almqvist & Wiksell International.
- al-Hilali, Muhammad Taqi-ud-Din, & Khan, Muhammad Muhsin (1996). *The Noble Qur'an: English Translation of the Meanings and Commentary*. King Fahad Complex for the Printing of the Holy Quran. Madinah, K.S.A.
- Larson, Mildred (1974). The communicative situation and rhetorical questions. *Notes on Linguistics*, 9, 14—18.
- Larson, Mildred (1984). *Meaning-Based Translation: A Guide to cross-language equivalence*. New York: University Press of America.

- al-Malik, Fahad M. (1995). *Performative utterances: their basic and secondary meanings with reference to five English translations of the meanings of the holy Qur'an*. Unpublished PhD Thesis, Durham University, UK.
- Ranganath, Suhas, Hu, Xia, Tang, Jiliang, Wang, Suhang, & Liu, Huan (2016). Identifying rhetorical questions in social media. In *ICWSM*.
- el-Sa'adany, Kamel Abdelbadie (2010). *Function of interrogations in the Hadith: a sociolinguistic study*. Retrieved from www.docplayer.net.
- Siemund, Peter (2001). Interrogative constructions, In Haspelmath et al. (eds.). *Language Typology and Language Universals*. Berlin: Mouton de Gruyter, PP.1010—1028.
- Shore, Susanna (2001). "Teaching Translation" in exploring translation and multilingual text production: beyond content, Erich Steiner and Collin Yallop (eds.), Berlin: Mouton de Gruyter, 249—76.
- Vinay, Jean-Paul, & Darbelnet, Jean (1995). *Comparative Stylistic of French and English: A Methodology for Translation*. Amsterdam: John Benjamins, The Netherlands.

Arabic references

- Abbas, Fadhil (1997). *Albalagha fonunha wa afnanuha: ilmualm'ani*. Daru alfurqan.
- Abu-Haiyan, Muhammad (1993). *Tafsir albahar almuhit. Dar al kutub alilmiah*, Beirut, Lebanon.
- Aida, Nagish (2012). *Uslub alistifham fi alahadith alnabuyah fi riadh alsalhin: dirasa nahuwih balaghya*. Unpublished M.A dissertation, Moluod Mu'amari University, Algeria.
- al-Balakhi, Muhammad (2007). *Asalyib al-istifham fi al-bahith al-balaghi wa asaruha fi al-quran alkarim*. Unpublished PhD Thesis, the international Islamic University, Pakistan.
- al-Amri, Shakir, Khursindi, Mahmoud, & Tarhami, Sumayah (2012). *Tajahul al-arif fi alquran: ist'malatuhu wa aghrathuhu albalaghya. Majalat dirasat alogat alarabya wa adabuha*.
- Bofama, Sarah (2014). *Uslub alistifham fi qisat Ibrahim. Dirasah nahuwya balaghya*. Unpublished M.A dissertation, Abdul Qadhir University, Algeria.
- al-Fayroz Abadi, Muhammad (2001). *Alqamos almuhit. Dar ihya'a alturath alarabi*. Beirut. Lebanon.
- Foda, AbdulAlim (1953). *Asalib alistifham fi al-Quran*. A Published PhD Thesis, Cairo, Dar-alsha'ab.
- Ibn Ashur, Muhmmad Al-Tahir (1984). *Tafser al tahrir wa altanwir*. Aldar at-tunisiya lnashir.
- Ibn Fares, Ahmad (1997). *al sahibi fi fiqh alugah alarabya wa masa'iluha wa sunan alArab fi Kalamuha*. Dar al Kutub alilmyah.
- Ibn Khalawyh, Hussain (1996). *Alhujah fi alqira'at alsaba'a*. Beirut. Mu'asasat elrisalah.
- Rajdal, Halimah (2013). *Balaghat alistifham wa dalalatuhu fi al-Quran alkareem*. Unpublished M.A dissertation, Wahran University, Algeria.
- Sagir, Sa'diyah (2015). *Muqaraba Dalaliya fi Ma'ani al-Istifham al-Balaghya. Bibliid*.
- al-Soyoti, JalalAldin (1985). *Al-ishbah wa al-nathair fi alnahu. Altaba awla*. Muasasat Risalit Beirut.
- al-Zamakhshri, Mahmoud (2009). *Tafseer al-kashaf an haqaiq altanzeel wa oyon alaqaweel fi wujuh alta'weel*. Dar almarifa.

Article history:

Received: 10 December 2018

Revised: 26 February 2019

Accepted: 23 March 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10 декабря 2018

Дата принятия к печати: 23 марта 2019

Bionotes:

IBRAHIM I.I. NAJJAR is Ph.D. in Translation Studies, Faculty of Languages and Linguistics, University of Malaya. His area of research includes: translation theory and practice and systemic functional linguistics.

Contact information: e-mail: ibrahim99@siswa.um.edu.my

SON BEE KWEE is Ph.D., Assistant Professor, Faculty of Languages and Linguistics, University of Malaya. Her research interest includes translation studies and contrastive text linguistics.

Contact information: e-mail: bksoh@um.edu.my

THABET ABU AL-HAJ is Ph.D., Associate Professor, Department of the Quran and Hadith, Academy of Islamic Studies, University of Malaya. His research interest includes: Quranic Studies, Hadith Studies and Translation studies.

Contact information: e-mail: thabet2012@um.edu.my

Сведения об авторах:

ИБРАХИМ НАДЖАР — кандидат филологических наук, преподаватель факультета иностранных языков и лингвистики, университет Малайзии. *Сфера научных интересов:* теория и практика перевода, системно-функциональная лингвистика.

Контактная информация: e-mail: ibrahim99@siswa.um.edu.my

СО БИ КВИ — кандидат филологических наук, старший преподаватель факультета иностранных языков и лингвистики, университет Малайзии. *Сфера научных интересов:* теория и практика перевода, контрастивная лингвистика текста.

Контактная информация: e-mail: bksoh@um.edu.my

ТАБЕТА АБУ АЛЬ-ХАИ — кандидат филологических наук, доцент кафедры Корана и Хадиса, Академия исламских исследований, университет Малайзии. *Сфера научных интересов:* изучение Корана и Хадиса, теория и практика перевода.

Контактная информация: e-mail: thabet2012@um.edu.my

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-523-543

Gender-Neutral Linguistic Transformations of Messianic Scriptures in the Modern Anglican Homiletic Literature

Konstantin S. Sharov

Moscow State University
27 bld, 4 Lomonosovsky ave., Moscow, GSP-1, 119991, Russia

Abstract

Actuality. Our time is characterised by the penetration of egalitarian ideas of Western liberalism and political correctness in the sphere of language. Language, speech, communication practices are reviewed and revised to determine if they are politically correct. Religious and sacred texts of Christianity and Judaism do not stand aside from the careful examination of the followers of the ideas of compiling a politically correct Bible. The purpose of this article is to find out if it is possible to change the texts of English translations of the Christian Bible, from a theological and linguistic point of view, and if it is possible to consider gender-neutral versions of Messianic passages of the English Bible as authentic, suitable for the correct transmission of meaning, i.e. reading, theological and historical analysis, as well as liturgical practice. The object of the research is represented by the texts of several widely used in modern Anglicanism gender-neutral English versions of the Bible: *The Inclusive Bible: The First Egalitarian Translation by Priests for Equality* (IBFET, 2009); *New English Translation* (NET, 1998); *New International Version Inclusive Language Edition* (NIVI, 1995). King James' Bible original version (KJV) of 1611 edition is used as a reference point. Research techniques include the method of contextual analysis, comparative method, structural method, comparative historical method. Such taxonomic units of sacred Messianic texts as *son of God, son of man, the lord, the master, the king, heaven kingdom*, constructions of common grammatical gender are analysed. It is demonstrated that in almost all cases of gender-neutral constructions use, the meaning of the text changes: from insignificant changes to the reproduction of openly heretical views from the viewpoint of traditional Anglicanism. Our study shows that gender-neutral language introduces new feminist meanings into Messianic sacred texts, which were not previously contained there. Gender-neutral English translations of the Christian Bible cease to be canonical from the point of view of Christian theology. Nevertheless, gender-neutral philological strategies of modifying the ways of modern Anglican preaching can be an extremely interesting and instructive example of the fact that in the modern world certain social and political discourses can stand behind Christian homiletics.

Keywords: *Gender-neutral translation, gender-neutral language, English Bible, modern Anglican preaching, political correctness, Messianic sacred texts*

For citation:

Sharov, Konstantin (2019). Gender-Neutral Linguistic Transformations of Messianic Scriptures in the Modern Anglican Homiletic Literature. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 523—543. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-523-543.

Гендерно-нейтральные лингвистические трансформации мессианских священных текстов в современной англиканской гомилетической литературе

К.С. Шаров

Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова
Ломоносовский проспект, 27, к. 4, ГСП-1, Москва, 119991, Россия

Аннотация

Наше время характеризуется проникновением эгалитаристских идей западного либерализма и политической корректности в сферу языка. Язык, речь, коммуникативные практики подвергаются пересмотру и ревизии на предмет, корректны ли они политически. Религиозные и священные тексты христианства и иудаизма не остались в стороне от тщательного рассмотрения последователями идей составления политкорректной христианской проповеди, которая должна быть основана на новых политкорректных переводах Библии. Цель данной статьи — выявить группы стратегий изменения текстов английских переводов христианской Библии, использующихся в современности для гомилетических целей в Церкви Англии и Епископальной церкви. Объектом исследования являются тексты нескольких широко распространенных в современном англиканстве гендерно-нейтральных английских версий Библии: *The Inclusive Bible: The First Egalitarian Translation by Priests for Equality* (IBFET, 2009); *New English Translation* (NET, 1998); *New International Version Inclusive Language Edition* (NIVI, 1995). В качестве точки отсчета используется английская Библия короля Иакова 1611 г. издания. Методика исследования включает метод контекстного анализа, сопоставительный метод, структурный метод, сравнительно-исторический метод. Проанализированы такие таксономические единицы священных мессианских текстов, как *son of God, son of man, the lord, the master, the king, heaven kingdom*, конструкции общего грамматического рода. Установлено, что практически во всех случаях использования гендерно-нейтральных конструкций изменяется смысл текста: от несущественных изменений до воспроизводства еретических воззрений с позиций традиционного англиканства. Проведенное исследование показывает, что гендерно-нейтральный язык вносит новые феминистские смыслы в мессианские священные тексты, ранее там не содержащиеся, а гендерно-нейтральные английские переводы христианской Библии перестают быть каноничными с точки зрения христианской теологии. Тем не менее, гендерно-нейтральные филологические стратегии видоизменения англиканской проповеди могут быть крайне интересным и поучительным примером того, что в современном мире за христианской гомилетикой могут стоять определенные социальные и политические дискурсы.

Ключевые слова: гендерно-нейтральный перевод, гендерно-нейтральный язык, английская Библия, современная англиканская проповедь, политическая корректность, мессианские священные тексты

Для цитирования:

Шаров К.С. Гендерно-нейтральные лингвистические трансформации мессианских священных текстов в современной англиканской гомилетической литературе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = Russian Journal of Linguistics. 2019. Т. 23. № 2. С. 523—543. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-523-543.

1. ВВЕДЕНИЕ

С зарождением современного феминизма в 1960-е гг. его притязания коснулись изменения норм и правил английского языка для того, чтобы отразить в новых, исправленных формах толерантное и политкорректное отношение к женщинам и сексуальным меньшинствам (Гендер и язык 2005: 8).

Например, в рамках феминистской лингвистики предлагается переконструировать процессы словоупотребления таким образом, чтобы во всех случаях, когда нужно делать референцию на человека вообще, слова с амбивалентным смыслом были упразднены в устной и письменной речи. Так, предлагается вместо формы «*man*» использовать слово «*human*». Все однокоренные слова должны быть заменены по требованию феминизма: например, «*mankind*» должен трансформироваться в «*human beings*», «*man-made*» — превратиться в «*synthetic*» или «*manufactured*», «*fireman*» — в «*firefighter*», «*businessman*» — в «*business executive*», «*policeman*» — в «*police officer*», «*cattle farm*» — в «*animal prison*», «*congressman*» — в «*congress representative*», «*chairman*» — в «*chairperson*» (Curzan 2003: 142).

Подобные лингвистические метаморфозы изобретены Американским национальным советом учителей английского языка в рамках программы развития политкорректности (Карасев 2017: 120; Шаров 2007: 51; Шаров 2010: 35—36; Шаров 2012: 41). Введение в речевой оборот таких неологизмов подчас становится инструментом реализации различных неолиберальных социополитических стратегий (Донских 2015: 32; Шаров 2006: 54; Шаров 2015: 211; Donskikh 2018: 415). Зачастую эти стратегии направлены на доминирование меньшинств (Карасев 1993; Карасев 1999; Шаров 2013; Sassin et al 2018).

Движение в поддержку политической корректности предлагает выбросить из языка все конструкции, которые реферируют к мужчине, но оставить все те, которые относятся к женщине, и особенно те, которые подчеркивают высокий социальный статус женщин и их положительные этические качества (Хитрук 2016: 103; Castelli 1990: 27). Идеологи этого движения настаивают на необходимости избавиться от мужского грамматического рода, не использовать личные и притяжательные местоимения мужского рода, там, где можно — не использовать референцию на пол вообще (например, отказаться от употребления акронимов *Mr.* «мистер» и *Mrs.* «миссис»), а где нельзя — подчеркивать лидирующее положение женщин: вместо «*man and wife*»¹ в церковных службах говорить «*wife and husband*»² (Deeb-Sossa, Kane 2007: 155).

Естественно, христианское Священное Писание, равно как и Талмуд, не могли не попасть в сферу пристального внимания идеологов политкорректного языка, ведь с их точки зрения, христианские и иудейские священные тексты отличаются крайним шовинизмом и репрезентируют древние патриархальные смыслы в сегодняшней реальности (Gomola 2010: 194—196). Как говорит известный феминистский теолог Элизабет Мольтманн-Вендель, священные тексты традиционно ложатся в основу антиженской патриархальной устной и литературной гомиле-

¹ Муж и жена (англ.).

² Жена и муж (англ.).

тики, т.е. всей совокупности христианских проповедей, читаемых в церквях во время или после богослужений, а также распространяемых в среде прихожан в виде книг, видеозаписей, фильмов, CD- и DVD-дисков (Мольтманн-Вендель 1991: 95—96). Такая проповедь в современном мире помогает закреплять гендерное и прочее социальное неравенство: белые мужчины еще больше угнетают женщин, детей, животных, нетрадиционно ориентированных в сексуальном плане людей, цветных и темнокожих и лишают их законных прав (Вагг 2014: 299). По словам Александра Назарчука, в современном сетевом информационном обществе религиозная проповедь не будет иметь серьезного отклика, если не будет направлена *к конкретному человеку и его проблемам*, т.е. не будет по-настоящему инклюзивной и толерантной (Назарчук 2008: 69—70; Назарчук 2009: 155). Григорий Киселев сходным образом отмечает, что вытеснение женских смыслов из религиозной проповеди на периферию было долгим историческим процессом, который, по его словам, привел к тому, что Бог и человек в Библии, которая закрепляла такую проповедь текстуально, стали сильно разобщенными (Киселев 2001: 10—11; Киселев 2011: 24).

О. Воронина из Института философии РАН придерживается взгляда, что патриархальная иудейская, а впоследствии и христианская проповедь, репрезентируя социальное неравенство древнего Израиля, легитимировала понятие о Боге как об Отце, в то время как во многих соседних с Израилем народах древности было понимание Бога как некой Матери на Небесах (Воронина 2007: 60—61). Об этом также упоминает О. Райкова (Райкова 2016: 74).

Немецкая исследовательница феминизма, филолог Эмили Шюсслер-Фьоренца пишет следующее:

Все библейские тексты написаны в грамматически маскулинном ключе, на языке, встроеном в патриархальную культуру, религию и общество, и который канонизировался, переводился и интерпретировался многими поколениями мужчин. Без сомнения, Библия — это ориентированная на мужчин книга! (Schüssler-Fioreza 1992: 53).

Далее Шюсслер-Фьоренца утверждает, что традиционная (патриархальная) и феминистская гомилетика, основанные на мужском и женском прочтении Библии, приводят к совершенно различному результату. Мужчина при чтении духовной литературы или во время христианской проповеди раскрепощен, он чувствует себя вполне комфортно за счет того, что рисует у себя в воображении патриархальную культуру Иудеи и израильского народа. Женщина же все время напряжена и вынуждена относиться к каждой строчке гомилетических текстов или каждому слову проповедника с «герменевтикой подозрения», поскольку только такое подозрение может спасти ее от включения в дискурс мужского желания и подавления (Schüssler-Fioreza 1995: 36).

Отечественный филолог Н. Габриэлян отмечает:

В языке... использование только мужского рода при построении синтагм просматривается на уровне причастий, глаголов прошедшего времени, числительных, множественного числа существительных и т. д. Эта тенденция «выталкивает» женщину из многих грамматических форм, тем самым тщательно дозируя ее присут-

ствие в языковом пространстве... оказывает на психику более устойчивое воздействие, нежели грубые виды дискриминации, и проникает в более глубокие пласты именно в силу своей неочевидности (Габриэлян 1993: 174).

Хотя данная исследовательница говорит о русском языке, логика феминизма при изменениях текста английской Библии полностью соответствует данному программному заявлению.

В рамках феминистского дискурса в наши дни появляются все новые политкорректные и эгалитаристские английские переводы Библии, которые пытаются использовать термины гендерно-нейтрального языка для адекватной передачи социальных смыслов в англиканской гомилетической (проповеднической) литературе (Bible Gateway n.d.). При этом Библия короля Иакова 1611 г., которая на протяжении почти трех веков являлась авторизованной, единственно правильной и всеобщей для англиканского сообщества версией Библии (Библейские переводы 1891: т. 3А, 681), отвергается как транслирующая смыслы патриархального господства и тем самым неприемлемая для современного либерального общества западного образца (Collins n.d.; Dallas 2007; Gross 2008: 80—81).

В данной статье проводится исследование стратегий внедрения гендерно-нейтральных оборотов и конструкций в текст мессианских отрывков христианской Библии с целью последующего использования современными англиканскими пасторами и церковными писателями в литературной гомилетике. Под мессианскими текстами обычно понимаются фрагменты Библии, прямо или косвенно повествующие о Мессии, Иисусе Христе. Так, мессианскими текстами будут, например, Новый Завет, ветхозаветные пророчества о Христе, часть закона Моисея, в которой предсказано будущее пришествие Мессии на Землю. Конечной целью моей работы является выяснить лингвистические стратегии гендерно-нейтральной трансформации современной англиканской гомилетики как литературного жанра.

Для анализа используются английские версии Библии, поскольку к настоящему времени они оказались в наибольшей степени затронуты тенденциями гендерно-нейтральных изменений. В начале XXI в. подобные попытки переделать язык Библии приобрели лавинообразный характер (Jacobs 2001: 82). Несмотря на то, что среди многих представителей англиканского духовенства до сих пор сохраняется осторожная позиция по отношению к подобным изменениям (Grudem, Osborne 1997; Grudem 1998; Poythress, Grudem 2000), политкорректных переводов с каждым годом становится все больше, и все больше верующих в англиканском мире начинает катехизироваться с помощью таких политкорректных Библий, которых к настоящему времени выпущено уже более сорока (What does the Bible say... n.d.).

Попробуем разобраться, на что в англиканской проповеди и священных текстах направлена феминистская и политкорректная критика.

В целом, стратегии перестройки англиканской литературной гомилетики (для сравнения будем использовать в качестве эталона английскую Библию короля Иакова 1611 г.) можно условно разделить на несколько групп, вклю-

чающих различающиеся по силе воздействия на священный текст приемы и методы (Minton 2003: 141):

А) изменения грамматических форм текста для достижения его нового герменевтического прочтения, как это сейчас обычно делается вне богословия, т.е. в политическом, академическом и ином дискурсе в западных странах, например, использование общего грамматического рода, использование местоимения *she* или *they* вместо *he* в неопределенно-родовых случаях;

В) устранение или затушевывание маскулинных форм в контексте богословия и истории церкви, искусственное введение феминности, например, использование «братья и сестры» вместо «братья»;

С) изменение богословского смысла, переданного на языке оригинала, с помощью использования гендерно-инклюзивных вариантов современного английского языка, что приводит к подмене понятий, например, использование форм «*child of God*» («ребенок Бога») или «*human being / human one / the mortal*» («человеческое существо / некий человек / смертный») вместо «*son of God*» («сын Божий») и, соответственно, «*son of man*» («сын человеческий»).

Д) феминистское переосмысление центральных теологических понятий, например, название Бога не Отцом Небесным, а «Отцом и Матерью на небесах».

2. ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ СТОРОННИКОВ ГЕНДЕРНО-НЕЙТРАЛЬНОГО ЯЗЫКА

Остановимся более подробно на различных лингвистических приемах сторонников гендерно-нейтрального языка в англиканской проповеди, связанных с переосмыслением мессианских текстов Писания, т. е. текстов, говорящих об Иисусе Христе.

2.1. The Son of God

В таких строфах Нового Завета, как Мф. 3:17, Ин. 1:14, Ин. 3:16—17, Гал. 4:4—7 напрямую говорится о том, что Иисус Христос — Сын Божий. Но ряд англиканских церковных писателей, работающих в парадигме политкорректности, стремясь выбросить из своих произведений упоминание названий любых мужских степеней родства, таких как «сын», «брат», «отец», заменяют слово *son* (сын) в данных контекстах на слово *child* («ребенок»), так что вместо выражения «Сын Божий» получается «ребенок Божий» (Fuchs 2008: 47). Последнее выражение также часто используется в Библии, однако в совершенно других смыслах и никогда не относится ко Христу. Изменение словосочетания *son of God* на *child of God* приводит к лингвосемантической путанице, поскольку мы уже не можем различить случаи различного словоупотребления в текстах Писания.

Феминистские переводчики указывают, что их переводы могут быть гораздо ближе оригиналу, чем традиционалистские английские переводы Библии, такие как, например, Библия короля Иакова 1611 г., Библия Уиклиффа или Библия Дуэ-Реймс (Fuchs 2008: 48) Проанализируем это утверждение подробнее.

В греческих текстах Нового Завета используется слово υἱός (сын), а для обозначения понятия «ребенок» в греческом есть такие слова, как, например, παῖς или τέκνον, которые по отношению к Иисусу не используются, хотя употребляются

в других контекстах (Biblical Revelation and Inclusive Language 1998). Далее, английское слово *child* описывает ребенка безотносительно к полу, чего, собственно, и хотят достичь авторы политкорректных Библий, вводя в новозаветное повествование такие изменения (Robbins 2001: 410). Но какой смысл менять язык, устраняя мужскую степень родства, если мы знаем, что Иисус Христос воплотился в Своем человеческом естестве как мужчина? И третье соображение, которое не позволяет признать правоту замены *son* на *child*, кроется в том, что как в римском обществе I в., так и еврейском обществе Иудеи, только сын (неважно, родной или приемный) мог юридически действовать как уполномоченное лицо главы семейства и обладал всей полнотой доверенности, о чем пишет ряд отечественных и зарубежных исследователей древнего и античного права (Шевцов 2010: 19, 21; Кофанов 2010: 68; Пиков 2010: 116; Санников 2010: 83—84; Varanov 2018: 435, 437; Collins n.d.; Protopopova, Garadja 2018: 427; ср. Гал. 4:1—7). Поэтому, говоря о Христе как о Сыне Божьем, мы подразумеваем не только его сыновнее родство по отношению к Богу Отцу, но и всю полноту божественной власти, которой Христос обладает. При использовании слова *child* это остается совершенно непонятным.

2.2. The Son of Man

Вместо словосочетания *son of man* (сын человеческий) в политически корректной англиканской гомилетической литературе, основанной на политически корректных переводах Библии, авторы подставляют парафразы *human being*, *human one* или *the mortal* (человеческое существо, некий человек / некто, смертный) (Stein 2008: 112).

Сын Человеческий — термин, пришедший из Ветхого Завета, на древнееврейском он звучит как *בן אדם* *ben-adam*, на арамейском *bar-anash*. В Библии этот термин используется в трех смыслах и может означать:

- 1) просто человека, к которому обращался Бог (Чис. 23:19, Пс. 8:4, Иез. 2:1, Дан. 8:17; Екк. 3:18);
- 2) ангела (Откр. 14:14);
- 3) Мессию (Дан. 7:13).

Много раз в древнееврейских пророчествах и ветхозаветных текстах мы встречаем это наименование Христа (Calvo 2018: 368). Иногда оно могло обозначать ангела, но видом все равно подобного Христу (как, например, в повествовании о трех отроках, брошенных в вавилонскую печь царя Навуходоносора — см. Дан. 3:21—100). Христос постоянно называл Себя Сыном Человеческим и очень редко — Сыном Божьим, и иудеи прекрасно понимали, что Он, именуя Себя так, свидетельствует, что Он есть ожидаемый всеми Мессия; это становится ясно хотя бы из контекста строфы Ин. 12:34:

The people answered him, We haue heard out of the Law, that Christ abideth for euer: and how sayest thou, The Sonne of man must bee lift vp? Who is this Sonne of man? (Народ отвечал Ему: мы слышали из закона, что Христос пребывает вовек; как же Ты говоришь, что должно вознесу быть Сыну Человеческому? кто Этот Сын Человеческий?).

Здесь характерно то, что иудеи, задавая Христу вопрос «кто такой Сын Человеческий?», задают его не в смысле своего незнания, а в смысле агрессивного

противления своих собственных несовершенных знаний тому совершенному знанию, которое давал Иисус. Иудеи явно знали из закона и пророков, кто такой Сын Человеческий — это было название чаемого всеми Мессии. С особенным пиететом к наименованию «Сын Человеческий» относились ессеи, которые считали его чуть ли не равным имени Бога (Tantlevskij 2016). Однако считая, что Христос должен прийти на Землю как царь и воссесть на вечном престоле в Иерусалиме, они не могли понять, что Сын Человеческий должен вознестись на Небеса — отсюда и семантическое несоответствие слов Спасителя и их знания (Biblical Revelation and Inclusive Language 1998: 29; Terezis, Petridou 2017).

По-гречески Сын Человеческий — это *υἱὸς ἀνθρώπου*; однако апостолы, проповедуя в грекоговорящих странах, предпочитали называть Иисуса Сыном Божьим, поскольку эллины, чуждые иудейской культуре и древнего понятия о Сыне Человеческом, чаще всего воспринимали этот термин именно в первом смысле — как отсылку просто к обыкновенному человеку и, будучи далекими от древнееврейских пророчеств, верований и преданий, не понимали, что выражение «Сын Человеческий» свидетельствует о Сыне Божьем (Tantlevskij 2017; Tantlevskij 2019; Welch 1992: 53). Отсюда радикальное несоответствие количества случаев использования наименования *υἱὸς ἀνθρώπου* Самим Христом в Евангелиях (около 70) и апостолами в Деяниях и Посланиях (считанные единицы) (Stein 1995: 177).

Если мы заменим наименование «Сын Человеческий» в английской Библии на гендерно-нейтральное «смертный», мы потеряем отсылку ко Христу и оставим только первый смысл, т. е. сделаем ту же ошибку, что и грекоговорящее население Римской империи I в., слушавшее проповедь апостолов. Мы тогда невольно отсеем многовековую ветхозаветную религиозную, филологическую и культурную традицию, связанную со вполне определенным пониманием термина «Сын Человеческий».

В качестве примера возьмем историю убиения первомученика Стефана. В Библии короля Иакова читаем, что Стефан сказал иудеям:

And said, Behold, I see the heavens opened, and the Sonne of man standing on the right hand of God (и сказал: вот, я вижу небеса отверстые и Сына Человеческого, стоящего одесную Бога) (Деян. 7:56).

Политкорректная английская Библия *The Inclusive Bible: The First Egalitarian Translation (by Priests for Equality)* (2009) изменяет отрывок так:

“Look!” he exclaimed. “I see the heavens opened, and the Chosen One standing at God’s right hand!” (Посмотрите! — он воскликнул. — Я вижу небеса открытыми и Некого Избранного, стоящего одесную Бога) (The Inclusive Bible 2009: 721).

Семантически это вовсе не то же самое, что в оригинале, и что хотел сказать первомученик Стефан. Подобное серьезное лингвосемантическое искажение происходит и в стихе Ин. 3:13—14, когда мы читаем о ночном разговоре Иисуса с Никодимом, и в Лк. 22:48, когда описывается, как Иуда предаёт Христа, и практически во всех иных местах, где Христос говорит о Себе как о Сыне Человеческом. Иуда не мог предать некоторого безличностного и собирательного *human*

being или *human one* (одного из людей, некого человека). Иисус говорит Иуде в Гефсиманском саду: «*But Jesus said unto him, Iudas, betrayest thou the sonne of man with a kisse?*» (Иисус же сказал ему: Иуда, целованием предаешь ли ты Сына Человеческого?) (Лк. 22:48). Разумеется, Христос не имел в виду, что Иуда предает просто некого представителя рода человеческого.

Также в гендерно-нейтральных английских переводах Нового Завета в отношении к Иисусу Христу используются фразы *Only Begotten, God's Own, Eternally Begotten* и *Promised One* (Единоутробный, Свой Богу, Превечно Рожденный, Обещанный) (Kettemann, Marko 2005: 211; The Queen James Bible 2012: 5). Ни одна из них не несет того же смысла, что и *Son of man* и не может рассматриваться как полностью лингвистически эквивалентная замена. Например, в имени *God's Own* звучит принижение достоинства Христа, поскольку фраза *you are my own* выражает ласковое обращение, эмоции, любовные чувства и на русский ближе всего может быть переведена *ты моя зайка, ты мое солнце*. Говоря *my own one*, мы имеем в виду *my darling*. Называть так Христа мы можем, например, в акафистах и славословиях, но апостолы так Его называть, безусловно, не могли.

Самый известный ветхозаветный пассаж о грядущем Сыне Человеческом из пророчества Даниила

I saw in the night visions, and behold, one like the sonne of man, came with the clouds of heauen, and came to the Ancient of daies, and they brought him neere before him (Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему) (Дан. 7:13)

в гендерно-нейтральной Библии превращается в совершенно другой текст:

I gazed into the visions of the night once again, and I saw, coming on the clouds of heaven, one who looked human, but somehow more than human. This One came to the Ancient One and was led into the Divine Presence (Еще раз я всматривался в ночные видения, и я увидел на облаках небесных некого, кто выглядел как человек, но каким-то образом был больше чем человек. Этот Некто подошел к Некому Древнему, и был введен в Божественное Присутствие) (The Inclusive Bible 2009: 495).

Помимо того, что этот текст стилистически корявый, он не передает исходного древнееврейского смысла. Такой вывод легко подтверждается сличением цитаты с арамейским оригиналом:

Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями и подведен был к Нему) (Дан. 7:13)

חַזַּה הוֹיִל בְּחֻזְיָא לְיִלְיָא וְאַרְוֹ עִם-עַנְנֵי שְׁמַיָּא כְּבָר אֲנָשׁ אֲתָה הוּא וְעַד-עֵתִיק יוֹמַיָּא מְטָה וְקִדְמוּהֵי הַקְּרָבוּהֵי׃

где *חַזַּה* можно перевести как «видом подобный Сыну Человеческому», *יוֹמַיָּא* – как «Ветхий днями», а не просто «древний Некто», а аналога гендерно-нейтральному термину «божественное присутствие» в исходной фразе на арамейском вообще нет.

Наконец, в некоторых случаях, когда современные англиканские политкорректные проповедники не делают никакой уместной с их точки зрения замены словосочетания *son of man*, они склонны попросту его выбросить из контекста и вписать в этот контекст сконструированные ими самими строки/слова. Разумеется, тогда получается семантически искаженное повествование, не передающее

истинной картины новозаветных событий (Carson 1998: 71; De Waard, Nida 1986: 25). Вспомним, как после побоев и издевательств над Иисусом римские воины одели Его в багряницу и возложили терновый венок на голову, желая поглумиться над Ним, но, по сути, тем самым подчеркнув Его царственность (Ин. 19:1—4). После этого Пилат, пораженный стойкостью и мужеством Христа, которые он не думал встретить в еврее, вывел Того к народу и сказал: *ἰδοὺ ὁ ἀνθρώπος!* (Се, Человек!). У короля Иакова это *Behold the man!* (Узрите Человека!) (Ин. 19:5). Пилат, говоря эти слова, хотел подчеркнуть, что Христос есть совершенный Человек, Сын Божий и Царь — все это коннотируется одним словом *man*. В политкорректных Библиях это место просто вычеркнуто из Евангелия. Там Пилат говорит народу: «*Look upon the one you accuse!*» (посмотрите на того, кого вы обвиняете!). Это совсем не одно и то же.

2.3. The Lord

Иисус часто называется Господом Своими учениками, иудеями и Сам говорит о Себе, что Он — Учитель и Господь: *Ye call me Master and Lord, and ye say well: for so I am* (Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то) (Ин. 13:13).

Слово *lord* — это господин, английский лорд, землевладелец, властитель, наконец, Господь. Политкорректные англиканские проповедники считают, что «для того, чтобы устранить сексистские и классовые коннотации этого слова, нужно использовать названия Иисуса „Суверен“, „Спаситель“ и „Иисус царствует“» (The New Testament and Psalms 1995: 2). Думаю, любой английский школьник сможет показать разницу между словами *lord* и *sovereign*. Суверен — монарх, которому мы подчиняемся вынужденно, поскольку мы — его подданные, и мы не можем не подчиниться, ибо в таком случае мы будем обвинены в измене короне со всеми вытекающими последствиями. Лорд — наш господин, которому мы подчиняемся добровольно и против которого можем восстать, если он будет несправедлив, против которого можем подать в суд. Нина Габриэлян, критикуя слово лорд (господин), говорит следующее:

Вряд ли слово «господа» (единственное число — «господин», т.е. хозяин, владелец) можно считать всего лишь нейтрально окрашенной частью лингвистической оппозиции, только указанием на половую принадлежность. «Господин» — это указание не только на пол, но и на роль, значимость этого пола, его доминирующую функцию. В этом раскладе и «дамы» — знак не только пола, но и иерархической подчиненности. Таким образом, обращение «дамы и господа» — это иерархическая структура, замаскированная под лингвистическую оппозицию (Габриэлян 1993: 171).

Недовольство феминистской мыслительницы словом «господин» понятно: мы по своей собственной воле отдаем нашему господину часть своих свобод, чтобы приобрести какую-либо пользу или выгоду для себя. В христианском богословском смысле, как утверждает ряд отцов церкви, говоря Иисусу «*Lord*», верующие христиане приобретают Царство Небесное за счет отказа от свободы творить незаконные и свободы пойти в вечную погибель, а гендерно-нейтральный перевод такой смысл устраняет. Но, например, из истории древнеримского общества мы знаем, что женщины наравне с мужчинами могли пользоваться титулами «госпожа»,

«патронесса», «мать города», «мать отечества», «мать армий», при этом данные титулы указывали на ее высокий социальный статус, зачастую более высокий, чем у всех мужчин, которые ее окружали (Шаров 2019: 108, 113). Поэтому проводить столь однозначные параллели между словом «господин» и понятием патриархального владыки, как это делает Габриэлян, я бы не стал.

2.4. The Master

Сходным образом в политкорректных английских Библиях подменяется слово «учитель». Дело в том, что в русском языке мы не вполне понимаем, в чем тут суть. В английском языке, в отличие от русского или старославянского, где понятие «учитель» обозначается одним словом, могут использоваться разные слова с различающимся смыслом. Так, переводиться как «учитель» будут слова *teacher, mentor, tutor, master, school-master, preceptor, supervisor, professor* — все они обозначают учителя, но с разными оттенками (Archibald-Barber n.d.). В Библии короля Иакова чаще всего используется слово *the master*. В феминистском дискурсе вместо него подставлено *the teacher*.

Но *the teacher* — это просто некий школьный учитель, чужой нам человек, к которому мы приходим на занятия, приобретаем некие знания и после уходим домой, совершенно не интересуясь дальнейшей его судьбой. С другой стороны, *the master* — это учитель-мастер, понятие, восходящее к средневековым гильдиям и мастерству, преподававшемуся в них, а также — к понятию *battle master* (боевой мастер, учитель искусству ведения боя) (Федоров и др. 2015: 88). Это совершенно другой человек, чем *the teacher*. Ученики *the master* — не просто ученики, это своего рода подмастерья, обучающиеся всей премудрости и всему искусству, которыми владеет их учитель. Учитель постепенно передает им свои бесценные знания, которые нигде не записаны, и этим знаниям невозможно научиться с помощью учебников, а подмастерья овладевают неявным знанием. С другой стороны, есть и еще отличие *the teacher* и *the master*: первый зачастую не становится своим для ученика, и всегда сохраняется отчужденность, в то время как последний часто заменял ученикам отца; они жили, ели и пили вместе со своим учителем. Он был для них и воспитателем, и учителем, и хозяином, и приемным «отцом». Если у подмастерья умирал родной отец, учитель часто усыновлял его. Но даже если родной отец был жив, то во многих случаях он передавал свои права и полномочия по воспитанию мастеру, к которому отдавал сына в ученики — неважно, изготавливал ли этот мастер арфы или обучал сына на воина. Он мог дать ученику тычка или выпороть того розгами, но и одновременно предоставлял ему кров, питание, деньги и бесценные знания — по сути, делал из человека достойного члена общества (Бернатоните 2017: 131).

В древнегреческом оригинале Ин. 13:13 звучит так: ὑμεῖς φωνεῖτέ με Ὁ διδάσκαλος καὶ Ὁ κύριος, καὶ καλῶς λέγετε, εἰμὶ γάρ (Вы называете Меня Учителем и Господом, и правильно говорите, ибо Я точно то). Здесь мы видим, что используется слово κύριος, которое в греческом означает мастер, учитель, хозяин, владыка, которое в версии короля Иакова передается словом *the master: Ye call me Master and Lord, and ye say well: for so I am.*

Перевод *the teacher*, предлагаемый в рамках политкорректной англиканской проповеди, убирает все эти оттенки, лишь оставляя смысл преподавания. Политкорректная критика в этом случае опять-таки вполне понятна, она направлена на устранение патриархального понятия «хозяин» (Ward 1994: 320), но как и прежде, она разрушает исходные библейские смысловые коннотации.

2.5. The King

Слово «король», «царь» рассматривается большинством либеральных переводчиков Библии как неполиткорректное (Meysers 2014: 10). Логика здесь достаточно проста.

Считается, что раз в современности, в эпоху расцвета политической корректности, большинство западных стран — это демократические республиканские режимы по форме правления, значит, сама политическая корректность напрямую связана с демократией (Andina 2015: 19). Таким образом, отсюда выводится, что наличие демократической формы правления делает возможным развитие и укрепление идей эгалитаризма и равноправия, которые были бы невозможны при монархическом авторитарном строе. Именно по этой причине новые англиканские проповедники хотят выбросить из своей проповеди понятия монарха, монархии и подставить термины, в которых не содержится намек на монархический строй и авторитарную форму правления (Martin 1990: 47—48).

Вместо слова *king* (царь) предлагается делать подстановку *God* (Бог), а понятие *heaven kingdom* (Царство Небесное) переделывается на *reign of heaven* (правление Небес) (Lathrop, Ramshaw 1993: 3).

Признаться, я не вижу здесь большой логики и особого смысла. Как мы помним из обсуждения слова *lord*, авторы гендерно-нейтральных Библий и политкорректные англиканские церковные писатели не против использования слова *sovereign* (суверен, сюзерен), но ведь суверен — и есть монарх, и это понятие является семантически эквивалентным слову *king*. Понятие суверена включает в себя понятие царя. Например, суверенами будут король, царь, конунг, халиф, султан, император, вождь племени и т.д. Здесь налицо некоторая внутренняя противоречивость антипатриархального гомилетического дискурса: признавать легитимность понятия «суверен», но нелегитимность понятия «царь». Далее, когда мы говорим *reign*, мы имеем в виду правление как процесс, а когда — *kingdom*, то и процесс, и территорию, и власть (Afonasin 2014: 25—26). Поэтому замена *kingdom* на *reign* сразу вычеркивает множество содержащихся в слове «царство» смыслов. Из-за этого *reign of heaven* (правление Небес), конечно же, не является лингвистически правильной и эквивалентной заменой понятию *heaven kingdom* (Царство Небесное).

3. ЗАМЕНА ГРАММАТИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ ДЛЯ ПЕРЕДАЧИ ОБЩЕГО РОДА

В таких отрывках из Библии, как Пс. 1:1—3, Мф. 10:39, Ин. 11:25, Ин. 14:23, греческий и древнееврейский текст передает общий грамматический род с помощью маскулинных конструкций *man... he who...* Эти конструкции мужского

рода широко использовались как в старо- и среднеанглийском, так и в современном языке для передачи общего грамматического рода (Curzan 2003: 36—38; Jones 1988: 47; Whorf 1937: 6). В новой англиканской гомилетике эти места предлагается трансформировать с помощью множественного числа как *those... they who...* (Fletcher 2014: 31) Если для некоторых мест Библии такая перестановка, в целом, смысл не искажает, то в ряде мест искажает существенным образом. Приведу характерный пример.

Часто общий грамматический род, передаваемый описываемыми лингвистическими конструкциями, в древнееврейском или древнегреческом языках действительно реферирует на мужской пол / гендер, но не напрямую, а опосредованно. Окончание 33-го псалма (в англиканской традиции 34-го псалма) таково:

¹⁷*The righteous crie, and the Lord heareth; and deliuereth them out of all their troubles.*

¹⁸*The Lord is nigh vnto them that are of a broken heart: and saueth such as be of a contrite spirit.* ¹⁹*Many are the afflictions of the righteous: but the Lord deliuereth him out of them all.* ²⁰*He keepeth all his bones: not one of them is broken.* ²¹*Euill shall slay the wicked: and they that hate the righteous shalbe desolate.* ²²*The Lord redeemeth the soule of his seruants: and none of them that trust in him, shalbe desolate* (¹⁷Воззваша праведнии, и Господь услыша их, и от всех скорбей их избави их. ¹⁸Близ Господь сокрушенных сердцем, и смиренныя духом спасет. ¹⁹Многи скорби праведным, и от всех их избавит я Господь. ²⁰Хранит Господь вся кости их, ни единая от них сокрушится. ²¹Смерть грешников люта, и ненавидящии праведнаго прегрешат. ²²Избавит Господь души раб Своих, и не прегрешат вси, уповающи на Него).

Обращает на себя внимание, что в Библии короля Иакова из приведенных строф только в строфах 19 и 20 используется форма мужского грамматического рода для передачи общего рода, в то время как в прочих строфах используется множественное число. Ни в церковнославянском Елизаветинском переводе, ни в Синодальном русском переводе 1876 г. этого нет, мы видим, что в наших переводах везде в данном отрывке используется множественное число, что несколько затемняет истинный смысл пророческого подтекста отрывка, в то время как Библия короля Иакова передает древнееврейский смысл точно.

Однако обратимся к древнееврейскому оригиналу строф 19 и 20 из 33-го псалма (у евреев этот псалом также идет под номером 34):

¹⁹Многи скорби праведным, и от всех их избавит я Господь (Пс. 33: 19 — нумерация строфы по Библии короля Иакова).

רבות רעות צדיק אִמְּכֶלֶם יִצִּילֵנוּ יְהוָה

²⁰Хранит Господь вся кости их, ни единая от них сокрушится.

שִׁמְרָה כָּל-עַצְמוֹתָיו אֶת מְהִנֵּה לֹא נִשְׁבֶּרָה

Здесь мы видим грамматические формы мужского рода **אִמְּכֶלֶם kol'** и **עַצְמוֹתָיו ehtsem**, а также существительное мужского рода единственного числа **צִדִּיק tsadic** (праведник). Итак, английский перевод в Библии 1611 г. наиболее точным образом практически дословно передает все лингвистические нюансы древнееврейского оригинала, записанного царем Давидом. Теперь предположим, что мы перепи-

сываем отрывок гендерно-нейтральным образом, как это сделано в Библии *The Inclusive Bible* (2009):

¹⁷*But the just cry out, and Yhwh hears, and saves them from all their troubles.* ¹⁸*Yhwh is close to the brokenhearted and rescues those whose spirits are crushed.* ¹⁹*Many are the afflictions of the just; but Yhwh delivers them from all their troubles.* ²⁰*Yhwh protects their very bones, and not one of them will be broken.* ²¹*Calamity will strike down these vicious curs, and the haters of justice will be condemned.* ²²*Yhwh ransoms the lives of the faithful, and none who take refuge in God will see punishment* (The Inclusive Bible 2009: 382).

Оставляя в стороне соображения, что тетраграмматон *Yhwh* (ЙХВХ), побуквенная передача буквами латиницы еврейского слова-тетраграммы יהוה вместо *the Lord* (Господь) смотрится в английском, мягко говоря, несообразно здравому смыслу, обратим внимание, что в строфах 19 и 20, так же как и в других, англиканскими сторонниками гендеризации Библии подставлено множественное число. Но если в строфах 17—18, 21—22 это множественное число было у царя Давида, автора псалмов, сильно контрастируя с мужским родом единственного числа в стихах 19—20, то в гендерно-нейтральном английском переводе все звучит одинаково.

Так, оказывается, что *Yhwh delivers them from all their troubles* и *Yhwh protects their very bones, and not one of them will be broken* (ЙХВХ избавляет их от всех их бед и ЙХВХ защищает их собственные кости, и ни одна из них не сокрушится). Почему в этих стихах так важно передать мужской грамматический род (то, что, к сожалению, также отсутствует в русских переводах)? Потому что эти стихи пророческие: согласно словам апостола Иоанна Богослова (Ин. 19:36), *For these things were done, that the Scripture should be fulfilled, A bone of him shall not be broken* (Ибо сие произошло, да сбудется Писание: кость Его да не сокрушится). Апостол Иоанн подчеркивает, что использование в древнееврейском тексте строф 19 и 20 мужского грамматического рода единственного числа, а не множественного числа, как в других строфах, пророчески показывает за 11 веков до пришествия в мир Иисуса Христа, что когда Христос будет распят на кресте, римские солдаты не перебьют Ему голени, как это было обычно заведено при казни на крестах в римской провинции Иудея (Сазонова 2016: 58; Ringer n.d.; Strauss 1998a: 37).

Данный пример иллюстрирует, что, казалось бы, безобидная подстановка местоимений множественного числа *they, them, themselves, their*, которая широко практикуется в английском языке в рамках политкорректного дискурса за пределами сферы христианской гомилетики, при попытках нового гендерно-нейтрального перевода Библии может полностью изменить смысл божественного послания.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы рассмотрели некоторые из наиболее показательных стратегий перепиывания английских переводов Библии в рамках политически корректной сегодняшней англиканской проповеди. Суммируя, можно сказать, что их авторы, устраняя грамматический мужской род из текста своей проповеди, пытаются

создать ощущение социального равноправия полов (Shakespeare 2009: 14). Однако на практике они часто достигают совсем иной цели — существенного лингво-семантического искажения священных христианских текстов. Политически корректные англиканские проповедники в современной церкви Англии и Епископальной церкви в угоду социальному дискурсу, стоящему за их проповедью, начинают отказываться от каноничности понимания Ветхого и Нового Завета, а также от базовых богословских концепций. Положительным моментом в такой гомилетике является то, что она нацелена на максимальную социальную инклюзивность и решение проблем всех социальных групп, в первую очередь — женщин. Однако выводы данных церковных писателей иногда начинают граничить с богословской ересью, а то и полностью транслировать еретические взгляды с позиций традиционного англиканства.

Авторы многих гендерно-нейтральных переводов Библии претендуют на то, что эти новые переводы доносят до читателя смысл намного ближе древним оригиналам, чем это делают традиционные переводы наподобие Библии короля Иакова 1611 г. (Fuchs 2008: 48; Whitehead, Perry 2015: 435) Однако наш анализ не показывает этого. Наоборот, внимательное сличение древнегреческих, древнееврейских и английских понятий убедительно демонстрирует, что традиционные английские переводы, ориентированные как на буквализм, так и на историко-богословскую передачу контекста, а также на литературную красоту и завершенность стиля, на поэтичность слога (староанглийская западносаксонская католическая версия X в., среднеанглийская католическая Библия Уиклиффа XIV в., новоанглийская Библия Дуэ-Реймс, новоанглийская англиканская версия короля Иакова), являются эталонами английского Священного Писания, которые вряд ли имеет смысл переделывать с лингвистической точки зрения. Почему так?

В традиционном богословии считается, что Бог и Его воля становятся известны из Его естественного откровения (телеологического провидения; наблюдения за разумным устройством природы; изучения законов природы и закономерностей в природе, размышлений о гармонии в мире; чудес в жизни людей) и специального откровения (исторических событий; слов пророкам; божественной воли, проявляемой в жизни общества и жизни отдельных его представителей или даже целых социальных групп, наций, государств) (Strauss 1998b: 254). Если первое доступно всем людям без исключения, то второе становится очевидным тем, кто изучает священные тексты.

Специальное откровение имеет высшую точку развития в Евангелии Иисуса Христа, Которого церковь называет Словом Божьим. Знать о Слове Божьем мы, в первую очередь, можем из слов записанных свидетельств, содержащихся в евангельских и апостольских текстах. *Сам язык Библии*, а не только общие идеи в отрыве от него, является предметом откровения, которое церковь доносит до людей. Социальная борьба женщин и иных дискриминируемых групп за свои права зачастую вытесняет в современной англиканской проповеди теологическую ортодоксию на периферию.

Тем не менее, гендерно-нейтральные стратегии политкорректной англиканской проповеди, зародившиеся в рамках феминистского дискурса в западных

неолиберальных англоговорящих сообществах во второй половине XX в., представляют немалый интерес для филологов. Они позволяют выявить особенности современной христианской гомилетики как литературного жанра, проследить эволюцию этого жанра от классических посылок к неклассическим, а также проанализировать социальные и политические дискурсы, стоящие за христианской проповедью в современном мире.

© К.С. Шаров, 2019

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Бернатоните, А.К. Семантика образов членов семьи в их взаимоотношениях с гостем в тексте сценария и фильме П.П. Пазолини «Теорема» // *ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики*. 2017. № 2 (12). С. 125—145. [Bernatonite, Ada (2017). The Semantics of Family Members Images in Their Relationships with a Guest in the Script and P. P. Pasolini's Movie 'Theorem'. *ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*, 4(2), 125—145. (In Russ.)]
- Воронина О.А. Оппозиция материи и духа: гендерный аспект // *Вопросы философии*. 2007. № 2. С. 56—65. [Voronina, Olga (2007). Matter and Spirit Opposition: Gender Aspect. *Voprosy filosofii*, (2), 56—65. (In Russ.)]
- Габриэлян, Н.М. Всплывающая Атлантида (медитация на тему феминизма) // *Общественные науки и современность*. 1993. № 6. С. 171—176. [Gabrielyan, Nina (1993). Vsplyvayushchaya Atlantida (meditatsii na temu feminizma) [Swimming-up Atlantis (meditations on feminism)]. *Obshchestvennye Nauki i Sovremennost*, (6), 171—176. (In Russ.)]
- Гендер и язык. Антология*. М.: Языки славянской культуры, 2005. [Gender and Language. *Anthology* (2005) Moscow: Yazyki slavyanskoj kultury. (In Russ.)]
- Донских, О.А. Метафора как способ смены координат // *ПРАЭНМА. Проблемы визуальной семиотики*. 2015. № 1 (3). С. 29—35 [Donskikh, Oleg (2015). Metaphor as a way to change coordinates. *ПРАЭНМА. Journal of Visual Semiotics*, (1), 29—35 (In Russ.)]
- Карасев, Л.В. Гоголь и онтологический вопрос // *Вопросы философии*. 1993. № 8. С. 84—96 [Karasev, Leonid (1993). Gogol and ontological question. *Voprosy filosofii*, (8), 84—96. (In Russ.)].
- Карасев, Л.В. Об «Интересном» Я. Голосовкера // *Вопросы философии*. 2017. № 3. С. 114—124 [Karasev, Leonid (2017). On J. Golosovker's "The Interesting". *Voprosy filosofii*, (3), 114—124. (In Russ.)].
- Карасев, Л.В. Nervoso Fasciculoso (о внутреннем содержании гоголевской прозы) // *Вопросы философии*. 1999. № 9. С. 43—65 [Karasev, Leonid (1999). Nervoso fasciculoso (About internal content of Gogol's prose). *Voprosy filosofii*, (9), 43—65. (In Russ.)].
- Киселев, Г.С. Постмодерн и христианство // *Вопросы философии*. 2001. № 12. С. 3—15. [Kiselev, Grigory (2001). Postmodernity and Christianity. *Voprosy filosofii*, (12), 3—15. (In Russ.)]
- Киселев, Г.С. Религиозные смыслы мира человека // *Вопросы философии*. 2011. № 5. С. 18—29. [Kiselev, Grigory (2011). Religious meanings of the human's world. *Voprosy filosofii*, (5), 18—29. (In Russ.)]
- Кофанов, Л.Л. Римское право в Испании до введения Lex Wisigothorum // *ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2010. Т. 4. № 1. С. 64—77. [Kofanov, Leonid (2010). Roman law in Spain prior to the Lex Wisigothorum. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 4(1), 64—77. (In Russ.)]

- Мольтманн-Вендель, Э. И сотворил Бог мужчину и женщину (Феминистская теология и человеческая идентичность) // *Вопросы философии*. 1991. № 3. С. 91—104. [Moltmann-Wendel, Elisabeth (1991). And God Created Man and Wife (Feminist Theology and Human Identity). *Voprosy filosofii*, (3), 91—104. (In Russ.)]
- Назарчук, А.В. Сетевое общество и его философское осмысление // *Вопросы философии*. 2008. № 7. С. 61—75. [Nazarchuk, Alexander (2008). Network society and its philosophic contemplation. *Voprosy filosofii*, (7), 61—75. (In Russ.)]
- Назарчук, А.В. Осмысление коммуникации в современной французской философии // *Вопросы философии*. 2009. № 8. С. 147—162. [Nazarchuk, Alexander (2009). Considering the communication in the modern French philosophy. *Voprosy filosofii*, (8), 147—162. (In Russ.)]
- Пиков, Г.Г. О некоторых особенностях библейской криминологии // *ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2010. Т. 4. № 1. С. 101—136. [Pikov, Gennady (2010). Criminal law in the Bible. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 4 (1), 101—136. (In Russ.)]
- Райкова, О.А. Пространство женской инициации и опыт сакрального (на материале первобытных обществ) // *ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики*. 2016. № 4 (10). С. 66—81. [Raykova, Olga (2016). the environment of women's initiation and experience of the sacred (on the material of primitive societies). *ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, 3(4), 66—81. (In Russ.)]
- Сазонова, Н.И. Действо о страшном суде в православном богослужении России в XVII в.: к проблеме типологических характеристик богослужебного действа // *ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики*. 2016. № 4(10). С. 53—65. [Sazonova, Natalia (2016). Action about Day of Judgment in the Orthodox divine service in the seventeenth century: To the problem of typological characteristics of divine service action. *ПРАΞΗΜΑ*, 3(4), 53—65. (In Russ.)]
- Санников, С.В. Развитие представлений о преступлениях против королевской власти в ранне-средневековой германской правовой культуре: от частного правонарушения к государственной измене // *ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2010. Т. 4. № 1. С. 78—100. [Sannikov, Sergey (2010). Offences again royal power in Early Medieval German law: from civil delictum to treason. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 4 (1), 78—100. (In Russ.)]
- Фёдоров, В.В., Фёдоров, М.В., Коротаева, З.В. Предикторы пространства власти: семантический аспект // *ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики*. 2015. Т. 2. № 3 (5). С. 86—96. [Fedorov, Viktor; Fedorov Mikhail; Korotaeva Zinaida (2015). Predictors of power space: The semantic aspect. *ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, 2 (3), 86—96. (In Russ.)]
- Хитрук, Е.Б. Визуализация «отцовской революции» в контексте смены философских парадигм // *ПРАΞΗΜΑ. Проблемы визуальной семиотики*. 2016. Т. 3. № 2 (8). С. 97—107. [Khitruk, Ekaterina (2016). Visualising the 'father's revolution' in the context of philosophy paradigms change. *ПРАΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, 3(2), 97—107. (In Russ.)]
- Шаров, К.С. Гендерные аспекты семиотики моды // *Вопросы философии*. 2007. № 12. С. 50—64 [Sharov, Konstantin (2007). Gender aspects of fashion semiotics. *Voprosy filosofii*, (12), 50—64. (In Russ.)].
- Шаров, К.С. Гоголь в тексте // *Вопросы философии*. 2013. № 8. С. 131—136 [Sharov, Konstantin (2013). Gogol in the text. *Voprosy filosofii*, (8), 131—136. (In Russ.)].
- Шаров, К.С. Древний Рим и женщины-администраторы // *ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2019. Т. 13. № 1. С. 106—114. [Sharov, Konstantin (2019). Ancient Rome and Female Administrators. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 13 (1), 106—114. (In Russ.)]

- Шаров, К.С. Д.Н. Кавтарадзе — Мастерская игр. Ремесло и искусство // *Вопросы философии*. 2015. № 7. С. 210—215 [Sharov, Konstantin (2015). D. N. Kavtaradze — Game workshop. Craft and art. *Voprosy filosofii*, (7), 210—215. (In Russ.)]
- Шаров, К.С. Мужчины и женщины в вербальной коммуникации: проблема гендерлекта // *Вопросы философии*. 2012. № 7. С. 38—51. [Sharov, Konstantin (2012). Men and women in the verbal communication: The problem of genderlect. *Voprosy filosofii*, (7), 38—51. (In Russ.)]
- Шаров, К.С. На темной стороне политкорректности: гендерно-нейтральный новояз // *Вопросы философии*. 2010. № 3. С. 30—43. [Sharov, Konstantin (2010). At the dark side of political correctness: gender-neutral new language. *Voprosy filosofii*, (3), 30—43. (In Russ.)]
- Шаров, К.С. Симуляция-игра отличительных национальных признаков в музыке // *Вопросы философии*. 2006. № 7. С. 45—56 [Sharov, Konstantin (2006). The ‘simulation — game’ of distinct national features in music. *Voprosy filosofii*, (7), 45—56. (In Russ.)].
- Шевцов, С.П. Римское право в свете истории ментальности // *ΣΧΟΛΗ. Философское антиковедение и классическая традиция*. 2010. Т. 4. № 1. С. 9—31. [Shevtsov, S. P. (2010). Roman Law in the light of the history of mentality. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 4(1), 9—31. (In Russ.)]
- Afonasin, Eugene (2014). The pilot metaphor and its artistic reflections (a note on the platonic motive on some Celtic coins). *ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, (1), 23—30.
- Andina, Tiziana. (2015). Embodied meanings and normativity. Some remarks for a new concept of art. *ΠΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, (4), 11—27.
- Archibald-Barber, Jesse (n.d.) *From Grammatical to Natural Gender*. Retrieved from <http://homes.chass.utoronto.ca/~cpercyc/courses/6361ArchibaldBarber.htm>.
- Baranov, Vladimir (2018). Classical Philosophy in the *Homily on the Transfiguration of the Lord* by Andrew of Crete. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 12(2), 433—443
- Barr, Beth Allison (2014). “he is bothyn modyr, broyr yr, & syster vn-to me”: Women and the Bible in Late Medieval and Early Modern English Sermons. *Church History and Religious Culture*, 94 (3), 297—315.
- Calvo, Jose Maria Zamora (2018). The Christ-Logos question in Amelius. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 12 (2), 365—379.
- Carson, Donald Arthur (1998). *The Inclusive Language Debate*. Grand Rapids, MI: Baker.
- Castelli, Elizabeth (1990). Les Belles Infidèles/Fidelity or Feminism? The Meanings of Feminist Biblical Translation. *Journal of Feminist Studies in Religion*, 6 (2), 25—39.
- Collins, Ken, rev. (n.d.) The Problem with Inclusive-Language Bible Translations. *Ken Collins Website*. Retrieved from <http://www.kencollins.com/bible/bible-t6.htm>.
- Curzan, Anne (2003). *Gender Shift in the History of English*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Dallas, Joe (2007). *The Gay Gospel?: How Pro-Gay Advocates Misread the Bible*. Eugene, OR: Harvest House Publ.
- Deeb-Sossa, Natalia; Kane, Heather (2007). “It’s the Word of God”: Students’ Resistance to Questioning and Overcoming Heterosexism. *Feminist Teacher*, 17 (2), 151—169.
- De Waard, Jan; Nida, Eugene (1986). *From One Language to Another: Functional Equivalence in Bible Translation*. Nashville, TN: Thomas Nelson Inc.
- Donskikh, Oleg (2018) Splitting concepts: steps of reflection. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 12 (2), 402—425.
- Fletcher, Michelle (2014) What Comes into a Woman and What Comes Out of a Woman: Feminist Textual Intervention and Mark 7:14—23. *Journal of Feminist Studies in Religion*, 30 (1), 25—41.

- Fuchs, Esther (2008). Reclaiming the Hebrew Bible for Women: The Neoliberal Turn in Contemporary Feminist Scholarship. *Journal of Feminist Studies in Religion*, 24 (2), 45—65.
- Gomola, Alexander (2010). Feminist thought in Bible translations. *Przekładaniec. A Journal of Literary Translations*, 24(), 193—208.
- Gross, Martine (2008). To Be Christian and Homosexual: From Shame to Identity-Based Claims. *Nova Religio: The Journal of Alternative and Emergent Religions*, 11 (4), 77—101. DOI: 10.1525/nr.2008.11.4.77.
- Grudem, Wayne (1998). A Response to Mark Strauss' Evaluation of the Colorado Springs Translation Guidelines. *The Journal of the Evangelical Theological Society*, 41(June), 263—286.
- Grudem, Wayne; Osborne, Grant (1997). Do Inclusive-Language Bibles Distort Scripture? *Christianity Today*, (October), 26—39.
- Jacobs, Maretha (2001). Feminist scholarship, biblical scholarship and the Bible. *Neotestamentica*, 35 (1/2), 81—94.
- Jones, Charles (1988). *Grammatical Gender in English: 950 to 1250*. London: Croom Helm.
- Joussellin, Charles, Mailenova, Farida (2018). L'objectivation du corps et nouvelles technologies. *ΙΡΡΑΞΗΜΑ. Journal of Visual Semiotics*, (4), 142—147.
- Kettemann, Bernhard; Marko, Georg (2005). "But what does the Bible really say?" A Critical Analysis of Fundamentalist Discourse. *AAA: Arbeiten aus Anglistik und Amerikanistik*, 30 (1/2), 201—225.
- Lathrop, Gordon; Ramshaw, Gail (1993). *Psalter for the Christian People: An Inclusive Language ReVision of the Psalter of the Book of Common Prayer 1979*. Tucson, AZ: Pueblo Books.
- Martin, Carol (1990). Womanist Interpretations of the New Testament: The Quest for Holistic and Inclusive Translation and Interpretation. *Journal of Feminist Studies in Religion*, 6 (2), 41—61.
- Meyers, C.L. (2014). Was Ancient Israel a Patriarchal Society? *Journal of Biblical Literature*, 133 (1), 8—27.
- Minton, Ron. (2003). Gender-Inclusive Bible Translations. *Chafer Theological Seminary Journal*, 9 (Spring), 141—146. Retrieved from <https://deanbible.org/dbmfiles/slides/x2012-Chafer-NTTextualCriticism-8-GenderInclusiveBibleMinton.pdf>.
- Moltmann-Wendel, Elisabeth. (1991). And God Created Man and Wife (Feminist Theology and Human Identity). *Voprosy filosofii*, (3), 91—104. (In Russ.)
- Poythress, Vern; Grudem, Wayne. (2000). *The Gender-Neutral Bible Controversy*. Nashville, TN: Broadman and Holman.
- Protopopova, Irina; Garadja, Alexei (2018). Reading a woman (Rep. 454d). *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 12 (2), 426—432.
- Ringer, Wesley (n.d.) What are the Biblical Translation Issues Raised by the Gender-Inclusive Debate? Retrieved from <http://www.godandscience.org/doctrine/gender.html>.
- Robbins, Mandy (2001). Clergywomen in the Church of England and the Gender Inclusive Language Debate. *Review of Religious Research*, 42 (4), 405—414.
- Sassin, Wolfgang; Donskikh, Oleg, Gnes, Alexandre; Komissarov, Sergei; Liu Depei (2018). *Evolutionary Environments. Homo Sapiens — an Endangered Species?* Innsbruck: Studia Universitätsverlag, 2018.
- Schüssler-Fiorenza, Elisabeth. (1992). *But She Said: Feminist Practices of Biblical Interpretation*. Boston: Beacon Press.
- Schüssler-Fiorenza, Elisabeth (1995). *Bread not Stone: The Challenge of Feminist Biblical Interpretation*. Boston: Beacon Press.

- Shakespeare, Steven (2009). *Prayers for an Inclusive Church*. Boston: Church Publ.
- Shevtsov, Sergey (2010). Roman Law in the light of the history of mentality. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 4(1), 9—31. (In Russ.)
- Stein, David (2008). On Beyond Gender: Representation of God in the Torah and in Three Recent Renditions into English. *Nashim: A Journal of Jewish Women's Studies and Gender Issues*, (15), 108—137.
- Stein, John. (1995). America's Bibles: Canon, Commentary, and Community. *Church History*, 64 (2), 169—184.
- Strauss, Mark (1998a). *Distorting Scripture? Gender-Inclusive Language and the Bible*. Downers Grove, IL: InterVarsity.
- Strauss, Mark (1998b). Linguistic and Hermeneutical Fallacies in the Guidelines Established at the 'Conference on Gender-Related Language in Scripture'. *The Journal of the Evangelical Theological Society*, 41(June), 239—262.
- Tantlevskij, Igor (2016). Further Considerations on Possible Aramaic Etymologies of the Designation of the Judaean Sect of Essenes (Εσσαιῶν/Εσσηνοί) in the Light of the Ancient Authors Accounts of Them and the Qumran Community World-View. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 10 (1), 61—75.
- Tantlevskij, Igor (2017). Possible parallels in *Ecclesiastes* ' and Aristotle's reflections concerning the eternity and immortality of the soul in correlation with its intellectual and ethical merits. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 11 (1), 133—143.
- Tantlevskij, Igor (2019). Allegories of life, death and immortality in the book of *Ecclesiastes*. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 13 (1), 48—57.
- Terezis, Christos; Petridou, Lydia (2017) The theory of 'union—distinction' as a paradigm of Gr. Palamas' methodology. *ΣΧΟΛΗ. Ancient Philosophy and the Classical Tradition*, 11 (1), 117—132.
- Ward, Graham (1994). In the name of the father and of the mother. *Literature and Theology*, 8 (3), 311—327.
- Welch, Martin (1992). *Anglo-Saxon England*. London: English Heritage.
- Whitehead, Andrew; Perry, Samuel (2015). A More Perfect Union? Christian Nationalism and Support for Same-sex Unions. *Sociological Perspectives*, 58 (3), 422—440.
- Whorf, Benjamin Lee (1945). Grammatical Categories. *Language*, 21 (1), 1—11.

Словари и электронные ресурсы / Dictionaries and links

- Библейские переводы. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона в 86 т. СПб.: Изд-во Его Императорского Величества, 1890—1907. [*Biblical Translations* (1890—1907) Encyclopaedic Dictionary of Brokhauz and Efron (in 86 vols). St Petersburg: His Imperial Majesty's Press. (In Russ.)]
- Bible Gateway (n.d.) Retrieved from <https://www.biblegateway.com/versions>.
- Biblical Revelation and Inclusive Language. A Report of the Commission on Theology and Church Relations of the Lutheran Church — Missouri Synod. (1998). Retrieved from <https://www.lcms.org/Document.fdoc?src=lcm&id=314>.
- Biblical Translations (1890—1907) Encyclopaedic Dictionary of Brokhauz and Efron (in 86 vols). St Petersburg: His Imperial Majesty's Press. (In Russ.)
- The Inclusive Bible: The First Egalitarian Translation (by Priests for Equality) (2009). New York: Sheed & Ward.

The New Testament and Psalms (inclusive version) (1995). Oxford: Oxford University Press.

The Queen James Bible (2012). New York: Queen James Press.

What does the Bible say about political correctness? (n.d.) *Got Questions*. Retrieved from <https://www.gotquestions.org/political-correctness.html>

Сведения об авторе:

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ ШАРОВ — кандидат философских наук; старший преподаватель философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова. *Сфера научных интересов*: компаративистика, сравнительно-историческое языкознание, сравнительное литературоведение.

Контактная информация: e-mail: const.sharov@mail.ru

Bionote:

KONSTANTIN SHAROV — Ph.D., Senior Lecturer at M.V. Lomonosov Moscow State University. *Research interests*: comparative and historical studies of language and literature.

Contact information: e-mail: const.sharov@mail.ru

Article history:

Received: 02 December 2018

Revised: 26 February 2019

Accepted: 10 March 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02 декабря 2018

Дата принятия к печати: 10 марта 2019

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-544-561

Working on Computer-Assisted Translation platforms: New advantages and new mistakes

Irina Ovchinnikova

Haifa University

199 Aba Khoushi Avenue, Mount Carmel, Haifa, 34978838, Israel

First Moscow State Medical University,

8, b. 2, Trubetskaya str., Moscow, 119991, Russia

Abstract

The paper presents analysis of errors in translation on the CAT platform Smartcat, which accumulates all tools for computer-assisted translation (CAT) including a machine translation (MT) system and translation memory (TM). The research is conducted on the material of the translation on Smartcat platform (a joint project of a tourist guide translation (35,000 words) from Hebrew to Russian, English, and French). The errors on the CAT platform disclose difficulties in mastering text semantic coherence and stylistic features. The influence of English as lingua franca appears in peculiar orthographic and punctuation errors in the target text in Russian. Peculiar errors in translation on the CAT platform reveal the necessity of advanced technological competence in translators. The peculiar errors uncover problems associated with a source text segmentation into sentences. The segmentation can trigger a translator to preserve the sentence boundaries and use a Russian complicated compound sentence that provoke punctuation errors. Difficulties of the anaphora resolution in distant semantically coherent segments are also associated with the source text segmentation and working window formatting. A joint project presupposes different translators to translate different files of the source document. To generate the coherence, contiguity and integrity of the whole document, the files have to be revised by a third-party editor to avoid conflict of interest. The editor-reviser is also responsible for improving the target text pragmatic and genre characteristics while applying top-down strategy to target text analysis. Thus, the translator's errors while applying CAT tools reveal the effect of bottom-up text processing alongside with cross-language interference.

Keywords: *CAT platform, text segmentation, translator's errors, cross-language interference*

For citation:

Ovchinnikova, Irina (2019). Working on Computer-Assisted Translation platforms: New advantages and new mistakes. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 544—561. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-544-561.

Использование компьютерных переводческих инструментов: новые возможности, новые ошибки

И.Г. Овчинникова

Хайфский университет

199 Aba Khoushi Avenue, Mount Carmel, Haifa, 34978838, Israel

Первый Московский государственный медицинский университет

ул. Трубецкая, д. 8, стр. 2, Москва, 119991, Россия

Аннотация

В статье обсуждаются причины переводческих ошибок на САТ платформе, позволяющей выполнять весь цикл работ, необходимых для перевода документов и доставки готового материала заказчику. Материал работы представляет собой завершенный проект перевода путеводителя (объемом

около 35 000 слов) с иврита на русский, английский и французский языки коллективом переводчиков, работавших на платформе Smartcat. Smartcat открывает пользователям доступ к машинному переводу, переводческой памяти, тезаурусам и пр. Ошибки перевода с иврита на русский язык выявили трудности в передаче семантической связности в рамках целого текста, придании ему стилового единства и целостности. Частотность специфических орфографических и пунктуационных ошибок в тексте на русском языке во многом обусловлена влиянием английского языка как средства управления платформой и коммуникации между участниками проекта. Специфические ошибки перевода отражают как необходимость владения технологиями, так и доминирование анализа текста «снизу вверх» (от содержания единицы перевода, равной предложению, к смыслу целого текста). Ряд пунктуационных ошибок в тексте перевода обусловлен стремлением переводчика сохранить границы предложения исходного текста, приведенного в ячейке рабочей таблицы CAT платформы. Ошибки в разрешении анафоры отчасти предопределены форматированием рабочего окна, ограничивающего видимую часть исходного и переведенного текста (переводчик нередко ошибается в определении местоименной замены, полагаясь на память). Поскольку при работе с крупными проектами над разделами исходного документа работают разные переводчики, полный текст перевода нуждается в детальном редактировании независимым специалистом, анализирующим текст «сверху вниз» и восстанавливающим семантическую связность, придающим цельность и стиловое единство документу в целом. Таким образом, специфические ошибки в тексте перевода, возникающие в ходе работы на CAT платформе, отражают влияние навязанного интерфейсом восприятия текста, приводящего к доминированию стратегии «снизу вверх» при его смысловой обработке, и межязыковую интерференцию с *lingua franca*.

Ключевые слова: *платформа CAT, ошибки переводчиков, сегментированный текст, межязыковая интерференция*

Для цитирования:

Овчинникова И.Г. Использование компьютерных переводческих инструментов: новые возможности, новые ошибки // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 2. С. 544—561. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-544-561.

1. ВВЕДЕНИЕ

1.1. Особенности переводческой деятельности в условиях широкого распространения компьютерных инструментов для письменного перевода

Условия переводческой деятельности заметно изменились с появлением компьютерных инструментов для письменного перевода, благодаря которым переводчики получили доступ к параллельным корпусам текстов, словарям и тезаурусам, различным системам машинного перевода и совместно используемой машинной памяти на одной платформе.

Перевод при помощи компьютерных инструментов обозначают аббревиатурой CAT (Computer-Assisted Translation / Computer-Aided Translation). Размещение всех переводческих инструментов в открытом доступе на одной облачной платформе, в пределах которой можно организовать весь рабочий цикл — от поиска заказчика или исполнителя до получения оплаты выполненного задания, — упрощает организацию работы, а также технологические аспекты перевода и профессиональной коммуникации. Облачные технологии предназначены прежде всего для удаленной работы. Особенность удаленной работы заключается в невозможности получить быстрый отклик от коллег; обсуждение сложных случаев происходит непосредственно на платформе, что существенно отличается от живой

дискуссии и зачастую приводит к росту тревожности и снижению качества перевода (Sakamoto & Foedisch 2017). Облачные переводческие технологии не помогают определить цель использования переведенного текста в принимающей культуре и выбрать стратегию перевода — наиболее важные переводческие решения всегда принимает человек.

В наши дни переводчик выступает как посредник межкультурной коммуникации, сосредоточенный на передаче коммуникативных намерений и авторской оценки передаваемой информации в тексте на языке перевода в соответствии с принятыми в иной культуре правилами и нормами. Кроме того, переводчик проверяет информацию, представленную в исходном тексте, без чего невозможно передать смысл исходного сообщения на языке перевода: переводчик доставляет сообщение, а не заменяет один языковой код другим (Jakobson 1959: 233). Неслучайно в одной из актуальных теорий перевода Scopus theory во главу угла ставится цель сообщения, которую необходимо транслировать в принимающую культуру в виде текста, функционально равноценного и необязательно лингвистически эквивалентного исходному тексту (Nord 2014). Функциональная равноценность не может быть достигнута средствами CAT; соответствие требованиям принимающей культуры и нормам языка перевода тексту придает переводчик, обладающий лингвистической, культурной и текстовой компетенциями (Латышев, Семенов 2003), а также компетенцией в сфере межличностного и профессионального взаимодействия (European Masters in Translation Competence Framework — 2017: 10—11).

Как справедливо замечает А. Пим, под влиянием обращения к Интернету и применения компьютерных инструментов переводчикам чаще приходится выбирать из предлагаемых вариантов перевода, а не генерировать собственные (Pym 2013: 493). Этот сдвиг не отменяет «классические» требования к работе и профессиональной компетентности переводчика, а добавляет новые задачи, для решения которых необходимы новые знания, умения, навыки. Сдвиг от порождения к отбору готовых вариантов перевода в сущности подразумевает необходимость серьезной работы по редактированию заверченного текста перевода, отстранение от используемого при переводе режима «снизу вверх» и анализ исходного текста в режиме «сверху вниз», чтобы понять смысловую структуру текста и роль каждого из ее компонентов в достижении поставленной автором коммуникативной цели (Robin 2016).

С точки зрения анализа текста «сверху вниз» особую важность приобретают такие параметры текста, как цельность/целостность и завершенность.

Цельность речевого сообщения говорящий/пишущий считает главной характеристикой, квинтэссенцией субъективного видения мира, сохраненной при перифразе, пересказе, компрессии до набора ключевых слов (Сахарный 1991: 222—223). Цельность характеризует смысл текста посредством дистантных семантических связей (Леонтьев 1976); смысл вмещает авторскую оценку денотативного содержания и осознается при прочтении целого текста (Новиков 1999). Для детального смыслового анализа исходного текста и построения ментальной модели смысла переведенного текста инструменты CAT непригодны, поскольку нацелены на формально-семантическую обработку языкового материала и поиска соответ-

ствий в контактирующих языках. Таким образом, редактирование завершеного текста перевода представляет собой оценку адекватности выбора языковых средств целостной смысловой структуре текста, направленного на решение определенной коммуникативной задачи в принимающей культуре.

Важным требованием к профессиональному переводчику во втором десятилетии XXI века становится свободное владение английским языком как *lingua franca* межкультурной коммуникации. Для полноценной работы на CAT платформе, поиска и извлечения информации из Интернета необходимо свободное владение литературным английским языком: 54% из 10 млн наиболее посещаемых сайтов поставляют информацию на английском языке¹. Значимость английского языка для профессиональной переводческой деятельности отражена в образовательных стандартах Евросоюза (European Masters in Translation Competence Framework — 2017: 2). В сущности, переводческая деятельность предполагает трилингвизм: помимо английского, большинство переводчиков в состоянии работать еще на двух языках, обеспечивая профессиональное общение в транснациональных корпорациях (Feely & Harzing 2003).

Таким образом, повсеместное использование CAT платформ привело к таким последствиям в профессиональной деятельности переводчиков:

— переориентация переводческой деятельности с индивидуальных проектов на удаленную работу в коллективных проектах в составе поликультурных профессиональных групп;

— смещение акцента в речемыслительной деятельности переводчика с поиска эквивалента в языке перевода на отбор и оценку готовых вариантов, на редактирование целого переведенного текста;

— востребованность когнитивной стратегии обработки языкового материала «сверху вниз» в сочетании с пристальным вниманием к деталям для обеспечения целостности текста на языке перевода;

— владение как минимум тремя языками (включая английский язык) на уровне, необходимом для обеспечения межкультурной профессиональной коммуникации.

Очевидно, развитие пригодных для перевода информационно-коммуникационных технологий, освободив переводчиков от черновой работы, позволяет использовать время и когнитивные ресурсы на решение более важных и сложных задач, связанных с обеспечением успешной межкультурной коммуникации посредством письменных текстов.

1.2. Задачи, материал и методы исследования

Обращение к CAT в повседневной переводческой практике выявило, помимо несомненных достоинств, существенные проблемы в использовании инструментов, которые приводят к появлению нового типа переводческих ошибок. В настоящей работе проанализированы ошибки перевода на платформе Smartcat². Материал исследования составляет завершённый проект перевода с иврита на русский язык путеводителя «Ашдо», выполненный на платформе Smartcat профессиональными

¹ https://w3techs.com/technologies/history_overview/content_language Last accessed 07.02.2019.

² Smartcat Platform Inc. 2019 <https://www.smartcat.ai/>.

переводчиками в условиях удаленной работы. Исходный текст на иврите состоит из девяти глав и насчитывает примерно 35 000 словоупотреблений³. Текст перевода отредактирован, однако предусмотрена окончательная редакция, которую выполнит один из профессиональных израильских русскоязычных журналистов.

Для того чтобы установить причины появления новых ошибок в тексте перевода и выявить специфику переводческих ошибок при CAT, мы опишем особенности работы и кратко охарактеризуем Smartcat. Далее мы обсудим типы допущенных переводчиками отклонений от языковой нормы и разьясим наиболее вероятные причины их появления.

1.3. Краткая характеристика инструментов Smartcat

Работа на платформе предполагает сегментацию исходного текста по формальным основаниям: большие тексты, состоящие из глав, разделяются на файлы (по одной главе в каждом файле); в свою очередь, каждый файл помещается на платформе как последовательность предложений («от точки до точки»), по одному предложению в ячейке рабочей таблицы. Сегменты исходного текста приводятся в левой колонке таблицы; переводчику остается ввести перевод сегмента в правую колонку, сохраняя разметку исходного текста (на нее указывают цифры внутри оранжевых многогранников: см. рис. 1). Дизайн платформы отводит центральную часть экрана под рабочий стол переводчика, располагая управление исходным текстом и текстом перевода (навигация по таблице, поиск слов и выражений, установление фильтров и т.п.) в верхней строке рабочей таблицы. В правой части экрана находится справочный стол с доступом к тезаурусам, переводческой памяти и поиску по конкордансу. Нижняя часть экрана отведена коммуникации с коллегами. В процессе перевода можно использовать переводческую память, тезаурусы, создавать собственный словарь, искать повторяющиеся фрагменты текста в других ячейках таблицы файла (как на исходном языке, так и на языке перевода), а также обсуждать неоднозначные пассажи исходного текста с другими участниками проекта. В нижней части рис. 1 можно прочесть часть диалога между переводчиками, работавшими над проектом.

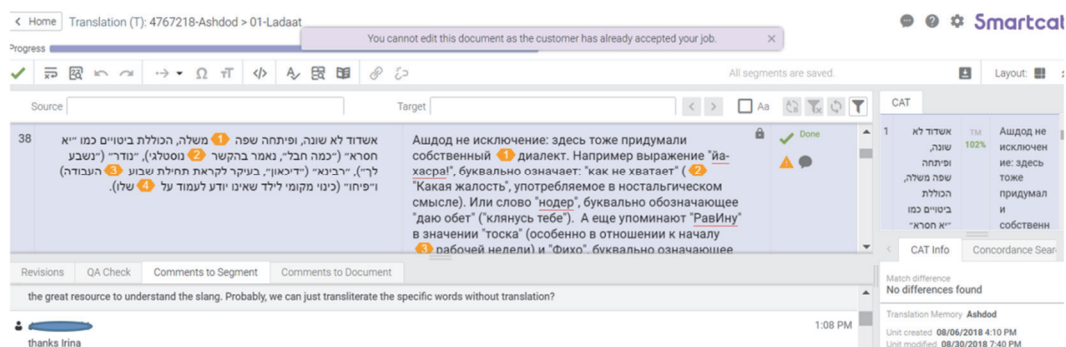

Рис. 1. Рабочее окно платформы Smartcat

³ Проект включал перевод с иврита на русский, английский и французский языки. Переводчики, принимавшие участие в проекте, помогали друг другу в поиске информации и проверке приведенных исторических данных.

Все предложенные варианты перевода сегмента сохраняются и остаются доступными до окончания работы над проектом благодаря опции Revision, однако в переводческую память Smartcat (пример справа от таблицы с сегментом исходного текста и его переводом на рис. 1) попадает только окончательный вариант. Вверху экрана высветилась строка с запретом дальнейшего редактирования текста перевода на платформе, поскольку данный вариант уже одобрен проектным менеджером и предназначен для выгрузки с платформы и окончательного редактирования профессиональным журналистом.

Для редактирования полного текста документа предусмотрена опция «Загрузить документ» (направленная вниз стрелочка в верхнем правом углу), позволяющая получить полный текст на языке перевода, который невозможно увидеть на экране компьютера целиком.

2. ХАРАКТЕРИСТИКА ОШИБОК ПРИ ПЕРЕВОДЕ С ИВРИТА НА РУССКИЙ ЯЗЫК НА ПЛАТФОРМЕ SMARTCAT

2.1. Проблема классификации ошибок

Для описания переводческих ошибок необходимо определиться с их классификацией. Принято разграничивать ошибки и переводческие трансформации, обусловленные типологическими различиями между исходным языком и языком перевода; об ошибках говорят в случае неоправданных трансформаций, логических нестыковок и при нарушении норм языка перевода (Бузаджи 2006). Хотя подход к классификации ошибок различен в академической среде и в переводческой практике, можно выделить категории ошибок, не вызывающие возражений ни у теоретиков, ни у практикующих специалистов. Такого рода общепринятая классификация предложена в работе Д.М. Бузаджи и соавторов (Бузаджи et al. 2009). Авторы предлагают разграничивать следующие категории ошибок:

- ◆ денотативные (искажение денотативного содержания текста, нарушение логики подачи информации),
- ◆ дискурсивные (искажение жанровых и стилевых особенностей, препятствующее функционированию текста в принимающей культуре),
- ◆ экспрессивные (искажение авторского отношения к объекту описания),
- ◆ нарушение нормы и узуса языка перевода.

Именно эту классификацию мы принимаем за основу, отдавая себе отчет в том, что применять ее к описанию ошибок в переводе, выполненном на CAT платформе, можно с некоторыми оговорками и дополнениями, выработанными в корпусной лингвистике для разметки параллельного учебного корпуса (Куниловская 2013).

Использование машинного перевода и переводческой памяти предполагает вероятность появления непереуведенных сегментов исходного текста; именно такая ошибка оказывается наиболее частотной при машинном переводе (Burchardt et al. 2017). Пример Google translate с пропуском сегмента исходного текста на английский и русский языки показан на рис. 2. Непереуведенные сегменты обведены в ячейке с исходным текстом на иврите.

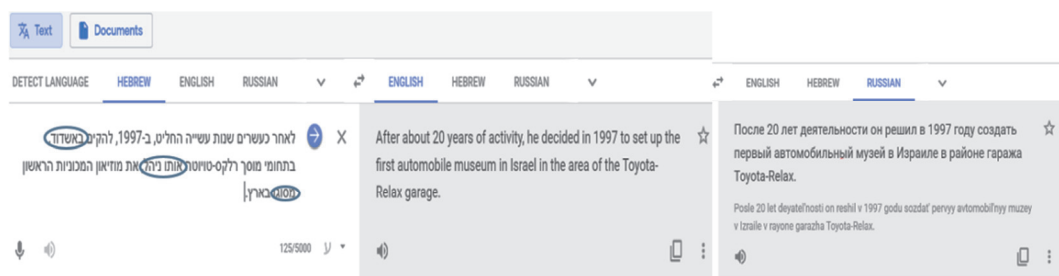

Рис. 2. Google translate:
пример с непереуведенными сегментами исходного текста

Рис. 3. Яндекс-переводчик:
пример буквального перевода исходного текста

Принципиальную возможность буквального машинного перевода любой синтаксической конструкции с иврита на английский и русский языки доказывает Яндекс-переводчик (см. рис. 3).

Пропуск сегментов исходного текста при машинном переводе отличается от ошибки опущения, которую нередко допускают переводчики. Машинные алгоритмы зачастую «не видят» конечные звенья цепочки синтаксических зависимостей и именно их упускают при переводе, не распознают несогласованные определения и не различают существительные и образованные от них прилагательные (Богуславский et al. 2008), в то время как опущение информации при переводе «вручную» обычно не связано с синтаксической позицией сегмента в исходном тексте. Возможность появления непереуведенных сегментов при работе на Smartcat не исключена, поскольку платформа предлагает обращение к машинному переводу. Как раз в исходном тексте, приведенном на рис. 2 и 3, переводчик опустил второй из обведенных сегментов, переведенный в Яндекс как *которым он управлял*. Переводчик объяснил возможность опущения, сославшись на упомянутую ранее в тексте работу героя: *менеджер гаража «Тайта-Ралекс»*; однако редактор предпочел восстановить опущенную информацию.

Обсуждение данного примера позволяет вскрыть весьма важную особенность машинного перевода и его редактирования, связанную с дискурсивной характеристикой текста. Насколько оправданы смысловые повторы в тексте перевода, приводящие к усложнению синтаксиса? Публицистическому тексту в русской культуре не свойственна синтаксическая сложность.

Таким образом, при анализе переводческих погрешностей на CAT платформах необходимо учитывать специфические для машинного перевода ошибки.

2.2. Общая характеристика ошибок перевода на платформе Smartcat

В целом ошибок в завершённом проекте совсем немного: 410 на текст в 35 000 словоупотреблений. В сегментах, переведённых с ошибками, содержится около 1000 слов, что составляет около 3% всех словоупотреблений исходного текста. Например, сегмент исходного текста из 20 слов, приведённый на рис. 2 и 3, в Google translate переведен с четырьмя ошибками: неверный порядок слов и три непереуведенных фрагмента.

Начнем с общего обсуждения ошибок различных типов, а в следующем разделе перейдем к подробному качественному анализу наиболее типичных специфических ошибок. Распределение ошибок по типам приведено в диаграмме на рис. 4. В исследуемом материале обнаружены денотативные и дискурсивные ошибки, а также нарушения норм и узуса языка перевода. Денотативных ошибок совсем немного (их доля не превышает 1%); допущенные переводчиком денотативные ошибки была замечены и исправлены редактором. Меж тем порой именно редакторская правка приносит ошибки в текст перевода. Обсудим пример допущенной редактором денотативной ошибки, в которой опущение информации приводит к нарушению узуса языка принимающей культуры:

- (1) החוקרים העלו שתי סברות באשר לזהות יושבי המצודה ששרידיה נמצאו בגבעה.
Исследователи приводят два возможных варианта жителей крепости, руины которой находятся на холме.

В исходном сегменте речь идет о двух теориях, объясняющих, кем были обитатели крепости, руины которой расположены на холме. Переводчик предлагал едва ли не более точный вариант: *Исследователи приводят две теории, объясняющие природу человеческих останков в крепости, руины которой расположены на холме.* Редактор, пытаясь исправить вольность лексического выбора (*останки* вместо *обитатели/жители*), добавил в перевод ошибку лексической сочетаемости и упустил важную информацию.

Наиболее часто встречаются дискурсивные ошибки, доля которых составляет 40% от всего количества ошибок (см. диаграмму распределения ошибок на рис. 4).

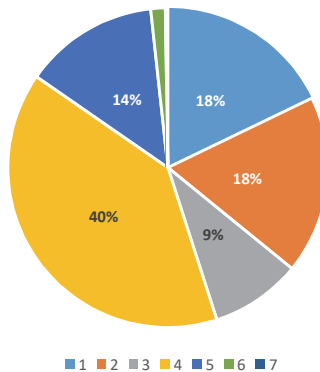

Рис. 4. Распределение ошибок в переводе с иврита на русский язык на платформе Smartcat:

- 1 — орфографические (18%), 2 — пунктуационные (18%), 3 — грамматические (9%), 4 — дискурсивные (40%), 5 — лексические (14%), 6 — неточная передача информации (0,9%), 7 — добавление информации (0,1%)

Заметим, что подобные ошибки отнюдь не редки даже в художественном переводе (Ермолович 2013). Среди дискурсивных ошибок заметны стилистические: переводчик неоправданно переключается с одного стиля на другой. Смешение стилей, зачастую в рамках одного предложения, приводит к нарушению стилистических норм русского языка.

Рассмотрим один из наиболее ярких примеров дискурсивной ошибки:

- (2) מעצמת שחמט לאומית ובינלאומית, עם הישגים מרשימים בקטגוריות המבוגרים והנוער כאחד
Шахматная держава, национальная и международная, прославившаяся достижениями как в юношеской, так и в во взрослой категориях.

В исходном тексте говорится о городе Ашдод как о *мощном государстве* (*сверхдержаве, сверхмощи*) *шахмат*; номинативное предложение начинается с общеупотребительного в иврите сочетания, которое используется по отношению к странам и городам (Ашдоду, Ришону ле-Циону, Ашкелону). В русской культуре использование сочетания *шахматная держава* по отношению к городу ассоциируется с героем романа «12 стульев» Остапом Бендером и его планом развития городка Нью Васюки, что придает тексту перевода нежелательный иронический оттенок. Помимо невольной интертекстуальности в приведенном варианте перевода допущено смешение книжного стиля (*держава*) с официальным (*юношеская и взрослая категории*), употреблена разговорная частица *таки*, нарушены правила семантической сочетаемости (*держава* не может быть *международной*).

Лексические и грамматические ошибки регулярно встречаются в речи билингвов и, к сожалению, обычны для перевода (Дебрэнн 2006: 135). Обращение к САТ несколько снижает их частотность благодаря возможности использовать словари и переводческую память. Когда переводчик ошибается в выборе слов ограниченной сочетаемости, в тексте на русском языке появляются выражения *инаугурация моста* и *имена рек и гор*:

- (3) רחובות רובע י"א, שהוקם באמצע שנות השבעים, בקראו על שמם של נחלים והרים בארץ.
Улицы района Йуд-Алеф, основанного в середине семидесятых, названы именами рек и гор Израйля.

Грамматические ошибки совпадают с отступлениями от норм русской грамматики, встречающимися в аутентичных текстах на русском языке: отступление от норм в спонтанной устной речи и на письме описано в антропоцентрической грамматике русского языка (Русакова 2013). Переводчики ошибаются при склонении числительных, оформлении синтаксической зависимости в обособленных оборотах и конструкциях с последовательным подчинением, используют деепричастный оборот в безличном предложении, как в приведенном ниже примере:

- (4) בתום הבילוי בפארק מומלץ להמשיך בטיול דרומה, לאורך טיילת החוף היפה, שנמתחת בין חוף מי-עמי לחוף לידו.
Проведя время в парке, рекомендуется продолжить прогулку в южном направлении по прекрасной прогулочной дороге, ведущей от пляжа «Мей-Ами» к пляжу «Лидо».

Неожиданно высокой для перевода с использованием компьютерных инструментов оказывается доля орфографических и пунктуационных ошибок. Она

заметно выше зафиксированной для различных систем машинного перевода (Aranberri et al. 2016) и переводческой памяти (Barbu et al. 2016: 160). Чтобы определить категории орфографических и пунктуационных ошибок, необходим их детальный анализ.

2.3. Анализ орфографических и пунктуационных ошибок в тексте перевода, выполненного на платформе Smartcat

Представим все разнообразие орфографических ошибок, допущенных при переводе с использованием компьютерных инструментов на платформе Smartcat, в таблице 1. В последней колонке таблицы приведены наиболее простые объяснения для каждой категории ошибок.

Более чем три четверти орфографических ошибок обусловлены особенностями работы на CAT платформе. Основными причинами ошибок оказываются: недостаточная технологическая компетенция, не позволяющая переводчикам настроить словарь и проверку правописания необходимым образом; неуверенность в применении правил орфографии языка перевода; недостаточно развитая рефлексия, помешавшая отследить межязыковую интерференцию.

Похожими причинами вызваны пунктуационные ошибки. Примеры неверной расстановки запятых можно обнаружить в тексте перевода, приведенном на скриншоте (см. рис. 1). Под влиянием правил пунктуации английского языка переводчики и редакторы допускают такие отклонения от норм расстановки знаков препинания в русском языке:

- ◆ выделяют запятыми дополнения и обстоятельства в начале предложения:
(5) *Ежегодно, накануне Дня независимости, в центре «Монарт» проводится торжественная церемония вручения награды мэра города «Золотая кисть» для продвижения искусства в обществе;*
- ◆ используют двоеточие вместо тире в бессоюзном предложении:
(6) *С окончанием первого крестового похода в 1099 крепость снова была заселена: на этот раз крестоносцами;*
- ◆ опускают знаки препинания перед союзами в сложных предложениях:
(7) *В те же годы был быстро отстроен в восточной части города и район Вав (б) чтобы принять большие волны репатриантов.*

Специфические пометы для форматирования исходного текста, которые следует копировать в текст перевода, порой мешают переводчикам определить верную позицию для расстановки знаков препинания в трансляте. Наконец, сложность и неоднозначность некоторых правил русской пунктуации приводит к ошибкам в обособлении различных оборотов и вводных слов, пренебрежением правилами использования точки с запятой. Особо отметим ошибки, возникающие при редактировании текста перевода: редактор, поправляя одну часть предложения на языке перевода, упускает из виду необходимость проверить правильность расстановки знаков препинания в новом варианте переведенного предложения, тем самым невольно добавляя новые ошибки.

Таблица 1

Орфографические ошибки в тексте перевода и их объяснение

Описание ошибки	Доля (в % к общему кол-ву орфогр. ошибок)	Пример	Вероятная причина	Объяснение
Неоправданное употребление прописных букв	59%	<i>Война за Независимость Израиля</i>	Интерференция с правилами использования прописных букв в английском языке: <i>Israel's War of Independence</i>	В иврите нет противопоставления прописных и строчных букв. Нормы употребления прописных букв в русском языке не так просты, как кажется на первый взгляд, особенно при написании названий событий и организаций, состоящих из нескольких слов. В английском языке прописные буквы пишутся во всех словах, входящих в номинации событий, организаций и пр. Вероятно, переводчик ошибается в употреблении прописных букв под влиянием английского языка, который участники проекта используют для общения на Smartcat и организации работы на платформе.
Отсутствие пробела между словами	27%	<i>в конце шестидесятых годов</i>	Наличие помет, указывающих на необходимое форматирование текста в исходном сегменте на иврите, маскирующих пробел между словами (пометы следует копировать в текст перевода)	Ошибки встречаются из-за специфических помет для форматирования текста на платформе (вид отформатированного текста на выходе не соответствует тому, что переводчик видит на экране)
Ошибка в правописании слова	11%	<i>На территории центра действуют городская консерватория «Акадама», балетная школа и студия танца, местные ансамбли исполнителей и городские оркестры, а так же великолепный музей искусств, известный по всей стране и за рубежом.</i>	Сложные правила русской орфографии подразумевают различное написание омонимичных наречиям частиц, союзов и существительных с предлогами	Переводчики и редакторы нередко ошибаются в применении сложных правил русской орфографии, отражающих морфологический принцип. В частности, они ошиблись в определении части речи выделенного слова так же , написав его по правилам, регулирующим правописание омонимичного союзу также наречия так с частицей же . Подобные ошибки нередко встречаются в непереводных текстах, особенно в компьютерно-опосредованной коммуникации
Erratum in compound	3%	<i>Ультра-ортодоксальный</i>	Ошибки и опiski в редких словах и терминах	Ошибки в написании слов, подчиняющихся традиционному принципу русской орфографии

На наш взгляд, обилие пунктуационных ошибок отчасти спровоцировано сегментацией исходного текста для работы на платформе. В ячейку таблицы вводится одно предложение от точки до точки. Переводчики попадают под влияние тенденции сохранять границы предложения на языке перевода, пытаясь передать более компактную синтаксическую конструкцию иврита нагромождением обособленных оборотов в сложноподчиненном или сложносочиненном предложении. В таких случаях вполне уместна синтаксическая трансформация, позволяющая передать содержание исходного сегмента несколькими предложениями.

Таким образом, высокая доля орфографических и пунктуационных ошибок в тексте перевода обусловлена прежде всего человеческим фактором. Причем речь идет не столько о недостаточной компетентности переводчиков и редакторов, сколько о психологических проблемах работы с компьютерными программами, в том числе связанных с особенностями восприятия текста на рабочем столе CAT платформы. Облегчая определение единицы перевода за счет сегментации исходного текста, упрощая поиск эквивалентов благодаря наличию машинного перевода и накоплению переводческой памяти, компьютерные переводческие инструменты требуют совершения дополнительных операций — отслеживания помет форматирования текста, соединения предложенных переводческой памятью фрагментов в связное предложение, загрузки файла переведенного текста для его редактирования и т.п. Ошибки, возникающие под влиянием необходимости выполнять дополнительные операции, стоит рассмотреть особо.

3. ОБСУЖДЕНИЕ СПЕЦИФИЧЕСКИХ ОШИБОК ПЕРЕВОДА, ОБУСЛОВЛЕННЫХ РАБОТОЙ НА CAT ПЛАТФОРМЕ

К появлению новых неожиданных ошибок в переводах, выполненных на CAT платформах, приводят два основных фактора: во-первых, относительная технологическая сложность платформы для технически неподготовленного переводчика, требующая разделения внимания и одновременного выполнения различных операций; во-вторых, психологические особенности восприятия текста с экрана компьютера, доминирование стратегии обработки текста «снизу вверх» наряду с необходимостью отслеживать и подавлять межъязыковую интерференцию с английским языком, обеспечивающим доступ к различным функциям платформы, помимо естественной интерференции контактирующих языков.

Технологическая сложность обусловлена не столько объективной сложностью управления функциями поиска и извлечения необходимой информации, использования фильтров или навигации по документу — платформа Smartcat устроена очень рационально и удобна для пользователя, — сколько необходимостью отслеживать множество деталей, одновременно оценивая данные по целому ряду параметров. Выполнение нескольких процедур одновременно в условиях дефицита времени, отведенного на проект, ставит перед профессиональным переводчиком трудновыполнимые задачи и приводит к интерференции различных видов деятельности.

Появлению интерференции способствует невысокий уровень владения видом деятельности — в нашем случае управлением функциями CAT платформы, —

а также режим чередования задач (Созинов и др. 2013). Вероятность интерференции возрастает в случае необходимости быстрой смены решаемых задач, в нашем случае — в результате постоянного переключения с поиска эквивалентов в языке перевода на оценку предлагаемых машинной памятью вариантов, затем на управление платформой.

В частности, необходимое для расстановки знаков препинания произвольное внимание рассеивается из-за требования отслеживать и размещать в тексте перевода пометы, указывающие на форматирование текста. Пометы для форматирования затрудняют восприятие синтаксической структуры предложения на языке перевода, что также чревато пунктуационными ошибками. Примером переводческой неудачи такого рода может служить сегмент текста перевода на рис. 1:

- (8) *Например выражение «йа-хасра», буквально означает: «как не хватает» («Какая жалость»), употребляемое в ностальгическом смысле).*

В переводе отсутствует запятая после вводного слова, ошибочно помещенная между подлежащим и сказуемым; предложение перегружено уточняющим оборотом и лишними знаками препинания, неверно используется прописная буква. Отслеживание мелких деталей в процессе работы на платформе усложняет переход к стратегии обработки переведенного фрагмента «сверху вниз», необходимой для оценки семантической целостности, стилистической корректности и правильности синтаксического конструирования предложения на языке перевода.

Кроме того, поэлементность восприятия текста, распределенного по ячейкам, и ограниченное количество сегментов, доступных в рабочем окне одновременно, создают трудности в установлении семантических связей между удаленно расположенными сегментами текста, в том числе и при разрешении анафоры. Так, переводчик ошибается, называя гараж, упомянутый в сегментах на рис. 2 и 3, «Ралекс-Тайота», «Релекс-Тайота» и даже «Ролекс-Тайота» (очевидно, под влиянием ассоциации с известным брендом) в разных частях главы путеводителя, посвященной описанию музеев. Эта ошибка легко устраняется обращением к переводческой памяти, однако переводчик не замечает ошибки и не считает нужным проверять хрематоним в переводческой памяти. Подобным же образом пристань для яхт в порту Ашдода в разных абзацах текста называется «Голубая марина», «Синяя пристань», «Голубая пристань».

Легко устранимые ошибки при переводе хрематонимов оказываются довольно частотными в силу доминирования стратегии «снизу вверх», ограниченного объема рабочей памяти и распределения внимания переводчика между выполнением различных операций на Smartcat. Такого рода ошибки может исправить редактор. Гораздо сложнее выявить и поправить противоречия, возникшие в результате неверно установленных смысловых связей между дистантно расположенными сегментами текста. В нашем материале такие противоречия встретились, в частности, при описании экскурсий, в которых рассказы об одних и тех же местах и событиях на разных маршрутах прогулки по городу пополнялись взаимоисключающими деталями (*блуждающие пески превращались в зыбучие*). В случае использования редких слов или терминов трудно найти подсказку в переводческой памяти.

Переводческая память активируется при не менее чем пятидесятипроцентном совпадении словарного состава текущего исходного сегмента с уже переведенными, поэтому подсказка не всплывает автоматически в каждом случае употребления термина в исходном тексте. Однако Smartcat предлагает дополнительные функции для поиска различных словосочетаний как в исходном, так и в переведенном тексте. Распределение внимания между различными операциями, установка на решение текущей переводческой задачи и отсутствие целостного представления о документе на исходном языке не оставляют переводчику когнитивных ресурсов для полноценного использования всех возможностей CAT платформы.

При распределении разделов документа между несколькими переводчиками возрастает вероятность ошибок в установлении сквозных семантических связей. Такого рода ошибки исправляет редактор, придавая тексту целостный характер и стилевую завершенность.

В целом перевод на CAT платформах относится к сфере компьютерно-опосредованной коммуникации. В этой сфере сложились собственные нормы и жанры, а ошибки возникают чаще, чем при общении по другим каналам. Типы ошибок в основном совпадают с теми, что характерны для письменной и устной сфер общения; специфической переводческой ошибкой компьютерно-опосредованной коммуникации считают избыточное употребление англицизмов (Jiménez-Crespo 2010). Распространение англицизмов отражает влияние английского языка как *lingua franca* на всю компьютерно-опосредованную коммуникацию, поскольку английский язык доминирует в сети. С этой точки зрения проявление влияния английского языка на орфографические и пунктуационные ошибки в тексте перевода на русский язык с иврита вполне закономерно.

Специфика восприятия текста с экрана компьютера и его смысловой обработки при использовании CAT инструментов, а также зависимость успешности применения переводческих инструментов от меры владения технологиями хорошо известна специалистам (Zaretskaya et al. 2016).

За программирование последовательности операций в составе сложных действий, таких как алгоритм работы с компьютерными программами или комбинирование языковых единиц при порождении высказывания, ответствен, наряду с другими механизмами психики, синтагматический механизм (Ахутина 2012). В речемыслительной деятельности переводчика действие синтагматического механизма подвержено межъязыковой и внутриязыковой интерференции, в том числе вследствие весьма ограниченного объема оперативной памяти; ошибки, обусловленные сбоем работы синтагматического механизма, встречаются при переводе как на неродной, так и на родной язык переводчика (Овчинникова, Павлова 2016: 166).

Хотя специфика выполнения когнитивных операций при переводе текста на платформе CAT пока не описана, очевидна перегруженность оперативной памяти переводчика многоаспектными задачами, что неизбежно приводит к ошибкам. Вероятно, как раз ощущение истощения способности комбинировать языковые единицы, удерживая в памяти содержание переводимого фрагмента, и боязнь интерференции приводят к нежеланию переводчиков, работающих с инструментами CAT, активно использовать переводческую память (Zaretskaya et al. 2015).

Таким образом, работа на CAT платформе провоцирует ошибки, обусловленные: специфической сферой коммуникации, где распространено влияние английского языка; особенностями дизайна CAT платформ; сочетанием порождения высказывания с комбинированием предлагаемых переводческой памятью вариантов и их оценкой, что требует постоянного переключения со стратегии «снизу вверх» на стратегию «сверху вниз». Новым оказывается не особенный тип ошибок, а смешение известных переводческих промахов с неточностями машинного перевода и ошибками межъязыковой интерференции.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В сущности, технологические и психологические предпосылки возникновения специфических ошибок перевода на CAT платформе так или иначе связаны с новыми компетенциями в области технологии и организации проектной работы в условиях межкультурной коммуникации, необходимыми современному профессиональному переводчику (European Masters in Translation Competence Framework — 2017). С другой стороны, наличие специфических ошибок перевода дает возможность разработчикам программного обеспечения определить проблемные места, увидеть перспективы совершенствования инструментов CAT и пользовательского интерфейса платформы.

Насколько мы можем судить по переводческим ошибкам на CAT платформе, базовые лингвистические и профессиональные компетенции переводчика играют решающую роль, а новые позволяют повысить скорость и эффективность работы. Обучение работе на Smartcat может быть введено в программу подготовки будущих переводчиков (Ivleva, Melekhina 2017). При работе на CAT платформе переводчику необходимо учиться осваивать технологические новшества по ходу работы, владеть навыками поиска и извлечения информации, вырабатывать аналитический когнитивный стиль, который проявляется во внимании к деталям и умении создавать четкие алгоритмы действий и придерживаться их. А. Пим обозначил в качестве наиболее важных способностей современного переводчика способность к самостоятельному освоению нового, способность проверять информацию и способность перерабатывать текст, не упуская из виду подробностей (Pym 2013).

Новые профессиональные требования обусловлены социальными факторами, характерными для текущего состояния межкультурной коммуникации в различных профессиональных сферах:

- ◆ общепринятой нормой сетевого общения на английском языке;
- ◆ совместной удаленной работой в многонациональном коллективе;
- ◆ распространением компьютерно-опосредованной профессиональной коммуникации;
- ◆ совершенствованием и широким распространением систем машинного перевода и CAT инструментов.

Компьютерные инструменты перевода не могут полностью заменить профессионального переводчика. Их использование позволяет сократить время, необ-

ходимое для работы над крупными проектами. Ключевой фигурой на САТ платформе оказывается переводчик-редактор, способный выбрать подходящие варианты перевода, соотнести содержание переведенного сегмента со смыслом и коммуникативной целью текста на языке перевода.

© И.Г. Овчинникова, 2019

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ахутина Т.В. Порождение речи. Нейролингвистический анализ синтаксиса. 4-е изд. М.: Эдиториал УРСС, 2012. [Ahutina, Tatyana V. (2012). Porozhdenie rechi. Neyrolingvisticheskiy analiz sintaksisa (Speech generating. Neurolinguistic analysis of syntax). 4th edition. Moskva: Editotial URSS (In Russ.)].
- Богуславский И.М., Иомдин Л.Л., Валеев Д.Р., Сизов В.Г. Синтаксический анализатор системы ЭТАП и его оценка с помощью глубоко размеченного корпуса русских текстов. *Труды Международной конференции «Корпусная лингвистика — 2008»*. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет, 2008. 56—74. [Boguslavskij, Igor M.; Iomdin, Leonid L.; Valeev, Denis R.; Sizov, Viktor G. (2008). Sintaksicheskiy analizator sistemy ETAP I ego otsenka s pomoshch'yu gluboko razmechennogo korpusa russkih tekstov (Syntax analyzer of the system ETAP and its evaluation by deeply annotated corpus of Russian texts). *Trudy Mezhdunarodnoj konferentsii "Korpusnaja lingvistika — 2008"*. Saint-Petersburg: Saint-Petersburg State University. 56—74 (In Russ.)].
- Бузаджи Д.М. Белые нитки. Логические аспекты перевода // *Мосты. Журнал переводчиков*, 2006, 3 (11), 36—47. [Buzadzhi, Dmitrij M. (2006). Belyje nitki. Logicheskiye aspekty perevoda (Obvious to anyone. On logical aspects of translation). *Mosty. Zhurnal perevodchikov*, 3 (11), 36—47 (In Russ.)].
- Бузаджи Д.М., Гусев В.В., Ланчиков В.К., Псурцев Д.В. Новый взгляд на классификацию переводческих ошибок. М.: Всероссийский центр переводов, 2009. [Buzadzhi, Dmitrij M.; Gusev, Vladimir V.; Lanchikov, Viktor K.; Psurtsev, Dmitrij V. (2009). *Novyj vzglyad na klassifikatsiju perevodcheskih oshibok* (New view on the classification of translation errors). Moskva: Vserossijskij tsentr perevodov (In Russ.)].
- Дебрэнн М. Место межъязыковой девиатологии в общей теории ошибок. *Труды международной конференции «Диалог 2006»* Vol. 2006, 133—137. [Debrenne, Michele. Mesto mezhjazykovoj deviatologii v obschej teorii oshibok (The place of the deviatology in the general theory of speech errors). *International Conference "Dialog 2006" Proceedings*. Vol. 2006, pp. 133—137 (In Russ.)].
- Ермолович Д.И. Пенie без звука: об итогах одного переводческого конкурса // *Вестник Росийского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2015, 1 (2015), 212—229. [Jermolovich, Dmitrij I. Penije bez zvuka: ob itogah odnogo perevodcheskogo konkursa (The logic can't be lost). *Russian Journal of Linguistics*. 1, 212—229. (In Russ.)].
- Куниловская М.А. Классификация переводческих ошибок для создания разметки в учебном параллельном корпусе Russian Learner Translator Corpus. *Lingua mobilis*, 2013, 1 (40), 141—159. [Kunilovskaja, Marija A. (2013). Klassifikatsija perevodcheskih oshibok dlya sozdanija razmatki v uchebном параллельном корпусе Russian Learner Translator Corpus (Classification of translation errors for annotating parallel Russian Learner Translator Corpus). *Lingua mobilis*, 1 (40), 141—159. (In Russ.)].
- Латышев Л.К., Семенов А.Л. Перевод: теория, практика и методика преподавания. М.: Академия, 2003. [Latshev L.K.; Semenov A.L. (2003). *Perevod: teorija, praktika i metodika prepodavaniya* (Translation: theory, practice and teaching). Moscow: Akademiya (In Russ.)].

- Леонтьев А.А. Признаки связности и цельности текста. *Лингвистика текста: Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореца*. Вып. 103. М.: МГПИИЯ им. М.Тореца, 1976. 60—70. [Leont'ev, Aleksey A. (1976). Priznaki svyaznosti i tsel'nosti teksta (Features of text coherence and integrity). *Lingvistika teksta: Sbornik nauchnyh trudov MGPIIA im. M. Toreza*. Vyp. 103. Moscow: MGPIIA. 60—70 (In Russ.)].
- Новиков А.И. Смысл: семь дихотомических признаков. *Теория и практика речевых исследований*. М.: МГУ, 1999. 68—82. [Novikov, Anatolij I. (1999). Smysl: sem' dihotomicheskikh priznakov (Sense: Seven dichotomous features). *Teoriya i praktika rechevyh issledovaniy*. Moscow: MGU. 68—82 (In Russ.)].
- Овчинникова И.Г., Павлова А.В. Переводческий билингвизм: по материалам ошибок письменного перевода. М.: Флинта-Наука, 2016. Izdatel'stvo "FLINTA", 2016. [Ovchinikova, Irina G.; Pavlova, Anna V. (2016). *Perevodcheskiy bilingvism: po materialam oshibok pis'mennogo perevoda* (Bilingualism of translators (based on errors in text translation)). Moskva: Flinta-Nauka (In Russ.)].
- Русакова М.В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянских культур, 2013 [Rusakova, Marina V. (2013). *Elementy antropocentricheskoy grammatiki russkogo yazyka* (Elements of Russian anthropocentric grammar). Moskva: Jazyki slavyanskih kultur (In Russ.)].
- Сахарный Л.В. Тексты-примитивы и закономерности их порождения. Кубрякова Е.С., Шахнарович А.М., Сахарный Л.В. *Человеческий фактор в языке: язык и порождение речи*. М.: Наука, 1991. 221—237. [Saharnyj, Leonid V. Teksty-primitivy i zakonomernosti ih porozhdenija (Incoherent texts and rules of text generating). Kubryakova, Elena S.; Shahnarovich, Aleksandr M.; Saharnyj, Leonid V. *Chelovecheskij faktor v jazyke: jazyk i porozhdenije rechi*. Moskva: Nauka, 1991. 221—237 (In Russ.)].
- Созинов А.А., Крылов А.К., Александров Ю.И. Эффект интерференции в изучении психологических структур. *Экспериментальная психология*. 2013, 6, 1, 5—47. [Sozinov, Aleksej A.; Krylov, Anrej K.; Aleksandrov, Jurij I. (2013). Effekt interferentsii v izuchenii psichologicheskikh struktur (Interference effect in the study of psychological structures). *Eksperimental'naja psihologija*, 6, 1, 5—47 (In Russ.)].
- Aranberri, Nora et al. (2016). Tools and Guidelines for Principled Machine Translation Development. In *LREC*.
- Barbu, Eduard et al. (2016). The first automatic translation memory cleaning shared task. *Machine Translation*, 30 (3—4), 145—166. doi.org/10.1007/s10590-016-9183-x.
- Burchardt, Aljoscha et al. (2017). A linguistic evaluation of rule-based, phrase-based, and neural MT engines. *The Prague Bulletin of Mathematical Linguistics*, 108(1), 159—170. doi: 10.1515/pralin-2017-0017.
- European Masters in Translation Competence Framework — 2017*. European Commission, EU, 2017. Retrieved from: https://ec.europa.eu/info/sites/info/files/emt_competence_fwkc_2017_en_web.pdf.
- Feely, Alan J. et al. (2003). Language management in multinational companies. *Cross Cultural Management: An International Journal*, 10 (2), 37—52. doi.org/10.1108/13527600310797586.
- Ivleva, Marina A. et al. (2017, October). Cloud Platform SmartCAT in Teaching Future Translators. *International Conference on Linguistic and Cultural Studies* Springer, Cham. 155—160. doi: 10.1007/978-3-319-67843-6_19.
- Jakobson, Roman. (1959). On linguistic aspects of translation. *On translation*, 3, 232—239.
- Jiménez-Crespo, Miguel A. (2010). Localization and writing for a new medium: a review of digital style guides. *Tradumàtica: traducció i tecnologies de la informació i la comunicació*, (8), 1—9. Retrieved from: <https://www.raco.cat/index.php/Tradumatica/article/viewFile/225904/307315>.

- Nord, Christiane. (2014). *Translating as a purposeful activity: Functionalist approaches explained*. Routledge.
- Pym, Anthony. (2013). Translation skill-sets in a machine-translation age. *Meta: Journal des traducteurs/Meta: Translators' Journal*, 58 (3), 487—503. doi:10.7202/1025047ar.
- Robin, Edina. (2016). The Translator as Reviser. *The Modern Translator and Interpreter*. Budapest: ELTE Eötvös Kiadó, 45—56. Retrieved from: <http://www.eltereader.hu/media/2016/04/HorvathTheModernTranslator.pdf#page=46>.
- Sakamoto, Akiko et al. (2017). No news is good news? *Translation Spaces*, 6 (2), 333—352. doi.org/10.1075/ts.6.2.08sak.
- Zaretskaya Anna et al. (2015). Integration of Machine Translation in CAT tools: State of the art, evaluation and user attitudes. *Skase Journal of Translation and Interpretation*, 8 (1), 76—89. Retrieved from: http://www.skase.sk/Volumes/JTI09/pdf_doc/04.pdf.

Article history:

Received: 21 December 2018

Revised: 27 February 2019

Accepted: 03 March 2019

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 21 декабря 2018

Дата принятия к печати: 03 марта 2019

Сведения об авторе:

ОВЧИННИКОВА ИРИНА ГЕРМАНОВНА — доктор филологических наук, профессор, профессор Института лингвистики и межкультурной коммуникации Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова. *Сфера научных интересов:* психолингвистика, межкультурная коммуникация, компьютерная лингвистика.

Контактная информация: e-mail: ira.ovchi@gmail.com

Bionote:

OVCHINNIKOVA IRINA — Ph.D. (Advanced Doctorate), Professor; Professor of The Institute of Linguistics and Cross-cultural Communication at I.M. Sechenov First Moscow State Medical University. *Research interests:* cognitive linguistics, cross-cultural communication, bilingualism, information retrieval.

Contact information: e-mail: ira.ovchi@gmail.com

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-562-568

New Trends in Modern Translation Studies

Review of Mishkurov E.N., 2018. *“Hermeneutics of Translation”*
(Theoretical and Methodological Standard). Moscow, 299 p.

Marina G. Novikova

Russian State University of Justice
69, Novocheremushkinskaya str., Moscow, 117418, Russia

Abstract

The article provides a review of E. Mishkurov’s monograph “Hermeneutics of Translation” (Theoretical and Methodological Standard). Attention is drawn to the introduction to scientific use and a comprehensive analysis of the concept of “hermeneutic translation paradigm”, which is based on the hermeneutic-translation methodological standard. It is illustrated that this standard reveals the essence of the translation process and includes four interrelated and complementary stages: pre-understanding, understanding, interpretation and the stage of making a translation decision. The advantages and perspectives of the hermeneutic translation paradigm over existing methodologies in modern translation studies are proved.

Keywords: *hermeneutic translation paradigm, hermeneutic-translation methodological standard, pre-understanding, understanding, interpretation, translation decision*

For citation:

Novikova, Marina (2019). New Trends in Modern Translation Studies. Review of Mishkurov E.N., 2018. *“Hermeneutics of Translation”* (Theoretical and Methodological Standard). Moscow, 299 p. *Russian Journal of Linguistics*, 23 (2), 562—568. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-562-568.

Новые тенденции в современном переводоведении

Рецензия на монографию: Мишкuroв Э.Н. *«Герменевтика перевода»* (теоретико-методологический стандарт)
Москва: Военный университет, 2018. 299 с.

М.Г. Новикова

Российский государственный университет правосудия
ул. Новочеремушкинская, 69, 117418, Москва, Россия

Аннотация

В статье дается рецензия на монографию Э.Н. Мишкурова «Герменевтика перевода» (теоретико-методологический стандарт). Обращается внимание на введение в научный обиход и всесторонний анализ понятия «герменевтическая парадигма перевода», которое базируется на герменев-

тико-переводческом методологическом стандарте. Показывается, что данный стандарт позволяет раскрыть сущность процесса перевода и включает в себя четыре взаимосвязанных и взаимодополняющих этапа: предпонимание, понимание, интерпретация и этап принятия переводческого решения. Доказываются преимущества и перспективность герменевтической парадигмы перевода перед существующими методологиями в современном переводедении.

Ключевые слова: *герменевтическая парадигма перевода, герменевтико-переводческий методологический стандарт, предпонимание, понимание, интерпретация, переводческое решение*

Для цитирования:

Новикова М.Г. Новые тенденции в современном переводедении. Рецензия на монографию: Мишкурлов Э.Н. *«Герменевтика перевода»* (теоретико-методологический стандарт). Москва: Военный институт, 2018. 299 с. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика = *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. No 2. С. 562—568. doi: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-562-568.

Характеризуя состояние современной транслатологии, следует отметить, что в исследованиях отечественных и зарубежных авторов не существует единства относительно ведущей парадигмы исследования. Актуальными являются как системно-структурная, так и антропоцентрическая, как семиотическая, так и когнитивно-дискурсивная парадигмы, что свидетельствует о необходимости разностороннего подхода к проблемам переводедения. Если один «язык представляет собой сложный интегральный феномен и его изучение должно проходить в широком системном контексте» (Хомутова 2009: 148), то в ситуации, когда задействована пара или более рабочих языков, объект исследования настолько усложняется, что его успешное рассмотрение возможно исключительно с вовлечением не только лингвистической методологии, но и данных других наук.

Подобной системообразующей парадигмой является герменевтическая парадигма перевода, впервые введенная в научный обиход Эдуардом Николаевичем Мишкурловым и подробно рассмотренная им в рецензируемой монографии *«Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт)»*.

Автор определяет герменевтическую парадигму как «открытую синтезирующую систему, в которой находят свое место практически все значимые классические и инновационные модели перевода, отвечающие запросам рефлексивного понимания, феноменологической редукции и оптимальной интерпретации рабочих текстов, а так же задачам принимаемых переводческих решений по перевыражению и перепорождению искомым «переводческих (переводных) закономерных соответствий и несоответствий» (Мишкурлов 2018: 140).

Как видим, понятие «парадигма» не изменяет в монографии ученого своего изначального, предложенного Т. Куном смысла: «признанного всеми научного достижения, которое в течение определенного времени даст научному сообществу модель постановки проблем и их решений» (Кун 1977: 11), однако значительно расширяет свои понятийные границы.

Во-первых, синтезирующая система включает в себе не одну — наиболее востребованную на данном историческом этапе развития модель постановки проблем и их решений, а все основные существующие и признанные научным сообществом (например, теорию закономерных соответствий Я.И. Рецкера (Рецкер 2016); теорию уровней эквивалентностей В.Н. Комиссарова (Комиссаров 1990); теорию функционально-динамической эквивалентности А.И. Швейцера (Швейцер

1988); динамическую модель перевода Ю. Найды (Nida 1964), лингвоментальную модель перевода Т.А. Фесенко (Фесенко 2001), теорию полисистемы Эвен-Зоара (Even-Zohar 1990) и т.д.).

Во-вторых, герменевтическая парадигма перевода открыта для новых моделей, которые на практике докажут свою состоятельность.

В-третьих, благодаря открытости герменевтическая парадигма перевода исторически устойчива, ибо отвечает современной тенденции глобализации и интеграции научного знания.

В-четвертых, глобализация и интеграция теоретико-методологического переводоведческого знания подразумевают трансдисциплинарный подход к проблемам переводоведения, который обозначается и детально анализируется в 6-й главе монографии. Автор не просто призывает научное сообщество присоединиться к мнению А. Лешнера о том, что «монодисциплинарная наука умерла. Ее больше нет!» (Johansson 2004; Йоханссон 2008: 33), но и усматривает исторические предпосылки появления тенденции привлечения данных нескольких дисциплин к решению переводческих задач в отечественной транслатологии в статье Р. Якобсона «Лингвистические аспекты перевода». В ней крупнейший лингвист XX века рекомендует (согласно завету Дионисия Ареопагита) «главное внимание уделять когнитивным ценностям., а не словам самим по себе» (Якобсон 1978: 17). Автор монографии приходит к выводу о том, что для преодоления «существенных трудностей перевода разностилевых и разножанровых текстов Р. Якобсон волевым образом подталкивает современных переводчиков на оптимальные междисциплинарные модели» (Мишкуроев 2018: 167).

При диахроническом и синхроническом освещении затронутой проблемы Э.Н. Мишкуроев проводит четкую границу между понятиями «междисциплинарность» и «трансдисциплинарность». Если первый термин подразумевает наличие ведущей и ведомых дисциплин, то второй означает холистический подход к изучению «предмета без резко очерченных границ между задействованными дисциплинами» (Мишкуроев 2018: 183).

В-пятых, трансдисциплинарность в переводоведении становится возможной при учете особой роли философской герменевтики, что отражено автором в названии парадигмы. Ученый доказывает, что «герменевтика не идет в ряду дисциплин — антропологии, социологии, семиотики, культурологии, психологии и др., обслуживающих науку о переводе, а являет собой наддисциплинарную теоретико-методологическую матрицу в виде „герменевтического методологического стандарта“ и упорядочивающего применение более двадцати смежных наук в переводческом процессе» (Мишкуроев 2018: 180).

Герменевтический поворот в западно-европейском переводоведении произошел на несколько десятилетий раньше, чем в отечественном. В монографии детально излагаются причины «подобного застоя», динамика развития герменевтического влияния на перевод и обосновывается современное состояние транслатологии от «герменевтической усталости» на Западе до исходной позиции в России. Импонирует не описательный, а критический подход к оценке взглядов Хайдеггера, Гадамера, Бенямина, Деррида и др. на переводоведение.

Например, автор избирает оригинальную методiku анализа эссе В. Беньямина «Die Aufgabe des Übersetzers» («Задача переводчика»). Как известно, для немецкого философа идеал текста состоял исключительно из цитат, которые бы «сами иллюстрировали друг друга и были способны отстаивать свое право на существование именно в таком, свободно плавающем виде» (Грицанов 2007: 48—49; Арендт 2003: 7). Данная «цитатная методика» позволила Э.Н. Мишкурору не только проиллюстрировать сущность идей о переводе В. Беньямина, взгляды его сторонников («создание единого языка (т.е. „чистого языка“ — Э.М.) обозначает достижение взаимопонимания, которое осуществляется в переводе, если избежать двух крайностей: понимать только автора или понимать только себя» (Богатырева 2007: 8) и оппонентов (заявленные в работе Беньямина постулаты «принесли в переводческую среду не столько мир и согласие, сколько меч и раздор» (Чубаров 2011: 251—252), но и высказать собственное мнение о целесообразности избирательного подхода к работам философов, с сохранением в герменевтической методологии «работающих» приемов и опущением «мистико-поэтических» пассажей. «Вряд ли нам стоит безоглядно принимать конкретную рекомендацию Н.С. Автономовой — следовать сразу за всеми „философскими звездами“ на переводоведческом небосклоне, в том числе „вслед за Беньямино, Рикером или Деррида, за многими другими“». Весьма опасно совмещать несовместимое — однозначное неприятие Рикером идей Беньямина или совмещение его плодотворной идеи о «языковом гостеприимстве» со схоластическими рассуждениями Деррида об «оригинале, вопиющем и молящем о переводе» (Мишкуров 2018: 39—40).

Автор монографии искусно подводит читателей к выводу о том, что великие философы подходили к переводу как к философскому тексту, т.е. анализ процесса перевода заканчивался интерпретацией, но специфика переводоведческого процесса при этом несколько размывалась.

Данную существенную проблему Э.Н. Мишкурору удалось успешно решить при создании герменевтико-переводческого методологического стандарта (ГПМС). И наконец, таким образом, герменевтическая парадигма перевода ставит точку в спорах о признании переводоведения самостоятельной наукой, ибо наиболее распространенным аргументом противников обособления транслатологии в отдельную дисциплину было утверждение об отсутствии у данной науки собственной парадигмы.

Итак, для герменевтической парадигмы перевода Э.Н. Мишкуровым был создан инновационный «герменевтико-переводческий методологический стандарт» (ГПМС), представляющий собой четырехступенчатую матрицу, включающую в себя этапы предпонимания, понимания, интерпретации и переводческого решения. Как видим, ГПМС основывается на герменевтическом стандарте, и не случайно. Герменевтику и транслатологию объединяет предмет исследования — текст, как знаково-символическая система, требующая декодирования для извлечения системы смыслов. Однако если для герменевтики достаточно всесторонне проанализировать текст в условиях одноязычной ситуации, то для переводоведения необходимо не просто вывести систему текстовых смыслов оригинала, но и передать ее в тексте перевода. Наличие двуязычной ситуации требует рассмотрения этапов предпонимания, понимания и интерпретации герменевтиче-

ского стандарта в переводоведческом ключе и добавления этапа принятия переводческого решения. Кратко охарактеризуем каждый из этапов.

Этап предпонимания (предзнания, предпознания) представляет собой трансдисциплинарный предпереводческий анализ текста оригинала с целью установления информации экстралингвистического и собственно лингвистического характера, необходимой и достаточной для выведения системы текстовых смыслов. Другими словами, предпонимание — это «расширенный трансдисциплинарный анализ исходного текста с целью перехода к более развернутой части переводческого процесса — к стадии понимания ИТ. С помощью предпонимания устанавливаются оптимальные „горизонты понимания“, т.е. степень осмысления глубин и границ проникновения в ИТ» (Мишкуроев 2018: 196).

Под этапом понимания автор монографии усматривает использование ряда специальных методик анализа и осмысления исходного текста, ведущих к глубокому пониманию системы текстовых смыслов. Данный вид деятельности является подготовительным для иноязычной интерпретации.

Отметим, что вызывает научный интерес переводение философской проблемы «герменевтического круга» в феномен «герменевтической спирали». Однако понимание в ГПМС не является открытым процессом. Своеобразным выводом служит высказывание Гадамера: «тот, кто переводит <...> не может оставить в своем переводе ничего такого, что не было бы ясным ему самому» (Гадамер 1988: 449; Мишкуроев 2018: 196).

Третий этап ГПМС — это «герменевтическая душа перевода» — интерпретация. Автор определяет ее как «особый вид деятельности переводчика по выбору стратегии движения переводческой рефлексии «от автора к читателю / от читателя к автору», или в других терминах — по выбору стратегии «форенизация»/«доместикация». Вместе с тем он осуществляет перебор вариантов перевода функционально-закономерных соответствий, ищет пути преодоления «непереводимого» доступными способами переложения, порождает исходно «черновой» вариант текста, который будет служить основой для принятия окончательного переводческого решения.

Не исключено, что в ходе интерпретации у переводчика происходит сложение инвариантного рабочего «промежуточного иноязыка», рефлексивно-интуитивно настраиваемого переводчиком на формирование первичных вариантов образа будущего итогового языка перевода, отчуждаемого для реципиента» (Мишкуроев 2018: 233).

Если философско-герменевтический методологический стандарт оканчивается этапом интерпретации, то ГПМС, учитывая специфику дву-/полиязычной ситуации переводческой деятельности, включает в себя стадию принятия переводческого решения. Основу переводческого решения составляет уподобление транслята оригиналу. Данный этап, по сути, является порождением «окончательного результирующего „дискурсивно-эквивалентного / прагматически адекватного“ переводного текста, отчуждаемого в сферу читательской рефлексии» (Мишкуроев 2018: 269).

Добавим, что между стадиями ГПМС нет «строгого» разделения, они находятся в отношениях взаимосвязи и взаимодополнения.

Говоря об общем взгляде автора монографии на сущность понятия «перевод», отметим, что в исследовании развивается идея Ж.Р. Ладмираля (Ladmiral 1994) о переходе «перевода» из «науки-знания» в «науку-рефлексию».

Несомненный научный интерес вызовут рассмотренные в монографии проблемы плюральности перевода, триады автор — переводчик — читатель, роли подстрочника в переводческой деятельности и многие другие.

Теоретические положения иллюстрируются оригинальными примерами из художественных произведений отечественных и зарубежных авторов.

Текст монографии стилистически выдержан, написан научным, но доступным языком, временами автор допускает иронические замечания, что не оставит читателя равнодушным.

Исследование предназначено для широкого круга специалистов в области переводоведения, философии, студентов лингвистических университетов и всех тех, кто интересуется проблемами перевода.

© М.Г. Новикова, 2019

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арендт Х. Вальтер Беньямин. Люди в темные времена. М.: МШПИ, 2003. [Arendt, H. (2003). *Val'ter Ben'yamin. Lyudi v temnye vremena*. (People in Dark Times) Moscow: MSHPI. (In Russ.)].
- Богатырева Е.Д. Художественный перевод как интерпретация (на материале французских переводов поэмы А.С. Пушкина «Медный всадник»): автореф. дис. ... к.ф.н. М., 2007. [Bogatyreva, E.D. (2007). *Hudozhestvennyj perevod kak interpretaciya (na materiale francuzskih perevodov poemy A.S. Pushkina «Mednyj vsadnik»)* (Literary Translation as Interpretation (on the Material of the French Translations of the Poem by A.S. Pushkin “The Bronze Horseman”). Moscow. (In Russ.)].
- Гадамер Х-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / пер. с нем. М.: Прогресс, 1988. [Gadamer, H-G. (1988). *Istina i metod: Osnovy filosofskoj germenevtiki* (Truth and Method: Basics of Philosophical Hermeneutics). Moscow: Progress. (In Russ.)].
- Йоханссон Ф. Эффект Медичи: возникновение инноваций на стыке идей, концепций и культур. М.: Вильямс, 2008. [Johansson, F. (2008). *The Medici Effect: Breakthrough insights at the intersection of ideas, concepts, and cultures*. Moscow: Vil'yams. (In Russ.)].
- Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: ВШ, 1990. [Komissarov, V.N. (1990). *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)*. (Theory of Translation (Linguistic Aspects).Ucheb. dlya in-tov i fak. inostr. yaz. Moscow: VSH. (In Russ.)].
- Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. [Kun, T. (1977). *Struktura nauchnyh revolyucij*. (Structure of Scientific Revolutions) Moscow: Progress. (In Russ.)].
- Мишкuroв Э.Н. *Герменевтика перевода (теоретико-методологический стандарт)*. Монография. М.: Воен. ун-т, 2018. [Mishkurov, E.N. (2018). *Germenevtika perevoda (teoretiko-metodologicheskij standart)*. (Hermeneutics Translation (Theoretico-methodological Standard). Monografiya. Moscow: Voен. un-t (In Russ.)].
- Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / Доп. и комм. Д.И. Ермоловича. 5-е изд., испр. и доп. М.: Аудитория, 2016. [Recker, YA.I. (2016). *Teoriya perevoda i perevodcheskaya praktika. Oчерki lingvisticheskoy teorii perevoda* (Theory of Translation and Translation Practice. Essays on Linguistic Translation Theory). 5-th ed. Moscow: Auditoriya (In Russ.)].

- Фесенко Т.А. Лингвоментальная модель процесса перевода // *Язык, сознание, коммуникация*: Сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2001. Вып. 20. С. 58—62. [Fesenko, T.A. (2001). Linguistic Model of the Translation Process. *Language, Consciousness, Communication*, 20, 58—62 (In Russ.)].
- Хомутова Т.Н. Научные парадигмы в лингвистике // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2009. № 35 (173) Филология. Искусствоведение. Вып. 37. С. 142—151. [Homutova, T.N. (2009) Scientific Paradigms in Linguistics // *Bulletin of Chelyabinsk State University. Philology. Art History*, 37, 142—151 (In Russ.)].
- Чубаров И.М. Перевод как опыт нечувственных уподоблений. Причины неудач переводов «Задачи переводчика» В. Бенямина на русский язык // *Логос*. 2011. № 5—6. С. 237—252. [Chubarov, I.M. (2011). Translation as Experience of Insensible Assimilations. Reasons for Failure of Translation of “Translator’s Tasks” by V. Benyamin into Russian. *Logos Journal*, 5—6, 237—252 (In Russ.)].
- Швейцер А.Д. Теория перевода. Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. [Shvejcer, A.D. (1988). *Teoriya perevoda. Status, problema, aspektu*. (Translation Theory. Status, Problems, Aspects). Moscow: Nauka (In Russ.)].
- Якобсон Р. О лингвистических аспектах перевода // *Вопросы теории перевода в зарубежной лингвистике*. Сб. статей. М.: Междунар. отношения, 1978. С.16—24. [Yakobson, R. (1978). On Linguistic Aspects of Translation. *Questions of Translation Theory in Foreign Linguistics, Digest of Articles*, 16—24 (In Russ.)].
- Even-Zohar, Itamar (1990). “Polysystem Theory”, in *Polysystem Studies*, [= *Poetics Today* 11:1], 9—26.
- Johansson, F. (2004). *The Medici Effect: Breakthrough insights at the intersection of ideas, concepts, and cultures*. Harvard Business School Press.
- Ladmiral, J.-R. (1994). *Traduire: théorèmes pour la traduction*. Paris: Gallimard.
- Nida, E. (1964). *Towards a Science of Translating. Special Reference to Principles and Procedures Involved in Bible Translating*. Leiden

Словари / Dictionaries

- Грицанов А.А. Беньямин Вальтер // *Новейший философский словарь. Постмодернизм*. Минск: Совр. литератор, 2007. [Gricanov, A.A. (2007). *Ben'yamin Val'ter // Novejshij filosofskij slovar'*. Postmodernizm. Minsk: Sovr. literator. (In Russ)]

Сведения об авторе:

МАРИНА ГЕННАДЬЕВНА НОВИКОВА — доктор филологических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия, профессор кафедры иностранных языков. *Сфера научных интересов*: переводоведение, лингвосомиотика, когнитивная лингвистика, герменевтика, философия.

Контактная информация: e-mail: novikova_mg@mail.ru

Bionote:

MARINA G. NOVIKOVA is Dr., Professor at the Department of Modern Languages at Russian State University of Justice. Her research interests include Translation Studies, Linguosemiotics, Cognitive Linguistics, Hermeneutics and Philosophy.

Contact information: e-mail: novikova_mg@mail.ru

DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-569-574

Review of Shlepnyev D.N., 2019.
General Theory of Translation: Beginnings. Job Introduction
Part II. Nizhny Novgorod: NGLU, 354 p.

Olga V. Petrova

Linguistic University of Nizhny Novgorod
31-a, Minina Str., Nizhny Novgorod, 603155, Russia

Рецензия на учебное пособие: Шлепнев Д.Н.

Общая теория перевода: начала. Введение в ремесло

2-е изд., перераб. и доп.

Н. Новгород: НГЛУ, 2019. 354 с.

О. В. Петрова

Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова
ул. Минина, 31-А, Нижний Новгород, 603155, Россия

Среди появившихся в последнее время учебников и пособий по переводу не может не привлечь внимание книга Д.Н. Шлепнева «Общая теория перевода: начала. Введение в ремесло». Имя ее автора знакомо читателям по целому ряду пособий, словарей и статей по теории, практике и дидактике перевода, таких как «Французско-русский словарь деловой корреспонденции» (2018а), «Составление и перевод официально-деловой корреспонденции» (2018б), «Французский язык для юристов. Толковый словарь» (2006), раздел «Курс юридического перевода» в коллективной монографии «Методические основы подготовки переводчиков: обобщение опыта» (2017), «Метатеория перевода (метапереводоведение) как самостоятельный раздел переводоведения» (2017), «Переводческая деятельность и целеполагание. Часть I. Почему перевод рассматривается не только как речевая деятельность», «Часть II. Целеполагание в переводоведении: анализ и критика» и многие другие.

Книга «Общая теория перевода: начала. Введение в ремесло» отличается от всех предыдущих работ Д.Н. Шлепнева тем, что в ней представлена целостная концепция перевода в совокупности его теоретических и практических аспектов, изложено авторское видение взаимосвязи и взаимодействия этих аспектов, показано, что и как должен понять и осознать будущий переводчик, чему он должен научиться и что учитывать в своей будущей профессиональной деятельности.

Этот скромно названный учебным пособием объемный том необычен во всем — от языка и характера общения автора с читателем до построения и графического оформления.

Вместо привычного отстранено-безличного обзора и анализа существующих теорий и изложения теоретических концепций читателю предлагаются подчеркнуто личные (иногда даже ироничные) рассуждения автора о переводе, его сущности, о тех общих положениях и принципах, которые представляют собой одновременно и осмысление накопленного поколениями переводчиков опыта, и демонстрацию того, как это осмысление может и должно быть использовано в переводческой практике. Вот несколько примеров того, как автор общается с читателем: «Вообще же нельзя забывать о страшной, невероятной силе синтаксиса — а о ней как раз забывают, думая из последних (видимо) сил о словах и „просто правилах“. **Синтаксис — это тончайший, ювелирной точности инструмент**, которым, увы, так легко пренебречь и которым, увы, так легко пренебрегают» (с. 27—28); «Почему переводчику полезно иметь общее представление о том, из чего складывается коммуникация и откуда берется смысл? Проблема в том, что „голой“ интуицией не всегда обойдешься. Т.е. осведомленность в этом вопросе нужна нам не для того, чтобы заниматься самокомментированием во время работы и вопрошать себя: „А обратился ли я к своим энциклопедическим знаниям, а включил ли я свой коммуникативный навык, а где у меня тумблер от лингвистических знаний, а как поживает моя когнитивная среда (или образ мира), а в какой последовательности я должен обратиться к своему опыту?“ Страшное дело. Во-первых, эдаким манером можно ненароком и с ума сойти. Во-вторых, так и работу не закончишь, и нормального продукта не произведешь, ибо все мысли будут не о продукте и работе, а о том, как бы себя „подогнать под теорию“. Вспомним притчу о сороконожке: когда ее спросили, в какой последовательности она переставляет ноги, несчастная застопорилась и упала» (с. 63—64)).

Интересна композиция книги — именно композиция, а не просто структура, как принято говорить об учебных и научных текстах. Пособие построено так, что его можно читать, так сказать, на разных уровнях — в зависимости от цели, с которой оно читается, и от степени подготовленности читающего. Сам автор по этому поводу пишет: «Пособие имеет достаточно разветвленную четырехуровневую структуру: часть (1) — глава (1.1) — параграф (1.1.1) — подпараграф (1.1.1.1). Для удобства в Оглавлении отражены все четыре уровня. Таким образом, Оглавление одновременно может служить конспектом всего пособия» (с. 13). И это действительно удобно, поскольку многое в книге Д.Н. Шлепнева представляет несомненный интерес не только для начинающих переводчиков, которым автор ее адресует, но и для переводчиков, переводоведов и преподавателей теории и практики перевода с большим стажем, которым такое построение пособия позволяет легко ориентироваться в общей концепции автора и выбирать именно те ее аспекты, которые им нужны, опуская при этом многое из того, что действительно предназначено для начинающих знакомится с теорией и практикой перевода. Кроме того, говоря о построении текста книги, нужно отметить большое количество перекрестных отсылок. Введя какое-то понятие и дав ему самую общую характеристику, достаточную для понимания того, о чем идет речь в данном параграфе или подпараграфе, автор сообщает читателю, где само это понятие

будет рассмотрено подробно. Но нередко он отсылает читателя и в обратную сторону, к уже сказанному, к уже обсуждавшимся текстам, примерам перевода и т.д. В этом отношении книга Д. Н. Шлепнева сама может служить прекрасной иллюстрацией того, что смысл текста образуется не только совокупностью слов и предложений, из которых он состоит, но и сетью внутритекстовых связей. Особо следует отметить, что автор в ряде случаев делает отсылки к еще не существующим частям пособия, над которыми продолжается работа, но структура которых и место в общем многотомном пособии уже определены. При этом, как пишет сам автор, опубликованные части вполне могут изучаться самостоятельно, отдельно от того, что должно за ними последовать.

Говоря о структуре пособия, нелишним будет упомянуть и содержащуюся в ней библиографию, состоящую из 366 работ отечественных и зарубежных ученых, а также 13 лексикографических источников и 46 источников иллюстративного материала. Поскольку все эти работы так или иначе обсуждаются автором, библиография превращается в своего рода путеводитель по современному переводоведению и истории переводческой мысли.

В пособии очень широко используются графические средства. Они используются автором для структурирования собственного текста (а точнее — выраженной в нем мысли), для иллюстрирования своих положений примерами, для обсуждения тех или иных подходов к решению переводческих задач. Все это заключается в разного рода рамки, помечается различными значками, что помогает читателю ориентироваться в тексте, а заодно позволяет опытному переводчику, не нуждающемуся в разъяснении терминов или в иллюстрациях тех или иных положений, без труда вычленив основную линию авторских рассуждений.

Впрочем, нужно признаться, что даже в тех случаях, когда рецензенту такие разъяснения и иллюстрации не требовались, соблазн читать все подряд был очень велик — настолько интересны приводимые автором примеры и настолько подкупают своей простотой и лаконичностью разъяснения всех тех понятий и терминов, без которых в современном переводоведении (а также в смежных с ним лингвистике, культурологии, теории коммуникации и т.д.) обойтись невозможно. Кроме того, в графической форме подводятся итоги обсуждения отдельных групп проблем: автор предлагает читателю сводные «схемы-шпаргалки».

Помимо графических средств, с той же целью в пособии используются и периодически появляющиеся в тексте своего рода вставные рубрики («Терминологическая остановка», «Занимательная схоластика»).

Поскольку пособие прежде всего адресовано тем, кто еще только учится переводить, а потому не всегда может из общих рассуждений сделать четкий, конкретный вывод, автор помогает читателю, предельно кратко формулируя основную мысль, выделяя эти формулировки жирным шрифтом и обрамляя их жирной рамкой: Примеры таких формулировок:

Перевод — понимание.

Без понимания нет профессионального перевода.

Недопустимо при переводе текста воспринимать слова или даже фразы из текста отдельно, будто они существуют сами по себе. Необходимо отношение к тексту как к целому.

Что касается структуры содержательной стороны книги, то первый, самый общий уровень представляет собой четко организованное изложение тех базовых положений, которые образуют общую концепцию Д.Н. Шлепнева и, по его мнению, лежат в основе как теории перевода, так и самой переводческой деятельности. Чтобы в этом убедиться, достаточно взглянуть на структуру каждой из двух частей, не опускаясь ниже уровня параграфов. Итак, **Часть I. «Вводные положения, или что полезно знать о переводе для начала»** состоит из следующих разделов: I.1. Понять и выразить. Перевод — понимание. Перевод — интерпретация. I.2. Прагматика (и что это такое). Прагматика перевода. I.3. Перевод — коммуникация. I.4. Перевод — деятельность → целенаправленность. Цель. Перевод как проект. I.5. Перевод — межкультурная коммуникация. I.6. Производство текста: дискурс, жанры, стиль и т.д. I.7. Перевод — процесс принятия решений. I.8. Ремесло. Чему учиться: требования. **Часть II. «Переводоведение: Как ведают переводом? Виды перевода: какой бывает перевод?»**: II.1. Развитие науки о переводе: предельно краткий экскурс. II.2. Междисциплинарность, научность и предмет переводоведения. II.3. Состав и структура переводоведения. II.4. Виды перевода: три самых общих классификации. II.5. Устный перевод и его разновидности. II.6. Основные виды перевода.

Таким образом, автор идет от обсуждения сущности перевода и профессии переводчика к теоретическим обобщениям, повторяя тем самым логику возникновения и становления теории перевода как обобщения переводческой практики.

Уже из одних только названий параграфов становятся понятными и общая концепция автора, и логика ее изложения. На протяжении всей книги Д.Н. Шлепнев постулирует, доказывает и иллюстрирует сущность перевода как деятельности, направленной на понимание текста оригинала и его выражение (построение текста на ПЯ) с учетом целого ряда языковых и внеязыковых факторов, сопровождающих эту деятельность, а зачастую и определяющих ее характер.

Если же перейти на уровень подпараграфов, то там в рамках темы каждого параграфа детально описываются все обстоятельства, сопровождающие профессиональную деятельность переводчика, — от соотношения целей создания ИТ и ПТ до взаимодействия переводчика с редактором и заказчиком. Причем описывается все это не умозрительно, «в общем виде», а на конкретных примерах, свидетельствующих о том, что не только в теоретическом плане, но и на практике в переводе нет и не может быть однозначных, категоричных правил, применимых ко всем случаям жизни. А это значит, что у человека, который хочет стать профессиональным переводчиком, есть только один выход: *научиться думать*. Научиться понимать суть своей деятельности, многообразие ее аспектов, характер возникающих проблем и, зная, какие существуют возможные пути их решения, делать осознанный, осмысленный выбор.

Отличительной чертой пособия является отказ Д.Н. Шлепнева от категоричных оценок и прескрипций. Он не делит переводоведческие теории на «правильные» и «неправильные», не говорит, «как надо» и «как не надо» переводить. Вместо этого он привлекает внимание читателя к тому, на что переводчику необходимо обращать внимание, о чем ему необходимо знать и помнить, что нужно учитывать. И это не просто авторская манера изложения, это осознанная позиция, о чем Д.Н. Шлепнев сам пишет во Введении: «Целью любой нормальной науки является *описание, объяснение и предсказание*. Что происходит, как происходит, почему происходит, что представляет собой некий объект (субъект) и каковы его свойства, что должно или может происходить при таких-то условиях, как может решаться задача при таких-то условиях...». И, говоря о неизбежности некоторых рекомендаций в процессе обучения переводу, подчеркивает: «любая такая рекомендация означает следующее: **если поступать рекомендуемым образом, то можно прогнозировать с достаточным основанием, что результат (в данной ситуации) будет лучше и перевод с большей вероятностью будет сочтен приемлемым**» (с. 9).

Д.Н. Шлепнев описывает и анализирует деятельность переводчика, рассматривая ее в широком контексте реальной действительности, и именно с этих позиций обсуждает существующие в переводоведении теории и концепции. Разумеется, опытный читатель не может не заметить личных предпочтений автора (который, кстати, нередко апеллирует к собственному переводческому опыту — как удачному, так и, с его позиций, неудачному).

Автор порой подталкивает читателя к определенным выводам относительно целесообразности или нецелесообразности оперирования теми или иными понятиями и категориями, о логичности или нелогичности той или иной классификации, но при этом воздерживается от собственных категоричных оценок. Более того, вместо того, чтобы предложить читателю (да и самим переводоведам) выбирать между теориями, он предлагает находить в них точки соприкосновения — «потенциал совместимости» — и пытаться их на этой почве объединять.

Книга, заявленная как пособие по теории перевода, на самом деле представляет собой путеводитель по профессии переводчика, в котором читателю не только рассказывают о том, как теоретически описывается его будущая деятельность, но и объясняют, какие из этих теоретических описаний следуют практические выводы. Показывают, **что** ему нужно и должно знать, помимо рабочих языков и набора неких переводческих приемов. При этом ему очень просто объясняют суть множества сопутствующих понятий и то, какое значение эти понятия имеют для осознанного овладения профессией. Пособие радует не только эрудицией автора и присущей ему широтой видения общей картины, способностью учитывать множество самых разных аспектов и нюансов проблемы, но и умением очень доступно (хотя и без симплификации!) показать все это тем, кто еще только начинает обучение профессиональному переводу.

И все же главное достоинство пособия определяется не этим. Оно определяется основной позицией автора, который через всю книгу неустанно проводит одну и ту же мысль: чтобы стать переводчиком, человек должен научиться думать по-переводчески. И соответственно, для того чтобы сделать из студента перевод-

чика, у него необходимо это профессиональное переводческое мышление сформировать. Именно этому и призвано помочь учебное пособие Д.Н. Шлепнева «Общая теория перевода: начала. Введение в ремесло».

© О.В. Петрова, 2019

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Шлепнев Д.Н. Французско-русский словарь деловой корреспонденции. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018а. [Shlepnev, D.N. (2018). *Francuzsko-russkij slovar' delovoj korrespondencii* (French-Russian Dictionary of Business Correspondence). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Шлепнев Д.Н. Составление и перевод официально-деловой корреспонденции: французский язык. М.: ФЛИНТА: Наука, 2018б. [Shlepnev, D.N. (2018). *Sostavlenie i perevod oficial'no-delovoj korrespondencii: francuzskij yazyk* (Drafting and Translation of Official Business Correspondence: French). Moscow: Nauka. (In Russ.)].
- Шлепнев Д.Н. Французский язык для юристов. Толковый словарь. Феникс: Высшее образование, 2006. [Shlepnev, D.N. (2006). *Francuzskij yazyk dlya yuristov* (French for Lawyers). *Tolkovyy slovar'*. Fenix. (In Russ.)].
- Методические основы подготовки переводчиков: обобщение опыта: Монография / Под общей ред. В.В. Сдобникова. Н. Новгород: НГЛУ, 2017. [Metodicheskie osnovy podgotovki perevodchikov: obobshchenie opyta (Didactics of Translator Training: Summing up Experience): *Monografiya / Pod obshchej red. V.V. Sdobnikova* (2017). Nizhnij Novgorod: NGLU. (In Russ.)].
- Шлепнев Д.Н. Метатеория перевода (метапереводоведение) как самостоятельный раздел переводоведения // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. Тамбов: Грамота, 2017. № 10. Ч. 1. С. 186—188. [Shlepnev, D.N. (2017). *Meta-Theory of Translation (Meta-Translation Studies) as Autonomous Branch of Translation Studies. Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 3-1, 186—188. (In Russ.)].
- Шлепнев Д.Н. Переводческая деятельность и целеполагание. Часть I. Почему перевод рассматривается не только как речевая деятельность // *Перспективы науки и образования*. 2018. 1 (31). С. 172—178. [Shlepnev, D.N. (2018). *Translational Activity and Translation Purpose. Part I. Why Translation is Seen not only as a Speech Activity. Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 31-1, 172—178. (In Russ.)].
- Шлепнев Д.Н. Переводческая деятельность и целеполагание. Часть II: Целеполагание в переводоведении: анализ и критика // *Перспективы науки и образования*. 2—18. 2 (32). С. 192—199. [Shlepnev, D.N. (2018). *Translational Activity and Translation Purpose. Part II. Analysis and Critique of Purpose-Based Theories. Perspektivy nauki i obrazovaniya*. 31-1, 172—178. (In Russ.)].

Сведения об авторе:

ОЛЬГА ВЛАДИМИРОВНА ПЕТРОВА — кандидат филологических наук, профессор кафедры теории и практики английского языка и перевода, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова. *Сфера научных интересов*: теория и практика перевода, лингвистические и коммуникативные аспекты перевода, художественный перевод.
Контактная информация: e-mail: o.v.petrova.nn.@gmail.com

Bionote:

OLGA V. PETROVA is Ph.D., Professor at Department of the English Language and Translation Theory and Practice, Linguistic University of Nizhny Novgorod. Her research interests include translation studies, communicative-functional approach to translation, literary translation.
Contact information: e-mail: o.v.petrova.nn.@gmail.com

INTERVIEWS WITH TRANSLATORS AND INTERPRETERS
ИНТЕРВЬЮ С ПЕРЕВОДЧИКАМИ

Henry Liu

Dr Henry Liu is a Past President and Fellow of the New Zealand Society of Translators and the 13th President of the International Federation of Translators (FIT). In the XXI FIT Congress, he was appointed Lifetime Honorary Advisor to the Federation. He is a consultant interpreter in English, Chinese and French specialising in legal and diplomatic interpreting, he has interpreted at the highest professional level for heads of state and other dignitaries. He is a sought after keynote speaker and educator. Henry has given invited lectures at Moscow State University, Moscow State Linguistic University, and delivered the inaugural International Translation Day lecture at the UN in New York.

Translators and interpreters have to deal with information related to various domains of human activities. In your opinion, besides linguistic disciplines, what courses should be added to the curriculum to improve translators' training and have them better prepared for a career?

I have been known to be an advocate of multidisciplinary or at least interdisciplinary approach¹, not just in translation studies and educating of the next generation of translators, it would come as no surprise that I strongly believe in courses beyond our primary profession. This is not just a philosophical standpoint. There is increasing evidence to support interdisciplinary approach in learning (Guardian 2018) and future employment (Hanusek 2017).

There are plenty of treatises on the history of translation studies like Mona Baker's Routledge Encyclopaedia of Translation Studies. But my simple man's version of the evolution of translator and interpreter training and education is in four movements: (1) Babel to 1945; (2) subspecialisation-postgraduate; (3) specialisation-undergraduate; (4) post-MT, which is where we are now.

¹ Liu, H. 2017. "Transcending boundaries — Towards a multidisciplinary, multimodal, multi-centric approach to translation, interpreting and terminology education". Keynote Paper presented at the TISP6/AIETI8 Conference: Superando límites en TISP/ Beyond Limits in PSIT, University of Alcalá, Alcalá. 6th—8th March. http://tisp2017.com/wp-content/uploads/2017/05/6TISP-Libro_abstracts-def.pdf <https://www.theguardian.com/higher-education-network/2018/jan/24/the-university-of-the-future-will-be-interdisciplinary>.

Hanushek, E.A., Ludger Woessmann Lei Zhang. 2017. "General Education, Vocational Education and Labor-Market outcomes over the Life Cycle", *Journal of Human Resources*, 52 (1) 49—88.

During this long period of history of the first movement², there were few dedicated training or research programmes on translation, interpreting or terminology. So how were translators and interpreters trained then? They were often talented bilinguals / polyglots or pseudo-bilinguals / polyglots trained in another profession or linguists thrust into such tasks.

Institutionalisation of translator and interpreter training programmes were modern inventions (c.f. Рум's opening keynote in XXI FIT World Congress 2017) and in the second movement, the dominant theme was postgraduate programme as linguists were cultivated into translators and interpreters as an extension of "*la formation*", or in other words, making translation and interpreting an increasingly aspect of applied linguistics.

The third movement began circa 1980 with the astronomical rise of degrees and even diplomas at undergraduate level, often attached to or running simultaneously with foreign language programmes.

This as yet unfinished symphony reaches a point of inflection. One of the assumptions underlying the trajectory thus far has been that users or consumers of translation and interpreting services demand professionals with more robust training and better knowledge and skills of translation and interpreting, often at the expense of other studies. I would challenge that.

So what does society demand of us? In an imaginary job interview, a graduate candidate with excellent credential in translation and/or interpreting may well be asked "What special skills you can bring to this organisation?" If the answer were "My excellent translation skills". The imaginary silence would ensue. Why? Because in the eyes of the society, translation and to a lesser degree interpreting, are substitution exercises, or selection exercise if they are generous.

Unfortunately increasingly, I would be asked to review legal translations from colleagues who are no doubt excellent translators, but no lawyers would ever write like them. In other words, their translation is just as "foreign" to the lawyer as its original foreign language version. I strongly believe in the need to appear authentic. A medical interpreter at an international oncology conference ought to come across like an fellow oncologist over the ear piece. Same for translators. I have often been heard giving advice to budding patent translators to sneak into lectures at their faculty of science and technology to learn their "*patois*" or dialect.

For the undecided, what should they do? I would sneak into creative writing class if I were a budding translator and into acting school if I were a budding interpreter. Why? One of the key skills which will also make us stand out from the ever improving (but never be perfect, I must add) machines is our ability to write and to speak. Writing and oratory skills are increasingly rare in the human population, let alone the-machine-augmented universe.

And whether one's aspiration is in the government or the corporate world, basic training in communications put one's future in good stead. This is purely based on the difference in remuneration between a communications executive and a senior translator

² Marie Lebert's blog <https://marielebert.wordpress.com/2016/11/02/translation/>;
<https://www.forbes.com/sites/marisagarcia/2018/07/27/a-perfect-storm-pilot-shortage-threatens-global-aviation-even-private-jets/#1dc2eff91549>.

or interpreter. I am certainly not the first person to point out the irony that many translators and interpreters however skilled in our profession fail to meet the communication needs of our clients.

What we must not forget is that the Russian education system has the distinct advantage with its longer degree and broader and rounder education in giving your graduates an increasing rare opportunity in future proofing themselves than your Western counterparts.

Bearing in mind, I am no pedagogist. But I hope this shows the many and varied ways we could advance this symphonic narrative, à la Deryk Cooke or Franz Xaver Süssmayr, in the age of Machine-augmented language services.

What aspects of the translators' job do you value most?

I feel very lucky, in general as well as with my professional career.

As an individual translator-interpreter, it is of immense privilege to be the voice, whether it is of a victim of a crime or a start-up projecting abroad or a government department or even the government. My work often involves very important and nuanced content with serious and longterm consequences. And I am delighted that I am often collaborating with other professionals to achieve the desired communications outcome.

As a "*Vereinsmensch*" running professional association locally, nationally and internationally, what I value the most is working with many experienced colleagues and dedicated individuals to bring concrete improvement to the profession, whether it is in the form of visibility, or governance or collaborating with external parties to refine and bring in best practices. What is often seen as symbolic, like the recognition of September 30 as International Translation Day by the United Nations, or the historical collaboration with our sign language interpreting counterpart, brings enormous benefits and opportunities if given the right attention and cultivation.

As an orator at events, what I value the most is my ongoing umbilical contact with colleagues and the wider profession around the world whilst hopefully bring new insights from the world outside of translation and interpreting, learning about local variation of practice and challenges constantly reminded that our profession is not a one-size-fits all, not to impose dominant values, and my by now trademark visits to local translation and interpreting schools to meet our future generation and find out what stimulates and worries them.

How did development of information technologies change translators' work? Which of them do you consider particularly useful and which would you be willing to discard?

This is another profound question the exploration of which can be a stand-alone paper if not a treatise!

In my professional practice, as a legal and diplomatic translator-interpreter, the impact of information technology, positive or otherwise, has been relatively minor in comparison with other specialities of our profession. And I have made it my mission to be as informed as possible during my FIT Presidency. This is because of my innate curiosity as well as my belief that I have to be very well informed before I can made any public comment, regardless of whether my comments are positive or otherwise.

What I have found is that the diversity and heterogeneity of language services information technologies had the same gestation as most other technologies — devoid

of input from the general target users. This is of course multifactorial. As Jost Zoetsche and I have spoken publicly on a number of occasions, there is large proportion of translators who are techno-phobs. (for interpreters, *vide infra*). This necessarily means that translators felt they have been deprived of their professional autonomy.

This is further compounded by the fact that the vast majority of gain technology has afforded to the translation process has been transferred to those who are not translators. These are the more commonly known deep seat objections against information technologies.

What is lesser known is the social perception that accompanies mechanisation and automation. Not only does the public now see translation as a free transaction through GoogleTranslate® amongst others, thereby devaluing the translation as well as the professionals who provide translation services, it has also created if not cemented a false perception that there is no future in this profession. This cannot be further from the truth. If anything information technologies have opened new opportunities and demands in professional-led and mediated translation.

I have to fight back my allergic reaction in uttering the last sentence. I have been highlighting the semantically tautological expression of “human translation” in the last few years. What information technology provides is not translation. It is word or expression match. This is but one of the aspects of our profession. But I digress.

This has altered the landscape of translation and interpreting in a profound and fundamental way, it has discouraged some of the most talented from pursuing a very rewarding and expanding career, the same way as the transition from the Soviet regime to democracy has, from what I understand, discouraged young talents from pursuing the performing arts which you were the world leader.

The second fundamental shift was the distraction of government and funding decision makers away from the seemingly much more resource intensive professional training towards the “free” machines. This of course has further exacerbated the global shortage in professional translators and interpreters at the highest level, something I hear all the time when I visited institutions which cannot function with language services of the highest quality.

Finally, we must also be cognisant of the underlying mechanism of information technologies — that they are inherently derivative and not generative and never creative. What I mean is that terminology management, the most basic form of information technologies, is totally dependent on past generation of translators. So any future scientific or humanistic development cannot rely on these technologies. It also means that rather than promoting and celebrating diversities, information technologies smooth them out and thereby magnifying the influence of the dominant voice.

Please do not from this infer that I am a Luddite. I embrace technology as much as anyone else, just after some evaluation of its implications.

And the same for translation information technologies. Gone are the days when translators are usually found in libraries around the world, thanks to Google and other search engines as well as excellent databases like IATE. Similarly the consistency across very large documents now often translated by many professionals has been easier to achieve.

But what would I discard? None. Every translator has different approach and practice and therefore different needs. What is totally useless for one translator may

be a lifesaver for another. But this does pose challenges to developers and those who need to provide interface between systems.

You noticed I have only been speaking about translators. For those interested in information technologies for interpreters, I would invite you to read my paper in last year's FITISPos Journal (http://www3.uah.es/fitispos_ij/OJS/ojs-2.4.5/index.php/fitispos/article/view/162).

As I have often said, surgical robots have not and will not replace surgeons, likewise, there is an insatiable demand of pilots (c.f. Forbes 2018), because the world would not accept this type of risk, whereas the proportion of translation performed without the supervision of professionals continues to climb astronomically. For more on the intersection of technology and translation, see my analogy with driverless cars at the 2018 ITD Lecture, also my invited lecture at MSLU in 2018. What needs changing is the paradigm of power relationship. And this is beyond the reach of individual translators, university faculties or translation agencies. Which is why a strong professional organisation is critical.

What aspects of your work do you consider to be most difficult and demanding?

I am guessing you are after a technical answer!

Whenever I asked students what do they find the most difficult in, say legal translation, they invariably answer terminology. It never ceases to amuse and puzzle me at the consistency, remembering that we are now in the era of information overload. Everyone can find "an equivalent term" at the touch of our smartphone with Internet access. Absolutely, how appropriate the term identified is highly variable and hence my earlier comment about our profession. But term matching is a small part of what we do, as a professional, and surely increasingly easier.

As a diplomatic interpreter, one of the more difficult scenarios would be "motor-mouth" officials reading scripts and then breaking into obscure poetry. But then life would be so dull if this never happens.

But putting my other hat on, as former FIT President, one of the more challenging part of my work was dealing with colleagues with entrenched ideas of entitlement and utter reluctance to improve or negotiate change. Again, like the earlier caricatured official, thankfully this is not common.

As to what I see as the most challenging part of the work for budding translators and interpreters? Without a doubt, the challenge to maintain standard whilst remuneration is dropping. As I said earlier, much cultivation and investment are needed to be a top translator and likewise an interpreter. In the increasingly Uberised language service market, it becomes all the more difficult to come up with the upfront investment to specialise. No, I am not worried about the future return; but I am worried about this barrier preventing perfectly talented graduates with simple means unable to advance their career. This needs to change.

Could you give an example of a translation failure, the most challenging or the most amusing professional situation you have encountered?

I am sure you know that translators, and certainly interpreters, are full of amusing anecdotes, granted, perhaps that not everyone can deliver these with impact!

What I have selected however is not the most amusing or spectacular, but it does highlight what we have been talking about in the last little while.

At a very high level lunch function, where every fine detail is triple checked, I spotted the following:

“this beautiful Sauvignon Blanc typifies the lime-rich terroir with crisp but rich flavour of nectarine, apricot and lime”.

『这款美丽的长相思是富含石灰的风土，具有清脆而浓郁的油桃，杏和石灰风味。』

here lime appears twice with different meanings. But it is very difficult to spot such an error in a perfectly idiomatic sentence. Which I would argue is a mistake a human, let alone a professional, would never make. One could argue that Machine Translation has generated a new career — post-editor, but there is much difference between post-editor as fact checker and post editor help rendering discourse human-like. And both tasks are increasingly difficult but not increasingly remunerated.

What tips would you like to give to beginning translators?

It may all sound rather overwhelming and sometimes even disparaging. There are so many gadgets and apps giving an impression language barriers are but a historical remnant à la Babel. But nothing is further from the truth. After much effort, my Russian remains basic and no technology can change that!

Social media and technologies in general however dazzling and powerful also cannot rival or replace the power of genuine human connection, which our professions are so integral of. Extending from that, it is central for budding translators and interpreters to recognise the importance of solidarity. A cohesive professional association can make huge impact. So join your local, regional and national professional association and be active. Rather, be proactive, in ensuring it be fit for purpose and bring concrete benefits to practitioners.

My dear friend, and renowned Slovene pianist of contemporary classical music Nina Prešiček once said, “If you take no risks, there is no possibility of discovering something new”.

But taking risk does not equate being recklessness. One must take risks with a strong foundation. Which is why it is so important to be bold and imaginative, but only once we have attained unshakeably solid core skills. Only then can one free ourselves from the shackles of the original text (see <http://www.cultusjournal.com/index.php/archive/22-issue-2017-volume-10>).

And for the more ambitious, I would tell them to disregard the boundaries of our profession. Translation and interpreting encompass as wide and as diverse as human endeavours. We know many translators and interpreters are now diplomats, ambassadors and senior officials of international bodies, being part of history on the other side, like dragoman of the Ottoman Empire. Which is why I firmly believe that translation and interpreting studies will be the new literacy of global citizens and will increasingly be one of the key tools in the toolboxes of any aspiring executives of global or transnational organisations and corporations.

В.К. Ланчиков / Viktor K. Lanchikov

Виктор Константинович Ланчиков — переводчик художественной литературы (A.S. Byatt, G.K. Chesterton, J. Folwes, K. Vonnegut, V. Naipaul, T. Sharp и др.), кандидат филологических наук, доцент кафедры переводоведения и практики перевода английского языка МГЛУ. Автор большого количества теоретических работ по проблемам художественного перевода и истории переводческой деятельности в России и других странах. С 2010 г. — главный редактор журнала переводчиков «Мосты».

В своей работе переводчик сталкивается с необходимостью вникнуть в различные области человеческой деятельности. Помимо лингвистических дисциплин, какие курсы, по Вашему мнению, стоило бы включить в обучение переводчиков, чтобы лучше подготовить их к профессиональной деятельности?

Судя по упоминанию разных форм человеческой деятельности, речь идет о специальных областях знаний. Что ж, если мы говорим о профессионально-ориентированном переводе, ответ ясен: по какой тематике будет работать переводчик, та и должна определять учебные дисциплины. Если же говорить о переводчиках широкого профиля, то — кто знает, на какую тему придется переводить завтра. В таком случае упор стоит делать скорее не на тематику, а на развитие способности овладеть этой тематикой на достаточном для перевода уровне. Эта способность входит в число важных переводческих навыков. Но в рамках какой дисциплины (кроме практического курса перевода) ее вырабатывать, сказать не берусь. Если же вопрос касается не области знаний, с которыми надо знакомить переводчика, а выработки этих самых навыков, то здесь ответ зависит от конкретного вида перевода. Синхронистов надо натаскивать на одно, переводчиков рекламы — на другое и т.п.

Как изменило труд переводчиков развитие информационных технологий? Какие из новых технологий Вы считаете наиболее полезными, а от каких были бы рады отказаться?

Здесь и дальше я могу говорить лишь о тех видах перевода, с которыми мне чаще всего приходится иметь дело (в том числе как преподавателю): перевод художественной литературы и публицистики. В этом качестве приходится работать почти исключительно с поисковиками и языковыми корпусами. Они, конечно,

облегчают задачу и расширяют возможности (особенно сферу поиска). Но хочу заметить, что, когда в 2003 году мы с Д.В. Псурцевым переводили роман А.С. Байетт «Обладать», изобилующий скрытыми цитатами, аллюзиями, мимолетными упоминаниями фактов, требующих разысканий, работали мы исключительно с бумажными источниками. Позднее при переиздании мы решили проверить результат, обратившись уже к источникам сетевым. Оказалось, с фактической стороны никаких поправок и дополнений не требуется.

Это непрошенный ответ на вопрос начинающих, как же переводчики доинтернетовского поколения разыскивали информацию. Да просто они знали что, где и как искать, и умели работать в библиотеках. Без этого навыка никакие технические средства не помогут.

Поскольку я осваиваю новые технологии не потому, что они новые, а лишь после того, как удостоверюсь, что они мне нужны, ни от чего отказываться пока не приходилось.

Какие аспекты переводческой деятельности Вы особенно цените?

Во-первых, возможность расширить кругозор. Одни мой ученик, когда ему предложили переводить роман из жизни древнего Египта, сказал: «С удовольствием. Давно хотел почитать о древнем Египте побольше, но все что-то отвлекало. Теперь это будет необходимостью».

Во-вторых, филологическое любопытство и филологический азарт. Желание увидеть, как будет выглядеть на русском языке вот этот автор, если как можно вернее передать особенности его индивидуального стиля. И чем труднее задача, тем увлекательнее работа. К некоторым авторам, решив эту задачу, я уже не возвращался. Скучно.

В-третьих, конечно, желание познакомить наших читателей с хорошей иностранной литературой. Именно хорошей — за плохую лучше не браться, какой бы гонорар ни сулили заказчики.

Что в Вашей работе представляется Вам наиболее сложным и трудным?

Об одной трудности я уже сказал: передача идиостиля автора. Это ведь не простое копирование приемов, а учет их восприятия в исходном языке и языке перевода, поиск адекватных замен и т.п. С этой трудностью связана и другая. Перевод — занятие, требующее самообуздания, смирения. Надо постоянно помнить, что ты не пишешь сам, а переводишь другого. У одного очень живого, веселого автора мне встретилась парочка пресно морализаторских рассуждений. Что поделаешь — такими я и оставил их в переводе, хотя какой был соблазн их расцветить!

Не могли бы Вы привести пример переводческой неудачи или самой сложной или курьезной переводческой ситуации, с которой Вы столкнулись в Вашей практике?

Вот курьезный и одновременно самый позорный случай из собственной практики. Двадцать с лишним лет назад я перевел роман Дж. Фаулза “A Maggot”

(«Червь»). Друзья читали перевод, что-то хвалили, с чем-то не соглашались. И только один, которому и роман, и перевод понравились, указал мне на досаднейший ляп.

Роман начинается с описания вереницы всадников, движущейся по вересковой пустоши. На одном коне, прижавшись к всаднику, едет вместе с ним девушка. Через две страницы кавалькада останавливается, и всадник спешивается: “His counsellor behind jumps off, with a singular dexterity, kicking free of his right stirrup and swinging his leg, over the horse’s back and slipping to the ground all in one lithe movement”. Я перевел: «Всадник в куртке с поразительной ловкостью выдергивает ногу из стремени, перебрасывает через голову коня и спрыгивает наземь — все одним махом».

Друг смеялся: «Дик у тебя получился прямо какой-то цирковой акробат. Ведь, чтобы перебросить ногу через голову коня, он должен был перебросить ее и через голову спутницы — она же сидит впереди».

Разумеется, при переизданиях эту ошибку я поправил. Но до сих пор поражаюсь: у меня был отличный редактор, надававший мне много полезных советов, книгу читал не один человек — а заметил только один. Да и как я сам мог так оплошать?

Объяснение (но не оправдание) отчасти состоит в том, что, как показывает практика, больше всего ошибок оказывается именно в начале перевода, когда переводчик еще не сжился с текстом, не проникся тем, что в нем описано. Вывод: при правке стоит обращать внимание в первую очередь на начало перевода, самое коварное место.

Какой совет Вы бы хотели дать начинающим переводчикам?

Выполнять всякий перевод так, как будто это последний перевод в твоей жизни, и по нему будут судить о твоём профессионализме.

Boris Naimushin

DR BORIS NAIMUSHIN is Associate Professor of Translation and Interpreting at the Department of Foreign Languages and Cultures at the New Bulgarian University (NBU). He is the Editor-in-Chief of the journal *English Studies* at NBU (www.esnbu.org). Member of the Association of Translators in Bulgaria and Union of Translators of Russia. He is an Expert and Jury Member of Cosines Pi, an international competition for conference interpreters which has been held in Moscow since 2017. Boris is an active conference interpreter. Since 2009, he has acted as interpreter for the Presidency of Bulgaria.

Translators and interpreters have to deal with information related to various domains of human activity. In your opinion, in addition to linguistic disciplines, what courses should be added to the curriculum to improve translator training and better prepare them for a career?

Translation and interpreting is a complex social, interactive and contextualized activity bringing people together across cultures. There is a lot more to being a professional translator or interpreter than being able to speak one or more foreign languages well.

The standard training model today is student-focused and competence-based. It is aimed at equipping future translators and interpreters with the necessary skillset, judgment and knowledge to meet the needs of real users in real conditions. As a result, a typical translator and interpreter training curriculum is a combination of four components (modules) either enhanced or acquired through the course: language, knowledge, skills and professionalism.

Language and knowledge enhancement are the key supporting components, whereas translation and interpreting skills and professionalism are acquired in the course of training. These four competencies must be fully integrated, in order to achieve operational translation or interpreting expertise at initial professional level. It is important to find a good balance between the practical and the theoretical components of initial translator and interpreter training programs. This is when students acquire the skills and principles relevant to translation and interpreting in all areas, modes and settings.

The exact content of each of these four modules depends on the programme, its admission requirements and learning outcomes. For example, additional language and knowledge enhancement modules in conference interpreting training courses usually focus on law, economics, politics, parliamentary procedures etc. Medical or legal translators and interpreters will require their own specialized knowledge and language

enhancement modules. Future interpreters will need additional training in public speaking and voice hygiene, as well as special language enhancement support for interpreting into their B languages.

In terms of professionalism, future graduates need to be introduced to proper working conditions and the overall organization of the profession. They also require practical information about market organization and acquiring work. Students need to understand the concept of ethics and their importance for translators and interpreters. They need to understand how to work in a team and deal with disputes in the profession, as well as to distinguish between an ethical translator or interpreter and an unethical one.

Of course the curriculum needs to be updated from time to time, in order to reflect the changing professional environment, the development of information technologies and possible reforms of education systems.

What aspects of the translator's job do you value most?

Since I am mainly a conference interpreter, I will talk about the aspects of the interpreter's job that I appreciate the most. Interpreting, as I have already said above, is a social and interactive activity bridging cultures and communities. This job has taken me to many incredible places, some of which I had never dreamed of visiting: a control room of a nuclear power plant and a nuclear fuel assemblies production facility, an off-shore salmon farm and an oil refinery, a presidential palace and the wine cellar of a large wine institute.

I observed the Victory Day Parade at the Red Square sitting next to official guests and then had the opportunity to talk with some of them at the reception in the St. George Hall of the Grand Kremlin Palace. I have interpreted for UNESCO in Paris and Euro-control in Brussels, at a President's swearing-in ceremony at the Ukrainian Parliament and at the OSCE Summit in Astana.

As presidential interpreter, I have interpreted at official and informal meetings of Bulgarian Presidents, Vice Presidents and Prime Ministers with Putin and Nazarbaev, Aliiev and Hu Jintao, Heinz Fischer and Shimon Peres, Marie-Louise Coleiro Preca and Mahmoud Abbas.

Every new assignment is a new challenge for the inquiring mind. It is also very demanding, since one has to do a lot of preliminary reading and research. For example, to be prepared to interpret at a seminar on diseases of terrestrial and aquatic animals or at an international conference on natural disasters. It is also very exciting in that you learn so many new things and meet new and interesting people.

Being an interpreter teaches you a lot about working in a team with your booth-mates in simultaneous interpreting, with people from the Office of the Chief of Protocol and security guards during official and state visits, with translation agencies and direct clients.

I also thrive on stress and the resulting adrenaline rush you experience just seconds before stepping out on the stage in front of a hundred people or taking my place in the booth.

To summarize, these are the things I love about interpreting: going to new places, acquiring new knowledge, meeting new people and feeling the adrenaline rush before every single job.

How has the development of information technology change the work of translators? Which technologies do you consider particularly useful and which would you be willing to discard?

Again, I will answer this question as an interpreter. Of course, I also do translations using CAT tools but this is a much smaller part of my work compared to interpreting.

Undoubtedly, the rise of technology within the language services industry has its implications for interpreters. On the one hand, interpreters have not so far benefited from the same level of automation or innovation when compared with the wide choice of CAT tools available to translators. On the other hand, technology-assisted interpreting is already a fact.

Virtual Interpreting Technology (VIT) is one of the fastest growing areas in the language industry thanks in part to the development of Web Real-Time Communication (WebRTC). Applications such as Speakus, Interpretfy, VoxBoxer etc. are among the leading interpreting systems on the market today.

There are new terminology tools and applications designed to meet the needs of different interpreting contexts and modes. For instance, Intragloss, InterpretBank and Interplex UE are user-friendly terminology management tools which help manage, learn and look up glossaries and term-related information.

As more and more interpreters are turning to mobile devices to take notes in consecutive interpreting, there are note-taking applications like Evernote, LectureNotes and PenSupremacy that can help keep notes that are more effective. There is also a computer-assisted tool for the semi-automation of note-taking in consecutive interpreting and digital pens capable of synchronizing writing with ambient sound.

Technologies help interpreters work better. What interpreters use depends on their needs and preferences, but also on market requirements. If my client is organizing an event using a particular platform or application, I will need to learn to use it to be competitive on the market.

What aspects of your work do you consider to be most difficult and demanding?

It may sound strange but the most exciting aspects are also the most demanding. Every component in conference interpreting may pose a source of varying degrees of complexity. This is true only to a certain level where we have ‘complex but routine real-life tasks’ (Setton & Dawrant, 2016). These advanced and challenging tasks are common in everyday interpreting. Complex mixed-media input, unusual topics, highly formal or technical speeches, high speed and accent are all demanding but manageable tasks; ones which interpreters can be reasonably expected to cope with and deliver clear and user-oriented performance.

Unfortunately, interpreters sometimes have their performance limits put to the test in extreme and near-impossible conditions with unreasonable client expectations, i.e. impossible accents, highly specialized texts read out monotonously at high speed but not supplied in advance etc. Interpreters can sometimes adapt to these conditions for a certain period, using survival and coping tactics. For example, faced with high-

speed input, interpreters may shorten their active interpreter shifts from the regular 20—30 min to 10—15 min to maintain the quality level of the interpreting.

Working in front of an audience is both exciting and challenging, especially in consecutive conditions where the interpreter performs in front of the same audience as the speaker. In fact, consecutive interpreters always have two audiences: the speaker and the speaker's audience. The interpreter must be able to make both these audiences feel satisfied and confident that he or she is the right person for the task of maintaining communication. Hugo Cole (1958), an English composer and writer, claims that the relationship between composer and performer is a perpetually uneasy one because "...each is at the same time master and servant. The composer decrees, the performer obeys; but he obeys at his own discretion, knowing that the last word is with him".

I think that this describes very well the relationship between the speaker and the interpreter. The speaker decrees and the interpreter is required to obey. However, interpreters obey at their own discretion. This is shaped by interpreters' self-perception of their role and function in the communication process. It is also linked with the issue of quality, since interpreters' perceptions of the nature of their task will ultimately shape their performance.

In one of my articles (Naimushin, 2014), I compared the consecutive interpreter to the solo performer who has both to write the song and then perform it in front of an audience. Similarly, learning a language and interpreting techniques is one thing; delivering quality performance in front of an audience is another. Consecutive interpreters require focused training to develop specific performance skills different from linguistic skills and interpretation techniques. In my classes, I always take time with the students to talk about performing and to help them bring out and develop their individuality and their performance skills. To me, this is the most exciting and at the same time the most challenging aspect of my work as both an interpreter and interpreter trainer.

Could you give an example of a translation failure, the most challenging or the most amusing professional situation you have encountered?

People like to talk about translation mistakes and failures. Menu translations all over the world have always been the target of ironic comments. There is even a joke that if you want to make a translator laugh, all you have to do is to give them a menu to read. The truth is that menus are usually translated by Google Translate or by restaurant staff with poor or no knowledge of foreign languages. This has nothing to do with professional translation.

If you google 'translation mistakes', you will see a great many results describing '5 translation mistakes with serious consequences', 'Top 10 Translation Errors of All Time' or '9 Little Translation Mistakes That Caused Big Problems' etc. Given scrutiny, however, more often than not these mistakes have been committed by people who are not trained and experienced translators or interpreters, or by professionals who have ventured into an area in which they are not sufficiently competent.

Let us have a closer look at the following widely discussed case (Kelly & Zetzsche, 2012): 'When President Carter traveled to Poland in 1977, the State Department hired a Russian interpreter who knew Polish, but was not used to interpreting professionally

in that language. Through the interpreter, Carter ended up saying things in Polish like “when I abandoned the United States” (for “when I left the United States”) and “your lusts for the future” (for “your desires for the future”), mistakes that the media in both countries very much enjoyed’.

So is this a translation mistake? On the surface, yes. However, in essence it is a personnel selection mistake on behalf of the US State Department plus an ethical issue with the Russian-born interpreter Steven Seymour accepting to work into his obviously passive (C) language at governmental level.

Let me give an example. My first language is Russian and I have lived in Bulgaria ever since I was fourteen. I have an MA and a PhD in the Bulgarian language and literature from Sofia University and for over 10 years, I have worked as an interpreter for the Administration of the President of Bulgaria. To sum up, I can confidently claim Bulgarian to be my near-native language. Leaving aside all political and emotional disputes, we can say that Macedonian is the closest relative of the Bulgarian language, with the two languages having a high degree of mutual intelligibility. When I go to Macedonia, I can almost freely communicate with Macedonians in Bulgarian. I understand them and they understand me. On several occasions, I have performed simultaneous interpreting from Macedonian into English at working meetings when some of the Macedonian participants would just switch into their mother tongue. Nobody asked me beforehand whether I would agree to interpret from Macedonian. In informal or semi-formal meetings, it can work out and in fact, it has worked on these occasions. However, I would never accept an official assignment to interpret from, let alone into, Macedonian at any level, especially not a state or official visit.

Once I had to interpret at a lecture on British Literature from Serbian into English. Again, I was completely unprepared and caught unawares. At a major international conference at Sofia University, a participant from Serbia came out and announced in English that he would prefer to deliver his talk in Serbian. He was sure that speakers of Bulgarian and Russian would have no problems in following him. However, all the other participants surely would. So my booth-mate and I decided to give it a try and interpret the talk the best we could making the best use of survival and coping tactics. Again, it worked with the added chance of it being the last presentation before lunch break, but I would have never accepted and would never agree to interpret from Serbian at any level as an official assignment.

Looking back, I find these situations amusing. Back then in the booth, ‘amusing’ was the last thing that would come to my mind. This is an example of extreme conditions when interpreters have the right to deny service in view of unreasonable expectations. Of course, ‘utterly impossible conditions (and sometimes, whole assignments) must be refused’ (Setton & Dawrant, 2016: 320), but the conditions described above just could not have been known or managed in advance. I use such examples in my classes to show that coping with unexpected challenges and emergencies is part of the overall expertise in interpreting. I have also described some of the amusing situations in my interpreting career in the following articles (Naimushin 2012, 2015).

What tips would you like to give to translators as they start out?

Teaching translation and interpreting is an important part of my professional life. Indeed, I have many useful tips for future translators and interpreters in all four modules

of the curriculum, i.e. language, knowledge, skills and professionalism. Many sound tips can be found on the Internet in articles, comments and interviews of experienced professionals. One of my favorite tips is to try to acquire some work experience as soon as possible, even if it entails working for free. At New Bulgarian University, my students successfully interpret at seminars and talks by guest lecturers, both consecutively and simultaneously.

Here, I would like to bring up a more general issue that is from time to time discussed by scholars, professionals and students, especially with respect to simultaneous interpreting. This issue is ‘talent’.

Students are often intimidated and discouraged by the uncompromising position of some of the ‘old masters’. This position is very simple: interpreters are born, not made. You need a special talent, a heavenly gift to become a simultaneous interpreter. If you are not endowed by such talent, forget about this career. Nothing and nobody could possibly help you. Simultaneous interpreting cannot be taught.

This position recently resurfaced in an interview with Nikita Krivoshein (Tolstoy, 2019). He claims that while sitting on admission exams at some of the leading interpreting schools, he was able to diagnose applicants as ‘talented’ or ‘not talented’ within a matter of minutes by just talking to them. He also laments the profanation and commercialization of simultaneous interpreting which, according to him, started out as a ‘noble craft’ and then has since degenerated into a ‘profession’.

However, before simultaneous interpreting became a profession, there was no simultaneous interpreting. Before simultaneous interpreting, there was no training methodology or interpreter trainers. The pioneers, whom we all deeply respect, just sat down in their booths and started interpreting because there were no trainers to train them. They received on-the-job training. It would be very interesting and insightful to compare their performance on their first day in the booth and then on the 100th day in the booth.

Do not get me wrong: I am not casting doubt upon the exceptional professional qualities, courage and achievements of the people who laid the foundations of our profession as they ventured into the unknown. However, the fact that they started out as ‘self-taught’ and ‘self-made’ simultaneous interpreters should be no reason to claim uniqueness. I can understand this position: ‘Nobody trained us, we just sat in the booth and it worked all by itself because we had talent. And now, some people say that it’s 1% talent and 99% hard work. Some people have the audacity to claim they can teach simultaneous interpreting to people without our talent’.

Therefore, my word of encouragement to people interested in conference interpreting and who are contemplating a career in this exciting field is this: interpreters are made, not born. The situation now is very different from more than half a century ago. We have at our disposal modern interpreter training methodology which I briefly described in my answer to the first question. We have experienced teachers and leading schools like FTI in Geneva, ISIT and ESIT in Paris or SCIT in Saint Petersburg. In any area, talent is a great starting point. Then comes the most exciting part, i.e. hard work under the guidance of experienced teachers who know how to help budding translators and interpreters to realize their dreams.

REFERENCES

- Cole, Hugo (1958). Composers, Performers and Interpreters. *The Musical Times* 99 (1385) (July 1958): 366—368.
- Kelly, Nataly, & Zetzsche, Jost (2012). *Found in Translation. How Languages Shape Our Lives and Transform the World*. TarcherPerigee.
- Naimushin, Boris (2012). Tightrope-walking on the moral high wire: Ethical decision-making in conference and escort interpreting. *TRANSLATA I*, Innsbruck.
- Naimushin, Boris (2014). The Interpreter as Performer. Grozeva, Maria & Naimushin, Boris. (Eds.). *Globalisierung — Interkulturelle Kommunikation — Sprache. Akten des 44. Linguistischen Kolloquiums*. Frankfurt: Peter Lang.
- Naimushin, Boris (2015). Simultaneous Interpreter Booths: Not Always What You Expect Them to Be. *Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences* 2 (2015 8): 264—269.
- Tolstoy, 2019: Толстой, Иван (2019). Русская профессия. Синхронный перевод как компьютерный талант. Радио Свобода. URL: www.svoboda.org (дата обращения: 02.03.2019).
- Setton, Robin, & Dawrant, Andrew (2016). *Conference Interpreting: A Complete Course and Trainer's Guide*. Benjamins Translation Library.

Ирина Владимировна Зубанова

Ирина Владимировна Зубанова — доцент кафедры переводческого и педагогического мастерства Института непрерывного образования МГЛУ. Переводчик-синхронист и преподаватель устного перевода с 1993 г. В качестве синхрониста активно работает на международных конференциях экономистов, политиков, психологов. Автор нескольких книг по переводу и английскому языку, в том числе «Скоропись в последовательном переводе», «Точка сборки, или Нелегкий труд стрекозы» (статьи об устном переводе). Член редколлегии журнала «Мосты».

В своей работе переводчик сталкивается с необходимостью вникнуть в различные области человеческой деятельности. Помимо лингвистических дисциплин, какие курсы, по Вашему мнению, стоило бы включить в обучение переводчиков, чтобы лучше подготовить их к профессиональной деятельности?

Я занимаюсь подготовкой устных переводчиков — то, что называется перевод конференций: профессиональный последовательный и синхронный перевод. Такой переводчик всегда на переднем краю событий; можно сказать, на сцене или в эфире. Его ошибки не пройдут незамеченными: свидетелей и критиков целый зал, а то и целый Интернет. И никакой возможности в ходе работы обратиться к справочным источникам, проверить себя по словарю или энциклопедии, или хотя бы отредактировать свой текст или взять свои слова обратно. Согласитесь, это нелегко.

Так чему же учить устного переводчика, пока он студент — и на что ему посоветовать обращать внимание, когда он уже вступил на профессиональный путь? Разумеется, для такой работы нужно иметь широкий кругозор, нужно разбираться в политике и экономике, философии и юриспруденции. Было бы очень неплохо, если бы можно было организовать для будущих переводчиков компактные обобщающие курсы таких дисциплин, не уходящие в детали, но дающие общий обзор основных понятий, главных процессов и их связей, новых тенденций и нерешенных проблем. Увы, это по большей части остается мечтой: специалисты в области всех этих замечательных наук не готовы посмотреть на свою дисциплину «с высоты птичьего полета» и поделиться знаниями с теми, кто не собирается стать их коллегами по профессии, но лишь нуждается в ориентировке, чтобы начать с пониманием *говорить* об этих темах. А вот, например, физики или астрономы иной раз берутся изложить свой предмет под лозунгом «картина мира за один час» — посмотрите в сети, такие лекции есть.

Не менее очевидно, что переводчик, которому предстоит переводить выступление или диалог специалистов в какой-то конкретной специальной области,

должен приложить серьезные усилия для того, чтобы разобраться в предмете будущего разговора. Пытаться заранее обучать устного переводчика специальным, например, техническим, темам, я думаю, не стоит: с чем именно ему придется столкнуться в жизни, непредсказуемо. Нужно научить его быстро и эффективно *добывать* такую информацию по любой конкретной теме.

Начинающему переводчику конференций, которому предстоит работать как фрилансеру, постоянно меняя тематики, аудитории и заказчиков, я могу посоветовать обратить самое пристальное внимание на две дисциплины, о которых часто забывают: историю и географию. Дело в том, что устный переводчик, который совершил ошибку в работе из-за того, что не знал технического термина — это всего лишь переводчик, который не знал конкретного термина. Досадно, конечно, но кто же может знать все термины? А вот переводчик, который принародно скомкал часть выступления оратора или сказал глупость из-за того, что не ориентируется в географии или незнаком с историей, продемонстрировал, что он... плохо образованный человек. А это ему непременно припомнят.

Что нужно делать? С географией несколько проще. Нужно обзавестись картой мира на своем рабочем языке, повесить ее на стену в удобном месте и почаще рассматривать, читая названия (и не забывать в сложных случаях проверять, как они произносятся). И сталкиваясь в любых источниках информации с географическими названиями и понятиями, непременно «привязывать» их к карте. Где именно идет война с террористами в Сирии? Какие страны с ней граничат? Откуда и куда пройдет Северный морской путь? А нельзя ли преодолеть то же расстояние по железной дороге? А как сейчас плавают суда из Европы в Южную Корею? С какими трудностями они встречаются на этом пути? Карта — это прекрасный способ связать вместе самые разные знания о мире.

С историей дело сложнее: слишком уж обширный предмет, бесконечное количество тем и деталей. Но тем не менее, постепенно, при помощи чтения хотя бы популярной литературы и просмотра видео, нужно привести в рабочий порядок в своей голове (и снабдить необходимой двуязычной терминологией!) и историю России, и историю страны (стран) рабочего языка (языков), и историю контактов России с этими странами, и отдельно геополитическую историю XX и XXI века. А еще есть исторические темы, которые переживают всплески популярности в связи с каким-нибудь юбилеем или из-за привязки к текущим событиям, так что редкий оратор не упомянет это в зачине своей речи «совсем о другом»: то все вспоминают о столетии начала Первой Мировой войны, то на первый план выходят подвиги Симона Боливара...

Как изменило труд переводчиков развитие информационных технологий? Какие из новых технологий Вы считаете наиболее полезными, а от каких были бы рады отказаться?

Разумеется, никто не будет спорить, что электронные способы доступа к информационным и справочным ресурсам чрезвычайно полезны переводчику: электронные словари, Интернет и так далее. Но это всё вещи, которые устный переводчик использует *прежде*, чем приступит к своей работе.

Рискую прослыть старомодной, но мне кажется, что не нужно форсировать проникновение технических средств в человеческий перевод. Сегодня все говорят, что переводчиков вот-вот заменят компьютеры или даже маленькие программы, работающие через мобильный телефон. Не знаю, но не хотела бы, чтобы это произошло, по крайней мере, на моем веку. Меня вообще больше интересует именно человеческий аспект перевода — то в переводе, что может сделать только человек.

Какие аспекты переводческой деятельности Вы особенно цените?

Вот как раз именно это: что я могу помочь людям понять друг друга, пропустив их мысли и слова через себя и перевоплотившись на эти мгновения в другого человека, чтобы донести его мысль до его слушателей. Получается что-то вроде того «родства», которое возникает при переливании крови от человека к человеку. Все те, кого ты переводил, становятся навсегда частью тебя, даже если они тебя совсем не заметили. А ты потом видишь давнего клиента где-нибудь по телевизору и думаешь: «А ведь когда-то, пусть и недолго, я был тобой — твоим голосом». И почему-то кажется, что ты что-то понял об этом человеке, чего, возможно, не знают другие.

Вот поэтому так тяжело переводить человека злого или глупого: ведь и в такого иной раз приходится перевоплощаться. А потом вычищать это из себя.

Что в Вашей работе представляется Вам наиболее сложным и трудным?

Работа устного переводчика — это экзамен, который ты сдаешь каждый день. И твои вчерашние заслуги никак не оправдывают твоих сегодняшних ошибок и недоработок, если ты их себе позволяешь. Люди доверяют тебе, и нельзя их подвести.

Мне кажется очень важной вот такая мысль: в переводе нет «генералов». Каким бы ты ни был заслуженным и опытным, если ты выходишь на работу с клиентом, ты никому ничего не можешь перепоручить, все равно придется всё делать самому, как и в самый первый день твоей работы. И каждый день себе и другим доказывать, что ты это можешь.

Не могли бы Вы привести пример переводческой неудачи или самой сложной или курьезной переводческой ситуации, с которой Вы столкнулись в Вашей практике?

Такой вопрос часто задают переводчику. Видимо, дело в том, что широкой публике трудно оценить переводческие победы — они как раз и славны тем, что переводчик сумел сделать так, что говорящие и слушающие перестали его замечать и чувствовали, будто общаются напрямую. А вот переводческое поражение, видимо, более наглядно. Как бы то ни было, я за годы своей работы не накопила эффектных анекдотов.

Могу, впрочем, рассказать курьезную историю, о которой я уже не раз говорила моим студентам. Дело было на публичной лекции, которую читал в Москве один очень-очень известный и очень немолодой американский психолог, знаменитый еще и тем, что он сочиняет романы, где все действие происходит в кабинете

психоаналитика. Организаторы лекции арендовали большой зал, в котором обычно проходят концерты и дискотеки, и продавали входные билеты по таким ценам, которые не позволяет себе и Большой театр, и при этом ухитрились собрать столько народа, что зрители стояли в проходах и свисали через перила балконов. Но организаторы пожалели денег на аренду нужного количества приемников для перевода; их не хватило на всех. И вот переводчика (меня) в последнюю минуту перед началом выволокли из синхронной кабины, где я должна была работать, и объявили в микрофон на весь зал: «А вот сейчас переводчик выйдет на сцену — и мы начнем!» Пришлось выходить. Но там обнаружилось, что девяностолетнюю знаменитость поместили за одним столиком посреди сцены, а меня за другим, с отдельным микрофоном, метрах в трех от него. Это бы ничего, но микрофон, который поставили перед лектором, оказался направленный, весь звук уходил в зал, а мне рядом на сцене не было слышно практически ничего, кроме эха. При попытке что-то переспросить выяснилось, что великий человек глух, а слуховой аппарат у него с противоположной от меня стороны. А уж когда он, продолжая читать по своему конспекту, подпер щечку хрупкой лапкой, и мне стало его еще и не видно, дела пошли совсем скверно. И все-таки он прочитал свою двухчасовую лекцию, а я его перевела на тысячный зал. Как это удалось? Да очень просто: накануне вечером я несколько часов смотрела видеозаписи его выступлений в Интернете, рассудив, что вряд ли он в последние годы говорит каждый раз что-то новое...

Какой совет Вы бы хотели дать начинающим переводчикам?

Главное — это любовь. Нужно любить своего слушателя и желать ему добра; тогда станет ясно, как нужно перевести сложные места выступления, чтобы ему было понятно. Надо любить своего оратора и стремиться сделать все, чтобы его посыл дошел до аудитории. И, главное, нужно любить свою профессию. Не так уж много на свете профессий, которые заставляют человека проявить себя со всех сторон, задействовать все, что ты знаешь и умеешь. А перевод — это именно такое дело.